Об издании – 2, 3

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431
С56

Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России

Под общей редакцией
доктора юридических наук, доцента В. С. Латыпова

Редакционная коллегия:
В. С. Латыпов, доктор юридических наук, доцент;
И. Д. Бадамшин, кандидат юридических наук, доцент;
Н. В. Маликова, кандидат юридических наук, доцент;
М. К. Нуркаева, кандидат юридических наук;
Т. С. Соколова, б/с, б/з

С56 **Современные проблемы уголовного процесса : пути решения** [Электронное издание] : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 3–4 апреля 2025 года / под общ. ред. В. С. Латыпова. – Электрон. текстовые дан. 702 МБ (3 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1212-5

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников VI Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовного процесса: пути решения».

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431

© Уфимский ЮИ МВД России, 2025

Научное издание

Современные проблемы уголовного процесса: пути решения

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Редакторы	Г. Ф. Сурагулова Р. Р. Гафарова
Корректура, компьютерная верстка	Р. Р. Гафарова
Дизайн обложки	А. Р. Сальманов

Дата подписания к использованию: 30.06.2025

Объем издания: 702 МБ (3 МБ)
Комплектация издания: 1 электрон.опт. диск (CD-R)

Тираж: 10 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

СОДЕРЖАНИЕ

Абакаров Э. А., Нуркаева М. К. РОЛЬ НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ..... 10

Акилов А. Р. ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ ИНСТИТУТА «ХАБЕАС КОРПУС»..... 14

Аминов И. Р. К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ..... 20

Ампенов С. С. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОТВОДОВ И САМООТВОДОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 24

Арсланова А. Р. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ..... 27

Афанасьева А. А. ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА..... 31

Аширбекова М. Т. К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НОВОМУ ОСНОВАНИЮ..... 35

Бадамшин О. И. ОТДЕЛЬНЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 41

Васильченко А. В. ПРИМЕНЕНИЕ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 44

Вологина Е. В. КЛАССИФИКАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ..... 48

Воронина Н. А. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПРАВО НА ДОСТУП ПОТЕРПЕВШЕГО К ПРАВОСУДИЮ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ..... 52

Габзалилов В. Ф., Максимов К. В., Бабин Е. В. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ, СФОРМИРОВАННЫМИ ПО ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ..... 57
Гайнельзянова В. Р. ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ..... 64
Гришин А. В., Чупахина М. Ю. РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗЫВАНИЕ» В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С ПОЗИЦИИ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗЫВАНИЕ» В НАУКЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА..... 68
Гуськова А. Б. ДЕФИНИЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 76
Даровских О. И. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 2025 Г. № 13-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»: КОММЕНТАРИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ..... 80
Дикарев И. С. ОБЪЕКТ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ..... 85
Евдокимова О. В. ОСОБЕННОСТИ СБОРА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА И ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С МОШЕННИЧЕСТВОМ НА ПЛАТФОРМАХ ОНЛАЙН-ЗНАКОМСТВ..... 89
Елизарова Н. С., Петров П. С. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ..... 96
Ендольцева А. В. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НА НЕЕ ВЛИЯЮЩИЕ… 101
Ермолаева Л. Н. ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 106
Жамкова О. Е. ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОКАЗЫВАНИИ ВИНОВНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО..... 110
Журабеков Т. М. ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ИССЛЕДОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В СУДЕ..... 116

Зайцева Е. А. ВНОВЬ О БАЛАНСЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 121
Зуев С. В. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОБЩЕЕ, РАЗЛИЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ..... 128
Иваньяков М. А. ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ..... 132
Игуменов А. С. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РОЗЫСКЕ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ПРИ КРИМИНАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ..... 139
Исанбаев И. С. ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ..... 144
Каримова Г. Ю. ОБЩЕПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ..... 149
Киселев Н. Н. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТАМ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА..... 154
Кузнецова Е. В. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ «ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ» ИТОГОВОГО РЕШЕНИЯ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ..... 160
Кулагин Д. В., Мищенко Е. В. ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ КОНТРАКТА ЛИЦАМИ, СОВЕРШИВШИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ..... 163
Латыпов В. С., Терехов А. Ю. О ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ..... 169
Маликова Н. В. ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ СУДА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА..... 177

Маричева О. В. ЗАЩИТА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ..... 82
Миняшева Г. И. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА»..... 187
Мичурина О. В., Мичурин В. С. О ПРАВИЛЬНОМ ПОНИМАНИИ ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ..... 193
Муминов М. Э. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФИКСАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ НА СТАДИИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ..... 198
Муокото Э., Бадамшин И. Д. ХУЛИГАНСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗИМБАБВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ..... 205
Мурсалимов А. Т. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ..... 208
Мухамедьярова Б. М. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ О БЫТОВОМ НАСИЛИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН..... 212
Мухаметшин А. Ф. СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА..... 219
Назарова М. Д. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ СОБЛЮДЕНИЯ СОРАЗМЕРНОСТИ СТОИМОСТИ АРЕСТОВЫВАЕМОГО ИМУЩЕСТВА ГРЯДУЩИМ ИМУЩЕСТВЕННЫМ ПРИТЯЗАНИЯМ..... 224
Насыров Р. Р., Телицын Н. А. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 229
Нуркаева М. К., Осипова Н. В. ДЕЙСТВИЯ ЗАЩИТНИКА И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ..... 234
Полев М. С., Бадамшин И. Д. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ..... 240
Поляков С. А. ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАНЦЕВ ИЗ НЕДРУЖЕСТ-ВЕННЫХ СТРАН КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 244

Потапова Е. С. ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ УЧАСТНИКОВ, ИМЕЮЩИХ В ДЕЛЕ СОБСТВЕННЫЙ ИЛИ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС..... 249
Рашидов Б. Н. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА..... …… 254
Рябчиков С. А. РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ……. 260
Самородов А. В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОМПЛЕКСНЫХ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ НЕСОВЕРШЕН-НОЛЕТНИХ..... 266
Саханова Н. Т., Молдыбаева Р. Б. ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ……..... 270
Саханова Н. Т., Жумагулов А. Г. БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: НОВЫЕ МЕТОДЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ..... 276
Свяженина А. А. ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК ГУМАННОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.....…….. 282
Семенов Е. А. ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....…… 286
Сидорик Н. П. ИНСТИТУТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ…… 290
Соколова Т. С. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА……... 296
Сологубов А. Ю. ОБРАЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОТ ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ..... 300
Спирин А. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....……..... 305
Степанова А. А. ПРАВО – НЕ ТОЛЬКО КАК ИДЕЯ…..... 312

Сухарева Е. В., Шиянов А. Ю. ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ..... 315
Сучков А. И. ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЕЕ РОСПУСКА..... 321
Таршева М. Н. ПРОЦЕДУРА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ..... 324
Телигисова С. С. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ..... 330
Тингаева И. В., Назаров М. П. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ..... 335
Тингаева И. В. Файрушина Р. Д. ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ..... 341
Хаметова А. Р. К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО..... 345
Химичева О. В., Сумин А. А. О ДИСКУССИОННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ТЕРМИНА «ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»..... 350
Хусаинов Р. Р. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПРОС» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ..... 354
Шапошников А. Ю. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА» В ЦЕНТРАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 359
Шарифзода М. С. ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН..... 363
Яковлева К. Ю. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ..... 369
Якубина Ю. П., Михайлова А. В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ..... 375

УДК 343.14

Абакаров Э. А. – старший прокурор отдела по надзору за соблюдением прав и свобод граждан управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Республики Башкортостан (Россия, г. Уфа);
Нуркаева М. К. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

РОЛЬ НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ

THE ROLE OF NON-PROCEDURAL ACTIONS IN PROVIDING EVIDENCE AT PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS: OPERATIONAL SEARCH MEASURES IN THE SYSTEM OF EVIDENCE

Аннотация. В статье рассматривается значение таких непроцессуальных действий при доказывании в досудебных стадиях уголовного процесса как оперативно-розыскные мероприятия, которые приобретают самостоятельное доказательственное значение при соблюдении определенных условий.

Abstract. The article examines the importance of such non-procedural actions in proving in the pre-trial stages of criminal proceedings as operational-search measures, which acquire independent evidentiary value if certain conditions are met.

Ключевые слова: доказывание, непроцессуальные действия, условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательства.

Key words: proof, non-procedural actions, conditions for using the results of orders as evidence.

Нормативная основа для применения результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в доказывании по уголовным делам обусловлена положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] и Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ № 144) [2].

Тем не менее в уголовном процессе используются не все аспекты оперативно-розыскной деятельности, а лишь результаты конкретных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Существующие правовые нормы, регулирующие интеграцию результатов ОРМ в систему доказательств, демонстрируют некоторую неоптимальность. В частности, ст. 89 УПК РФ устанавливает запрет на использование результатов ОРД, которые не соответствуют установленным требованиям к доказательствам. Эта статья содержит противоречие, поскольку с одной стороны она носит запретительный характер, а с другой – допускает использование результатов ОРМ при соблюдении определенных условий.

В уголовно-процессуальном кодексе существует множество проблем в процессе доказывания. Одной из главных проблем является использование результатов ОРД в качестве доказательства. Согласно ст. 89 УПК РФ такое использование запрещено. Но также данная статья конкретизирует их роль в процессе доказывания, а именно использование оперативной информации запрещено только в том случае, если не отвечают требованиям, предъявленным к доказательствам согласно нормам УПК РФ. Как говорилось ранее, такими требованиями являются относимость и допустимость. Результаты ОРД не отвечают этим требованиям, исходя из этого не могут использоваться в качестве доказательства. Однако согласно ст. 11 ФЗ №144 результаты ОРД могут быть использоваться в качестве основания для возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 140 УПК РФ основанием является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, что означает признание полученной информации о преступление достоверной и достаточной для начала уголовного процесса. Исходя из этого мы видим, что ФЗ № 144 в ст. 11 подразумевает использование результатов ОРД в качестве доказательства в случае, если они выступают в роле основания, что противоречит нормам УПК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 31 октября 1995 года № 8 уточнил, что результаты ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, могут быть приняты как доказательства только при условии их получения с судебного разрешения и последующей проверке следственными органами в соответствии с нормами УПК РФ (п. 14) [3]. Особое внимание стоит уделить различию в формулировках законов и постановления Пленума Верховного Суда.

Законодательство говорит об использовании результатов ОРД «в процессе доказывания», тогда как постановление Верховного Суда Российской Федерации упоминает их использование «в качестве доказательств». Эти выражения имеют существенное отличие: использование результатов ОРД «в качестве доказательств» предполагает их непосредственное признание в качестве доказательств в уголовном деле, в то время как термин «в процессе доказывания» может интерпретироваться как при-

менение данных результатов для выявления источников доказательственной информации.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, согласно которой проведение оперативно-розыскных мероприятий не должно подменять процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом (п. 2.2) [4]. Это мнение разделяет и В. И. Зажицкий, отмечающий, что использование результатов ОРД не должно приводить к слиянию с процессуальными средствами и методами раскрытия преступлений [5, с. 9].

Однако в некоторых случаях оперативно-розыскные мероприятия могут заменять следственные действия, когда их проведение объективно невозможно. Для этого необходимо разработать систему требований, позволяющих использовать результаты ОРМ в доказывании по уголовным делам.

Приобретение результатами ОРМ самостоятельного доказательственного значения подтверждается поэтапно, каждый этап предполагает оценку определенных обстоятельств. Первое условие – невозможность производства следственных действий для получения значимой для доказывания информации. Следственные действия являются основным средством доказывания, а оперативно-розыскные мероприятия – дополнительным. Проведение ОРМ для непосредственного собирания доказательств допустимо лишь в особых ситуациях, когда следственные действия невозможны.

Вынужденное замещение следственных действий ОРМ характеризуется несколькими признаками: поступлением сведений о совершении преступления, необходимостью проверки этих сведений и фиксации выявленных следов преступления, невозможностью собирания и фиксации следов преступления следственными действиями, и наличием правовых и фактических оснований для проведения ОРМ с целью выявления и документирования обстоятельств.

Таким образом, для того чтобы результаты ОРМ могли иметь доказательственное значение, необходимо учитывать ряд условий и следовать определенным этапам проверки и подтверждения достоверности информации. Это позволит избежать слияния следственных действий и ОРМ, а также включить последние в систему средств доказывания.

Существуют различные типы замещения следственных действий ОРМ.

1. Предварительное замещение происходит, когда проведение следственных действий еще не разрешено законом, например, до возбуждения уголовного дела.

2. Параллельное замещение возникает, когда в процессе предварительного расследования выявляются сведения о других преступлениях, которые не покрываются текущим уголовным преследованием.

3. Форсированное замещение описывает ситуации, где невозможно провести следственное действие из-за определенных обстоятельств. Эти случаи являются исключением и допустимы только при наличии специфических условий, например, при получении образцов для сравнительного исследования при отказе обвиняемого предоставить их добровольно. При этом законность такого порядка подтверждена Верховным Судом Российской Федерации, при условии, что принадлежность образца лицу документально зафиксирована оперативными сотрудниками [6].

Форсированное замещение не применимо для замены вербальных следственных действий, так как последние связаны с получением информации, отраженной в сознании человека. Процесс передачи такой информации тесно связан с личностью ее носителя. В отличие от этого, такие ОРМ, как опросы, фактически заменяют следственные действия. Сбор образцов для сравнения не связан с фиксацией информации о совершении преступления, и человек, у которого изымаются образцы, рассматривается как объект материального мира, что не умаляет его права как живого субъекта и не исключает его уникальные человеческие характеристики.

Дополнительно использование результатов ОРМ в доказывании допустимо, если подтверждено полное извлечение информации из источника в ходе проведения оперативного мероприятия. В противном случае результаты этих мероприятий служат только как фактическая основа для следственных действий и имеют ориентирующее значение. Требуется также соблюдение содержательных требований к ОРМ, включая наличие общих условий их проведения, соответствие целям ОРД и исключение провокаций. Это требование имеет не только формальный, но и содержательный характер, отражая суть познавательных операций, проведенных в ходе мероприятий.

Подводя итог, можно говорить, что ОРМ играют важную роль в системе средств доказывания, помогая выявлять и собирать информацию для установления обстоятельств преступления и участников преступной деятельности. Однако при их проведении необходимо строго соблюдать законность и защиту прав граждан в целях предотвращения злоупотреблений и нарушений конституционных прав.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон Рос. Феде-

рации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июля 1995 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября г. 1995 № 8 (ред. от 3 марта 2015 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фуфаева Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 2699-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве : теория и практика. СПБ. : Юридический центр «Пресс», 2006. 441 с.

6. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 10.

© Абакаров Э. А., 2025
© Нуркаева М. К., 2025

УДК 343.1

Акилов А. Р. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан, г. Ташкент)

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ ИНСТИТУТА «ХАБЕАС КОРПУС»

PROBLEMS OF INTRODUCING THE HABEAS CORPUS INSTITUTE IN UZBEKISTAN

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с внедрением в уголовный процесс Узбекистана общепризнанного в международном демократическом сообществе института «Хабеас корпус» – одного из эф-

фективнейших механизмов защиты прав и свобод граждан от необоснованных действий в ходе досудебного разрешения уголовного дела.

Abstract. The article discusses issues related to the introduction of the Habeas Corpus institute, generally recognized in the international democratic community, into the criminal process of Uzbekistan, one of the most effective mechanisms for protecting citizens' rights and freedoms from unjustified actions during the pre-trial resolution of a criminal case.

Ключевые слова:преступление, уголовный процесс, хабеас корпус, заключение под стражу, арест, суд, прокурор

Keywords: crime, criminal procedure, habeas corpus, detention, arrest, court, attorney.

С момента обретения независимости Узбекистан, как и все постсоветские страны, взял курс на построение демократического правового государства, основанного на рыночной экономике, и формирование основ сильного гражданского общества.

При этом одним из приоритетных направлений демократизации страны была определена реформа отечественной системы уголовного процесса, ее модернизация с учетом общепризнанных в международном демократическом сообществе принципов и стандартов обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан, а также внедрение наилучших зарубежных практик.

В этой связи в 2008 году в Узбекистане вступил в силу закон, предусматривающий передачу от прокуроров судам по уголовным делам права санкционирования такой меры пресечения, как заключение под стражу лиц, совершивших преступления. Данная мера была объявлена как внедрение института «Хабеас корпус» в уголовный процесс.

Примерно такая же практика сформировалась и в ряде других постсоветских странах, в частности, в России (ст.ст. 29,108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), Казахстане (ст. 53,147 Уголовно-процессуального кодекса Казахстана (далее – УПК Казахстана)), где судам по уголовным делам предоставлено право санкционировать заключение под стражу лиц в качестве меры пресечения.

Такая практика, на наш взгляд, не соответствует ни практике зарубежных демократических стран, ни современной научной концепции института «Хабеас корпус» по следующим основаниям.

1. Процедура «Хабеас корпус» направлена не на санкционирование меры пресечения в виде заключения под стражу (а теперь еще и домашнего ареста), а на изучение обоснованности уже примененной данной меры пресечения.

Так, суть документа, предусматривающего применение института «Хабеас корпус» «Акта о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями», сводится к тому, что «…в случае

несогласия с арестом любой подданный английской короны получал право обращения к одному из верховных судей лично или через представителя с просьбой, которая подавалась в письменном виде. Обратившийся просил о выдаче приказа должностному лицу, в ведении которого обратившийся находился. Приказ, получивший название Habeas corpus, обязывал должностное лицо (шерифа, тюремщика) в установленный срок (от трех до двадцати дней) доставить арестованного в соответствующий суд и дать обоснование задержанию. Судья в срок не более 2 дней при личном присутствии арестованного принимал решение относительно его дальнейшей судьбы: арестованный либо освобождался, либо подлежал возвращению в тюрьму, либо мог быть отпущен на свободу при условии поручительства и внесения денежного залога, принимая на себя обязательство о явке в суд на ближайшую сессию для рассмотрения судом его дела» [1].

В этой связи мы полностью солидарны с мнением В. В. Кучмы, который считает, что «Непосредственная цель принятия акта Хабеас корпус была «сугубо прагматичной и утилитарной – защитить от неправомерных арестов и произвола королевской администрации лидеров вигской оппозиции» [2].

2. Ни в одной из зарубежных демократических стран процедура «Хабеас корпус» не применяется судами по уголовным делам.

В зарубежной практике процедура «Хабеас корпус» применяется специальными судебными органами: магистратами, Большим жюри – в странах англо-саксонской правовой семьи, магистратами, следственными судьями – в странах романо-германской правовой семьи, которые изучают законность (обоснованность) уже произведенного задержания или ареста граждан и в случае признания этого действия:

законным – выдают судебный приказ (хабеас корпус) об обоснованности меры на основании которого это лицо может содержаться под стражей;

незаконным – дают предписание о незамедлительном освобождении лица.

В настоящее время вышеуказанные специальные судебные органы, в случае законности задержания или ареста, также вправе заменить данную меру на залог либо домашний арест.

Процедура «Хабеас корпус» широко применяется в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и почти во всех странах континентальной Европы. Она получила закрепление в конституциях и законодательстве Германии, Италии, Испании, Австрии и других стран. Соответствующие нормы содержатся также в специальных законах о возмещении государством материального и морального ущерба за незаконный арест.

Процедура «Хабеас корпус» нашла отражение и в Международных пактах, и региональных конвенциях по правам человека. Так, в п. 4 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод запи-

сано следующее: «Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд быстро решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно». Вот такова, в общих словах, процедура «Хабеас корпус» в зарубежных странах.

3. Задержание и арест в зарубежных странах по-прежнему осуществляют полиция и прокуроры.

Имеет ли она что-то общее с отечественной практикой применения «хабеас корпус» судами по уголовным делам? Не имеет, так как, исходя из вышеизложенной зарубежной практики:

во-первых, судьи по уголовным делам не участвуют в процедуре «Хабеас корпус»;

во-вторых, судьи по уголовным делам не заключают граждан под стражу.

На Западе никогда не менялась практика – граждан, совершивших преступления, задерживали и арестовывали полицейские и прокуроры. Более того, попытка поменять данную практику и передать такое право судьям по уголовным делам была бы однозначно расценена как посягательство на святая святых правосудия – принцип беспристрастности суда, который выражен в закрытых глазах символов правосудия древнегреческой богини Фемиды или ее древнеримского аналога Юстиции.

Почему же тогда возникла такая ситуация? Что послужило основанием для неправильного внедрения в Узбекистане института «Хабеас корпус»?

На наш взгляд, основная причина кроется в источнике информации об институте. Если обратить внимание на юридическую литературу либо информацию, содержащуюся во всемирной сети Интернет о процедуре «Хабеас корпус» (описывающую, в основном, английскую либо американскую процедуру), то можно убедиться в том, что как в первоисточниках, так и в их переводе на русский язык основным участником данной процедуры указывается суд. И лишь в немногочисленных источниках можно встретить словосочетание как «магистрат суда».

В силу этого многие лица, непосредственно не знакомые с процедурой «Хабеас корпус», сделали и делают неправильный вывод о том, что данная процедура непосредственно связана с судами (судьями) по уголовным делам. Они не понимают, что авторы информации, описывая процедуру «Хабеас корпус», осуществляемую различными специальными судебными органами (магистратом, Большим жюри и др.), **для краткости** обозначают указанные органы словом «суд», имея в виду, что они входят в судебную систему.

В результате в настоящее время по всем уголовным делам, которые рассматриваются (либо были рассмотрены) судьей (судом) по уголовным делам, по которым им ранее была избрана любая мера пресечения (в осо-

бенности, заключение под стражу), нарушается (либо был нарушен) краеугольная и основополагающая основа правосудия – принцип беспристрастности и объективности суда.

Это обстоятельство требует немедленного исправления данного нарушения, пересмотра существующего порядка санкционирования мер пресечения судами по уголовным делам и внедрения института «Хабеас корпус» в ее классическом виде, как он используется в развитых демократических странах.

За последние пять лет благодаря исключительно политической воле и решимости Президента страны Ш. М. Мирзиеева мы начали осознавать, а главное – признавать свои ошибки, допущенные за прошедшие годы независимого пути развития. В этой связи актуальной представляется высказывание о том, что «если страна хочет вылечиться, выздороветь, то она должна набраться смелости назвать правильный диагноз своей болезни» [3].

Глава государства неоднократно озвучивал проблему как фактическое отсутствие оправдательных приговоров в отношении граждан, дела которых были рассмотрены судами по уголовным делам в течение 2008–2017 годов [4]. И почти никто не обратил внимание на то обстоятельство, что отсутствие оправдательных приговоров в судах началось именно с того периода, когда было заявлено о внедрении в нашей стране общепризнанного в демократическом сообществе института «Хабеас корпус», а именно с 2008 года.

Какая связь между этими двумя событиями? Как передача судам по уголовным делам права «дачи санкции» (как называют эту меру в среде правоохранителей) повлиял на резкий отказ судей по уголовным делам выносить оправдательные приговоры?

Дело в том, что передача судам по уголовным делам права «дачи санкции» связала «по рукам и ногам» судей. Ведь трудно себе представить, что судья, который вынес решение о заключении по стражу лица в ходе предварительного следствия (то есть фактически, вынес вердикт о виновности), впоследствии, при рассмотрении уголовного дела в отношении этого же лица (а это обычно так и происходит, в особенности, в судах с одним или двумя судьями) может вынести оправдательный приговор, то есть фактически признать ошибочность своего решения о заключении этого лица под стражу. Это нелогично.

Однако присутствует и вопрос корпоративной солидарности, так как трудно себе представить, чтобы в одном и том же суде один судья санкционировал заключение под стражу лица, а второй – вынес в отношении этого лица оправдательный приговор, за который его коллега может быть наказан. Этого, кстати, не допустит и председатель суда, который также несет ответственность за незаконность заключения лица под стражу.

Подобная же ведомственная солидарность вполне вероятна не только в рамках одного районного суда, но и на уровне всех судов целого региона: Республики Каракалпакстан, областей и г. Ташкента.

Существует и уголовный аспект этого вопроса. Часть 2 ст. 234 Уголовного кодекса Республики Узбекистан предусматривает уголовную ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей.

Так вот, при вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, содержащегося под стражей, автоматически должен рассматриваться вопрос о наличии в действиях судьи, заключившего оправданное лицо под стражу, признаков данного преступления. И тут возникает вопрос: какой судья хотел бы, чтобы в отношении него рассматривался вопрос о привлечении к уголовной ответственности за заведомо незаконное заключение под стражу? Ответ однозначен: никакой.

В этом видится одна из двух основных причин, по которым в течение десяти лет судьи по уголовным делам не выносили оправдательных приговоров (первая причина – это известный всем тотальный контроль, осуществляемый с начала 2000-х годов до 2017 года прокурорами за вынесением судебных решений).

Здесь следует отметить одно «странное обстоятельство». За последние пять лет после высказываний Главы государства об отсутствии оправдательных приговоров, ежегодно стали выноситься многочисленные оправдательные приговоры, в том числе и в отношении лиц, содержавшихся под стражей.

По логике уголовного закона, после их вынесения должны осуществляться **многочисленные** (**равные количеству оправдательных приговоров**) доследственные проверки, по результатам которых – решаться вопросы о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовных дел либо за привлечение следователями или прокурорами невиновного к ответственности (ст. 230 УК), либо судьями – за незаконное заключение под стражу или содержание под стражей (ч. 2 ст. 234 УК).

Однако такая практика почему то не была начата. В связи с чем возникает вопрос – почему нет такого же количества уголовных дел либо «отказных» материалов в отношении следователей, прокуроров или судей, каково количество оправданных лиц, в том числе и ранее содержащихся под стражей?

Это от «незнания» уголовного закона либо логика руководителей правоохранительных органов: выполнить лишь поручение Президента о вынесении оправдательных приговоров и не морочить себе голову последствиями таких решений для следователей, прокуроров и судей.

Полагаем, если с начала практики вынесения оправдательных приговоров автоматически рассматривался вопрос об ответственности, в особенности, судей за незаконное заключение под стражу или содержание под

стражей, то еще в 2017 году у самих судей по уголовным делам возникли бы вопросы: правильно ли в 2008 году был внедрен в стране институт «Хабеас корпус» и право заключения под стражу было отобрано у прокуроров и передано судьям по уголовным делам? Соответствует ли отечественный порядок заключения под стражу зарубежной практике «Хабеас корпус»?

Библиографический список

1. Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus Act) 26 мая 1679 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1660- (дата обращения: 24.03.2025).

2. Кучма В. В. Государство и право Нового времени (XVII–XIX вв.) : курс лекций. Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2002. С. 44.

3. Мысли, цитаты знаменитых врачей. Медицина – сестра философии. М. : Центрполиграф, 2023. С. 68.

4. Мирзиёев Ш. М. Выступление в качестве кандидата в Президенты Узбекистана на съезде Движения предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократической партии Узбекистана 19 октября 2016 г. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2016/10/22/courts/(дата обращения: 24.03.2025).

© Акилов А. Р., 2025

УДК 343.7

Аминов И. Р. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ-ТЕХНОЛОГИЙ

ON THE ISSUE OF PREVENTING ILLEGAL BEHAVIOR IN THE FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Аннотация. В статье приводится ретроспективный анализ зарождения профилактики и предупреждения преступлений и правонарушений в

сфере информационно-телекоммуникационных технологий как отдельного направления государственной политики Российской Федерации; обосновывается динамичность модификации методов профилактики в условиях развития информационного общества; приводится форма реализации превентивных мер.

Abstract. The article provides a retrospective analysis of the origin of prevention and prevention of crimes and offenses in the field of information and telecommunication technologies as a separate area of state policy of the Russian Federation; substantiates the dynamism of modification of prevention methods in the context of the development of the information society; provides a form of implementation of preventive measures.

Ключевые слова: преступность, телекоммуникационные технологии, профилактика, меры воздействия, правоохранительные органы.

Keywords: crime, telecommunication technologies, prevention, measures of influence, law enforcement agencies.

Преступность как свойство человеческого общежития в масштабе мирового уровня его организации имеет место, и, вероятно, будет характеризовать всегда. В условиях многогранности развития всех сфер общественных отношений и их мобильности следует закономерное изменение структуры преступности, ее усложнение с составлением удельной части в сфере телекоммуникационных технологий.

В современном мире стать жертвой злоумышленников куда легче, чем раньше, ведь, к примеру, мошенники могут связаться с вами по телефону либо в сети Интернет. Правоохранительные органы постоянно встречаются с различными вызовами при расследовании и пресечении данных преступлений [1, с. 107].

Поскольку совершаемые преступления как явление носит постоянный характер, неминуемо присущий современной организации жизни общества, поддержание приемлемого его уровня обязательно к выполнению уполномоченными государственными органами и организациями. В контексте этой мысли процесс по «удержанию» противоправного явления в социально допустимых рамках именуется профилактическим направлением деятельности правоохранительных органов.

Преступность динамична, и профилактика ее явления также изменчива. В этом смысле можно говорить об историческом аспекте складывания мер предупредительного характера.

Применительно к отечественной истории можно отметить следующее: начиная с истоков формирования российского государства и вплоть до образования Московского государства, процесс профилактики преступлений строился на карательных началах. Существовало представление о том, что суровое, устрашающее и жестокое наказание вора, производимое

на публику на площадях, будет служить наглядным примером того, что ждет каждого, кто осмелится совершить подобное нарушение.

Позднее, в 1718 году, в городе Санкт-Петербурге Петром I учреждается должность генерал-полицмейстера. О профилактике как о направлении по предупреждению совершения всякого проступка впервые упоминается при правлении Екатерины II. В содержании Наказа Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 года ею преследуется идея, прописанная в работах мыслителей Монтескье и Беккариа, о том, что лучше предупреждать какое-либо правонарушение, чем карать за него. Уже с образованием первых министерств в 1802 году императором Александром I меры превентивного направления были заложены в основу должностных обязанностей по поддержанию правопорядка [2, с. 2376].

В контексте последней высказанной мысли можно заметить, что в ту или иную историческую эпоху вопросу предупреждения противоправного поведения уделялось мало внимания со стороны руководителей аппарата управления. Достаточно продолжительное время главенствовала политика применения насильственных мер за проступок, а практика его недопущения законными методами и принятыми мерами отсутствовала.

В понимании современного устройства жизни общества такое ведение дел в области поддержания законности и правового порядка в корне недопустимо. На сегодняшний день в интересах государства преследуются цели по первоочередному недопущению роста фактов преступного поведения лицами как привычным непосредственным способом, так и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В этом отношении планирование и совершенствование методической основы профилактики преступлений и административных правонарушений строится исходя из той или иной выбранной сферы лавирования злоумышленниками [2].

В рамках обозначенного стоит привести комплекс потенциально «полезных» мер по профилактике и предупреждению преступлений, который, на наш взгляд, наиболее эффективен в нынешних условиях:

1. Проведение периодического оповещения населения о новых «приемах» хищения имущества путем использования средств связи и выхода в сеть Интернет. Данное информирование предполагается проводить в средствах массовой информации в форме рекламного ролика или так называемого «подкаста». Привлечение внимания будет строиться на использовании реальных примеров-фактов совершения преступления с применением современных «трендов» в области медиа, что будет способствовать сохранению в памяти полезной информации.

2. Правовое просвещение граждан в сфере киберпреступности через телепрограммы (преимущественно для лиц старшего поколения), а именно разъяснение в упрощенном варианте законодательства в сфере преступных хищений посредством сети Интернет и средств сотовой связи, приведение иллюстрационных образов тех или иных схем обмана граждан с разъясне-

нием ключевых моментов, на которые следует обратить внимание и прекратить взаимодействие со злоумышленником.

3. Для юных пользователей сетевых технологий с целью предупреждения совершения в отношении них преступлений, в особенности посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних, будут применимы различные методы: беседы, лектории, занятия внеаудиторного типа с педагогом касаемо разъяснений такого статистического ряда преступлений, где объектом посягательства выступают отношения по поводу нравственности, а потенциальным потерпевшим может быть несовершеннолетнее лицо; профилактика совершения подобных инцидентов в отношении подопечных путем разъяснения допустимых моделей поведения, исключающих наступление противоправных последствий.

Таким образом, превенция преступных явлений как одно из направлений деятельности государства имеет исторический характер своего методологического развития. Данный параметр непосредственно подтверждает необходимость непрерывной модификации способов и форм предупредительной деятельности в изменяющихся условиях.

Библиографический список

1. Аминов И. Р. Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере IT-технологий // Право и управление. 2023. № 8. С. 107–111.

2. Емельянов В. М. История профилактики правонарушений в России в дореволюционный период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 2376–2379.

3. Новицкий А. А. Профилактика преступлений в Российской Федерации // Скиф. 2020. № 11 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika (дата обращения: 12.01.2025).

© Аминов И. Р., 2025

УДК 343.1

Ампенов С. С. – старший преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Тюмень)

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОТВОДОВ И САМООТВОДОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE EXISTING PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF RECUSALS AND SELF-RECUSALS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые проблемы института отводов и самоотводов участников уголовного процесса в законодательстве Российской Федерации. В частности, при заявлении отвода судье, единолично рассматривающему дело, или коллегии судей (коллегии присяжных заседателей) в целом. От объективности данных участников зависит справедливость решения по делу.

Abstract. In the article, the author examines some of the problems of the institution of recusals and self-recusals of participants in criminal proceedings in the legislation of the Russian Federation. In particular, when challenging a judge who is solely considering a case, or a panel of judges (a panel of jurors) as a whole. The fairness of the decision in the case depends on the objectivity of these participants.

Ключевые слова: объективность, беспристрастность, отвод, свидетельский иммунитет, тенденциозность, справедливость.

Keywords: objectivity, impartiality, recusal, witness immunity, bias, justice.

С 1 января 2002 года вступил в действие Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. Если в ранее действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФСР) 1960 г. приоритетной задачей уголовного судопроизводства являлось укрепление социалистической законности и охрана интересов общества (ст. 2) [2], то современное развитие уголовно-процессуального законодательства, осуществляемое в условиях демократизации общественных отношений, определяет в качестве первоочередного назначения уголовного судопроизводства

защиту прав и законных интересов личности (ст. 6 УПК РФ). Средством защиты прав и законных интересов личности выступают уголовно-процессуальные гарантии. Одной из гарантий беспристрастной, объективной и справедливой уголовно-процессуальной деятельности является институт отводов и самоотводов. В нем имеются охранительные меры по устранению необъективных лиц от расследования и разрешения уголовных дел. Предвзятое отношение к судьбе человека существенно ухудшает качество работы не только отдельно взятого должностного лица или органа, но и всей правоохранительной системы в целом, вследствие чего у граждан формируется отрицательное отношение к государственным органам. Естественное чувство справедливости, характерное для каждого человека, заставляет учитывать этот нравственный аспект на законодательном уровне. Но УПК РФ не только не разрешил существовавшие ранее в УПК РСФСР проблемы, затрагивающие институт отводов и самоотводов, но и поставил ряд новых вопросов. Так, до настоящего времени отсутствует законодательная формулировка понятия «отвод участника уголовного судопроизводства». Это понятие позволило бы разграничивать сходный с данным институтом институт ходатайств, который также является средством реализации прав и законных интересов личности.

Стоит также отметить, что анализ положений, предусмотренных в ч. 1 ст. 61 УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что нормы об отводах и самоотводах не охватывают стадию возбуждения уголовного дела, так как законодатель в данной норме указал период, на котором возможно исключить необъективных и (или) пристрастных лиц от уголовно-процессуальной деятельности – «при производстве по уголовному делу». Поэтому отвод возможен лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В разделе 7 УПК РФ, регламентирующем стадию возбуждения уголовного дела, правила, касающиеся положений об отводах и самоотводах, отсутствуют [2, с. 46]. Таким образом, имеющийся пробел в законодательстве позволяет должностным лицам, обладающим правом на возбуждение уголовного дела, необоснованно ограничивать доступ пострадавших к правосудию или, наоборот, незаконно привлекать невиновных к уголовной ответственности, что, безусловно, противоречит ст. 52 Конституции РФ.

На наш взгляд, представляется спорным и неоднозначным положение о том, почему законодатель не предоставил участникам уголовного процесса права для отвода свидетеля, обладающего свидетельским иммунитетом. Согласно п. 40 ст. 5 УПК РФ «свидетельский иммунитет – право лица не давать показания против себя и своих близких родственников и в иных случаях, предусмотренных в УПК РФ», носит диспозитивный характер. Если свидетель, обладающий иммунитетом, имея личную неприязнь к своему родственнику или какую-либо экономическую зависимость от него (например, долговые обязательства на большую сумму), воспользовался этим правом и дал показания против родственника – возможен ли в дан-

ном случае отвод этого свидетеля, так как имеются обстоятельства, позволяющие устранить его от производства по уголовному делу (прямая или косвенная заинтересованность в исходе дела, а также наличие родственных отношений)?

Далее в ч. 4 ст. 65 УПК РФ говорится о том, что «отвод, заявленный судье, единолично рассматривающему уголовное дело, разрешается этим же судьей». Эта процедура требует внесения изменений, так как судья, заинтересованный в деле, не может беспристрастно разрешить данное заявление. Таким образом, беспристрастность является одним из важных условий обеспечения объективного, непредвзятого и всестороннего рассмотрения дела и вынесения по нему справедливого и обоснованного решения. Такая же проблема существует при разрешении отвода, заявленного нескольким или всем судьям, рассматривающим уголовное дело коллегиально.

По нашему мнению, существуют проблемы, связанные с заявлением отводов в суде с участием присяжных заседателей.

Интересна формулировка в ч. 12–16 ст. 328 УПК РФ «немотивированного отвода», представляющаяся нам нелогичной, так как само понятие «отвод» характеризуется обоснованностью и мотивированностью. Кроме того, предоставление сторонам права на заявление «немотивированного отвода» кандидатам в присяжные заседатели усложняет дальнейший судебный процесс, если в ходе него по каким-либо причинам (заболевание, смерть и другие) из коллегии присяжных выбыло большее число заседателей, чем имелось запасных.

Далее, на наш взгляд, специфической формой отвода является заявление сторон о тенденциозности коллегии присяжных заседателей, так как тенденциозность служит основанием для роспуска всей коллегии присяжных заседателей. Вместе с тем в ст. 330 УПК РФ не раскрываются критерии (например, когда в коллегии будет преобладать представители одной половой принадлежности, национальности, профессии и другие) или количество присяжных заседателей (например, 1/2, 2/3 или 3/4 коллегии) когда можно говорить о тенденциозности коллегии. Также роспуск коллегии присяжных заседателей по данному основанию является окончательным, так как законом не предусматривается обжалование данного решения судьи.

Таким образом, приведенные проблемы, а также те, что не были затронуты, но существуют в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и касаются норм об отводах и самоотводах, являются значимыми и требуют детальной проработки и последующего устранения.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 (утратил силу).

3. Дежнев А. С. Возможен ли отвод в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. № 1. 2006. С. 46–48.

© Ампенов С. С., 2025

УДК 343.9

Арсланова А. Р. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE USE OF NEURO-LINGUISTIC PROGRAMMING METHODS IN THE COMMISSION OF CRIMES

Аннотация. В представленной статье рассматриваются методы нейролингвистического программирования граждан при совершении преступлений. Выявление факторов, способствующих совершению преступлений с использованием методов нейролингвистического программирования и сфера его применения в преступных целях.

Abstract. This article discusses the methods of neuro-linguistic programming of citizens when committing crimes. Identification of factors contributing to the commission of crimes using neuro-linguistic programming methods and the scope of its use for criminal purposes.

Ключевые слова: нейролингвистическое программирование, психологическое воздействие, телефонные мошенники, психология, коучинг.

Keywords: neurolinguistic programming, psychological impact, phone scams, psychology, coaching.

Исследование и анализ общего фона преступности в Российской Федерации основывается на статистике, которая складывается из данных, предоставляемых органами исполнительной власти.

Из статистических данных МВД России за период с января по декабрь 2024 года следует, что 40 % преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 году, в том числе

тяжких и особо тяжких составов – на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 % [1]. Это общее количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из которых каждое пятое относится к телефонным мошенничествам. Кроме этого, 77 % населения Российской Федерации так или иначе сталкивались с телефонными мошенниками [2]: в ходе телефонного разговора либо посредством СМС-сообщения с различными ссылками, а также сообщения в социальных сетях.

В настоящей статье мы обратим внимание на мошенничества, совершаемые через телефонные звонки, и воздействие на человека в ходе разговора. Согласно статистике, больше половины граждан Российской Федерации подвергались атаке со стороны телефонных мошенников, однако это не означает, что все эти граждане пострадали и понесли имущественный ущерб. Однако из показаний лиц, которые все таки пострадали, следует, что к ним было применено психологическое воздействие в ходе телефонного разговора.

В ходе исследования данного вопроса был установлен интересный факт: истории потерпевших по данной категории преступлений схожи. Фразы «Я был(а), как в тумане», «Я опомнился(лась), когда положил(а) трубку», «Не помню, как оказался(лась) в банке» и другие, говорят о применении психологических манипуляций, практик, воздействий. Наличие таковых дает основание полагать о применении системы нейролингвистического программирования.

Нейролингвистическое программирование (далее НЛП) – это манипуляции, направленные на психику человека с помощью различных методик, которые включают в себя как вербальное так и невербальное воздействие («лингва» – язык, «нейро» – нерв). В арсенал НЛП входит множество способов: голос, запах, прикосновение и др., вызывающих различные эмоциональные реакции. В исследуемой теме нас особо интересует НЛП на определенные действия. Именно программирование на определенные действия преследуют и злоумышленники.

НЛП разработано в 1970 году в Соединенных Штатах Америки (далее – США) Р. Бендлером и Дж. Гриндером [3 с. 5] и получило широкое применение в торговле, сфере рекламы, бизнеса, психологии, также используется различными коучами и др. В обществе при коммуникации применяется сознательное и бессознательное воздействие на граждан. Для общего понимания можно привести примеры бессознательного программирования, которое заключается в применении манипуляторных практик (родители – дети, воспитатели детских садов, учителя – ученики и др.), то есть бессознательная манипуляция с целью программирования на действия.

На сегодняшний день манипуляторные практики осознанно преобразованы в способ управления массами с целью получения выгоды. Со временем в психологии появилась градация психотипов в зависимости от восприятия и психологической чувствительности к техникам НЛП. Основные группы разделены на «визуалов» – это лица, которые воспринимают информацию через образный компонент, к ним наиболее эффективна практика демонстрации; «аудиалы» – лица, которые воспринимают основную информацию через слуховой сенсорный канал, соответственно, в отношении которых наиболее эффективна практика воздействия голоса, звуков, мелодии и др.; «кинестетики» – это лица, которые воспринимают информацию через ощущения (обоняние, осязание, прикосновение, движение) [4].

С появлением в России коучинга данное понятие предполагало консультирование и взаимодействие с клиентом, направленное на раскрытие потенциала и достижение цели. Однако в этом направлении стали работать коучи, основной целью которых было обогащение. Изначально в социальных сетях или на различных интернет площадках распространяется информация рекламного характера, к примеру о том, как преобразовался бизнес у человека после посещения коуча. Это также можно отнести и к коммерческой психологии. В последнее время частная практика в данной сфере набирает обороты, при этом деятельность психолога не всегда ведется квалифицированным специалистом.

На сегодняшний день данные направления деятельности могут маскировать преступную деятельность, где основным инструментом являются практики НЛП, ориентированные на незаконное получение выгоды. Преступления в данной сфере часто латентные, так как граждане неохотно обращаются в правоохранительный органы, ссылаясь на свою доверчивость. Кроме этого, оценить помощь психологического характера и определить ценность консультации в сфере коучинга достаточно сложно. В качестве примера можно привести дело, возбужденное в отношении Аяза Шабутдинова.

Возвращаясь к теме телефонных мошенников, следует выделить ряд факторов, которые способствуют совершению данного рода преступлений: доверчивость, снижение критического мышления, утомление. В роли жертв могут оказаться граждане всех возрастов, вне зависимости от их социального статуса и образования. Исходя из практики потерпевшими по такой категории дел признавались граждане, имеющие ученые степени, звания, сотрудники правоохранительных органов, артисты федерального уровня и др. Определяющим фактором в данном случае является психологическое состояние, а именно успешное применение метода НЛП на определенный психотип. При этом злоумышленники применяют различные методы: подмена номера телефона, сгенерированные видеозвонки, подмена голоса и др., однако самым распространенным является психологическое

воздействие на «жертву». Способы психологического воздействия также имеют свою градацию. Всем известен способ агрессивного запугивания человека о попытках похищения денежных средств и необходимости срочного перевода их на безопасный счет либо «попадание родственника в беду» (при этом уже все знают про этот способ), но именно под психологическим воздействием, снижающим критическое мышление, производят действия по указанию злоумышленников. Также появилось направление, побуждающее на инвестирование денежных средств. Злоумышленник сообщает о возможностях, которые человек может получить, вложив свои денежные средства. В искусственно созданных, благоприятных условиях у человека формируется альтернативный мир в приукрашенном свете, при этом адекватное восприятие действительности теряется и человек начинает обманывать сам себя, переживая положительные эмоции и теряя бдительность. Таким методам НЛП подвержен инфантильный тип личности.

Из практики также следует, что потерпевшими по данной категории дел чаще признаются люди преклонного возраста. Это обусловлено тем, что пожилые граждане быстро вовлекаются в сам разговор, более доверчивы и ответственны. В ходе общения злоумышленник производит «обработку» собеседника, вызывая страх и чувство неизбежности негативных последствий, далее проявляет услужливость, предлагает помощь в решении данной проблемы, создавая иллюзию доверительных отношений, программируя на действия.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что методы нейролингвистического воздействия на человека как само явление не является негативным, однако может быть использовано в преступных целях как неочевидное оружие. На сегодняшний день данный способ совершения преступлений имеет неблагоприятный криминологический прогноз и требует разработки действенных методов предупреждения. Наряду с массовым информированием граждан необходимо обеспечение безопасности абонентов сотовой связи. Например, разработка и внедрение операторами сотовой связи систем обеспечения безопасности абонентов на основе технологий искусственного интеллекта, а также разработка прикладного программного инструментария с использованием нейросети с целью выявления и блокировки звонков и СМС-сообщений.

Библиографический список

1. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics?ysclid=m7vlz63ril500412023 (дата обращения: 24.02.2025).

2. Телефонное мошенничество : мониторинг // ВЦИОМ. Новости. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring (дата обращения: 25.02.2025).
3. Макдермот Я. Введение в НЛП / Я. Макдер-мот, В. Яго. М., 2003.
4. Щеголева М. Е. Определение психотипов личности с использованием экспресс-диагностической методики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1.

© Арсланова А. Р., 2025

УДК 343.132.4

Афанасьева А. А. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

OPTIMIZATION OF THE EVIDENCE COLLECTION PROCESS USING THE RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Аннотация. В статье проанализированы возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе собирания доказательств по уголовным делам в досудебном производстве.

Abstract. The article analyzes the possibilities of using the results of operational investigative activities in the process of collecting evidence in criminal cases in pre-trial proceedings.

Ключевые слова: собирание доказательств, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, уголовное судопроизводство.

Keywords: collection of evidence, operational investigative activities, operational investigative measures, investigative actions, criminal proceedings.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на стадии возбуждения уголовного дела действительно представляет собой важный аспект уголовного процесса [6]. Это связано с тем,

что на начальном этапе расследования необходимо определить наличие или отсутствие оснований для начала уголовного преследования.

Именно на стадии возбуждения уголовного дела результаты ОРД и рапорты оперуполномоченных играют ключевую роль в формировании первоначальной базы для расследования, поэтому необходимо обеспечить тщательный подход к сбору и оформлению результатов оперативной работы, в целях обеспечения их законности и пригодности для дальнейшего использования. На стадии возбуждения уголовного дела результаты ОРД реализуются наиболее активно. Этот этап является ключевым для успешного дальнейшего расследования. Очень часто рапорт оперуполномоченного становится основой для возбуждения уголовного дела и должен быть включен в материалы дела. Документы и объекты, представленные вместе с рапортом, имеют весомое значение в доказывании. Кроме того, результаты ОРД часто становятся основой для формирования доказательственной базы по многим уголовным делам, особенно по сложным преступлениям, таким как экономические и коррупционные. На основании этих результатов проводятся следственные действия (допросы, обыски, выемки и т. д.), направленные на собирание дополнительных доказательств. Замаскированные преступления часто требуют специфических методов раскрытия, которые могут обеспечить только результаты оперативной работы [2]. Необходимо также отметить, что оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) являются одним из основных инструментов для проверки сообщений о преступлениях. Любая информация, которая может указывать на возможное преступление, может стать основанием для проведения ОРМ.

Основная теоретическая проблема, связанная с оптимизацией процесса собирания доказательств на этапах досудебного производства, связана с запретом, сформулированном в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Данная статья запрещает использование результатов ОРД в качестве доказательств в уголовном процессе, если они были получены с нарушением закона или не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Некоторые предлагают отменить существующий запрет и придать результатам ОРД ту же юридическую силу, что и результатам следственных действий, чтобы повысить эффективность досудебного производства [3]. Однако мы считаем, что оптимизация процесса собирания доказательств должна осуществляться с учетом уникальных особенностей каждой из областей, обеспечивая их эффективное и законное взаимодействие. ОРД и уголовно-процессуальное доказывание имеют разные цели и методы, а также осуществляются в разных правовых режимах. ОРД направлено на выявление преступлений и документирование преступной деятельности, тогда как уголовно-процессуальное доказывание – на установление фактов и подтверждение вины лица, совершившего преступление.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством доказательствами являются факты, которые могут подтвердить или опровергнуть обстоятельства дела. Эти факты должны быть собраны и представлены в установленном законом порядке. Сведения, полученные в ходе ОРМ, сами по себе не являются доказательствами, поскольку они могут быть собраны без соблюдения тех процессуальных норм, которые применяются к следственным действиям. Для того, чтобы сведения из ОРМ стали доказательствами, они должны быть подтверждены другими источниками информации и собраны с соблюдением всех процессуальных норм.

Такова и позиция Верховного Суда Российской Федерации: сведения, полученные в результате ОРД, должны быть переданы органам предварительного расследования в строго установленном законом порядке [1]. Для того, чтобы эти сведения могли быть использованы в качестве доказательств в уголовном процессе, требуется закрепление путем проведения соответствующих следственных действий. Верховный Суд Российской Федерации действительно подчеркивает важность соблюдения установленного порядка для того, чтобы результаты ОРД могли получить статус допустимых доказательств в уголовном процессе.

Собирание доказательств из результатов ОРД – это сложный процесс, который включает в себя не только получение информации, но и ее анализ, проверку и формирование доказательной базы на основании норм УПК РФ. Добавление к результатам ОРД результатов следственных действий создает целостную картину по уголовному делу.

Дифференциация оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в контексте российского уголовного процесса действительно является важным аспектом, который обусловлен современными требованиями к защите прав личности [4].

ОРД включает в себя методы, которые могут не соответствовать процессуальным стандартам, установленным для сбора доказательств в рамках уголовного судопроизводства. Применение таких методов может вызвать вопросы о законности и допустимости полученной информации. Признание результатов ОРД в качестве готовых доказательств без должной проверки может привести к нарушениям прав человека, включая возможность злоупотребления полномочиями со стороны правоохранительных органов. Чтобы доказательства стали частью уголовного процесса, они должны пройти через систему проверок и контроля со стороны лиц, ведущих расследование.

Мы считаем, что целесообразно сохранять существующий порядок трансформации результатов ОРД в уголовно-процессуальные доказательства.

Хотелось бы остановиться на отдельных вопросах предоставления результатов ОРД органу предварительного расследования. В частности, требует особого внимания использование результатов ОРМ, проведенных

по судебному решению. Важно наличие соответствующего решения суда, дающего разрешение на проведение ОРД. Данный документ должен содержать обоснование необходимости проведения мероприятий, а также указание на конкретные цели. Мы поддерживаем положение о том, что постановление суда о санкционировании ОРМ имеет доказательственное значение и потому обязательно должно приобщаться к материалам уголовного дела. Более того, закрепление на нормативном уровне требований к комплекту документов, подлежащих передаче органам предварительного расследования, является предметом оптимизации процесса собирания доказательств из сведений, полученных в результате ОРМ. Вместе с результатами проведенных ОРМ должны быть представлены органу предварительного расследования и приобщены к материалам уголовного дела в качестве «иных документов» рапорт и постановление. В связи с чем считаем необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 89 УПК РФ [5] «Использование в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности». Обязательным условием для использования в доказывании результатов ОРД является наличие документов, подтверждающих допустимость и обоснованность проведения ОРМ, объективность, законность его проведения.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. по делу № 2-104/13. URL: http://sudact.ru/vsrf/doc/qNpNI22usjYO/ (дата обращения: 10.02.2025).

2. Григорьев В. Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 48–52.

3. Дзабиев У. К. Обеспечение прав участников досудебного производства при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. С. 63–73.

4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. / А. С. Александров и др. М., 2015. С. 46.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

6. Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 201.

© Афанасьева А. А., 2025

УДК 343.1

Аширбекова М. Т. – профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Саратов)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НОВОМУ ОСНОВАНИЮ

ON THE ISSUE OF ENSURING THE PROPERTY INTERESTS OF THE VICTIM UPON TERMINATION OF THE CRIMINAL CASE ON A NEW BASIS

Аннотация. Новое основание для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренное ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, потребовало от законодателя особого способа применения, предусматривающего этап приостановления предварительного расследования до принятия решения следователем (дознавателем) о прекращении уголовного дела в отношении лиц, указанных в ст. 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Соответственно, заявление потерпевшим (гражданским истцом) гражданского иска и его разрешение в порядке гражданского судопроизводства становится возможным лишь после прекращения уголовного дела. В статье подчеркивается сложность этой проблемы и рассматриваются возможные пути ее разрешения.

Abstract. The new basis for the termination of a criminal case (criminal prosecution) provided for in Article 28.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation required a special method of application from the legislator, which provides for the stage of suspending the preliminary investigation until the investigator (inquirer) decides to terminate the criminal case against the persons specified in Article 78.1 of the Criminal Code. Accordingly, the victim's (civil plaintiff's) statement of a civil claim and its resolution in civil proceedings becomes possible only after the termination of the criminal case. The article highlights the complexity of this problem and discusses possible ways to resolve it.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, потерпевший, ущерб, гражданский иск, приостановление производства.

Keywords: termination of a criminal case, victim, damage, civil action, suspension of proceedings.

Прекращение уголовного дела в досудебном производстве, относясь к форме окончания предварительного расследования, в то же время означает разрешение уголовного дела по существу, которое реализует не суд, а следователь или дознаватель в порядке, предусмотренном законом. Исключением является лишь прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), то есть с применением к обвиняемому судебного штрафа в порядке, предусмотренном нормами Главы 51.1 УПК РФ. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в стадии предварительного расследования, безусловно, благоприятно для обвиняемого (подозреваемого), если только он в принципе соглашается с основанием прекращения по не реабилитирующим основаниям. Соответственно, нормы ч. 2 ст. 27 УПК РФ, которые, кстати, начиная с 2002 года по 2024 год дополнялись, по крайней мере, шесть раз, прямо указывают о недопустимости прекращения уголовного дела (уголовного преследования), если обвиняемый (подозреваемый) возражает против такого исхода дела в досудебном производстве. Придавая значимость такому согласию обвиняемого (подозреваемого), законодатель в ч. 3 ст. 213 УПК РФ указывает, что таковое согласие должно отражаться в постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Впрочем, нормы этой же части указанной статьи предписывают отражать и факт согласия потерпевшего для тех случаев, когда оно требуется, то есть является условием прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Однако надо заметить, что потребность в согласии потерпевшего прямо указывается в законе лишь в одном случае – прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Собственно, на основании соответствующего заявления потерпевшего и его законного представителя следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе принять соответствующее решение, но понятно, что при условиях, указанных в ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (лицо впервые совершило вменяемое ему преступление небольшой и средней тяжести; лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред).

Справедливости ради надо отметить, что при отдельных основаниях не реабилитирующего характера, даже если в законе нет прямого указания на получение согласия потерпевшего, благосклонную реакцию последнего на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) можно ожидать. Это вытекает из самих оснований для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренных нормами ст. 25.1, 28, ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ, которые прямо предусматривают возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением потерпевшему. Иными словами, возмещение ущерба или заглаживание вреда, причинен-

ного преступлением, в указанных случаях само по себе входит в конструкцию основания для прекращения.

Но иное дело – новое основание для прекращения уголовного дела, предусмотренное ст. 28.2 УПК РФ. Оно было введено в УПК РФ Федеральным законом от 23 марта 2024 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3]. Материально-правовая основа для такого прекращения предусмотрена новой же ст. 78.1 УК РФ. В общем виде это основание выражается в изменении обстановки, связанной с преследуемым лицом: оно призывается «на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключение им в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время» (ст. 78. 1 УК РФ, ст. 28.2 УПК РФ).

Не описывая данное основание (поскольку оно уже получило известное освещение в науке уголовно-процессуального права) [1; 2], отметим лишь предпосланные для него особенности в самом порядке прекращения уголовного дела (уголовного преследования). А они заключаются в том, что до прекращения уголовного дела в отношении лица, проходящего военную службу в условиях, указанных в ст. 78. 1 УК РФ, ст. 28.2 УПК РФ, производство по уголовному делу приостанавливается по ходатайству командования воинской части (учреждения) по новому основанию, введенному в п. 3.1 ч. 1, ч. 9 ст. 208 УПК РФ. Собственно, данное основание для приостановления предварительного расследования практически текстуально совпадает с заявленным в законе основанием для освобождения от уголовной ответственности (ст. 78. 1 УК РФ). Иначе говоря, прекращение уголовного дела (уголовного преследования) откладывается на период приостановления уголовного дела, который по смыслу закона должен завершиться с наступлением юридически значимых событий, фиксирующих сам факт несения лицом военной службы в условиях, указанных в ст. 78. 1 УК РФ, ст. 28.2 УПК РФ.

Такие события определены в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, как наступающие: «а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом "а", "в" или "о" пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 5Э-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе"».

Именно эти события, как видится, предстают, во-первых, основанием для возобновления производства по уголовному делу, а во-вторых, условием для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении лиц, указанных в ст.ст. 78. 1 УК РФ, ст. 28.2 УПК РФ. В таком «многоходовом» правоприменительном способе происходит разрешение

уголовно-правового спора в досудебном производстве по рассматриваемому основанию.

Стоит отметить, что новое основание, хотя и является не реабилитирующим и требует согласия обвиняемого (подозреваемого), тем не менее принятие решения субъектами, ведущими досудебное производство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) предстает обязанностью последних. Иначе говоря, в отличие от прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон или же в связи с деятельным раскаянием (ст.ст. 25 и 28 УПК РФ), названные субъекты не наделяются правом дискреционного усмотрения. На этот счет в недавнем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» прямо указывается, что положения ст. 28.2 и п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ «закрепляют гарантии обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований и не допускают в этих случаях составления следователем, дознавателем обвинительного документа» [4].

Ясно, что в этой логике согласия потерпевшего на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) изначально, то есть вовсе не требуется. Получается, что это следует из содержания положений ст. 28.2 УПК РФ, определяющих основание и порядок прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Но признание лица потерпевшим в тех или иных случаях (например, при расследовании хищений или преступлений против личности) означает, что есть основания утверждать, что деликтные правоотношения, вытекающие из причинения потерпевшему ущерба, на уровне выводов предварительного расследования признаются как возникшие.

Понятно, что в таких случаях заявление потерпевшим гражданского иска – законный способ возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда. Никто этот способ не отменял. Собственно, на это указывают и обновленные положения ч. 4 ст. 213 УПК РФ, предписывающие, что и в случае прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по основанию ст. 28.2 УПК РФ следователь (дознаватель) обязаны разъяснить потерпевшему, гражданскому истцу право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства.

Возникает вопрос: а когда? Конечно, тогда, когда названные властные субъекты (следователь – с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель – с согласия прокурора) при наступлении юридически значимых событий, указанных в уголовном законе, то есть в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, возобновляют ранее приостановленное производство по уголовно-

му делу и, соответственно, выносят процессуальное решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Одновременно с вынесением такого решения, означающего окончание производства и разрешение уголовного дела на стадии предварительного расследования, потерпевшему и потенциальному гражданскому истцу разъясняется право на заявление гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. Иными словами, мы имеем дело с отсроченным разрешением самого уголовного дела, с отсроченным разъяснением потерпевшему и потенциальному гражданскому истцу права на предъявление гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства, и еще более отсроченным разрешением гражданского иска, заявленному в связи с видом и размером ущерба, установленным на предварительном расследовании.

Не умаляя судьбоносную для всего общества и государства значимость участия военнослужащих в военных действиях, тем более на современном этапе, нельзя не признать, что для потерпевшего перспектива отсроченного возмещения ущерба, причиненного преступлением, не совсем удобна и мало отвечает его имущественным интересам.

Можно ли потерпевшему и потенциальному гражданскому истцу не дожидаясь прекращения уголовного дела, заявить гражданский иск после уведомления о приостановлении производства по делу? Согласно, ч. 1 ст. 209 УПК РФ потерпевшему, гражданскому истцу об этом объявляется и одновременно разъясняется порядок обжалования постановления о приостановлении. Но вся проблема заключается в том, что заявить гражданский иск сразу же после приостановления предварительного расследования в условиях отсутствия ответчика – лица, в отношении которого уголовное преследование в будущем подлежит прекращению, крайне проблематично.

В то же время, если исходить из того, что по делу уже вынесено постановление о признании того или иного лица потерпевшим, то значит и вид, и размер ущерба определены, а также установлены и основания для гражданского иска. Ясно, что это поле для гражданско-правового спора в суде. Однако, ни одно из процессуальных решений, а именно постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого (если лицу предъявлялось обвинение), собственно само постановление о прекращении уголовного дела по новому основанию, и даже согласие лица на прекращение уголовного дела по смыслу складывающейся судебной практики не могут расцениваться как достаточные доказательства, исчерпывающе устанавливающие состав деликта, то есть гражданско-правового нарушения. Применительно к сходной ситуации Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих решений указывает, что «привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения, – иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности» [6]. Соответственно, суд в порядке гражданского

судопроизводства должен рассмотреть гражданский иск в ординарном порядке с соблюдением всех гарантий ответчика.

В целях защиты имущественных интересов потерпевших в рассматриваемой ситуации в идеале оптимальным видится порядок, при котором одновременно с уведомлением потерпевшего о приостановлении производства по делу могло бы быть получено согласие лица (обвиняемого, подозреваемого) на прекращение уголовного дела, а также его согласие с заявленным гражданским иском, который при этих условиях разрешался бы судом и при отсутствии этого лица, но при наличии его ходатайства, рассмотреть гражданское дело в его отсутствие. Но это в идеале.

Таким же идеальным способом будет добровольное возмещение ущерба потерпевшему, то есть без заявления гражданского иска. Такие случаи на практике встречаются.

Еще одним идеальным способом выступает возмещение ущерба не самим обвиняемым (подозреваемым), а по его просьбе другими лицами. Ясно, что это никак не противоречит закону, поскольку потерпевшему безразлично откуда поступит возмещение причиненного ему ущерба. Такой порядок, можно сказать, поощряется в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 (ред. от 29 ноября 2016 года) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [5], но только применительно к тем основаниям прекращения уголовного дела, конструкция которых охватывает требования о возмещении ущерба либо о заглаживании причиненного вреда.

Как бы то ни было, традиционный и действенный исковой способ остается актуальным и для случаев прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по новому основанию. Негативные моменты могут заключаться в сроках рассмотрения гражданского дела, неявках ответчика в суд по различным причинам, в том числе и в связи с продолжением службы; позитивные же моменты – в благоприятных условиях по исчислению сроков исковой давности в реальной возможности возместить ущерб, поскольку у ответчика будут денежные средства. В любом случае, при принятии решения о приостановлении предварительного расследования лицу в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, должно быть разъяснено, что он может добровольно сам возместить ущерб либо в его интересах это может сделать по его поручение другое лицо.

Библиографический список

1. Аширбекова М. Т. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) как форма поощрения за заслуженное поведение, проявленное обвиняемым // Судебная власть и судоустройство : тенденции

и перспективы правового регулирования : монография / под общей редакцией О. А. Ястребова, Е. Ю. Комлева. М. : РУДН, 2024. С. 302–310.

2. Нуриев И. Н. Новые правила прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), участвующего в специальной военной операции : теоретические и практические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 124–130.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Российская газета. 2024. 27 марта.

4. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39. URL: https://vsrf.ru/documents/own/34136/ (дата обращения: 27.02.2025).

5. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.02.2025).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2023 г. № 16-КГ23-11-К4 (УИД 34RS0001-01-2021-005743-89). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.02.2025).

© Аширбекова М. Т., 2025

УДК 343.132

Бадамшин О. И. – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, г. Казань)

ОТДЕЛЬНЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

SELECTED SUBSTANTIVE ASPECTS OF INTERROGATION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы характеризуется тем фактором, что значение допроса в расследовании уголовного дела сложно переоценить, поскольку он является основным инструментом сбора информации, проверки имеющихся данных и формирования доказа-

тельственной базы. Грамотно проведенный допрос – это залог успешного расследования уголовного дела. Данные обстоятельства, с учетом отдельных специфических признаков, дают нам возможность охарактеризовать некоторые его содержательные аспекты.

Abstract. The relevance of the topic under consideration is characterized by the fact that the importance of interrogation in the investigation of a criminal case is difficult to overestimate, since it is the main tool for collecting information, checking available data and forming an evidence base. A competently conducted interrogation is the key to a successful investigation of a criminal case. These circumstances, taking into account individual specific features, give us the opportunity to characterize some of its substantive aspects.

Ключевые слова: предварительное расследование, следователь, следственное действие, допрос, информация, доказательства.

Keywords: preliminary investigation, investigator, investigative action, interrogation, information, evidence.

Своевременность и полнота реализации следственных действий предопределяет эффективность расследования уголовного дела, от чего в результате непосредственно зависит доказательственная база установления объективной истины, и, соответственно, в конечном итоге, справедливость применяемой меры государственного принуждения.

Одним из наиболее распространенных следственных действий в уголовном судопроизводстве является допрос, производство которого регламентировано главой 26 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и по своему содержанию заключающийся в получении показаний от лица, которое обладает информацией, относящейся к обстоятельствам расследуемого дела.

В качестве оснований проведения допроса выступает осведомленность наделенного необходимыми должностными полномочиями лица о наличии у допрашиваемого сведений, которые могут быть значимыми для расследования уголовного дела. Допрос позволяет получить необходимые данные непосредственно от участников событий или лиц, обладающих сведениями, которые могут быть важны для установления истины. При проведении допроса следователь может получить разнообразную информацию, от подтверждения или опровержения ранее полученных сведений до выявления новых обстоятельств по делу.

Таким образом, главная цель допроса – получение исчерпывающих и объективных показаний, отражающих реальность произошедшего события. Показания служат основой для формирования доказательной базы следствия, а содержащиеся в них факты – непосредственным доказательством вины или невиновности. При оценке значения допроса как следственного действия важно понимать, что для допрашиваемого в определенных случаях он может стать инструментом защиты от имеющихся подозрений о его виновности или предъявленного обвинения [1, с. 194–195].

Круг вопросов, которые дознаватель или следователь задает допрашиваемому, зависит от его процессуального статуса (свидетель, подозреваемый, обвиняемый) и от того, какими сведениями он может располагать. Значение показаний допрашиваемых лиц различно.

Показания потерпевшего позволяют воссоздать картину преступления, описать действия преступника, установить возможных свидетелей.

Свидетельские показания могут дополнить картину произошедшего, подтвердить или опровергнуть уже полученные доказательства.

Показания подозреваемого или обвиняемого – это ключевые доказательства, которые могут как подтвердить вину, так и удостовериться в невиновности лица.

Важно, что показания любого допрашиваемого, даже если это заведомо ложные показания, могут содержать косвенные, но значимые для расследования сведения.

Предмет допроса охватывает широкий круг вопросов. Прежде всего, это обстоятельства самого преступления: время и место, способ совершения, наступившие последствия и другие важные обстоятельства (ст. 73 УПК РФ). Кроме того, допрос призван установить или опровергнуть виновность конкретных лиц, определить мотивы их действий и установить влияние этих мотивов на степень и характер ответственности. Важным моментом является определение характера и размера ущерба, причиненного преступлением [2, с. 49]. В предмет допроса также могут входить обстоятельства, которые способствовали совершению преступления, любая иная информация, способная прояснить картину произошедшего события и помочь в установлении истины.

Важно выяснить также обстоятельства, предшествовавшие преступлению, мотивы и цели действий участников, их взаимоотношения, а также любые данные, которые смогут пролить свет на обстоятельства дела и способствовать установлению истины. Например, информация о социальном окружении обвиняемого, материальном положении, привычках и характере может оказаться крайне важной для полного и объективного представления о произошедших событиях [3].

В заключение отметим, что допрос по уголовному делу – это сложный, комплексный и многоступенчатый процесс, требующий непосредственно от следователя высокого профессионализма, глубоких знаний и умения применять соответствующие тактические приемы, соблюдая при этом все необходимые требования уголовно-процессуального законодательства.

Библиографический список

1. Мохоров Д. А., Абдужалилов Г. Ф., Суркис И. В. О практических аспектах проведения допроса // Инновационные научные исследования. 2023. № 3-1 (27). С. 191–198.

2. Карацуба А. В. Понятие и сущность допроса как следственного действия // Систематизация российского законодательства в современных реалиях : сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2018. С. 48–50.

3. Левченко О. Производство неотложных следственных действий : учебное пособие / О. Левченко, А. Камардина. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2012. 261 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=259248 (дата обращения: 17.02.2025).

© Бадамшин О. И., 2025

УДК 343.983.7

Васильченко А. В. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент

ПРИМЕНЕНИЕ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

APPLICATION OF MOLECULAR GENETIC RESEARCH IN DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES: STATUS AND PROSPECTS

Аннотация. В статье изложены вопросы использования метода молекулярно-генетических исследований при раскрытии и расследовании преступлений. Проанализированы методы молекулярно-генетической идентификации, применяемые в Российской Федерации. Рассмотрены перспективы совершенствования применяемых экспертных методик, расширения базы геномной регистрации.

Abstract. The article presents the issues of using the method of molecular genetic research in solving and investigating crimes. The methods of molecular genetic identification used in the Russian Federation are analyzed. The prospects for improving the applied expert methods, expanding the genomic registration base are considered.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая экспертиза, модернизация, ДНК-фенотипирование, секвенирование нового поколения, раскрытие и расследование преступлений.

Keywords: molecular genetic examination, modernization, DNA phenotyping, next-generation sequencing, solving and investigating crimes.

Судебные молекулярно-генетические исследования в настоящее время занимают главенствующее место в идентификации личности. Генетический анализ широко применяется при расследовании преступлений, связанных с сексуальным насилием и убийством. Современная судебная генетика используется для решения вопросов спорного отцовства, идентификации жертв катастроф или пропавших без вести людей. [4, с. 183]. Целью судебного генетического анализа является подтверждение предположения о том, что биологический материал принадлежит конкретному человеку или поиск субъекта с совпадающим профилем из базы геномной регистрации. Метод полимеразной цепной реакции (далее – ПЦР) позволил значительно улучшить процесс ДНК-профилирования, так как он способен амплифицировать за короткое время определенную последовательность ДНК. Образцы ДНК анализируются путем сравнения повторяющихся участков, расположенных за пределами кодирующих участков ДНК. Количество повторяющихся единиц полиморфно, поэтому информация может использоваться для распознавания. Рутинные методы идентификации основаны на анализе коротких тандемных повторов (Short Tandem Repeats) и SNP-профилировании (Single Nucleotide Polymorphisms). Эти методы, которые позволяют идентифицировать и сравнивать определенные участки ДНК. Они используются для создания генетических профилей и сравнения их с базами данных. Широко применяется Гаплотипирование Y-хромосомы. Этот метод используется для анализа мужской линии наследования и особенно полезен в случаях, когда стандартное аутосомное STR-профилирование не дает результатов. Методы STR- или SNP-профилирования, гаплотипирования Y-хромосомы позволяют идентифицировать личности, внесенные в базу геномной регистрациии [3, с. 398].

Внесенные в 2023 и 2024 годах изменения в законодательство Российской Федерации [1, 2], позволили расширить перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации. В настоящее время отделами экспертиз биологических объектов и учетов экспертно-криминалистических центров МВД субъектов Российской Федерации ведется активная работа по пополнению баз геномной регистрации, что в дальнейшем будет способствовать повышению эффективности идентификационных исследований.

Применяемые в настоящее время рутинные методы молекулярно-генетической идентификации имеют недостатки и не могут рассматриваться как идеальные. Поэтому применяемые в Российской Федерации методики нуждаются в дополнении и совершенствовании.

С развитием новых технологий, таких как массовое параллельное секвенирование (MPS), анализ митохондриальной ДНК, методы ДНК-фенотипирования, возможности идентификации личности и прогнозирования внешних характеристик по ДНК становятся все более точными и разнообразными. Эти технологии позволяют работать с образцами, состоя-

щими даже из небольшого числа клеток, и анализировать сильно разложившиеся и смешанные образцы. Также стоит отметить разработку систем микрофлюидного генетического анализа, которые объединяют все этапы обработки образцов в одном устройстве, что упрощает и ускоряет процесс ДНК-типирования на месте преступления. Всё это способствует повышению эффективности и точности судебно-генетических исследований, что делает их незаменимыми инструментами в криминалистике.

Методы ДНК-фенотипирования обладают рядом преимуществ, которые делают их ценными инструментами в криминалистике. В случае отсутствия исследуемых образцов в базе данных геномной регистрации методы ДНК-фенотипирования позволяют получить дополнительную информацию о человеке. ДНК-фенотипирование позволяет прогнозировать внешне видимые характеристики, такие как цвет глаз и кожи, оттенок и структура волос, степень облысения, что помогает создать портрет предполагаемого преступника или жертвы, помочь в его идентификации. Методы ДНК-фенотипирования позволяют определить биогеографическое происхождение субъекта, что может быть полезно в расследованиях, связанных с миграцией или этническим происхождением.

Анализ митохондриальной ДНК (далее – мтДНК), позволяет получать информацию даже из сильно поврежденных разложившихся образцов или смешанных образцов, что расширяет возможности исследования, когда традиционные методы, такие как STR-типирование, не дают достаточной информации. МтДНК наследуется только по материнской линии и присутствует в клетках в гораздо большем количестве копий по сравнению с ядерной ДНК. Это делает её устойчивой к деградации, что особенно полезно при работе с образцами, подвергшимися сильному разложению или воздействию окружающей среды. Основным ограничением мтДНК является её неиндивидуальность. Все родственники по одной материнской линии будут иметь одинаковую мтДНК (если не произошло мутаций). Поэтому мтДНК чаще всего используется для установления общего происхождения, а не для точной идентификации конкретного индивида.

Секвенирование нового поколения (NGS) позволяет одновременно читать миллионы последовательностей ДНК, что существенно ускоряет процесс анализа и делает его более точным. Этот метод особенно полезен при работе с большими объемами данных и сложными биологическими образцами.

Использование программного обеспечения и алгоритмов для анализа больших объемов генетических данных становится неотъемлемой частью судебной генетики. Компьютерное моделирование помогает интерпретировать данные и делать выводы на основе большого количества информации. Последние достижения в области прикладной химии обеспечат доступность систем микрофлюидного генетического анализа, включающих все этапы обработки образцов в одном устройстве.

Вышеуказанные методы вместе создают инструментарий для судебных экспертов, позволяющий решать самые сложные идентификационные задачи. Модернизация инструментация для производства молекулярно-генетических экспертиз является вопросом времени, зависящим от замены устаревшего оборудования, промышленного производства новых реагентов для исследований, подготовку (обучения) персонала лабораторий, совмещение имеющихся в базе исследований с новыми.

Обобщая изложенный материал, необходимо отметить, что генетические идентификационные исследования являются одним из наиболее перспективных методов, позволяющих повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений насильственного характера. Эффективность идентификации зависит как от степени разработанности методов идентификации, так и степени наполненности баз для сравнительных исследований. Законодательство устанавливает исчерпывающий перечень лиц, подлежащих обязательной регистрации. Однако в базу данных внесена лишь небольшая доля от всего населения России. Это обуславливает необходимость пополнения национальной базы геномных исследований за счет дальнейшего расширения категорий, подлежащих обязательной геномной регистрации.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2025).

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2025).

3. Генетические проблемы ДНК-портретирования как части ДНК-фенотипирования : обзор / А. В. Чемерис, А. А. Халиков, Р. Р. Гарафутдинов [и др.] // Судебная медицина. 2024. Т. 10. № 3. С. 398–410.

4. Юрьева К. О. Краткий обзор последних достижений ДНК-фенотипирования в криминалистике // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2024. № 2 (56). С. 183–189.

© Васильченко А. В., 2025

УДК 343.1

Вологина Е. В. – доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Волгоград)

КЛАССИФИКАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

CLASSIFICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE USED IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В данной статье автор рассматривает теоретические подходы в определении различных классификаций специальных знаний, используемых в уголовном процессе. Предложены классификации в зависимости от различных оснований. Автор обосновывает различные классификации в зависимости от вида специальных знаний, от источника от сферы их применения и т. п.

Abstract. In this article, the author considers theoretical approaches in defining various classifications of special knowledge used in criminal proceedings. Classifications are proposed depending on various bases. The author justifies various classifications depending on the type of special knowledge, on the source of their application, on the scope of their application, etc.

Ключевые слова: специальные знания, уголовный процесс, научный прогресс, консультирование, специалист, эксперт, знания в области науки.

Key words: special knowledge, criminal process, scientific progress, counseling, specialist, expert, knowledge in the field of science.

Специальные знания давно применяются в уголовном процессе. Правовая регламентация их применения закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе. Ранее специальные знания классифицировались на основании положений, закрепленных в ст.ст. 78, 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФРС), где содержалось указание на применение сведущими лицами знаний в области науки, техники, ремесла и искусства. В действующем УПК РФ (ст. 67) законодатель не конкретизировал область специальных знаний, однако многие авторы [1], ссылаясь на ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ, также классифи-

цируют их по указанным выше направлениям, подобным образом необоснованно сужая, на наш взгляд, возможные виды специальных знаний.

Специальные знания в контексте судебной экспертной деятельности представляют собой не просто научные знания, но и их практическое применение для решения конкретных задач, возникающих в рамках уголовного судопроизводства. Это система глубокого понимания, выходящая за рамки научной литературы. Они включают в себя как теоретические основы определенной области науки, техники, искусства или ремесла, так и практический опыт их применения в условиях, специальных для судебной практики, это означает возможность идентифицировать научные принципы и правильно их интерпретировать, учитывая все нюансы конкретного уголовного дела, а также умение аргументировано излагать свои выводы, учитывая требования процессуального законодательства [2]. Кроме того, классификация специальных знаний по указанным направлениям в настоящее время, с учетом развития новых технологий, научного прогресса, вызывает сложности отнесения отдельных видов деятельности к перечисленным областям. Например, такое понятие как «ремесло» в контексте применения специальных знаний существенно поменяло свое содержание. В современной трактовке под ним уже понимается не мелкое ручное производство, в основе которого лежит применение примитивных ручных орудий труда, а технологический процесс.

Для выделения разновидностей специальных знаний в доктрине уголовно-процессуального права используются различные основания. Так, в зависимости от профессиональных компетенций сведущего лица выделяют: «1) научное исследование, 2) изучение, 3) мнение специалиста»[3].

В зависимости от области познания Е. В. Селина выделяет специальные знания:

«1) о состоянии человека;

2) из социальной области;

3) криминалистические специальные познания;

4) специальные познания иных областей».

Е. В. Селина также классифицирует специальные знания на такие виды как «образ мышления, научное предвидение, умение ставить неочевидные проблемы, врожденные способности, адаптацию к соответствующему восприятию окружающего мира» [4, с. 29].

Если брать за основу разновидности судебных экспертиз, то специальные знания различаются объектом, предметом, а также методикой их производства [5, с. 163].

В зависимости от отраслевой принадлежности выделяются такие виды специальных знаний, как:

а) отраслевые;

б) комплексные (включающие в себя не только положения каких-либо отраслей знаний, но также их отдельных институтов и предписаний).

Кроме того, в литературе предлагается классификация специальных знаний в зависимости от их обладателя:

а) неправовые знания субъектов, осуществляющих предварительное расследование и правосудие (следователя, дознавателя, прокурора, судьи);

б) юридические специальные знания вышеуказанных лиц;

в) знания педагога, переводчика, эксперта, специалиста и иного сведущего лица [6, с. 299].

Последняя разновидность имеет также подвиды: 1) познания коллективного субъекта (экспертного учреждения); 2) познания индивидуального субъекта.

В зависимости от своего содержания выделяются:

а) специальные знания, имеющие исключительно правовую природу (например, судебная медицина);

б) специальные знания, не имеющие правовой природы (например, искусствоведческие, исторические).

В зависимости от форм использования можно выделить такие разновидности специальных знаний, как:

1) используемые только в уголовно-процессуальных формах, результаты применения которых имеют доказательственное значение;

2) используемые в непроцессуальных формах, результаты применения которых не имеют статуса доказательств.

К последней разновидности можно отнести консультирование различными специалистами адвокатов, так как в п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закреплено право адвоката привлекать специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

Е. В. Иванова предлагает классифицировать специальные знания по степени их значимости для целей расследования. По этому основанию автор выделяет:

« – обязательные специальные знания – знания, использование которых обязательно в силу прямых указаний закона;

– факультативные специальные знания».

Также указанный автор предлагает классифицировать специальные знания в зависимости от особенностей правовой регламентации на:

«а) регламентированные нормами УПК РФ;

б) регламентированные иными федеральными законами;

в) регламентированные ведомственными нормативными правовыми актами;

г) урегулированные межведомственными нормативными актами» [7, с. 204].

Еще одна классификация специальных знаний основана на их содержании и источнике получения:

а) научные, полученные в результате обучения в специализированном учебном заведении или работы сведущего лица в НИИ;

б) специальные знания, которыми обладает ограниченный круг лиц (например, знания в области филателии).

в) национально-этнические (знания обрядов, обычаев, ритуалов).

В зависимости от стадии уголовного судопроизводства, когда возникла необходимость в использовании специальных знаний, выделяются те, которые применяются:

а) в стадии возбуждения уголовного дела;

б) в стадии предварительного расследования преступления;

в) в стадии судебного разбирательства.

Судами был проведен мониторинг по уголовным делам, при рассмотрении которых было назначено 74 529 экспертиз. Из этого числа по инициативе судов было назначено 22,2 % экспертиз в связи с невозможностью вынесения правильного решения без их проведения, включая прямо предусмотренные законом случаи. Так, при рассмотрении уголовного дела № XXXXXX по обвинению Цекалова М. Р. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ судом установлено, что во время производства предварительного следствия не было проведено экспертное исследование по определению психического состояния обвиняемого. Как было установлено, на досудебной стадии не возникла в этом необходимость. Однако в судебном процессе Цекалов М. Р. стал проявлять признаки психического расстройства. В связи с этим суд вынес постановление о назначении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы.

В криминалистике и судебной практике применение специальных знаний является неотъемлемой частью успешного расследования преступлений. Классификация этих знаний сложная задача, поскольку они многогранны и охватывают широкий спектр дисциплин. К сожалению, нет единой универсальной классификации, что обусловлено постоянным развитием науки и техники, а так же появлением новых видов преступлений.

В заключение следует отметить, что критерии классификаций, рассмотренных нами, не являются взаимоисключающими. Часто они переплетаются и дополняют друг друга. Развитие науки и технологий требует постоянного обновления и дополнения существующих классификаций, что бы обеспечить эффективность работы правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Библиографический список

1. Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. М. : Спарк, 2001. Вып. 2. С. 31.

2. Ануфриева А. Д. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юриспруденция XXI века : позиции закона, доктрины

и практики : сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. Иркутск, 1 марта 2023 года. Иркутск : Астерион, 2023. С. 17.

3. Телегина Т. Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2008. С. 182.

4. Селина Е. В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2003. С. 70.

5. Солодилов В. А. Специальные знания в уголовном процессе России : терминология, формы реализации // Альманах молодого исследователя. 2023. № 14. С. 163.

6. Урусов З. Х., Абаев Н. Б. Общая характеристика специальных знаний и их роль в раскрытии преступлений // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 299.

7. Иванова Е. В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12. М., 2016. С. 204.

© Вологина Е. В., 2025

УДК 343.1

Воронина Н. А. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПРАВО НА ДОСТУП ПОТЕРПЕВШЕГО К ПРАВОСУДИЮ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ

CRIMINAL PROCEDURAL MECHANISMS FOR ENSURING THE VICTIM'S RIGHT TO ACCESS JUSTICE: CONCEPT, STRUCTURE, FEATURES OF CONSTRUCTION

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются уголовно-процессуальные механизмы, обеспечивающие право потерпевшего на доступ к правосудию в досудебном уголовном производстве. Автором дается определение – что есть уголовно-процессуальный механизм, обеспечи-

вающий такое право, определяется его структура, а также особенности построения.

Abstract. This article examines criminal procedural mechanisms that ensure the victim's right to access justice in pre-trial criminal proceedings. The author defines what a criminal procedural mechanism is, ensuring such a right, defines its structure, as well as the features of its construction.

Ключевые слова: уголовное процесс, досудебное уголовное производство, потерпевший, право на доступ к правосудию, структура уголовно-процессуальных механизмов, обеспечивающих доступ к правосудию.

Keywords: criminal procedure, pre-trial criminal proceedings, victim, right of access to justice, structure of criminal procedural mechanisms ensuring access to justice.

Право потерпевшего на доступ к правосудию, регламентированное Конституцией Российской Федерации (ст. 52), имеет сложную, неоднородную структуру, которая представлена базовым и субъективными уровнями [3, с. 32–33]. Каждый из этих уровней включает в себя процессуальные права, позволяющие потерпевшему обладать самостоятельным процессуальным статусом, а также принимать активное участие в уголовном процессе. Обеспечить реализацию данного права возможно посредством эффективных уголовно-процессуальных механизмов.

В науке уголовного процесса часто используют термин «уголовно-процессуальный механизм» [2; 5; 6]. Однако, единого (унифицированного) понимания для этой правовой категории в науки уголовного процесса не сформировалось. Полагаем, это связано с тем, что конкретным уголовно-процессуальным отношениям присущ свой механизм реализации, имеющий индивидуальные признаки (например, уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве, уголовно-процессуальный механизм разрешения гражданского иска, уголовно-процессуальный механизм устранения следственных ошибок и др.) [2;5;6].

В этой связи справедливо мнение Л. О. Герасимовой о том, что уголовно-процессуальный механизм имеет узконаправленное значение, несмотря на важность тех отношений, к которым он применяется [4, с. 78].

В данной работе нами будут рассмотрены механизмы, регулирующие узкий круг уголовно-процессуальных отношений, связанных с обеспечением права на доступ потерпевшего к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса.

Под уголовно-процессуальным механизмом, обеспечивающим право на доступ потерпевшего к правосудию (в рамках досудебного производства), следует понимать комплекс правовых средств, регламентирующих деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по обеспечению реализации данного права (например, признание лица потерпевшим; уведомление потерпевшего о принятии процессуальных решений), а также

совокупность прав потерпевшего, позволяющих ему активно участвовать в уголовном процессе (право заявлять ходатайства; приносить жалобы и т. д.).

Полагаем, что такой подход, выраженный во взаимосвязи средств, обеспечивающих деятельность органов и должностных лиц по обеспечению права на доступ к правосудию с совокупностью прав потерпевшего позволяют выделить уголовно-процессуальный механизм обеспечения права потерпевшего на доступ к правосудию в качестве самостоятельного.

Безусловным следует считать, что любой самостоятельно существующий уголовно-процессуальный механизм имеет свою структуру.

В работе Л. О. Герасимовой структура правового механизма представлена в виде совокупности норм, набора средств реализации, системы связей элементов, входящих в структуру данного механизма [4, с. 79].

На наш взгляд, структура уголовно-процессуального механизма обеспечения права на доступ потерпевшего к правосудию включает в себя:

– механизмы, регламентирующие деятельность органов и должностных лиц по обеспечению доступа потерпевших к правосудию в ходе досудебного уголовного производства.

К ним относятся механизмы, обеспечивающие признание лица потерпевшим; механизм уведомления; механизм, направленный на компенсацию причиненного вреда (обеспечительный механизм) и др.

Таким образом, этот уголовно-процессуальный механизм включает в свое содержание совокупность различных механизмов, регламентирующих легитимную, процессуальную деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, участвующих в обеспечении беспрепятственного доступа потерпевших к правосудию на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Содержание уголовно-процессуального механизма, обеспечивающего право на доступ потерпевшего к правосудию, включает еще одну группу механизмов, среди которых следует выделить:

– уголовно-процессуальные механизмы, обеспечивающие активное участие потерпевшего в досудебном уголовном производстве. Эта группа механизмов включает в себя права, входящие в процессуальный статус потерпевшего, то есть к таковым следует отнести: возможность потерпевшего принимать участие в доказывании; право на компенсацию причиненного преступлением вреда; право на заявление ходатайств; право приносить жалобы и др. Эти механизмы позволяют ему не только принимать активное участие в уголовном процессе, в связи с обладанием самостоятельного процессуального статуса, но и влиять на ход расследования.

Стоит отметить, что механизмы, подчиненные и входящие в структуру самостоятельного уголовно-процессуального механизма, обеспечивающего право на доступ потерпевших к правосудию, находятся в тесной

взаимосвязи и имеют единую цель – обеспечить свободный доступ к правосудию.

При разработке новых и совершенствовании уже имеющихся уголовно-процессуальных механизмов, следует исходить из разумного баланса частных и публичных интересов, что обусловлено публично-правовой природой уголовного процесса, а также субсидиарной ролю потерпевшего [3, с. 34].

Полагаем, что недопустимо отдавать предпочтение исключительно какому-то одному виду интересов – частному или публичному. Важен их баланс. Однако в целях обеспечения целостности государственного суверенитета или безопасности страны, допустимо существование в нормах закона уголовно-процессуальных механизмов, ограничивающих, но не нарушающих право на доступ к правосудию. На сегодняшний день такой механизм представлен в ст. 28.2 УПК РФ [1].

Анализ положений данной статьи показал, что позиция потерпевшего не принимается во внимание при принятии решения о прекращении уголовного дела по данному основанию, что ведет к дисбалансу частных и публичных интересов. Безусловно, здесь преобладает общий (публичный) интерес, обусловленный необходимостью обеспечения государственного суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности.

Полагаем, что сохранение баланса частного и публичного интересов является ключевым условием обеспечения беспрепятственного доступа потерпевших к правосудию в уголовном судопроизводстве.

В заключении отметим, что рассмотренные нами уголовно-процессуальные механизмы представляют собой сложную систему, направленную на обеспечение участия потерпевшего в уголовном процессе и защиту его прав уполномоченными органами и должностными лицами.

Эффективное функционирование этих механизмов требует постоянного совершенствования с учетом современных реалий в области науки и правоприменительной практики.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Барова М. А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014. 290 с.

3. Воронина Н. А. Об уровнях и механизмах реализации права потерпевшего на доступ к правосудию в отечественном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал. 2024. С. 32–34.

4. Герасимова Л. О. Уголовно-процессуальный механизм : теоретические основы и логико-правовой анализ понятия // Приволжский научный вестник. 2024. № 11-1 (39). С. 77–81.

5. Назаров А. Д. Перспективы развития уголовно-процессуального механизма устранения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса через баланс судебной, прокурорской и следственной властей // Судебная власть и уголовный процесс. 2024. № 1. С. 50–57.

6. Тарнавский О. А. Уголовно-процессуальный механизм предъявления и разрешения гражданского иска в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 158 с.

© Воронина Н. А., 2025

УДК 343.985

Габзалилов В. Ф. – заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции (Россия, г. Уфа);
Максимов К. В. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, полковник полиции (Россия, г. Уфа);
Бабин Е. В. – начальник отдела Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Челябинской области, подполковник полиции (Россия, г. Челябинск)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ, СФОРМИРОВАННЫМИ ПО ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ

SELECTED ISSUES OF PROOF OF CRIMINAL ACTIVITIES IN THE FIELD OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING GAARRIED OUT BY CRIMINAL COMMUNITIES FORMED BY ETHNICITY

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам формирования доказательственной базы по уголовным делам в отношении членов этнических преступных сообществ, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков.

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the formation of the evidence base in criminal cases against members of ethnic criminal communities specializing in drug trafficking.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, этнические преступные формирования, МВД России.

Keywords: drug trafficking, ethnic criminal groups, Russian Ministry of Internal Affairs.

В условиях возросшего потока прибывающих в страну мигрантов из стран ближнего зарубежья в совокупности с интенсивными внутренними миграционными процессами преступные сообщества (далее – ПС), сформированные по этническому признаку, представляют одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Этнические ПС (преступные организации) являются высшей и наиболее опасной формой организованных этнических формирований. По мнению Кузнецова К. В. организованные этнические преступные формирования – это сплоченные группы представителей одного или нескольких этносов, объединившихся на основе общности социо-культурных признаков, родственных (клановых, тейповых) или иерархических связей и преступных интересов, направленных на достижение тех или иных целей и задач в процессе реализации единой непрерывно осуществляемой противоправной деятельности с ярко выраженной криминальной специализацией, и обладающих, как правило, устойчивыми коррупционными связями с представителями правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления. При этом преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (далее – наркопреступления) занимают второе (после преступлений в сфере экономики) место в преступной специализации этнических преступных формирований. Удельный вес наркопреступлений, совершенных этническими группировками, составляет 20,3 % от общего количества совершенных в Российской Федерации наркопреступлений [1, с. 11, 13].

В 2023 году в составе ПС совершено 1162 наркопреступления, что на 2,7 % больше в сравнении с 2022 годом [2, с. 46].

В процессе доказывания деятельности членов этнических ПС, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков, правоохранительные органы сталкиваются с определенными трудностями, обусловленными наличием присущих исключительно им черт и характеристик, к которым относятся:

– устойчивость и сплоченность преступных формирований, обеспечиваемая этнической общностью;

– высокий уровень конспирации преступной деятельности, выражающийся, в том числе, в применении закрытого принципа их формирования и использования этнических языков для общений;

– прикрытие внешне легальной деятельностью общественных организаций, осуществляющих защиту прав тех или иных этносов;

– круговая порука и активное применение физического насилия в целях поддержания дисциплины и беспрекословного подчинения лидеру;

– межрегиональный и международный характер осуществляемой криминальной активности;

– активное использование современных информационно-телекоммуникационных технологий при организации поставок и осуществлении сделок с наркотиками.

Тем не менее органы государственной власти Российской Федерации, правоохранительные органы наращивают усилия по противодействию организованной этнической преступности, в том числе специализирующейся на незаконном обороте наркотиков.

В качестве примера можно привести пресечение в 2023 году деятельности крупного преступного наркосообщества на территории Челябинской области. В марте 2023 года сотрудниками Федеральной службы войск национальной гвардии в г. Челябинске задержан гражданин Республики Узбекистан, 1997 г. р., который перед задержанием покушался на сбыт 3 г героина путем организации тайника – «закладки». По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [3].

В ходе проведения в дежурные сутки проверочных мероприятий сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Челябинской области (далее – УНК ГУ МВД России по Челябинской области) в результате осмотра изъятого мобильного телефона обнаружена переписка в мессенджерах «WhatsApp» и «Telegram» в виде текстовых и аудиосообщений, а также фотографий тайников. Сохранение и фиксация данной оперативно значимой информации, в том числе доказательственного характера, позволили объективно подтвердить участие фигуранта в роли розничного «закладчика» в преступной группе, осуществлявшей сбыт наркотических средств посредством групп в вышеуказанных мессенджерах, а также различных форумов.

В результате проведения дальнейших оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) совместно с Главным управлением по контролю за оборотом наркотиков МВД России (далее – ГУНК МВД России) задокументировано 74 аналогичных эпизода преступной деятельности, за совершение которых задержано, а впоследствии заключено под стражу 24 лица из числа граждан Киргизской Республики, республик Узбекистан и Таджикистан. Из незаконного оборота изъято свыше 6 кг наркотиков: героина и метадона.

Следует отметить, что работу оперативных сотрудников по сбору доказательной базы и документированию участия задержанных лиц в составе единого организованного ПС существенно осложняла высокая степень конспирации и соблюдение мер безопасности, разработанных организатором, постоянно находящимся за пределами Российской Федерации. В частности, не допускалось обсуждение преступной деятельности по каналам связи, регулярно осуществлялась смена учетных записей, используемых в преступной деятельности при общении с клиентами, а также соуча-

стниками использовались программы, позволяющие сохранить анонимность в сети, использовались вымышленные сетевые имена. В текстовых сообщениях использовались специальные термины, дающие возможность двоякого толкования, но понятные и употребляемые среди членов группы. Кроме того, принцип конспирации заключался и в реализации схемы бесконтактного незаконного сбыта наркотиков.

В связи с тем, что преступная деятельность по сбыту наркотических средств направлена на извлечение материальной выгоды, сотрудниками УНК ГУ МВД России по Челябинской области в рамках оперативного сопровождения уголовных дел первоочередное внимание уделено решению оперативно-тактической задачи по сбору, документированию и анализу финансовых потоков по банковским картам.

Направлены запросы в финансово-кредитные организации по 48 банковским картам, изъятым у фигурантов. В результате документально зафиксировано, что участниками преступного сообщества использовались несколько банковских счетов, на которых аккумулировались крупные суммы денежных средств (преступных доходов), и впоследствии распределялись на иные банковские счета, используемые для финансового обеспечения преступного сообщества и поддержания его материальной базы (так называемые финансовые кошельки преступного сообщества).

Удалось установить, что на банковских счетах указанных карт накапливались денежные средства (преступные доходы), поступающие со всех основных банковских счетов, используемых участниками ПС – «операторских» и «транзитных» банковских карт. Следует пояснить, что под «операторскими» картами подразумеваются банковские карты, используемые для получения денежных средств от приобретателей наркотического средства, а «транзитные» карты использовались участниками ПС в целях конспирации для перевода денежных средств соучастникам.

Анализ выписок движений денежных средств по всем «операторским», «транзитным» картам и по счетам, на которые задержанные участники ПС получали денежное вознаграждение за выполнение своих обязанностей показал, что все участники ПС связаны между собой единой финансовой базой.

В ходе документирования преступной деятельности у всех соучастников в рамках досмотра, проводимого в соответствии с ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также в рамках проведения ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» изымались мобильные телефоны как средства совершения преступления.

В результате проведения ОРМ «Исследование предметов и документов» в мобильных устройствах обнаружена информация, имеющая доказа-

тельственное значение функциональной роли участников – аудиосообщения и переписка со своими кураторами, а также фотографии.

Таким образом, преступная деятельность ПС полностью подтвердилась в ходе ОРМ и следственных действий (признательными показаниями подозреваемых и обвиняемых), информацией, находящейся в мобильных телефонах, изъятых у задержанных лиц, и информацией о движении денежных средств, находящейся на банковских картах, также изъятых у соучастников.

Данное ПС действовало в период с 2021 года по 2023 год на территориях Челябинской, Московской, Свердловской, Курганской, Самарской областей, Пермского края и города Москвы в составе международного этнического ПС, имевшего сложную структуру, в которой все участники были разделены на подразделения (звенья) по своим функциональным обязанностям и совершали преступления под единым руководством лиц, обладающих лидерскими способностями.

Каждое подразделение (звено) ПС было функционально обособленно, состояло из нескольких лиц и выполняло задачи, направленные на совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

«Кураторы» осуществляли контроль за вверенным подразделением (звеном), контролировали размещение наркотического средства в «закладки» в том или ином регионе и передачу наркотического средства следующему подразделению (звену) ПС.

«Межрегиональные курьеры» осуществляли поставки наркотического средства в различные регионы Российской Федерации.

«Оптовые кладовщики» получали партии наркотических средств в особо крупных размерах, организовывали хранение и передавали «межрегиональным курьерам».

«Мелкооптовые кладовщики» смешивали наркотики с различными наполнителями для увеличения массы, фасовали в свертки и организовывали «закладки» с расфасованным наркотическим средством для передачи «закладчикам».

«Закладчики» получали партии расфасованных наркотиков посредством тайников, после чего организовывали «закладки» с наркотическими средствами для передачи за денежное вознаграждение приобретателям.

«Операторы» общались с приобретателями посредством сети «Интернет», сообщали им номера банковских карт для перечисления денежных средств за приобретаемые наркотики, после получения оплаты сообщали адреса «закладок».

Все соучастники, вступая в ПС, осознавали, что действуют под руководством конкретных лиц, выполняли строго отведенные функции – роли, строго соблюдали конспирацию и совершали тяжкие и особо тяжкие преступления на протяжении длительного времени, все их действия были на-

правлены на достижение общей цели, а именно – на получение материальной выгоды от сбыта наркотиков.

Лидером (организатором) указанного международного этнического ПС (преступной организации) являлся гражданин Республики Таджикистан, 1995 г. р., проживающий в Республике Таджикистан.

Контроль за выполнением каждым участником функциональных обязанностей был возложен на «кураторов» подразделений преступного сообщества.

Согласно разработанной преступной схеме лидер ПС приобретал партии концентрированных наркотических средств (героин и метадон), после чего организовывал контрабандные поставки на территорию Российской Федерации; распределял наркотические средства между участниками ПС; назначал на должности и координировал деятельность «кураторов» каждого из подразделений (звеньев) ПС; определял размер вознаграждения, разрабатывал меры конспирации и поощрения. Кроме того, лидер ПС также выполнял обязанности «оператора», лично общался с приобретателями наркотического средства, которым сообщал после получения оплаты адреса организованных «закладок» с наркотическим средством.

Двое «кураторов» подразделений (звеньев) ПС, 1990 г. р. и 1995 г. р., получали от организатора указания и партии наркотических средств для реализации на территории Российской Федерации; принимали на работу участников ПС, выполняющих роли «курьеров», «кладовщиков» и «закладчиков» и разъясняли соучастникам обязанности и меры конспирации; занимались материально-техническим обеспечением каждого участника ПС. Финансирование выделялось непосредственно лидером ПС.

Каждый «куратор» подразделения (звена) ПС также непосредственно ставил задачи своим подчиненным и осуществлял контроль за их исполнением, следил за дисциплиной в своей преступной группе.

Вновь принятых членов в подразделение (звено) ПС – «кладовщиков», «закладчиков», «курьеров» в обязательном порядке обучали посредством общения в мессенджерах, а также при личных встречах процедуре смешивания героина с различными наполнителями для увеличения массы, механизму размещения «закладок» с наркотиками в местах, исключающих их случайное обнаружение или утрату, фотографированию участков местности с привязкой координат, проводился инструктаж по мерам конспирации.

Участники ПС объединялись по следующим признакам: жили в одном дворе, являлись родственниками, совместно осуществляли трудовую деятельность, являлись одноклассниками. Вовлечение в преступную деятельность происходило на доверительных отношениях, что свидетельствует об их намерении заниматься сбытом наркотиков длительное время.

Кроме того, для вовлечения новых членов использовались объявления в сети Интернет, размещенные участниками преступного сообщества в

мессенджерах Telegram, WhatsApp; на роли «закладчиков» трудоустраивали постоянных приобретателей, вызвавших доверие в ходе общения.

Члены ПС соблюдали меры конспирации, общение происходило строго в интернет-мессенджерах при двойном шифровании. «Курьеры» перед каждым выездом в обязательном порядке осматривали автомобили, приобретенные для перевозки наркотического средства, «закладчики» и «кладовщики» должны были сообщать о подозрительных лицах, которые были замечены во время организации «закладок». При переписке и общении в интернет-мессенджерах применялись условные фразы для обозначения действий, связанных с оборотом наркотиков, лишенные смысла для неосведомленных лиц, заработная плата переводилась на банковские карты, открытые на подставных лиц. Применялись меры поощрения, в том числе доплаты и карьерный рост.

В случаях низкой эффективности работы или присвоения части наркотиков в отношении «недобросовестных работников» применялись однократные предупреждения, а также штрафы и отстранение от занимаемой «должности».

Члены ПС оснащались автотранспортом, средствами мобильной связи с оплатой доступа в сеть Интернет, электронными весами и упаковочным материалом, постоянно арендовались различные квартиры, «кураторами» самостоятельно оформлялись и оплачивались заявки в такси, билеты на воздушный и железнодорожный транспорт, выделялись так называемые «суточные», дополнительные средства на бензин и питание.

Каждое преступление тщательно планировалось, перед совершением «куратор» подразделения ПС связывался с исполнителем, которого инструктировал по мерам безопасности и конспирации, о каждом действии исполнитель отчитывался непосредственному «куратору» и постоянно находился на связи для получения дальнейших указаний. В целях конспирации во избежание утечки информации о планах совершения конкретного преступления (получение оптовой партии наркотика, его перевозка в другой регион, фасовка и т. д.) был осведомлен только непосредственный исполнитель.

В результате длительной кропотливой работы всех заинтересованных ведомств уголовное дело в отношении 3 организаторов и 24 участников международного ПС направлено с обвинительным заключением в суд.

Таким образом, в России наработан определенный положительный опыт сбора доказательственной базы по делам в отношении участников этнических преступных наркосообществ, представляющих серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации и негативно влияющим на социально-политическую обстановку в стране. Неотъемлемым условием эффективного противодействия данному виду преступности является слаженное взаимодействие оперативных, следственных и экспертных подразделений, а также использование современных достижений

в сфере информационных технологий в деятельности органов внутренних дел.

Библиографический список

1. Кузнецов К. В. Криминалистическая характеристика и предупреждение этнической организованной преступности : дис. …канд. юрид. наук. М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. 279 с.

2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития // ВНИИ МВД России. М., 2024. 87 с.

3. Экспресс-информация «Об опыте пресечения деятельности международного этнического преступного сообщества Управлением по контролю за оборотом ГУ МВД России по Челябинской области» // ГУНК МВД России. М., 2024. 9 с.

© Габзалилов В. Ф., 2025
© Максимов К. В., 2025
© Бабин Е. В., 2025

УДК 343.1

Гайнельзянова В. Р. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

PRACTICAL ASPECTS OF THE INTERROGATION OF A SUSPECT DURING AN INVESTIGATION OF INTERNATIONAL HEALTH DAMAGE

Аннотация. В статье автором рассматриваются практико-ориентированные и тактические особенности допроса подозреваемого в ходе расследования умышленного причинения вреда здоровью.

Abstract. In the article, the author examines the practice-oriented and tactical features of interrogating a suspect during an investigation of intentional harm to health.

Ключевые слова: расследование, допрос подозреваемого, тактический прием, умышленное причинение вреда здоровью.

Keywords: investigation, interrogation of a suspect, tactical device, intentional infliction of harm to health.

Расследование умышленного причинения вреда здоровью имеет высокую значимость, поскольку указанная категория преступлений напрямую затрагивает права на жизнь и здоровье человека, кроме того является приоритетным направлением для деятельности органов внутренних дел и требует от следователей тщательной и эффективной работы.

По статистике МВД России отмечается, что в 2024 году количество зарегистрированных в Российской Федерации преступлений уменьшилось на 1,8 %. Число противоправных деяний против личности сократилось на 7,7 %, в том числе убийств и покушений на убийство – на 9,8 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 8,1 % [1].

Одним из наиболее емким по содержанию доказательственной информации, уличающей виновность лица или, напротив, опровергающей ее, выступает такое следственное действие, проводимое на первоначальном этапе расследования умышленного причинения вреда здоровью, как допрос подозреваемого.

Само существо допроса подозреваемого завязано на получении подробных сведений касаемо совершенного преступления «от первого лица». В рамках его производства, органам следствия становится доступной та часть данных, которая не могла быть получена иным путем. Такой положительный результат во многом зависит от целого ряда факторов, как: сложившаяся следственная ситуация к моменту производства допроса подозреваемого; выбор способов и тактики проведения следственного действия; психологический настрой допрашиваемого/подозреваемого на дачу правдивых или вводящих в заблуждение следователя показаний и др.

Допрос подозреваемого в совершении умышленного причинения вреда требует от следователя тщательной предварительной подготовки, в том числе и при задержании лица сразу после его совершения. Исходя из этого, следователю необходимо подготовить план допроса, в котором будут отражены вопросы, подлежащие выяснению с учетом специфики указанного вида преступления. В плане желательно предусмотреть ряд тактических приемов, которые могут быть использованы в подобном допросе. Для целенаправленного и эффективного использования предусмотренных в плане тактических приемов, следователю следует подготовить имеющиеся доказательства.

Прежде чем переходить к основной части допроса, целесообразно начать с установления психологического контакта с подозреваемым. Устанавливая психологический контакт с подозреваемым необходимо руководствоваться его индивидуально-психологическими особенностями. При

получении показаний от подозреваемого не следует относиться к ним с предубеждением. Необходимо устанавливать факты не только виновности допрашиваемого, но и обстоятельства оправдательного характера, и смягчающие виновность. В ходе допроса подозреваемого следователю необходимо создать психологически спокойную обстановку, быть достаточно внимательным и требовательным, не допуская проявления негативных эмоций к допрашиваемому. Если подозреваемый признает вину в совершенном преступлении, следователю необходимо предложить ему изложить все обстоятельства происшествия в деталях. Если подозреваемый признает вину частично, то рекомендуется выяснить, с какой частью предъявленного обвинения он согласен, а с какой нет. При этом поинтересоваться, может ли допрашиваемый подтвердить данные им сведения. Часто допрос подозреваемого в умышленном причинении вреда проводится в условиях конфликтной ситуации, в ходе которого допрашиваемый может давать ложные показания, отказываться от дачи показаний, утверждать, что находился в состоянии алкогольного опьянения, поэтому ничего пояснить не может и др.

С целью избегания конфликтных ситуаций, возникающих в процессе допроса подозреваемого, следователю рекомендуется применять тактические приемы, изобличающие во лжи, разработанные учеными-криминалистами, такие как [3, с. 56]:

1. Приемы эмоционального воздействия, то есть побуждение к даче правдивых показаний путем разъяснения негативных последствий лживых показаний, благоприятных последствий в случае признания вины и активного содействия следствию; акцентированию внимания на положительных качествах допрашиваемого; применение антипатии к кому-либо из соучастников; использование метода внезапности путем постановки непредвиденных вопросов.

2. Приемы логического воздействия: предъявление доказательств, которые опровергают показания допрашиваемого лица, максимальная детализация предоставляемых показаний. По рассматриваемому виду преступлений подобными доказательствами могут быть заключения судебных экспертиз, показания соучастников преступления, протокол осмотра места происшествия с фототаблицей и схемами.

3. Тактические комбинации, направленные на их неверную оценку подозреваемым, что всесторонне приводит к разоблачению. При использовании тактических комбинаций появляется возможность утаивания от допрашиваемого факта осведомленности следователя, и тем самым создания ситуации, где подозреваемый может проговориться по выясняемому моменту.

В процессе допроса подозреваемого в умышленном причинении вреда здоровью необходимо выяснить вопросы, касающиеся знакомства, взаимоотношений с потерпевшим; обстоятельств, которые предшествовали

совершению преступления, а также относительно события преступления (наличие конфликта с потерпевшим, его причины, действия потерпевшего, время, место, участники, действия каждого и т. п.); орудия, которые им применялись (вид, способ, последовательность нанесения повреждений т. п.); устанавливается мотив и цель причинения вреда здоровью (наступление каких последствий желал достичь, наличие желания причинить вред и т. п.); действия после преступного деяния (меры, предпринимаемые для сокрытия события и следов преступлений, где скрывался и по какой причине и т. п.). С целью фиксации возникающих конфликтных ситуаций во время допроса лица в качестве подозреваемого рекомендуем использовать технические средства (аудио-, видеозаписи). При анализе протокола допросов всех участников преступления, которые могут фальсифицировать свои показания в ходе предварительного следствия, появляется возможность выяснить тот факт, что следователи не указывают причин, по которым были изменены показания. Вместе с тем при тщательном изучении причин фальсификации сведений можно установить наличие противодействия, оказываемого подозреваемым, а также лицами, связанными с расследованием.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что при правильном планировании и использовании организационных особенностей использования тактических приемов при проведении допроса в ходе расследования причинения вреда здоровью, достигаются цели, которые были поставлены следователем на первоначальном этапе расследования преступления. Вместе с тем предложенный перечень тактических приемов, необходимых для разрешения проблемных ситуаций, складывающихся в ходе его производства при расследовании преступлений указанной категории, позволит повысить эффективность названного следственного действия и понизит количество некачественно расследованных уголовных дел [3, с. 202].

Библиографический список

1. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu siyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-deratsii2024/ (дата обращения: 23.01.2025).

2. Крынин А. А. Тактические особенности производства отдельных следственных действий при расследовании умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 199–203.

3. Соловьев А. Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии. М. : Юрлитинформ, 2002. 192 с.

© Гайнельзянова В. Р., 2025

УДК 343.1

Гришин А. В. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Орел);
Чупахина М. Ю. – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел)

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗЫВАНИЕ» В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С ПОЗИЦИИ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ДОКАЗЫВАНИЕ» В НАУКЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF «PROOF» IN THE SCIENCE OF CRIMINAL PROCEDURE FROM THE POSITION OF HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF «EVIDENCE ACTIVITIES» IN THE SCIENCE OF CRIMINAL PROCEDURE LAW

Аннотация. В статье проводится исследование истории становления процесса доказывания в России, анализ процесса доказывания в современной России, а также изучение отдельных проблем доказывания в настоящее время в России. Поскольку историко-юридическое исследование помогает лучше ориентироваться в правовой природе процесса доказывания, использованы труды ученых процессуалистов, исторические сводки о процессуальных аспектах доказывания и становления института доказывания в России, а также действующее процессуальное законодательство.

Abstract. The article conducts a study of the history of the formation of the process of proof in Russia, an analysis of the process of proof in modern

Russia, as well as a study of individual problems of proof currently in Russia. Since historical and legal research helps to better understand the legal nature of the process of proof, the works of scientific proceduralists, historical reports on the procedural aspects of proof and the formation of the institution of evidence in Russia, as well as current procedural legislation were used.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, доказательства, процесс доказывания, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Keywords: criminal proceedings, proof, evidence, process of proof, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Уголовное судопроизводство – деятельность уполномоченных лиц в соответствии с законом, направленная на расследование и раскрытие преступления с последующим рассмотрением дела в суде.

Один из элементов судопроизводства, имеющий значительную роль – институт доказывания. Значимость данного процесса выводится напрямую из назначения уголовного судопроизводства в целом – зашита прав и интересов лиц и организаций от посягательств, а также защита личности от необоснованного и незаконного уголовного преследования. Правильное и четкое функционирование процесса доказывания позволяет обеспечить выполнение указанных задач.

Цель доказывания – установление истины по делу, а именно, обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Доказывание в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный структурированный процесс по сбору, проверке и дальнейшей оценке полученных доказательств, которые были получены в порядке, установленном процессуальным законодательством в целях установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания.

Существующее на данный момент доказывание в пределах уголовного судопроизводства претерпевало множество изменений, модернизаций в процессе многолетнего развития государства и права.

Говорить об истории становления данного понятия действительно важно, ведь она показывает, какое значение имел институт доказывания в разных временных вехах и как совершенствовался на фоне изменения динамики государства и права в целом.

Корни российской правовой системы находят свое отражение в истоках романо-германской правовой семьи. Рим славился достаточно совершенствованной для того периода системой доказательственного права. Российское законодательство позаимствовало ряд положений.

О первой такой рецепции на русской земле свидетельствует факт подписания договора князем Олегом и императорами Византии – Львом и Александром в 911 году. Данный договор видоизменил некоторые положения о судебных доказательствах. Как следствие, на Руси судебными до-

казательствами признавались клятва, показания свидетелей, розыск, присяга [1, с. 18].

Российский теоретик А. Б. Венгеров [2] считал невозможным существование свободной оценки доказательств, обосновывая это отсутствием механизмов, которые способны исправлять субъективные ошибки правоприменителей [3].

Во времена древнерусского государства судопроизводство имело обвинительный характер, а основным законом выступала «Русская Правда». Доказывание согласно данному акту осуществлялось на основе свидетельских показаний, испытании железом и водой, а также присягой. На тот момент прослеживалось значительное нарушение человеческих прав.

С течением времени с изменением государственного строя менялось и доказывание. Усиление роли государственного аппарата спровоцировало появление других форм доказывания, например, письменные доказательства или повальный обыск. Несмотря на то, что письменные доказательства считаются самыми новыми способами в истории появления различных форм доказывания, они приобретают первостепенное значение. К таким доказательствам в то время закон относил грамоты, кабалы, купчие, крепости и другие.

Изучая историю становления института доказывания в Российском государстве, можно сделать вывод, что доказательственная деятельность породила позицию субъекта доказывания.

Следующие изменения и новшества в исследуемом процессе появились при правлении Ивана III с момента издания нового кодифицированного нормативного акта. Судебник 1947 года установил доказывание с упрощенным характером. В этот период неявка ответчика на судебное разбирательство автоматически признавала его вину, а в случае, если на разбирательство не явился обвинитель, дело в принципе прекращалось.

Новый этап, характеризующийся изменениями в доказывании – Соборное Уложение 1649 года. Соборное Уложение делило доказательства на собственное признание и присягу (свидетельства сторон), а также признания свидетелей, письменные доказательства.

Реформы Петра I приводят к обретению уголовным процессом письменного характера. Значительно возрастает роль письменных доказательств, также появляется система формальных доказательств. Природа такой системы заключалась в том, что закон регламентировал значимость каждого конкретного вида доказательств.

Таким образом, исследуя те или иные доказательства в суде, судье нужно было руководствоваться специализированными нормативными правовыми актами, чтобы определить роль конкретного доказательства по рассматриваемому делу [1, с. 56].

Стоит отметить, что в данный период времени доказательства стали делиться на полные и неполные, а также на совершенные и несовершен-

ные. Собственное признание виновного или осмотр судом его личных вещей признавались наиболее совершенными и имели самое большое доказательственное значение.

К середине XIX века появляется принцип свободной оценки доказательств, который был выведен на основе постановлений по вопросу об оценке отдельных доказательств судом [5, с. 108]. Суд в своем судебном решение обязан был отразить мотивы приоритета одного доказательства по сравнению с другим. На основе вышесказанного можно сделать вывод о появлении принципа судейского убеждения, выраженного на объективной основе по поводу рассмотренного уголовного дела.

Важный момент уголовного судопроизводства тех времен – наличие принципа состязательности, который сохранился до настоящего времени и является неотъемлемым принципом уголовного процесса. Реализация данного принципа в то время осуществлялась путем самостоятельной деятельности сторон, то есть полное невмешательство суда в обсуждение фактов и доказательств, не заявленных ранее. Анализ данного периода позволяет сделать вывод о том, что позиция суда при действии данного принципа весьма пассивна и вся движущая сила процесса заключается в роли сторон [5, с. 95].

Октябрьская революция 1917 года внесла значительные изменения в природу доказательств по уголовным делам. Советское доказательственное право формируется путем изменения российского доказательственного права дореволюционного периода и базируется на его основе.

Народный Комиссариат Юстиции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) 23 июня 1918 года издает инструкцию «Об организации и действии местных районных судов», которая наделяет народный суд правом допуска тех или иных доказательств, имеющих значение для разрешения дела. В этот период доказательствами по делу стали признаваться заключения экспертов, объяснения истца или ответчика, вещественные доказательства. На тот момент инструкция не содержала в себе требования о письменной форме доказательств, а также о порядке их проверки и оценки судом. Однако было закреплено правило о самостоятельности суда при истребовании доказательств. Как следствие, суд становится независимым от воли сторон по вопросам доказательств и оценивает их на основе правосознания [6, с. 597].

25 мая 1922 года принимается Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФСР). Данный процессуальный закон установил принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению суда, которое формируется при рассмотрении совокупности всех обстоятельств дела.

Образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР), развитие республиканского права и расширение общесоюзного законодательства стало отправной точкой для создания единой доктрины в

области доказательственного права. После происходит развитие репрессивной государственной системы, которая оказала непосредственное влияние на доказательственное право России. Объяснением этому тезису служит анализ Постановления Центрального исполнительного комитета СССР от 14 сентября 1937 года. Указанное постановление вносит изменение в действующий УПК, ограничив право обвиняемого на доказывание в определенных уголовных преступлениях.

В 1960 году издается новый УПК РСФСР, сохранивший принципы доказательственного права, а также установивший предмет доказывания и порядок процесса. Наконец, определяется понятие доказательства и закрепляется характеристика видов доказательств [7, с. 131].

Возрождение состязательности как принципа уголовного судопроизводства происходит с принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году. Однако, несмотря на это, отраслевой подход к доказыванию сохраняет свою актуальность.

Подводя итог экскурсу по истории становления доказывания в России можно сделать вывод, что нынешнее доказывание – это результат многолетних трудов поколений юристов-правоведов.

Если же обратить внимание на труды конкретных юристов, то можно выделить следующие теории. Ю. К. Орлов в своих исследованиях установил пять сменяющих друг друга концепций [8, с. 138]:

1) донаучная (архаическая) концепция доказательств;

2) «двойственная» концепция доказательств;

3) логическая модель;

4) информационная концепция доказательств;

5) синтезированная концепция доказательств.

Анализируя данный подход, стоит сказать, что такая периодизация не совсем рациональна, так как не учитывается факт существования нескольких концепций доказательств на одном временном периоде одновременно.

Т. Б. Рамазанов, изучая данный вопрос, выдвигает свою теорию формирования доказательств. Ученый выделил несколько этапов [9, с. 16–23]:

1) возникновение и формирование воззрений дореволюционных ученых в сфере уголовного процесса и института доказывания (1830–1917 годы);

2) становление доказывания в советский период (1917–1991 годы);

3) доказывание со стороны современной позиции ученых (с 1991 года по настоящее время).

Советские процессуалисты активно изучали и развивали идеи доказывания с помощью ленинской теории отражения. Они преобразовали тезис «доказательство – факт» в «доказательство – факт и источник».

В итоге, обобщив мнения многих ученых-правоведов, можно сделать следующий вывод – понятие доказательств имеет двойное значение:

1) доказательство – это факт, с помощью которого устанавливаются обстоятельства, необходимые для разрешения уголовного дела;

2) доказательство – источник, благодаря которому правоохранительные органы получают необходимые для расследования факты;

Еще одна модель доказательственной концепции – смешанная или синтезированная. Природа такой теории выражается в том, что понятие доказательства сосредоточило в себе факты, сведения об этих фактах и их источники.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, исследование трудов советских процессуалистов позволяет понять, что понятие доказательств в уголовном процессе формировалось на основе концепции свободной оценки доказательств. Одна группа ученых считает, что доказательство – это любые факты, имеющие значение для расследуемого дела. Вторая группа юристов придерживается мнения, что доказательство – это и факты, и источники. Третья же группа правоведов констатирует, что доказательство – источник и содержание.

Во-вторых, изучая исторические сводки, можно увидеть отражение института доказывания на законодательном уровне.

В-третьих, нельзя не отметить, что, несмотря на всю динамику мироустройства и изменений государственного аппарата, с течением времени многие позиции, касающиеся института доказывания в России, сохранились и на сегодняшний день и рационально вписываются в современную правовую структуру уголовного судопроизводства.

В XXI веке процесс доказывания в России проработан на достаточно высоком уровне, однако, имеет ряд нерешенных проблем, неточностей и вопросов.

Действующий УПК РФ сосредоточил в себе целую главу, посвященную процессу доказывания по уголовному делу. Статья 85 УПК РФ определила понятие доказывания, которое характеризуется сбором, проверкой и оценкой полученных доказательств в целях установления предмета доказывания [10, с. 127–136].

В частности, нельзя устранить сомнения в достоверности показаний тех или иных участников процесса, допрашивая в качестве свидетелей сотрудников правоохранительных органов о сведениях, ставших им известными от подозреваемого, свидетеля и т. д. Данный факт объясняется тем, что в таком случае указанный сотрудник не имеет должного представления о событии преступления, так как не являлся очевидцем данного обстоятельства и знает о нем лишь со слов иных лиц, а, следовательно, не может отвечать за их правдивость [11].

Следующий проблемный вопрос – дача показаний в отсутствие защитника. В частности, не будут признаны допустимыми доказательства, полученные в ходе допроса (иного процессуального действия) подозревае-

мого без участия защитника, в том числе при отказе от него, в случаях, когда они не подтверждаются им в судебном процессе.

Еще одна проблема – субъективность оценки доказательств на основе «совести», внутренних убеждений и иных моральных аспектов.

Следующий вопрос, отражающий определенную проблему доказывания – является ли обязанностью следователя или суда приобщение к материалам уголовного дела заключений специалиста, а также его допрос?

Допрос специалиста не закреплен в процессуальном кодексе, но отражен в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» [12] и имеет возможный, разрешительный, а не обязательный характер, то есть, специалист может быть допрошен касаемо вопросов, относящихся к его компетенции, но это не является обязательным элементов предварительного расследования и процесса доказывания.

Таким образом, в результате исследования проведен анализ исторического становления и развития процесса доказывания в Российском государстве, исследован процесс доказывания в Российской Федерации на современном этапе, определены проблемы реализации процессуальных аспектов доказывания в России. Определение проблем уголовного доказывания дает основание утверждать, что на сегодняшний момент существуют некоторые сложности при реализации уголовного судопроизводства как в целом, так и в процессе доказывания. Несмотря на то, что институт доказывания имеет богатую историю, это не отменяет факта динамичности права и общественных устоев, а, следовательно, некоторые нормы теряют свою актуальность и требуют изменения и доработки. Помимо этого, появление новых стандартов в плане защиты прав и интересов различных участников судопроизводства требует разработки новых механизмов доказывания, производства расследования и уголовного судопроизводства в целом.

Библиографический список

1. Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс / Е. В. Салогубова. М. : Городец, 2002. С. 18.

2. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М. : Новый Юрист, 1998. 857 с.

3. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М. : Омега-Л, 2002.

4. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А. Я. Вышинский. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрид. изд-во «НКЮ», 1946. С. 56.

5. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. М. : Изд-во братьев Башмаковых, 1917.

6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1918. № 53. С. 597.

7. История отечественного государства и права : учебник. Ч. 2 / под ред. О. И. Чистякова. М. : Изд-во Бек, 1999. С. 131.

8. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2001. 138 с.

9. Рамазанов Т. Б. Понятие доказательства в уголовном процессе : формирование и современное понимание // Вестник Дагестанского университета. Серия 2 : Общественные науки. 2013. № 2. С. 16–23.

10. Гришин А. В. Институт доказывания в современной России и актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе / А. В. Гришин, О. А. Ветрова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 127–136.

11. Давыдова С. А., Мельникова А. С. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // ЮП. 2019. № 2 (89).

12. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гришин А. В., 2025
© Чупахина М. Ю., 2025

УДК 343.13

Гуськова А. Б. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ДЕФИНИЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

DEFINITION OF INFORMATION TECHNOLOGIES USED IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье поднимается проблема отсутствия однозначного определения термина «информационные технологии», что создает теоретические и практически трудности при его использовании. Автором рассматриваются различные подходы к пониманию данного термина и на основе проведенного анализа разрабатывается авторское уточненное понятия информационных технологий в контексте уголовного судопроизводства.

Abstract. The article raises the problem of the lack of an unambiguous definition of the term "information technology", which creates theoretical and practical difficulties in its use. The author examines various approaches to understanding this term and, based on the analysis, develops the author's clarified concept of information technology in the context of criminal proceedings.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, уголовное судопроизводство, технические средства, программное обеспечение.

Keywords: digitalization, information technology, criminal proceedings, information security.

Современное уголовное судопроизводство проживает период значительных изменений, обусловленных внедрением информационных технологий в практическую деятельность. Использование данных технологий открывает широкие перспективы для совершенствования уголовно-процессуальной сферы: повышение эффективности и прозрачности уголовно-процессуальной деятельности, оптимизация содействия правосудию, обеспечение взаимодействия между субъектами уголовного процесса, а также укрепление принципов справедливости и защиты прав граждан.

Важно отметить, что понятие «информационные технологии» стало широко употребляемым, однако его содержание варьируется в зависимости от контекста и сферы применения. Данный термин имеет разную интерпретацию в законе, у отдельных ученых и практических работников, что порождает трудности в его понимании и применении.

Термин «информационные технологии» имеет законодательное закрепление в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому под информационными технологиями следует понимать «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Однако данное определение носит весьма обобщенный характер и, по сути, охватывает любые процессы и методы работы с информацией вне зависимости от их специфической направленности или инструментальной базы. В результате под информационными технологиями в рамках приведенного определения может пониматься практически любая деятельность, связанная с обработкой информации. Так, процесс фиксации доказательственной информации в протоколе при проведении следственного действия теоретически соответствует заявленному определению и является информационной технологией.

В таком широком смысле информационные технологии рассматриваются рядом ученых-процессуалистов. Так, например, Д. А. Натура [2, с. 158], Н. В. Разумов и Д. Г. Запрутин [3, с. 16] рассматривают информационные технологии через призму их инструментального и функционального аспекта, определяя их как совокупность средств, приемов и методов, направленных на собирание (поиск, фиксацию, обнаружение изъятие), обработку и передачу первичной информации по преступлению для получения уголовно-процессуальных доказательств.

По-нашему мнению, такое расширительное толкование информационных технологий не в полной мере отражает их сущность и требует концептуального и содержательного совершенствования определения данного термина.

Обоснованной видится точка зрения А. Ю. Чуриковой, которая связывает сущность информационных технологий преимущественно с использованием средств компьютерной техники и специализированного программного обеспечения. По мнению данного автора, термин «информационные технологии» появился и стал использоваться как раз в связи с применением аппаратного и программного обеспечения в работе с информацией [4, с. 38]. Схожую позицию занимает С. В. Зуев, который, хотя и не дает четкого определения данного термина, прямо связывает его с применением современных цифровых технологий, значительно ускоряющих и упрощающих процесс взаимодействия с информацией в правоприменительной практике [5, с. 101].

В рамках данного подхода важно разграничивать понятие «информационные технологии» и средства их реализации, такие как программное обеспечение или технические средства, поскольку, несмотря на тесную взаимосвязь между ними, они представляют собой различные компоненты системы работы с информацией. Технические средства (к приме-

ру, компьютеры, серверы, мобильные устройства), программное обеспечение (базы данных, специализированные программы и алгоритмы) и т. п. не могут быть отнесены к категории «информационных технологий», поскольку они не представляют собой ни процессы, ни методы работы с информацией. Они выполняют инструментальную функцию и обеспечивают выполнение задач, связанных с получением, обработкой, хранением, передачей и анализом информации.

Таким образом, под информационными технологиями следует понимать совокупность методов и процессов работы с информацией (поиск, создание, обработка, хранение, защита и т. д.), осуществляемые посредством использования аппаратного и программного обеспечения.

Уголовное судопроизводство как особая форма процессуальной деятельности, направленное на установление истины в рамках уголовного дела, обладает высокой степенью регламентированности и требует строгого соблюдения принципов законности, защиты прав и свобод участников, а также обеспечения достоверности получаемой информации. Уголовный процесс нацелен на системное и объективное исследование обстоятельств дела, формирование и принятие законного, обоснованного и справедливого решения. Эти особенности предопределяют необходимость повышенных требований при внедрении новых методов расследования и механизмов раскрытия преступлений.

Так, информационные технологии, применяемые в уголовном судопроизводстве, должны обладать определенными специфичными характеристиками.

Во-первых, основания и порядок применения информационных технологий должны иметь законодательную регламентацию. Кроме того, законодательные акты должны предусматривать процессуальное положение доказательственной базы, полученной при использовании информационных технологий.

Во-вторых, информационные технологии должны обеспечивать надлежащий уровень информационной безопасности, включающий защиту от несанкционированного доступа, утечки и распространения персональных данных и сведений ограниченного пользования (служебных данных, сведений, составляющих государственную тайну).

В-третьих, результаты, полученные в ходе использования информационных технологий, должны отличаться точностью и надежностью, а также быть защищены от возможности фальсификации и искажения информации.

В-четвертых, применяемые технические средства и программное обеспечение должны быть устойчивыми к техническим сбоям и различным вирусам. Это важно для сохранения целостности данных и исключения возможности их утраты из-за технических неисправностей.

В-пятых, применение информационных технологий обязательно должно подлежать документированию. При использовании информационных технологий участником уголовного судопроизводства должен составляться процессуальный или не процессуальный документ, отражающий перечень применяемых информационных технологий, порядок их применения, а также ответственных за проведение того или иного действия лиц.

Следует отметить, что применение информационных технологий должно быть совместимо с традиционными методами получения доказательственной базы. Так, информационные технологии не должны противоречить существующим правилам собирания и оценки доказательств, их использование должно дополнять имеющиеся методы доказывания, повышая их эффективность и качество.

Кроме того, применение информационных технологий должно способствовать повышению качества, оперативности и эффективности уголовного судопроизводства. Применяемые технологии должны гарантировать соблюдение прав и свобод участников уголовного процесса. При этом, по нашему мнению, информационные технологии должны быть доступны для использования всем субъектам уголовного процесса, что обеспечит реализацию принципов равенства и состязательности в уголовном процессе.

Учитывая проведенный анализ мнений ведущих ученых-процессуалистов, а также выработанные требования к информационным технологиям в уголовном процессе считаем целесообразным выделить авторское определение рассматриваемого термина. Так, под информационными технологиями в уголовном судопроизводстве предлагаем понимать совокупность регламентированных уголовно-процессуальным законом технических и программных методов и процессов, направленных на создание, сбор, обработку, хранение и др. операции с данными, имеющими значение для уголовного дела, а также для реализации прав и исполнения обязанностей субъектами уголовного процесса.

Библиографический список

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2025).

2. Натура Д. А. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве и их роль в процессе доказывания по уголовным делам // Общество и право. 2015. № 2. С. 156–160.

3. Разумов Н. В., Запрутин Д. Г. Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Правопорядок : история, теория, практика. 2018. № 4. С. 13–17.

4. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве : возможности, риски, правовое регулирование : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4., 5.1.2. Саратов, 2024. 498 с.

5. Зуев С. В. Информационные технологии и принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Правопорядок : история, теория, практика. 2021. № 4. С. 98–105.

© Гуськова А. Б., 2025

УДК 343.13

Даровских О. И. – профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 2025 Г. № 13-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»: КОММЕНТАРИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

FEDERAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM FEBRUARY 28, 2025 N 13-FZ "ON AMENDING THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION": COMMENTS AND REFLECTIONS

Аннотация. В статье рассматриваются положения принятого Федерального закона Российской Федерации от 28 февраля 2025 года № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», касающиеся ограничений применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями. Автор обращает внимание как на положительные аспекты данного нормативного акта, так и на некоторые проблемные вопросы, которые, по его мнению, могут создавать сложности для правоприменителей.

Abstract. The article examines the provisions of the adopted Federal Law of the Russian Federation No. 13-FZ of February 28, 2025 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" concerning restrictions on the application of a preventive measure in the form of detention to suspects and accused of committing non-violent crimes, women with young children and persons suffering from serious illnesses. The author draws attention to both the

positive aspects of this normative act and some problematic issues that, in his opinion, may create difficulties for law enforcement officers.

Ключевые слова: федеральный закон, мера пресечения, заключение под стражу, насилие, угроза насилия.

Key words: federal law, preventive measure, detention, violence, threat of violence.

19 февраля 2025 года высший законодательный орган Российской Федерации принял закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», а 28 февраля текст закона после подписания его Президентом Российской Федерации был опубликован.

В пояснительной записке разработчик закона [1] обосновывает целесообразность его принятие тем, что «...заключение под стражу – это самая строгая мера пресечения и применяться она должна только в том случае, если более мягкая мера пресечения не может быть избрана. Поскольку действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не возлагает на суд обязанность при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, учитывать связано ли преступление, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, с применением насилия или угрозой его применения» [1]. Данное обстоятельство Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) рассматривает как серьезное упущение, указывая, что «почти 30 % ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в 2022 году удовлетворены в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, не связанных с насилием или угрозой его применения» [1].

Поэтому вполне справедливо требование для должностных лиц, принимающих решение о выборе меры пресечения, учитывать факт применения насилия или его угрозы при совершении преступлений.

В законе также указано, что «…изменится и порядок избрания меры пресечения заключения под стражу к несовершеннолетним, женщинам беременным и (или) имеющим малолетних детей, лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями, а также к мужчинам, являющимся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителем или опекуном или попечителем ребенка-инвалида» [2]. Так, например, уточнен порядок избрания заключения под стражу несовершеннолетнему. В ч. 2 ст. 108 УПК РФ, было указано «..что данная мера пресечения избирается несовершеннолетнему только при совершении им преступлений, отнесенных к категории тяжких либо особо тяжких, и только в исключительных случаях при совершении преступлений средней тяжести» [3]. Исключительность определялась по усмотрению должностных лиц: следователя и суда, что позволяло при одинаковых установленных следствием обстоятельствах, принимать раз-

личные решения, что, конечно, нельзя признать правильным и продуманным. Понимая, что в рамках уголовно-процессуальной деятельности нельзя обойтись без оценочных категорий, все-таки полагаем, что любую возникшую возможность отказа от их применения следует использовать. Поэтому подход законодателя, направленный на гуманизацию порядка привлечения к уголовной ответственности следует приветствовать, и отметить как положительное явление, поскольку, во-первых, регламентация указанных положений в тексте закона будет выступать гарантом реализации назначения уголовного судопроизводства, определенного как защита прав и законных интересов и потерпевших, и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Во-вторых, позволяет учитывать интересы иных лиц, связанных с подозреваемым, обвиняемым, в отношении которого решается вопрос о мере пресечения, и зависимых от него. Кроме того, вновь вводимый порядок позволит конкретизировать условия принятия решения о мере пресечения, что позволит избежать принятия необоснованных, а возможно и коррумпированных решений. В-третьих, принятие данного закона позволит решить и ряд организационных задач, связанных с условиями содержания лиц в следственных изоляторах.

В то же время следует отметить, что текст закона не позволяет однозначно толковать некоторые его положения и может ставить перед правоприменителями вопросы, требующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ либо внесения дополнительных корректировок в текст закона.

К таким проблемным моментам могут быть отнесены следующие:

1. В тексте закона не определено понятие «насилия» или «угрозы его применения», хотя в проекте данного закона», внесенного Верховным Судом Российской Федерации на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 15 июня 2023 года [4], была предпринята попытка дополнить ст. 5 УПК РФ понятиями «преступление насильственного характера» и «преступление ненасильственного характера».

Считаем, что введение данного понятия в текст ст. 5 УПК РФ не будет лишним по двум причинам: во-первых, законодатель активно использует указанное понятие в Уголовном кодексе Российской Федерации, а теперь предлагается введение данной терминологии и в текст уголовно-процессуального закона, во-вторых, насилие не рассматривается им как единое целое, оно трактуется как насилие опасное для жизни и здоровья и как насилие не опасное для жизни и здоровья. Определяя насилие как условие при выборе меры пресечения в виде заключения под стражу, было бы справедливо включить в основание отграничения указанное отличие и расширить право должностных лиц на выбор меры пресечения с учетом данной особенности действий обвиняемого либо подозреваемого.

2. Полагаем, что у правоприменителя могут возникнуть проблемы с пониманием использованного законодателем термина «место пребыва-

ния». В соответствии с законом Российской Федерации от 25 июня 1993 года № 5242-1 (в ред. от 21 декабря 2013 года № 376-ФЗ и в ред. от 13 декабря 2024 года) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [5] под местом пребывания следует понимать гостиницу, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристскую базу, медицинскую организацию или другое подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, либо не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в которых он проживает временно. Учитывая, что в орбиту уголовного судопроизводства могут и часто попадают лица без определенного места жительства и лица, не имеющие документов о временной регистрации, подтверждающих их пребывание в каком-либо регионе, то очевидно, данное понятие должно быть истолковано более широко, чем указано в тексте предлагаемого закона.

3. Представляется, что требует уточнения и положение предлагаемого законодательного акта, определяющего необходимость подтверждения у обвиняемого, подозреваемого, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, наличия тяжелого заболевания медицинскими документами.

Предложенная законодателем формулировка вызывает необходимость постановки нескольких вопросов. Например, какие именно медицинские документы имеет в виду законодатель, кто эти документы должен и может оформлять, и требуется ли для этого какая-то определенная форма?

Учитывая, что речь идет о решении вопроса об изоляции лица, совершившего преступление либо подозреваемого в его совершении, полагаем, что речь в законе должна все-таки идти не просто о медицинских документах, подтверждающих наличие тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, а об освидетельствовании, проводимом комиссионно-профильными специалистами. Данный подход соответствует действующему Постановлению Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 (ред. от 4 сентября 2012 года) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» и Правилам медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений», утвержденных указанным Постановлением [6].

Очевидно, что такой подход потребует некоторой корректировки ряда статей УПК РФ. Например, освидетельствование должно назначаться по заявлению задержанного (обвиняемого), либо в его интересах по заявлению защитника о наличии тяжелого заболевания с приложением имею-

щихся медицинских документов. Данное ходатайство подлежит удовлетворению с назначением следователем (судом) освидетельствования в соответствующем медицинском учреждении, что, конечно же, потребует и изменений в тексте закона сроков задержания. Полагаем, что время прохождения освидетельствования, назначенного в связи с определением возможности избрания меры пресечения не должно засчитываться в срок задержания.

Тем не менее следует отметить, что вступление указанного нормативно-правового акта в законную силу – еще один шаг к гуманизации уголовного судопроизводства, и разъяснения Верховного Суда РФ облегчат его применение практическими работниками.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, лицам, имеющим малолетних детей и детей-инвалидов, а также лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями) : законопроект № 3813166-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8 (дата обращения: 26.02.2025).

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 19 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8 (дата обращения: 22.02.2025).

5. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (в ред. от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ и в ред. от 13 декабря 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений») : постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 (ред. от 4 сентября 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Даровских О. И., 2025

УДК 343.13

Дикарев И. С. – директор Института права Волгоградского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Волгоград)

ОБЪЕКТ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

THE OBJECT OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Аннотация. В статье автором рассматривается вопрос об объекте досудебного соглашения о сотрудничестве. Сделан вывод о том, что обвинение (его объем, квалификация преступления) выступать объектом соглашения не могут. В обмен на сотрудничество со следствием обвиняемый получает возможность рассмотрения его дела в особом порядке судебного разбирательства, что и обеспечивает снижение наказания.

Abstract. The author considers the issue of the object of the pre-trial cooperation agreement in the article. The author concluded that the prosecution (its scope, qualification of the crime) can’t be the object of the agreement. In exchange for the cooperation with the investigation, the accused gets the opportunity to consider his case in a special trial procedure, which ensures a reduction in the punishment.

Ключевые слова: процессуальный договор, досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор, обвинение.

Keywords: procedural agreement, pre-trial cooperation agreement, prosecutor, accusation.

В теории и практике заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ДСС) по-прежнему остается дискуссион-

ным вопрос о том, является ли объектом договорных отношений сторон обвинение, предъявляемое лицу, согласившемуся на сотрудничество. Ведь прокурор, как сторона ДСС, может влиять на квалификацию совершенного деяния, в котором обвиняется лицо, и объем предъявленного обвинения: изучая поступившее к нему с обвинительным заключением уголовное дело, прокурор самостоятельно оценивает обстоятельства дела и дает им правовую оценку. В случае несогласия с квалификацией или объемом обвинения прокурор обязан возвратить уголовное дело следователю для изменения соответственно объема или квалификации преступления.

Некоторые ученые-процессуалисты высказываются положительно по данному вопросу, считая возможным отнести к обязательствам прокурора по ДСС «вопрос о квалификации преступления, которую он вправе определять и обеспечивать ее сохранение» [1, с. 16]. Другие полагают, что сторона обвинения может сделать «некоторые уступки в определении объема и квалификации преступления в том обвинении, которое будет… предъявлено» [2, с. 225].

Однако преобладающей в науке уголовного процесса точкой зрения является противоположная, суть которой сводится к тому, что сторона обвинения не вправе распоряжаться обвинением (его объемом или квалификацией) в обмен на сотрудничество со стороны обвиняемого [3, с. 12; 4, с. 115]. Такая позиция представляется вполне обоснованной. Но если обвинение не является объектом ДСС, то и отношение к нему обвиняемого не должно составлять предмета рассматриваемого соглашения. Другими словами, согласие с предъявленным обвинением не может de jure рассматриваться в качестве обязательного условия заключения ДСС. Не случайно о согласии с предъявленным обвинением в гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) впервые упоминается только в ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, регламентирующей действия прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением. Такое согласие выступает одним из условий рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства (далее – ОПСР), а значит, и внесения прокурором представления, предусмотренного ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ. Таким образом, на этапе направления уголовного дела в суд согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением de facto приобретает значение условия сохранения действия ДСС в ходе судебного производства.

Не придавать согласию с обвинением значения условия заключения ДСС важно и в практическом отношении, поскольку обеим сторонам выгоднее иметь возможность вступать в договорные отношения, не будучи связанными признанием обвиняемым своей вины. Предпочтительнее, когда подозреваемый или обвиняемый имеет возможность сначала заключить ДСС, а уже после решать для себя вопрос целесообразности продол-

жения сотрудничества с учетом предъявленного ему обвинения, признавая свою вину или отрицая ее. Вполне возможно, что под влиянием собранных стороной обвинения доказательств обвиняемый в конце концов придет к выводу о том, что отпираться бессмысленно, так что обе стороны соглашения выиграют, если к этому времени сотрудничество уже будет осуществляться.

Если обвинение (объем и квалификация преступления) не является объектом ДСС, то и изменение обвинения в ходе предварительного расследования или при производстве в суде первой инстанции никаких правовых последствий для реализации соглашения иметь не должно. В этой связи представляется непоследовательной позиция авторов, которые, с одной стороны, не относят обвинение к объекту ДСС, а с другой, считают необходимым перезаключать ДСС в случае изменения объема обвинения или квалификации преступления [5, с. 137]. В судебной практике также на протяжении долгого времени преобладал подход, согласно которому изменение обвинения в ходе предварительного расследования должно влечь за собой перезаключение ДСС. Полагаем, что именно для искоренения из судебной практики этого ошибочного подхода в 2021 году Пленум Верховного Суда РФ специально дал следующее разъяснение: «Отсутствие в досудебном соглашении о сотрудничестве указания на все преступления, в которых обвиняется подсудимый, не является основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, при условии согласия подсудимого с обвинением в полном объеме» [6]. Из этого следует, что никаких дополнительных активностей в случае изменения объема обвинения или квалификации ни следователю, ни прокурору совершать не следует. Единственная и важнейшая гарантия прав обвиняемого здесь заключается в том, что ему должно быть разъяснено и понятно значение согласия с предъявленным обвинением как условия применения ОПСР и постановления приговора по правилам ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ.

Как видно, в предмет ДСС не могут входить обязательства прокурора, связанные с применением норм уголовного закона или с определением объема обвинения и квалификации преступления. В обмен на содействие раскрытию и расследованию преступлений, осуществляемое обвиняемым, последний получает возможность рассмотрения его дела в ОПСР, что обеспечивает применение судом при назначении наказания положений ч. 2 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации. Другими словами, искомый обвиняемым результат сотрудничества (снижение наказания) достигается опосредованно – через применение ОПСР. Соответственно, составляющие предмет ДСС обязательства прокурора, корреспондирующие оказанному обвиняемым содействию в раскрытии и расследовании преступления, ограничиваются совершением действий, обеспечивающих при-

менение по уголовному делу ОПСР, то есть направлением уголовного дела в суд с представлением, указанным в ст. 317.5 УПК РФ.

Библиографический список

1. Климанова О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2017. 21 с.

2. Лазарева В. А., Кувалдина Ю. В. Проблемы правового регулирования и применения института досудебного соглашения о сотрудничестве // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 221–231.

3. Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5–14.

4. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве : понятие, содержание, основные признаки // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3. С. 114–118.

5. Абшилава Г. В. Уголовно-процессуальная сделка как результат конвергенции частного и публичного права // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 130–141.

6. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 // Российская газета. 2021. 16 июля.

© Дикарев И. С., 2025

УДК 343.985.3

Евдокимова О. В. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ СБОРА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА И ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С МОШЕННИЧЕСТВОМ НА ПЛАТФОРМАХ ОНЛАЙН-ЗНАКОМСТВ

FEATURES OF COLLECTING THE INITIAL MATERIAL AND THE INITIATION OF CRIMINAL CASES FOR CRIMES RELATED TO FRAUD ON ONLINE DATING PLATFORMS

Аннотация. В статье рассматривается проблема сбора первоначального материала и возбуждения уголовных дел по фактам мошенничества на платформах онлайн-знакомств в условиях роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Автор анализирует статистику подобных преступлений, рассматривает особенности механизма следообразования данного вида преступлений и предлагают пути оптимизации процесса проверки поступающих сообщений о мошенничестве. Особое внимание уделяется конкретным рекомендациям по эффективному проведению первоначальных следственных действий.

Abstract. The article examines the problem of collecting initial material and initiating criminal cases on fraud on online dating platforms in the context of an increase in crimes committed using information and telecommunication technologies. The author analyzes the statistics of such crimes, examines the features of the mechanism of trace formation of this type of crime and suggests ways to optimize the process of checking incoming messages. about fraud. Particular attention is paid to specific recommendations for the effective conduct of initial investigative actions.

Ключевые слова: мошенничество, онлайн-знакомства, проверка сообщения о преступлении, сбор доказательств, информационно-телекоммуникационные технологии, возбуждение уголовного дела.

Keywords: fraud, online dating, verification of a crime report, collection of evidence, information and telecommunication technologies, initiation of criminal proceedings.

Возбуждение уголовного дела по делам о мошенничестве на платформах онлайн-знакомств представляет собой первоначальную стадию уголовного судопроизводства, на котором деятельность компетентных органов и должностных лиц связана с рассмотрением поступивших сведений

о преступлении, выявлении признаков и установлении наличия или отсутствия условий для начала уголовного дела [1, с. 33]. В криминалистическом аспекте признаки преступления выступают как «…определенные факты реальной действительности, представляющие собой следы преступления, указывающие на возможность совершения конкретного преступления» [1, с. 89].

Данные официальной статистики указывают на значительный рост преступности, связанной с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) и увеличение ее доли в общем объеме зарегистрированных преступлений. В период с января по декабрь 2024 года в Российской Федерации зарегистрировано 1 911,3 тысячи преступлений. Из общего числа зарегистрированных преступлений 765,4 тысячи (40,0 %) были совершены с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации. Это на 13,1 % больше, чем аналогичный показатель за 2023 год, где доля таких преступлений составляла 34,8 %. Практически все такие преступления (98,7 %) выявляются органами внутренних дел. Почти половина таких преступлений (48,2 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (369,3 тыс.; +7,8 %), четыре преступления из пяти (84,8 %) совершаются с использованием сети Интернет (649,1 тыс.; +23,2 %), почти половина (45,2 %) – средств мобильной связи (346,0 тыс.; +14,3 %). В структуре преступлений, совершенных с использованием ИТТ, преступления, квалифицируемые по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (мошенничество), составили 379 тысяч случаев [3].

Мошенники, используя ИТТ, постоянно изобретают новые способы обмана граждан. В частности, сайты-знакомств стали платформой для совершения мошенничества, где путем создания доверительных отношений обманывают одиноких людей. Сотрудникам органов предварительного расследования и оперативным подразделениям следует знать особенности механизма следообразования данного вида преступления и, проанализировав криминалистическую значимую информацию, эффективно выстроить порядок проведения следственных и иных действий.

Проверка поступившего в органы внутренних дел сообщения является важным элементом деятельности следователя, предопределяющий порядок и содержание всего дальнейшего расследования. Представляется недостаточным ограничивать проверку исключительно регистрацией заявления, содержащих в себе определенное количество признаков, достаточных для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Действительно, что «изучение поступивших материалов, анализ и оценка содержащихся в них фактов также представляет собой проверку» [4, с. 167–168]. Однако для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходима дополнительная информация. В своих работах В. А. Мещеряков, В. Б. Вехов, Р. С. Атаманов, И. Н. Старостенко и др. рассматривают проблемы проверки сообщений по преступлениям с использованием ИТТ. На основе эмпи-

рических материалов, трудов ученых следует выделить причины неудовлетворительного качества проверки заявлений. К ним относятся: подача заявления спустя длительное время – это обстоятельство обусловлено совокупностью факторов, таких как чувство стыда, сохранение иллюзии любви, основанной на манипулятивном воздействии со стороны злоумышленника, отрицание факта мошенничества со стороны лица, с которым установлена эмоциональная связь [5, с. 105]. Более того, преступник может продолжать поддерживать контакт с лицом, давая ложные обещания о возврате денежных средств, что способствует сохранению у жертвы надежды на восстановление отношений.

Анализ уголовных дел по фактам мошенничества на сайтах знакомств показал, что заявления потерпевших являются основным поводом для возбуждения уголовных дел. При этом проверка таких заявлений часто сводится к формальному опросу заявителя об обстоятельствах произошедшего. Проведение осмотра места происшествия необходимо в том случае, если между потерпевшим и преступником был личный контакт, в ходе которого последним оставлены материальные следы. Сложность представляет производство следственных и процессуальных действий в других городах и субъектах Российской Федерации. Проверка сообщения о преступлении предполагает «выполнение комплекса действий, включающих сбор и проверку фактических данных (информации), позволяющих установить признаки конкретного уголовно-наказуемого деяния и (или) отсутствия обстоятельств, исключающих уголовное судопроизводство» [6, с. 205]. Напомним, что мошенничества, совершаемые на платформах онлайн-знакомств – это, прежде всего, хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. В соответствии с ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Следовательно, при проверке сообщений о данном типе преступлений необходим сбор доказательств, подтверждающих факт передачи денежных средств (или иного имущества) потерпевшим мошеннику. Эта информация имеет существенное значение для установления состава преступления и формирования достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. При этом необходимо учитывать способы передачи денежных средств (либо иного имущества) и формы предмета хищения, характерные для данного вида мошенничества. Установление указанных обстоятельств служит основой для классификации исходных следственных ситуаций, возникающих при проверке сообщений о мошенничествах, совершаемых на платформах онлайн-знакомств.

Возможные ситуации передачи денежных средств или иного имущества в рамках мошеннических действий классифицируются следующим образом:

1. Денежные средства или иное имущество передаются непосредственно лицу, совершившему преступление.

2. Денежные средства (в наличной или безналичной форме) передаются с помощью технических устройств (мобильный телефон, платежный терминал, банкомат и т. п.), включая переводы через операторов данных средств.

Следует отметить, что представленные ситуации предполагают различный алгоритм действий. Анализ уголовных дел по данному виду преступлений показывает, что первая ситуация характеризуется преобладанием идеальных следов. Ввиду непосредственного контакта потерпевшего с лицом, получившим денежные средства, существует возможность запоминания и последующего описания примет мошенника.

Так, гр. Н., действуя из корыстных побуждений, совершил мошеннические действия, используя платформы онлайн-знакомств для поиска жертв. Он представлял своих взрослых детей потерпевшим женщинам, создавая видимость стабильной и благополучной семьи. После установления доверительных отношений, гр. Н., под различными предлогами, запрашивал денежные средства, чаще всего объясняя необходимость вложений в свой бизнес. Он обещал потерпевшим женщинам значительную финансовую отдачу от этих вложений в будущем. При этом гр. Н. не имел намерения исполнять свои обещания и использовать полученные денежные средства в предпринимательской деятельности [7].

Данная ситуация предполагает проведение следующих действий:

1. Получение объяснения от заявителя об обстоятельствах произошедшего, обращая особое внимание на такие сведения как:

– название платформы онлайн-знакомств, ссылку на профиль мошенника;

– продолжительность общения до первой просьбы о денежных средствах;

– представление мошенником себя и своей семьи, рассказ о себе, детях, образе жизни и работе;

– описание мошенником своих детей, факт и обстоятельства личных встреч с ними;

– подробности описания жизни, работы, бизнеса мошенника, произведенное им впечатление;

– частота и способы общения, наличие сохраненных записей разговоров, переписки, фотографий.

2. Проведение осмотра места происшествия на месте передачи денежных средств (иного имущества) заявителем субъекту преступления.

3. Получение объяснения от лиц, проживающих совместно с заявителем, если таковые имеются.

4. Получение первичной информации об абонентском номере телефона, которым пользовался субъект преступления при его совершении.

5. Назначение судебных экспертиз, если в ходе осмотра места происшествия были изъяты какие-либо следы.

6. Составление субъективного портрета.

7. Необходимо проверить наличие камер видеонаблюдения, если они имеются, истребовать видеозапись за определенный промежуток времени.

Вторая исходная ситуация характеризуется наличием виртуальных следов. Гр. А., используя поддельный профиль «Никита» на сайте знакомств, завладел денежными средствами гр. Б.. путем обмана, заверив о необходимости приобретения лекарств и авиабилетов. В результате чего, гр. Б. совершил 13 денежных переводов с карты на карты гр. А. Переводы осуществлялись через приложение «Сбербанк Онлайн» [8]. При данных обстоятельствах это представляет сложность для лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, ввиду отсутствия контакта между преступником (или посредником) и потерпевшим, что влечет за собой отсутствие информации об указанных лицах. В ходе расследования преступлений установление личности осуществляется посредством анализа следов пальцев рук, следов обуви. В виртуальном пространстве идентификация производится на основе пользовательских идентификаторов и идентификаторов устройств. Научное и практическое изучение этих идентификаторов необходимо для установления связи между виртуальным следом и реальным человеком и техникой.

Разрешение данной ситуации требует проведения следующего алгоритма действий:

1. Опросить заявителя, обращая особое внимание на следующие обстоятельства:

– название платформы онлайн-знакомств, ссылку на профиль мошенника;

– дату и способ начала общения, продолжительность общения до момента просьбы о денежной помощи;

– фотографии и информацию, предоставленные мошенником;

– дату, способ, обстоятельства и мотивы просьбы о денежной помощи;

– запрошенную сумму денег;

– предложенный способ перевода денежных средств (банковская карта, электронные платежные системы, криптовалюта, и т. п.), номер телефона или банковской карты получателя;

– количество и суммы переведенных денежных средств;

– обещания, данные мошенником в обмен на деньги (например, возврат денег, совместная жизнь, брак и т. п.);

– ответы мошенника на уточняющие вопросы о его финансовой ситуации;

– действия, предпринятые после осознания обмана;

– сведения о личности мошенника (полное имя, место жительства, другие данные).

2. Осмотр места происшествия нецелесообразен в случаях мошенничества на сайтах знакомств, поскольку само преступление совершается в виртуальном пространстве. Физическое местонахождение заявителя в момент перевода денежных средств (например, квартира, офис) не имеет непосредственного отношения к механизму совершения преступления и не содержит криминалистически значимых следов. Поэтому первостепенное значение приобретает осмотр мобильного телефона заявителя, как основного инструмента коммуникации с мошенником и инструментом осуществления финансовых операций. Анализ содержимого телефона позволит закрепить следующую информацию: IMEI телефона; наличие SIM-карт с абонентскими номерами; сохраненная текстовая переписка, осуществляемая посредством SMS-сообщений, сообщений на платформах онлайн-знакомств, а также с использованием различных мессенджеров (например, WhatsApp, Viber); данные истории посещений сайтов знакомств. Такой осмотр, согласно ст. 164.1 УПК РФ, необходимо производить с участием специалиста.

3. Истребование у заявителя чеков о банковском переводе, либо зачислении денежных средств на абонентский номер телефона, указанный субъектом преступления.

4. Направление запросов в банки и кредитные организации о предоставлении данных владельца счета, на который в результате мошенничества были перечислены денежные средства.

5. Направление запроса информации оператору связи о лице, на которое зарегистрирован абонентский номер.

6. Направление запроса владельцу информационного ресурса (сайта-знакомств) для установления IP-адреса устройства, с которого осуществлялся вход на ресурс лица, с конкретным псевдонимом (логином).

7. Установление провайдера интернет-услуг, обслуживающего данный адрес. Для этого можно воспользоваться онлайн-ресурсами, которые предоставляют такую информацию (WHOIS, 2IP, GeoIP и другие). Указанные сайты могут выдавать информацию о стране, городе, названии провайдера, результат этого оформляется в виде справки.

8. Направление запроса к выявленному провайдеру интернет-услуг о предоставлении следующей информации: контактные данные пользователя (номера телефонов, адреса электронных почт), перечень использованных пользователем IP-адресов, использованных пользователем в заданных временной интервал (следователем указывается точный промежуток времени, который его интересует с точностью до секунды), с указанием их типа (статический/динамический), адрес местонахождения сетевого оборудования, посредством которого осуществлялось подключение к сети Интернет, через

указанные IP-адреса, любые другие сведения, имеющиеся у провайдера о пользователе и его подключениях в запрашиваемый период.

9. Назначение судебных экспертиз, позволяющих установить признаки личности при наличии голосовых сообщений необходимо назначение фоноскопической экспертизы; для проверки подлинности или подделки фотографического изображения – фототехническая.

10. Задание оперативным подразделениям о необходимости проверки по информационным базам данных (например, ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество») с целью выявления совпадений по номерам телефонов, реквизитам банковских карт и счетов, электронным кошелькам, IP-адресам, а также по способу совершения преступления.

Особенности сбора первоначального материала и возбуждения уголовных дел по фактам мошенничества на платформах онлайн-знакомств обусловлены виртуальным характером взаимодействия между мошенником и заявителем. Это требует внимания при сборе цифровых доказательств, таких как переписка, история транзакций, IP-адреса и информация о профилях. Для успешного раскрытия подобных преступлений необходимо взаимодействие органов предварительного расследования с провайдерами связи, банковскими организациями и экспертными учреждениями. Важную роль играют своевременное обращение заявителей, их детальный опрос. Представленный порядок действий по каждой приведенной исходной ситуации обусловлен зависимостью от совокупности конкретных обстоятельств.

Библиографический список

1. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 5-е изд. М., 2024.

2. Густов Г. А., Танасевич В. Г. Признаки хищения социалистической собственности // Вопросы совершенствования предварительного следствия : сборник статей. Вып. 3. Л., 1971.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 30.01.2025).

4. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961.

5. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг : дис. …канд. юрид. наук, 2019.

6. Шмонин А. В. Общие положения методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

7. «Любовный аферист и 50 обманутых женщин». Канал «Россия 1», Выпуск от 11 июля 2023 г.

8. Архив Пятигорского городского суда Ставропольского края. Уголовное дело № 1-598/2023.

© Евдокимова О. В., 2025

УДК 343

Елизарова Н. С. – старший преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, г. Санкт-Петербург);

Петров П. С. – оперуполномоченный ГУР 78 о/п по Центральному району г. Санкт-Петербурга (Россия, г. Санкт-Петербург)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

CRIMINAL LIABILITY OF ACCOMPLICES TO A CRIME

Аннотация. Как показывает практика довольно часто преступления совершаются лицами, находящимися в состоянии опьянения, ранее судимыми, а также при участии несовершеннолетних, во многих случаях, в группе со взрослыми. Правильная квалификация содеянного как соучастие в совершении преступления имеет большое значение в обеспечении законности и индивидуализации наказания, именно поэтому вопрос ответственности соучастников преступления имеет важное значение в уголовной практике.

Abstract. As practice shows, crimes are often committed by persons in a state of intoxication, by persons previously convicted, and also with the participation of minors, and in many cases in a group with adults. The correct qualification of the act as complicity in the commission of a crime is of great importance in ensuring the legality and individualization of punishment. That is why the issue of liability of accomplices to a crime is of great importance in criminal practice.

Ключевые слова: соучастие, соучастник, исполнитель, группа лиц, преступление, наказание, преступность деяния, уголовное дело, следователь.

Key words: complicity, accomplice, perpetrator, group of persons, crime, punishment, criminality of the act, criminal case, investigator.

В результате исследования судебной и следственной практики стоит сказать, что как в ходе предварительного следствия, так и судебного следствия уделяется недостаточно внимания выяснению всех обстоятельств, связанных с разграничением соучастия в преступлении. Имеет место ошибочная квалификация деяний, совершенных в соучастии. Допущенные ошибки влекут за собой неоправданное смягчение наказания лиц, являющихся соучастниками.

В этой связи стоит отметить, что деяния, совершаемые путем объединения лиц, являются наиболее тяжкими. Количество преступлений, совершенных группой лиц, за последние десять лет стабильно растет. Как показывает статистика, ежегодный прирост подобных правонарушений составляет примерно 11,6–13,8 % [8, ст. 6].

Общественная опасность таких деяний значительно повышается, так как для достижения преступных целей необходимо участие нескольких лиц, связанных и согласованных в действиях между собой, в результате этого достигается желаемый преступный результат.

Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Именно такая формулировка содержится в ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации [1, ст. 14]. Анализируя это определение, можно сделать вывод, что соучастие возникает только в том случае, если в результате совершения несколькими лицами действия или бездействия, силы и средства направлены на достижение общего преступного результата. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что законодатель в определении делает акцент на форме умысла, говоря о том, что для достижения объективной стороны состава преступления в виде соучастия необходима форма вины, выражающаяся только в умысле, и достижение цели по неосторожности невозможно [2, ст. 718]. Таким образом, основным признаком совершения преступления несколькими лицами выступает тот фактор, что лицо действует не единолично и достигает преступного результата не своими собственными усилиями, а в условиях совместной деятельности всех участвующих лиц.

В теории уголовного права наибольшие споры вызывает вопрос относительно подхода к ответственности соучастников преступления. Одна концепция исторически получила название акцессорной теории соучастия, берущей свое название от латинского слова «accessio» – прибавление, зачисление, образованное от фразы «accesioonis loco dare aliquem» – принятие на себя ответственности за чужой долг [3, ст. 466]; вторая же концепция именуется теорией самостоятельной ответственности соучастников.

В идее акцессорной теории заложена мысль, что ответственность соучастников преступления, и как следствие их действия, выраженные в распределении функций для достижения общественно опасных последствий, должны квалифицироваться по деянию совершенного исполнителем и не как иначе. Иными словами, если объективная сторона состава преступления квалифицирует деяние исполнителя по одной статье, то действия соучастников будут квалифицируются по этой же статье, не зависимо от целей и задач, которые они ставили перед исполнителем, и тех функций, которые выполняли сами субъекты. Так, М. И. Ковалев писал, что: «Мы считаем, что и советскому уголовному законодательству свойственно признание акцессорной природы соучастия. Если нет самого преступления, то можно ли говорить вообще о соучастии в преступлении, то есть об участии в том, чего в действительности нет» [5, ст. 202]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что основным критерием акцессорной теории выступает общая уголовная ответственность для всех лиц преступления, совершенного в соучастии. Деяния исполнителя, не зависимо от эксцесса, напрямую влияют на степень наказания соучастников, при этом для исполнителя и его соучастников наказание назначается по общей для всех уголовной статье.

В противовес акцессорной теории как альтернативный вариант предлагается концепция самостоятельной ответственности соучастников. В указанной концепции соучастие понимается как персональная ответственность каждого участника преступления, и исключительно за те деяния, которые были совершены именно им. В советском уголовном праве говорилось: «Каждый соучастник, в чем бы ни выражалось его участие в сообща совершенном преступлении, подлежит уголовной ответственности на том основании, что он сам, действуя виновно, посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения. Его личная деятельность в силу этого приобретает общественно опасный характер, а умышленное участие в совершении преступления выступает как лично им, соучастником, совершенное деяние. Каждый субъект, действует ли он один или совместно с другими лицами, совершая преступление, тем самым создает основание своей уголовной ответственности» [7, ст. 646]. Таким образом, в рамках классификации деяния соучастников ответственность должна быть строго индивидуальной и наступать только за те общественно опасные последствия, к которым лично стремился субъект преступления.

В современном российском уголовном праве деяния, которые не охватываются умыслом соучастников, не могут усматриваться в качестве коллективной ответственности. Таким образом, ответственность соучастников зависит от преступления, которое совершил исполнитель.

Иным подходом в уголовном праве является концепция разделения преступления на объективные и субъективную стороны, к которым относится:

множественность субъектов, которая характеризуется участием в подготовке и реализации преступления двух или более лиц. При этом все субъекты преступления обязательно должны достигнуть возраста уголовной ответственности в зависимости от совершенного ими деяния, а также осознавать противоправность своих действий или бездействий и руководить ими. Наличие причастности или, иными словами, стремление соучастников достигнуть единой преступной цели, которая может быть охарактеризована несколькими вариантами причастности.

В другом случае прослеживается иной подход к подготовке и к исполнению задуманной объективной стороны состава преступления. В таком случае соучастники разделяли функции с целью достижения цели деяния, по частям или полностью, с начала и до конца. Таким образом, дополняя действия каждого из соучастников, создавая единое преступное деяние, в теории уголовного права образуется принцип взаимодополнения. Если же между соучастниками изначально имелась договоренность о разделении функций таким образом, что каждый выполняет только возложенную на него часть действий для достижения общего результата, то такой подход именуют техническим распределением ролей между соучастниками, которые все вместе считаются соисполнителями [9, ст. 105–115].

К одному из таких вариантов относится, когда существуют возложенные на одно из соучастника договорные обязанности, выраженные в форме действия или бездействия, являющиеся обязательными условиями для достижения цели другим соучастником, то такую закономерность именуют принципом взаимообусловливания. При этом сила зависимости, образующаяся в результате такой договоренности между соучастниками, настолько велика, что в результате отсутствия деяния одного из субъектов, затрудняет или делает полностью невозможным достижение объективной стороны состава преступления, другого лица. В данном случае между соучастниками может наблюдаться распределение функций на исполнительские, организаторские, подстрекательские и пособнические, которые имеют отношение к так называемому юридическому распределению ролей.

Субъективная сторона деяния соучастников преступления носит четко выраженный умышленный характер, который однозначно можно разделить на интеллектуальную и волевую сторону.

Интеллектуальная сторона характеризуется осознание лицом общественно опасного характера своих действия, действий соучастников, нацеленных на достижение объективной стороны состава преступления, понимания взаимосвязи между действиями лиц, предвидение наступления опасных последствий.

Волевой элемент субъективной стороны, будет выражен в стремлении достигнуть совместного результата и желание субъекта участвовать в едином общественно опасном деянии. При этом каждый соучастник отдает себе отчет, что он действует в составе группы, что между каждым участ-

ником распределены роли, нацеленные на достижение единого преступного результата, а связующим звеном выступает именно соучастие в совместном совершении преступления.

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что теория и практика в основном смешивают «акцессорную» теорию, и теорию самостоятельной ответственности соучастников. Так как ни та, ни другая не могут по отдельности разрешить проблему соучастия.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. С. 14.

2. Бабий Н. А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии. М. : Юрлитинформ, 2013. 718 с.

3. Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава : Издательство «К. Ковалевского», 1896. 466 с.

4. Исмаилова З. Н. Особенности уголовной ответственности соучастников преступлений // Проблемы совершенствования законодательства. 2019. № 77/19. С. 45–47.

5. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : УрГЮА, 1999. 202 с.

6. Козлов А. П. Соучастие : традиции и реальность. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 362 с.

7. Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1. Часть Общая. Л. : Издательство «Ленинград», 1968. 646 с.

8. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. М., 2024. С. 6

9. Шарапов Р. Д. Соучастие в преступлении – закон, теория, практика // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 10. С. 105–115.

© Елизарова Н. С., 2025
© Петров П. С., 2025

УДК 343.1

Ендольцева А. В. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, г. Москва)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НА НЕЕ ВЛИЯЮЩИЕ

EFFECTIVENESS OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND CRITERIA FOR PROCEDURAL ACTIVITIES, AFFECTING

Аннотация. В статье автор, говоря об эффективности предварительного расследования, формирует собственное видение данной категории через анализируемые критерии процессуальной деятельности, на нее влияющие.

Abstract. In the article, the author, speaking about the effectiveness of preliminary investigation, forms his own vision of this category through the analyzed criteria of procedural activity that affect it.

Ключевые слова: эффективность предварительного расследования, качество предварительного расследования, критерии эффективности производства по уголовному делу, быстрота предварительного расследования, разумная достаточность.

Keywords: effectiveness of the preliminary investigation, quality of the preliminary investigation, criteria for efficiency of criminal proceedings, speed of the preliminary investigation, reasonable sufficiency.

От качества предварительного расследования во многом зависят законность и обоснованность итогового решения по уголовному делу, которое должно отвечать назначению уголовного судопроизводства, установленному в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). И если такая цель достигнута, то вполне можно говорить об эффективности деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, если определять ее как «степень соответствия функционирования системы ее целям» [1]. Следует отметить и то, что «суть принципа эффективности состоит в том, чтобы обеспечить решение поставленных задач в возможно короткие сроки при наименьших затратах трудовых, материальных и финансовых ресурсов» [2, с. 28].

Как эти определения работают применительно к уголовному судопроизводству? Для этого представим следующее понимание эффективности предварительного расследования: «это модель системы действий участников уголовного судопроизводства, способная осуществить процессуальные правила и процедуры при принятии процессуальных решений, процессуальных и следственных действий, достигнув при этом необходимого и справедливого результата с оптимальной затратой времени и усилий» [3, с. 73]. Авторы также считают, что «эффективность предварительного расследования определяется качеством, сроками расследования уголовных дел и нагрузкой на следователя, дознавателя» [4, с. 42].

На эффективность предварительного расследования влияют многие факторы: надлежащая организация следственной работы, современное ее научно-техническое обеспечение, профессионализм сотрудников, осуществляющих как производство по уголовному делу, так и контролирующих его законность и обоснованность, взаимодействие с различными подразделениями, и прежде всего, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Среди таких факторов немаловажное место занимает надлежащая правовая регламентация процессуальной деятельности.

Говоря об эффективности предварительного расследования следует обратить внимание на критерии эффективности процессуальной деятельности. Нельзя не согласиться с учеными, которые соотносят критерии эффективности предварительного расследования с достижением задач уголовного судопроизводства [5, с. 89; 6]. Вместе с тем задачи уголовного судопроизводства и, в частности, предварительного расследования в уголовно-процессуальном законе напрямую не закреплены. Это не означает, что их нет. Они, безусловно, понимаемы и довольно часто вытекают из имеющихся предписаний УПК РФ.

Прежде всего коснемся фундаментальных положений уголовно-процессуального закона, определяющих неукоснительные правила, каноны не только для самой деятельности органов предварительного расследования, но и ее результата. Эти базисные положения закреплены ныне в главе 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства», но несмотря на их значимость и необходимость, можно констатировать, что при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства на рубеже эпох были «забыты» те устои прежнего закона, которые следовало бы сохранить в силу их качественной характеристики российского уголовного процесса. Речь идет о всесторонности, полноте и объективности предварительного расследования. «Невключение в систему принципов уголовного судопроизводства всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования не идёт на пользу эффективности предварительного расследования» [7, с. 25]. Не возведя эти эталоны в ранг принципов современного уголовного судопроизводства, трудно говорить о надлежащей защите прав и законных интересов участников уголовного процесса, о реализации его

назначения. И также трудно объяснить, почему следователь или дознаватель, являющиеся представителями стороны обвинения (глава 6 УПК РФ), должны в ходе расследования уголовного дела устанавливать и обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого, освобождающие его от уголовной ответственности или от наказания. А ведь такая деятельность напрямую отвечает содержанию принципа «всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования». И эти существенные признаки являются, по сути, важными критериями как качества, так и эффективности предварительного расследования.

Невозможно не сказать о законности. Соблюдение должностными лицами, осуществляющими процессуальную деятельность, требований уголовно-процессуального законодательства имеет колоссальное значение не только для формирования правопорядка в обществе, но и для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Процессуальная деятельность, осуществляемая в строгом соответствии с положениями УПК РФ, на основе сформированного правосознания правоприменителей, приводит в процессе расследования и в его итоге к принятию законных, обоснованных и мотивированных решений, от которых зависят не только вопросы, связанные с приобретением участниками уголовного процесса соответствующего процессуального статуса и обеспечением их прав и законных интересов, но и судьба уголовного дела, будущность как лица (лиц), совершившего преступное деяние, так и потерпевшего (потерпевших) от него.

Важно отметить, что «законность, всесторонность, полнота, объективность исследования всех обстоятельств уголовного дела… – вот основные требования, образующие качество предварительного расследования» [8, с. 153].

Одним из критериев эффективности предварительного расследования авторы называют быстроту расследования. «Под быстротой понимается своевременность расследования, а именно незамедлительность возбуждения уголовного дела, безотлагательность производства следственных действий, принятия решения о приостановлении и возобновлении следствия и т. п.» [9, с. 89]. Согласившись со сказанным, полагаем, что к этому перечню необходимо добавить такие факторы, как своевременность избрания при наличии к тому оснований мер пресечения и других мер принуждения, безотлагательность применения мер безопасности к участникам уголовного дела, которые в этом объективно нуждаются. Несомненно, важна и общая продолжительность предварительного расследования по конкретному уголовному делу.

Говоря о продолжительности предварительного расследования, нельзя не коснуться ее разумности. Сама длительность производства по уголовному дела не обуславливает признание ее разумной или неразумной. Здесь следует опереться на положения принципа «Разумный срок уголов-

ного судопроизводства», и если процессуальные действия и решения по уголовному делу осуществлялись своевременно, учитывая разные обстоятельства уголовного дела и постпреступное поведение подозреваемого, обвиняемого, влияющие на длительность производства по делу, и действия следователя или дознавателя были достаточными на каждом его этапе, то вполне можно оценить эффективность предварительного расследования каждого уголовного дела по временному ее признаку.

Достаточность является еще одним существенным критерием, определяющим эффективность любой деятельности, в том числе и предварительного расследования преступлений. Здесь уместно привести мнение ученых о том, что «признание деятельности эффективной может обеспечить лишь то количество следственных и иных процессуальных действий, которое позволит получить желаемый результат, но в уголовном судопроизводстве количество не является определяющим показателем, оно обязательно должно корреспондировать с показателями качества» [10, с. 202].

Таким образом, своевременность и разумная достаточность – это два важных критерия, определяющих эффективность предварительного расследования.

Важным критерием эффективности предварительного расследования является стабильность уголовно-процессуального законодательства. Нестабильность уголовного и уголовно-процессуального законодательства создает обстановку хаоса, в которой должен работать правоприменитель [11], и это существенно снижает качество предварительного расследования, а значит влияет на его эффективность. При этом несмотря на многочисленные изменения и дополнения, включенные в уголовно-процессуальный закон, ученые считают, что ряд «уголовно-процессуальных институтов не обеспечивает современных потребностей правоприменительной практики и не отвечает реалиям современной действительности» [12, с. 71].

В силу сказанного автором статьи и другими учеными необходимо переосмыслить еще многие моменты, связанные с реформированием уголовно-процессуального закона, а самое главное – определить на государственном уровне современную уголовно-процессуальную политику России с видением будущих перспектив эффективного производства по уголовному делу и, в частности, такого его этапа как предварительное расследование преступлений.

При этом, давая определение эффективности предварительного расследования, отметим, что если оценивать ее узко, то есть применительно к производству по уголовному делу в досудебный период, то, по-нашему мнению, это качественный признак деятельности следователя или дознавателя, свидетельствующий о ее законности, своевременности и достаточности для того, чтобы в разумный срок достичь результатов предварительного расследования, соответствующих назначению уголовного судопроиз-

водства, и надлежащим образом урегулированной уголовно-процессуальным законодательством.

Библиографический список

1. Семенов С. С., Воронов Е. М., Полтавский А. В., Крянев А. В. Модели и методы принятия решений в задачах оценки качества и технического уровня сложных систем. М. : ЛЕНАНД, 2020. 520 с.

2. Волынский А. Ф. Эффективность как принцип организации предварительного расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 27–32.

3. Муратова Н. Г. Эффективность предварительного следствия – европейский стандарт справедливости уголовного судопроизводства (торжество Концепции проф. А. П. Гуляева об эффективности деятельности следователя) // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Заслуженного юриста РФ доктора юридических наук, профессора А. П. Гуляева. М. : МАЭП, 2014. С. 71–74.

4. Сотников К. И. О негативных тенденциях следственной практики и эффективности предварительного расследования // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : сборник научных трудов. Выпуск 9. Омск, 2017. С. 42–48.

5. Машинская Н. В. Эффективность предварительного расследования : критерии и проблемы обеспечения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4. С. 87–92.

6. Томин В. Т., Попов А. П. Эффективное уголовное судопроизводство : управленческие, социальные и правовые аспекты. М. : Берлин : Директ-Медиа, 2015.

7. Насонова И. А. Уголовно-процессуальные гарантии предварительного расследования как средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 24–28.

8. Романов В. И. Пути повышения эффективности и качества предварительного расследования в российском уголовном процессе // Татищевские чтения : актуальные проблемы науки и практики : материалы XVI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 2. 2019. С. 148–154.

9. Машинская Н. В. Эффективность предварительного расследования : критерии и проблемы обеспечения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4. С. 87–92.

10. Даровских С. М., Даровских О. М. Дифференциация процессуальной формы уголовного судопроизводства на стадии предварительного

расследования как средство обеспечения его эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 198–203.

11. Ищенко Е. П. К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 120–134.

12. Машинская Н. В. Соблюдение законности следователем/дознавателем как критерий эффективности предварительного расследования // Правовая мысль. 2021. № 2 (3). С. 70–73.

© Ендольцева А. В., 2025

УДК 343.9

Ермолаева Л. Н. – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE IMPORTANCE AND ROLE OF FORENSIC EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье исследуется двойственная природа судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, объединяющая процессуальное действие и исследовательский процесс. Выделяется основная функция экспертизы как процессуального инструмента, подкрепленного научной методологией, для установления истины на этапе возбуждения и предварительного расследования уголовного дела. Подчеркивается необходимость соответствия деятельности эксперта как правовым нормам, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве, так и научным принципам объективности, системности и историчности. Оценивается влияние применения судебных экспертиз на повышение эффективности раскрытия преступлений и предотвращение необоснованных обвинений.

Abstract. The article explores the dual nature of forensic examination in criminal proceedings, combining a procedural action and a research process. The main function of expertise is highlighted as a procedural tool, supported by scientific methodology, to establish the truth at the stage of initiation and preliminary investigation of a criminal case. It is emphasized that the expert's activities must comply with both the legal norms enshrined in the criminal procedure legislation and the scientific principles of objectivity, consistency and

historicity. The impact of the use of forensic examinations on improving the efficiency of crime detection and preventing unfounded accusations is assessed.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, процессуальное действие, искомые принципы, общенаучные принципы.

Keywords: forensic expertise, procedural action, required principles, general scientific principles.

Судебно-экспертная деятельность обособилась в системе специальных знаний как самостоятельная уголовно-процессуальная деятельность чуть больше века назад. Отметим, что кроме деятельности эксперта в системе специальных знаний выделяют также деятельность специалиста и деятельность следователя. Вместе с тем, следует обозначить понятие и значение судебно-экспертной деятельности для дальнейшего исследования ее проблематики и разработки рекомендаций по ее модернизации. Для того, чтобы судебная экспертиза выполняла свое предназначение в рамках расследования по уголовному делу необходимо соблюдать определенные правила по их назначению и производству. Причем эти правила являются универсальными и для экспертов, производящих исследования, и для должностных лиц органов предварительного расследования, которые инициировали производство указанных экспертиз, то есть назначили их. Непонимание и несовпадение в толковании основ назначения и производства экспертиз может привести к невозможности выполнения экспертного исследования, поэтому на основе анализа научных и нормативных правовых источников следует рассмотреть принципы судебных экспертиз, которые позволят раскрыть основы ее назначения и производства.

Исследование принципов судебной экспертизы среди научного сообщества не нашло единого мнения. Вместе с тем ряд авторов указывают на необходимость совпадения искомых принципов и общенаучных принципов [1, с. 157], к которым следует отнести: детерминизм; объективность; системность; историзм; научную обоснованность; наблюдательность; оптимальность.

Существует подход, согласно которому институт судебной экспертизы приравнен к процессуальному действию, в свете чего ученые наделяют ее уголовно-процессуальным характером принципов [2, с. 201]: законность; полнота и объективность экспертного заключения; инициатива эксперта; процессуальная независимость и самостоятельность эксперта; общедоступность результатов экспертизы; отделение экспертных функций от функций других участников процесса.

Вместе с тем нами поддерживается подход, согласно которому судебная экспертиза является не только процессуальным действием, но и разделом науки. В этой связи раскроем принципы, которыми, по-нашему мнению, должна быть наполнена вся деятельность по назначению и производству судебной экспертизы [3, с. 76–79].

Объективность как принцип судебной экспертизы коррелирует с такими категориями, как объем знаний и умений эксперта: они обязаны демонстрировать такой уровень профессиональной компетентности, который обеспечивал бы соблюдение норм, установленных уголовно-процессуальным законодательством, а именно: независимость эксперта, комплексность и полноту проводимых исследований.

Четко связан с принципом объективности такой принцип, как системность судебной экспертизы. В классическом понимании системы, мы подразумеваем совокупность элементов, связанных между собой прямыми и обратными связями. При этом с аспекта судебной экспертизы системность раскрывает ее структурированность, а также наличие признаков, позволяющих группировать экспертизы с целью унификации их назначения и производства. Так, например, разрабатываются методики производства отдельной группы экспертиз или создаются типичные сборники вопросов на экспертизу.

Историчность как принцип позволяет судебной экспертизе эволюционировать на основе выявляемых проблем применения указанного уголовно-процессуального института, а также развивать новые направления исследований, используя передовые методы и достижения науки. Обозначенный принцип также подтверждает синтетический и комплексный характер научных знаний, необходимых для реализации судебных экспертиз.

Кроме того, согласно ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4] (далее – Закон № 73-ФЗ) государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноте исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

В свете сказанного мы приходим к выводу о том, что судебная экспертиза характеризуется понятийным дуализмом:

– процессуальное действие;

– исследовательский процесс.

Тогда авторское понимание судебной экспертизы уголовного судопроизводства сводится к процессуальному действию, регулируемому уголовно-процессуальным законом, заключающемуся в исследовательской деятельности посредством вариации научных методов и технологий объектов и процессов, предоставляемых на исследование согласно перечню вопросов, выдвигаемых должностным лицом, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, предварительное расследование или судебное разбирательство.

Таким образом, судебная экспертиза должна являться определенным действием следователя (дознавателя), которое заключается в постановке

конкретных вопросов перед экспертом, который является обособленным участником уголовного судопроизводства. Перечень таких вопросов формируется с учетом требований законодательства о судебной экспертизе с целью получения ответов для достижения истины в рамках стадии возбуждения уголовного дела, что впоследствии формирует решение о его возбуждении или отказе в таком возбуждении.

Заключение эксперта должно приобщаться к материалам уголовного дела в качестве доказательств. Отметим, что основное количество судебных экспертиз производится на стадии досудебного производства, то есть в рамках предварительного расследования. В рамках стадии возбуждения уголовного дела проводится многим меньшее количество экспертиз. Соответственно, четкое и грамотное использование следователем (дознавателем) указанного инструмента в рамках стадии возбуждения уголовного дела будет способствовать результативности раскрытия конкретного преступления и изобличения виновного лица в дальнейшем, а также исключит вероятность возможного необоснованного обвинения.

В качестве вывода необходимо отметить, что для того, чтобы специальные знания эксперта, а также его деятельность по производству судебных экспертиз могла применяться для расследования преступлений, к нему и к его деятельности выдвигаются требования и правила. С одной стороны, они закреплены в уголовно-процессуальном законе, а с другой – должны соответствовать научным основам. Так, в науке вопрос о принципах судебной экспертизы стал дискуссионным. Нами поддерживается подход, согласно которому судебная экспертиза является не только процессуальным действием, но и разделом науки. В этой связи отметим принципы, которые являются для судебной экспертизы базовыми: объективность, которая жестко связана с требованиями, выдвигаемыми уголовно-процессуальным законом; системность; историчность. Авторское понимание судебной экспертизы в рамках уголовного судопроизводства заключается в её трактовке как процессуального действия, которое регулируется уголовно-процессуальным законом. Это действие характеризуется исследовательской деятельностью, осуществляемой через использование различных научных методов и технологий для изучения объектов и процессов. Эти объекты и процессы предоставляются для исследования согласно перечню вопросов, сформулированных должностным лицом, которое проводит проверку сообщения о преступлении, предварительное расследование или судебное разбирательство.

Библиографический список

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М., 2023. С. 157.

2. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 201.

3. Харламова О. А. Принципы судебной экспертизы : сущность и классификация // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 2 (60). С. 76–79.

4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2001 г. : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 апреля 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 16 мая 2001 г. // Российская газета. 2001. № 106.

© Ермолаева Л. Н., 2025

УДК 343.1

Жамкова О. Е. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОКАЗЫВАНИИ ВИНОВНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

THE POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE VICTIM IN PROVING THE GUILT OF THE SUSPECT, THE ACCUSED

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию роли потерпевшего в процессе доказывания виновности подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. Рассматриваются теоретические и практические аспекты участия потерпевшего в собирании и представлении доказательств, влиянии его позиции на формирование обвинения и принятии решений судом.

Abstract. This article is devoted to the study of the role of the victim in the process of proving the guilt of a suspect accused in Russian criminal proceedings. The article examines the theoretical and practical aspects of the victim's participation in the collection and presentation of evidence, the impact of his position on the formation of charges and court decision-making.

Ключевые слова: потерпевший, доказательства, доказывание, обвиняемый, процесс доказывания, презумпция невиновности

Keywords: victim, evidence, proof, accused, proof process, presumption of innocence.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации рассматривает потерпевшего как участника уголовного процесса со стороны обвинения. Вместе с тем, в отличие от других субъектов уголовного судопроизводства указанной группы (следователей, дознавателей, прокурора) участие в таких важных моментах уголовно-процессуальной деятельности как сбор доказательств, содействие в процессе доказывания, поддержание обвинения не являются основной функцией и непосредственной обязанностью потерпевшего. В части 2 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и в ч. 2 ст. 86 УПК РФ законодатель подчеркивает и закрепляет право потерпевшего на участие в уголовном преследовании. Известный специалист в области уголовного процесса С. И. Викторский справедливо отмечал: «для лиц <...> пострадавших от преступлений <...> очень важен исход дела, и со стороны их является очень естественное желание не ограничиться одним возбуждением преследования, но и участвовать в процессе в качестве стороны» [1, с. 236].

Вопрос о пределах реализации права потерпевшего на участии в доказывании в том числе и виновности лица, неоднозначно разрешается как в правоприменительной практике, так и в научном сообществе. Неслучайно в 2010 году Верховный суд Российской Федерации посвятил данному вопросу Постановление № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», где подчеркивается, что на любой стадии уголовного процесса потерпевший, его представитель или законный представитель должны иметь возможность представить суду свои аргументы, которые они считают важными для рассмотрения дела [2].

Само по себе отнесение потерпевшего к стороне обвинения не обязывает его принимать участие в уголовном преследовании обвиняемого (подозреваемого), что справедливо отмечается в научной литературе [3, с. 30]. Иными словами, участие в процессе доказывания не является обязанностью потерпевшего, оставаясь его правом, что отличает его от следователя, дознавателя и прокурора, обязанных осуществлять уголовное преследование ex officio, что прямо установлено ст. 21 УПК РФ. Однако, отнеся потерпевшего к стороне обвинения, законодатель исходил в том числе и из тех общих задач, которые решает каждая группа участников уголовного судопроизводства. Говоря о группе участников со стороны обвинения, нельзя не указать на задачи, которые они решают: установление объективной истины, возмещение вреда пострадавшему, доказывание вины лица, совершившего преступление, принятие по делу справедливого процессуального решения. Потерпевший, безусловно, заинтересован в разрешении обозначенных задач. Другое дело, что в каждом конкретном случае

«включение» потерпевшего в их разрешение может быть различно. Например, на практике нередки ситуации, когда потерпевший встает «на защиту» обвиняемого, предоставляя доказательства, способные смягчить ответственность последнего, подавая ходатайства о признании доказательств недопустимыми, подавая заявление о прекращении уголовного дела за примирением сторон и т. д. «Вписываются» эти действия в разрешение задач, поставленных перед участниками стороны обвинения? Безусловно да, поскольку даже следователь обязан собирать не только изобличающие доказательства, но и оправдывающие или смягчающие ответственность.

Активность или пассивность потерпевшего в установлении обстоятельств совершенного преступления, глубина его участия в процессе доказывания зависит от очень многих ситуаций, складывающихся в ходе расследования преступления. В том числе немаловажное значение имеет и личностная характеристика самого потерпевшего. Однако в данной статье нам представляется существенным определить оптимальность правового регулирования рассматриваемого аспекта.

Зарубежные подходы к предоставленной потерпевшему уголовно-процессуальной «активности» в сфере доказывания основаны на модели «субсидиарного обвинения». К примеру, во Франции потерпевший может самостоятельно инициировать уголовное преследование по любому уголовному делу в случае бездействия прокурора. В Германии участие потерпевшего в уголовном деле возможно либо в форме частного обвинения, либо в форме субсидиарного обвинения. В последнем случае потерпевший присоединяется к прокуратуре на сторону обвинения, однако такое «присоединение» возможно не по всем уголовным делам.

В соответствии с УПК РФ законодатель установил следующие формы участия потерпевшего в доказывании (ст. 42 УПК РФ):

1. Потерпевший участвует в доказывании, давая показания. Показания потерпевшего представляют собой важнейший и незаменимый источник процессуально значимой информации, необходимой для всестороннего, полного и объективного расследования преступления, а впоследствии справедливого и правильного разрешения уголовного дела в суде. Посредством реализации права на дачу показаний (п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), которая возможна как в досудебном, так и в судебном производствах по уголовному делу, потерпевший может сформировать новое доказательство в рамках производства по уголовному делу. Потерпевший, в отличие от обвиняемого (подозреваемого), обязан давать правдивые показания и не вправе отказываться от дачи показаний в случае вызова на допрос лицом, осуществляющим производство по уголовному делу. Положения п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ подчеркивают значимость ст. 51 Конституции Российской Федерации и детализируют ее в отношении потерпевших, которые вправе отказаться свидетельствовать против себя и близких родственников. В то же время при согласии на дачу показаний он должен предупреждаться о

дальнейшем использовании его показаний по уголовному делу как доказательства.

Следует отметить, что ст. 42 УПК РФ содержит некоторую двусмысленность относительно дачи показаний потерпевшими. Согласно п. 2 ч. 2 данной статьи потерпевшие имеют право давать показания, тогда как п. 2 ч. 5 той же статьи указывает, что они не могут отказаться от дачи показаний. Некоторые специалисты полагают, что нельзя привлекать потерпевших к юридической ответственности за отказ от дачи показаний или принуждать их к этому, поскольку они уже пострадали от преступления. Этот подход только на первый взгляд может показаться обоснованным, учитывая, что потерпевшему был причинен ущерб преступлением. Однако известны ситуации, когда потерпевший своим противоправным или аморальным поведением провоцирует совершение преступления, что является смягчающим обстоятельством (п. «з», ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). В подобных случаях для объективной оценки правовой ситуации не обойтись без показаний потерпевшего, и потому использование принудительных мер или привлечение к ответственности потерпевшего могло бы способствовать установлению истины и справедливости по уголовному делу. Полагаю целесообразным исключить право на дачу показаний у потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных ст. 51 Конституции РФ. Ответственность по ст. 308 УК РФ будет в полной мере служить гарантией со стороны государства от «недобросовестных показаний потерпевших».

2. Неудачно законодатель сформулировал право в п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ указав, что потерпевший вправе «представлять доказательства». Общеизвестно, что потерпевший не выступает субъектом доказательственной деятельности будучи участником-непрофессионалом, он не вправе собирать доказательства и признавать их таковыми. Содержание ст. 86 УПК РФ предоставляет потерпевшему право на участие в сборе доказательств путем представления предметов и документов, которые впоследствии могут быть признаны доказательствами. Кто принимает окончательное решение о том, что может являться доказательством по уголовному делу, а что нет: только должностное лицо, надлежащий субъект расследования, установленный ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Следовательно, употребление слова «доказательства» применительно к правам потерпевшего использовано неверно. Потерпевший предоставляет предметы, документы, сведения и т. п., которые могут стать доказательствами, но только при их процессуальном оформлении лицом, осуществляющим производство по уголовному делу.

Следует констатировать тот факт, что права потерпевшего в доказывании сформулированы недостаточно определенно, что не может не вызывать проблемы в правоприменении. Роль потерпевшего в собирании доказательств представлена довольно пассивно, учитывая, что у потерпевшего нет широких возможностей для истребования, например, каких-либо необ-

ходимых ему документов для отстаивания своей правовой позиции по уголовному делу. В этом вопросе потерпевшему мог бы помочь представитель-адвокат, на которого потерпевший имеет право. Однако адвокат участвует в уголовном деле со стороны потерпевшего только по соглашению, что предполагает определенные материальные затраты, в то время как не все потерпевшие могут позволить себе финансовые расходы. Таким образом, очевидно, что необходимо совершенствовать правовые возможности потерпевшего в процессе доказывания, учитывая, что законодатель указывает его в ст. 86 УПК РФ.

3. Потерпевший вправе заявлять ходатайства. Так, согласно п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, потерпевший вправе заявить ходатайство о производстве следственных действий и участвовать в них, а также знакомиться с протоколами данных следственных действий. Следует отметить, что хотя инициатива проведения таких действий исходит от потерпевшего, сам факт участия в них требует специального разрешения со стороны следователя или дознавателя. Даже право на ознакомление с протоколами следственных действий предусмотрено только в том случае, если потерпевший принимал участие в этом действии. Таким образом, право на ходатайство о производстве какого-либо следственного действия и участия в нем у потерпевшего существует, однако обязанность у должностных лиц удовлетворять подобные ходатайства и приглашать потерпевшего для участия в этих следственных действиях отсутствует. В качестве гарантий реализации этого права потерпевшего на участие в следственных действиях можно выделить несколько положений: право на подачу ходатайств о проведении следственных действий закреплено законодательно; должностные лица, занимающиеся предварительным расследованием или судебные органы, обязаны рассматривать такие ходатайства и разрешать их; если результаты следственного действия имеют значение для уголовного дела, то ходатайство должно быть удовлетворено; в случае отказа в удовлетворении ходатайства, должностные лица должны обосновать свое решение; потерпевший имеет возможность обжаловать отказ в удовлетворении ходатайства, а также подать его повторно.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о праве потерпевшего на заявление ходатайства об избрании меры пресечения обвиняемому. Среди оснований избрания меры пресечения в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ прямо указано наличие оснований полагать, что обвиняемый может угрожать, в том числе и потерпевшему. Соответственно, потерпевший, понимая угрозу собственной безопасности или после получения реальных угроз, может опасаться нахождения обвиняемого вне контроля правоохранительных органов. Как верно заметил Л. В. Брусницын: «УПК РФ не содержит прямого указания на право потерпевшего ходатайствовать об избрании меры пресечения. Тем не менее он обладает этим правом, исходя из содержания п. 5 ч. 2 ст. 42 и ч. 1 ст. 119 Кодекса, которые не ограничивают его в заявлении

ходатайств о принятии процессуальных решений, имеющих значение для обеспечения его законных интересов» [4, с. 40]. Изучение правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что потерпевшие не то чтобы крайне редко ходатайствовали о мере пресечения подозреваемому, обвиняемому, но и их отсутствие в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя о заключении под стражу является необязательным, поскольку не предусмотрено ст.ст. 42, 108 УПК РФ.

Считаю необходимым дополнить п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ положением о праве потерпевшего на участие в судебных заседаниях открытого типа в ходе досудебного производства.

Представляется очевидным, что потерпевший как участник уголовного процесса со стороны обвинения должен иметь достаточную совокупность прав и обязанностей, которые позволили бы ему в полной мере реализовать свое предназначение в уголовном судопроизводстве, защищая и отстаивая свои интересы. Перспективы для законодательного совершенствования указанного процесса имеются, и они вполне реальные, учитывая конкретные предложения ученых и практиков, высказанные, в том числе и авторами данной статьи.

Библиографический список

1. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997. 443с.

2. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // Российская газета. 2010. № 147.

3. Стародубова Г. В. Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе : субъективный аспект // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 29–31.

4. Брусницын Л. В. Право потерпевшего обжаловать неизбрание меры пресечения // Уголовный процесс. 2009. № 6. С. 37–40.

© Жамкова О. Е., 2025

УДК 343.1

Журабеков Т. М. – преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Академии МВД Республики Узбекистан (Республика Узбекистан, г. Ташкент)

ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ИССЛЕДОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В СУДЕ

THE IMPORTANCE OF INVESTIGATIVE ACTIONS WHEN EXAMINING EVIDENCE, EXAMINING EVIDENCE AT THE SCENE DURING THE CONSIDERATION OF THE CASE IN COURT

Аннотация. В статье проанализировано значение исследования доказательств на месте происшествия при расследовании дела в суде с научной и сравнительно-правовой точки зрения.

Abstract. The significance of the examination of evidence at the scene of the incident in the investigation of the case before the court was analyzed from a scientific and comparative legal point of view.

Ключевые слова: исследование показаний на месте происшествия, виды доказательств, исследование доказательств, следственные действия следователь, следователь, прокурор.

Keywords: examination of testimony at the scene of the incident, types of evidence, examination of evidence, investigative actions investigator, investigator, prosecutor.

В уголовно-процессуальном законодательстве следственные действия занимают особое место, определяя содержание предварительного следствия, а также содержание судебного следствия [1, с. 4–5]. В следственной практике для полного и эффективного раскрытия преступлений следователем проводятся соответствующие следственные действия. Следственные действия можно определить как совокупность методов, установленных законами уголовного процесса и обеспеченных принудительной силой государства, служащих для целей выявления, проверки, сопоставления, фиксации и оценки соответствующей информации о доказательствах, имеющих значение для расследования преступлений. Каждое следственное действие проявляется как специфические методы исследования, используемые для выявления и отражения определенного вида доказатель-

ной информации. Понятие проверки показаний на месте происшествия также непосредственно соответствует вышеупомянутому понятию следственных действий.

В целях доказывания виновности лица, совершившего преступление, в ходе предварительного следствия должны быть представлены соответствующие доказательства по уголовному делу, являющиеся основанием для установления его виновности или невиновности. Эти доказательства также выявляются путем проведения следственных действий, предусмотренных ст. 87 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (далее – УПК Республики Узбекистан). Глава 15 действующего УПК Республики Узбекистан «Проверка показаний на месте происшествия» посвящена следственному действию.

Проверка показаний на месте происшествия является самостоятельным следственным действием. В данном следственном действии дознаватель, следователь, суд проверяют показания подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, свидетелей и потерпевших путем восстановления определенных обстоятельств на месте происшествия.

Целью проверки показаний на месте происшествия является обнаружение вещей, документов, следов и признаков, известных лицу, чьи показания проверяются, но неизвестных дознавателю, следователю и суду; указание лицом места нахождения вещей, документов, следов, обнаруженных в ходе следствия или судебного разбирательства; указание лицом места или направления, имеющего значение в деле для выявления сходств и различий в показаниях нескольких лиц об одном и том же происшествии; установление правильности показаний путем восстановления обстоятельств и сравнения их с условиями места происшествия. Результаты проверки показаний подозреваемого, обвиняемого или подсудимого на месте происшествия, знания этих лиц об определенных событиях имеют доказательственную силу лишь в том случае, если они свидетельствуют об их причастности к совершению преступления.

Что касается определения следственного действия по проверке показаний на месте происшествия, то в юридической литературе многие ученые-правоведы высказали ряд мнений и соображений относительно понятия данного следственного действия.

Лицо, показания которого проверяются, указывает место и события, связанные с расследуемым преступлением, основываясь на данных, предоставленных им в предыдущем протоколе допроса. На основании обстоятельств, выявленных по делу в ходе данного следственного действия, следователь при повторной демонстрации показаний на месте определяет, соответствуют ли эти показания действительности. Сопоставляя результаты данного следственного действия с другими данными, имеющимися в деле, следователь выносит заключение о достоверности или недостоверности проверяемых показаний.

Хотя изложено, что на основании обстоятельств, выявленных в ходе данного следственного действия, следователь определяет, соответствуют ли эти показания действительности при повторной демонстрации показаний на месте, точные границы порядка повторной демонстрации не определены. Это связано с тем, что повторная демонстрация, помимо проверки показаний на месте происшествия, также присутствует в экспериментальных следственных действиях. Между этими двумя следственными действиями есть свои отличительные особенности повторной демонстрации. Таким образом, они не указали, как лицо должно демонстрировать свои показания во время проверки показаний на месте происшествия.

Содержание этого действия заключается в указании обвиняемым (подозреваемым) или свидетелем (потерпевшим) определенного места, связанного с действиями, совершенными на месте преступления и сравнении данных вышеуказанных лиц с обстоятельствами, имеющими место и соответствующими действительности, а в некоторых случаях – в демонстрации нескольких действий.

В ходе анализа приведенных выше определений становится ясно, что в процессе проверки показаний на месте происшествия лицу, чьи показания проверяются, разрешается демонстрировать определенные действия. В. Я. Колдин также согласен с этим мнением [2, с. 341]. Однако А. Н. Васильев, С. С. Степичев, Р. С. Белкин в своих замечаниях не указали конкретно, каким образом лицо должно демонстрировать свои показания в ходе проверки показаний на месте происшествия. По мнению Л. А. Соя-Серко, лицо, показания которого проверяются, демонстрируя отдельные действия, исследует фактические условия данного места и делает акцент на том, что здесь лицо демонстрирует только отдельные действия. Из мнений вышеупомянутых ученых можно сделать вывод, что среди них мнение Л. А. Соя-Серко, на наш взгляд, имеет более точное определение, так как мы понимаем данное следственное действие как комплексное следственное действие.

Целью данного следственного действия является проверка показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля и определение их достоверности и надежности.

На сегодняшний день некоторые авторы, свободно рассуждая относительно названия данного следственного действия, используют понятия, не соответствующие его терминологии, закрепленной в законодательстве. Например, Г. Окмаматова, описывая данное следственное действие, рассуждает следующим образом: «Проверка показаний на месте происшествия – это процессуальное действие, проводимое с участием понятых для проверки сведений, содержащихся в показаниях подозреваемого, обвиняемого, а иногда и потерпевшего и свидетелей, обстоятельств, связанных с местом происшествия, и определения некоторых деталей» [2, с. 69]. В целом, Г. Окмаматова дала правильное определение данному следственному действию, но допустила грубую ошибку в его названии.

Тот факт, что Г. Акмаматова назвала следственное действие «проверка показаний на месте происшествия» – «проверкой показаний на месте», противоречит требованиям уголовно-процессуального закона, поскольку ст. 132 УПК Республики Узбекистан определяет данное следственное действие как проверку показаний на месте происшествия.

Если обратить внимание на написание слова «кўрсатма», то оно используется в значении соответствующего распоряжения, приказа, рекомендации. Ввиду этого Г. Окмаматова рассуждает о «следственном действии», которое вообще не возникло в нашем законодательстве, поскольку она подошла к данному следственному действию по своему усмотрению по отношению к термину, названному законодателем. По этой причине мы не согласны с этим мнением, поскольку каждое следственное действие должно называться именем, предусмотренным законом.

Проверка показаний на месте происшествия, несмотря на некоторые сходства, по сути отличается от таких следственных действий, как допрос, осмотр, предъявление преступника для опознания, эксперимент.

Проверка показаний на месте служит более широким целям, чем допрос. Во-первых, допрашиваемое лицо должно продемонстрировать механизм события, происходившего на месте расследования, восстановить событие в памяти, рассказать о нем более полно, всесторонне и давать объективные показания. Во-вторых, в процессе проверки показаний на месте происшествия следователь не только слышит показания, но и имеет возможность непосредственно наблюдать за выражающими их действиями, лучше понимать представленные предметы, здания и земельные участки на основе сравнения с проверяемыми показаниями. В-третьих, при повторении показаний на месте происшествия и фиксации их результатов документируются не только показания конкретного лица, но и действия других участников, результаты исследования места, предметы, следы, а также фактические данные, полученные в реальных условиях и обстоятельствах. Кроме того, при проведении данного следственного действия обязательно требуется участие понятых и свидетелей.

В процессе проверки показаний на месте происшествия проверяется и фиксируется только сама местность, здание, земельные участки, указанные лицом. Если место, где были даны показания ранее было обследовано или обыскано, то во время обследования или обыска состояние предметов может быть изменено, и они могут быть даже приобщены к следственному делу. Такие изменения отражаются в протоколе, что позволяет правильно оценить проверяемые показания лица. Например, человек указывает на колодец, в который он выбросил нож; тот факт, что ранее следователь нашел нож в этом колодце и приложил его к делу, свидетельствует о достоверности показаний.

Показания могут быть проверены в местах (зданиях), которые ранее не осматривались или не подвергались обыску. При необходимости в дальнейшем можно провести более тщательный осмотр и обыск. Здесь

также следует отметить, что показания лица могут быть проверены на месте происшествия только после его допроса.

В процессе проверки показаний на месте происшествия психологическое воздействие на лицо, чьи показания проверяются, позволяет оживить ассоциативные связи и помогает восстановить более подробное впечатление о произошедшем событии и некоторых его обстоятельствах. Как результат, в показаниях свидетеля или обвиняемого может содержаться дополнительная информация или некоторые обнаруженные следы, скрытые предметы, труп и другие подобные новые доказательства.

Таким образом, цель проверки показаний на месте происшествия заключается не только в раскрытии преступления, но и в установлении причин, состава преступления и обстоятельств, способствовавших его совершению.

Из вышеизложенного следует, что проверка показаний на месте происшествия – довольно распространенное и иногда незаменимое следственное действие, всесторонне применяемое при раскрытии и расследовании различных преступлений.

Таким образом, проверка показаний на месте преступления является самым надежным и незаменимым средством установления обстоятельств преступления при помощи потерпевших, свидетелей, подозреваемых, получения от них первичной информации о преступлении и о лице, его совершившем. Роль данного следственного действия в проверке доказательств несравнима, поэтому дальнейшее совершенствование правовых основ проверки показаний на месте происшествия имеет важное значение для полного, всестороннего и объективного проведения следственных действий.

Библиографический список

1. Миразов Д. М. Восстановление обстановки совершения преступления – важный источник доказательств по уголовному делу. Ташкент, 1997. 4–5 б.

2. Колдин В. Я. (автор главы). Следственный эксперимент и проверка показаний на месте. Криминалистика : учебник для юридич. вузов. М. : Изд-во МГУ, 1963. 341 с.

3. Акмаматова Г., Проверка показаний на месте // Жизнь и закон. 2002. № 2, 69 б.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан : (с изменениями и дополнениями до октября 2024 года) : Официальное издание // Министерство юстиции Республики Узбекистан. Т. : Центр правовой информации «Адолат», 2024. Б.

© Журабеков Т. М., 2025

УДК 343.1

Зайцева Е. А. – профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Волгоград)

ВНОВЬ О БАЛАНСЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

AGAIN ABOUT THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к уяснению баланса частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве. Автор дискутирует с учеными, утверждающими, что в уголовном процессе проявляется тренд на усиление частных начал, которым публичные начала уступают ведущую роль. Автор констатирует, что баланс частного и публичного в уголовном судопроизводстве, независимо от деклараций в основном законе страны, меняется в зависимости от развития общественных отношений и установок правящих элит.

Abstract. The article discusses theoretical approaches to understanding the balance of private and public principles in criminal proceedings. The author discusses with scientists who claim that the criminal process shows a trend towards strengthening private principles, to which public principles give way to a leading role. The author states that the balance of private and public in criminal proceedings, regardless of the declarations in the basic law of the country, varies depending on the development of public relations and attitudes of the ruling elites.

Ключевые слова: публичный интерес, частный интерес, баланс частного и публичного, принцип состязательности сторон, уголовное судопроизводство.

Keywords: public interest, private interest, balance of private and public, the principle of adversarial parties, criminal proceedings.

В первый номер (за этот год) научно-практического журнала «Правовое государство: теория и практика», издаваемого Институтом права Уфимского университета науки и технологий, я направила для опубликова-

ния статью «Возвращение уголовного дела прокурору и обеспечение баланса публичного и частного интереса». Данный специальный номер был посвящен «нетленной» проблематике – балансу публичного и частного начал в уголовном процессе. И, пожалуй, редко кто из авторов, пишущих по вопросам принципов уголовного судопроизводства, реализации уголовно-процессуальной политики и правообеспечения, не занимался упомянутой важной темой, касающейся сущностных черт уголовного процесса. Этим и объясняется мое внимание к аспектам частного и публичного в указанной сфере деятельности, что и предопределило направленность и содержание моего доклада, публикуемого в материалах VI Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовного процесса: пути решения». К тому же от внимания автора настоящих строк не ускользнула и новая диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, появившаяся на сайте Уральского государственного юридического университету имени В. Ф. Яковлева, озаглавленная как «Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства» [1], которая вызвала у меня интерес двоякого свойства: и с точки зрения проблематики того самого баланса публичного и частного, и с концептуальных позиций использования специальных познаний в уголовном процессе.

Рассуждая о частном и публичном в уголовном судопроизводстве, обычно обращаются к корреляции соответствующих интересов, воплощаемых в тех или иных нормах и институтах с различной степенью интенсивности, что позволяет говорить о глубине действия публичных и частных начал в уголовном процессе. Относительно тех самых интересов следует обратить внимание на противоречивость высказываний Е. П. Гришиной, которая на с. 63 своей диссертации пишет: «Личный характер интереса, в т. ч. наличествующего в уголовном судопроизводстве, не означает его конфронтацию с публичным интересом, противопоставление устремлений конкретного человека желаниям и поступкам других членов общества» [1, с. 63] (здесь и далее курсив наш – Е. А. З). Полагаем, это неточное и схематизированное представление. Жизнь богаче и разнообразнее, она показывает различные формы сопряжения личного, частного интереса с интересом публичным. Буквально сам автор на с. 70 диссертации далее утверждает: «Интересы конкретного индивида, являющегося участником уголовного судопроизводства, опосредуемые его потребностями, могут не совпадать и даже вступать в открытую конфронтацию с публичными интересами, что вполне объяснимо с позиции несовершенства (противоречивости, фрагментарности, незавершенности и т. п.) нормативной основы процесса, а также с позиции возможности возникновения дисбаланса интересов государства и личности в конкретной ситуации производства по уголовному делу» [1, с. 70].

Оперируя термином «начало», следует определить его место в ряду таких категорий, как принципы уголовного судопроизводства, так как иногда некоторые ученые не проводят различие между ними [2]. Либо рассматривают ту же публичность и в качестве принципа, и в качестве начала [3], либо характеризуют ее как явление более масштабное, чем уголовно-процессуальный принцип, обозначая ее как начало уголовного судопроизводства [4]. Согласимся с М. Т. Аширбековой, что «публичность как начало – *категория общая* и для государства, и для права в целом, и для любого вида юрисдикционного правоприменительного процесса. В природе публичности заложена социальная значимость как самого права, так и его применения. Правоприменение, осуществляемое через юридические процедуры, не может не иметь публично-правового характера, поскольку является властно-организующей деятельностью субъектов, ведущих процесс» [5, с. 7]. Этот подход подчеркивает еще одну грань публичного начала – правоприменительную (процедурную и субъектную), высвечивая особую роль властных субъектов (носителей публичной власти) с точки зрения применения норм права. Таким образом, и содержательно, и формально, и процедурно, публичное начало является *глубинным свойством уголовного процесса*, проистекающим из его социального предназначения в государстве как инструмента реализации уголовной политики.

Безусловно, текстуальное закрепление такого понимания публичного начала в уголовном процессе несколько бы диссонировало с трендами демократического преобразования российской правовой системы, нашедшими воплощение в Концепции судебной реформы [6] и в разработке проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) группой процессуалистов под руководством Е. Б. Мизулиной, тема докторской диссертации которой, кстати, звучала вполне определенно: «Уголовный процесс: концепция самоограничения государства»[1] [7]. Подход законодателя к формулированию назначения уголовного судопроизводства, зафиксированного в ст. 6 УПК РФ [9], показывает доминирование частного интереса над публичным, что логично с точки зрения идеологии уголовно-процессуального кодекса, в первоначальную редакцию которого было заложено множество институтов, отражающих правозащитный и правообеспечительный тренд обновленного законодательства. К такому выводу (о примате частного над публичным в публичной по своей природе уголовно-процессуальной отрасли права) приходит любой читатель второй главы кодекса, которую, как визитная карточка, открывает ст. 6 УПК РФ, презентующая назначением уголовного процесса, в первую очередь, защиту интересов частных лиц, а уж потом – «уголовное преследование и на-

[1] В своей одноименной монографии, опубликованной в 1991 г. в г. Тарту, этот автор подчеркивает: «*Государства в уголовном процессе так много*, что оно вытесняет личность /и обвиняемого, и даже потерпевшего/» [8].

значение виновным справедливого наказания». И то, в определенном смысле даже в этих двух последних важных аспектах деятельности публичных органов можно усмотреть следование идее защиты частного интереса – того же потерпевшего, к примеру, который, по большей части, заинтересован в реализации уголовной ответственности.

Возникает закономерный вопрос: действительно ли так обстоят дела в российском уголовном процессе – в смысле «смещения крена» в сторону обеспечения частного интереса, о чем пишет Е. П. Гришина как о современном тренде уголовного процесса?[1] Или все-таки соблюдается баланс частного и публичного в этой важной сфере государственной деятельности? Здесь уместно вспомнить меткое выражение А. В. Смирнова, который очень точно отразил предназначение уголовного судопроизводства: «после войн и революций именно уголовный процесс на протяжении веков оставался в руках политической элиты самым острым, самым заветным орудием политической борьбы» [10].

И это – данность, объективная закономерность, которую нельзя игнорировать, руководствуясь любыми благими намерениями, в стремлении достичь надлежащего уровня цивилизованности уголовного процесса, придать ему правозащитный и правообеспечительный характер. Уголовный процесс – это негативная реакция государства (порой весьма жесткая, с серьезным ограничением охраняемых Конституцией [11] ценностей) на факт совершения запрещенного уголовным законом деяния. Это способ воплощения в жизнь уголовной политики государства, которое, защищаясь от различных криминальных проявлений, не может в ходе этой борьбы пренебречь своими интересами коллективного субъекта в угоду интересам индивидуальных субъектов. На первый взгляд, это звучит несколько цинично. Особенно на фоне правозащитной риторики во многих юридических журналах. Но в связи со сказанным вспоминается мнение Ю. К. Орлова, которое показывает, по нашему глубокому убеждению, реальное соотношение публичных и частных интересов в любом государстве: «Когда речь заходит о более высоких социальных ценностях, интересы отдельной личности отходят на задний план либо вообще не принимаются в расчет <…>. Таким образом, примат интересов отдельной личности над социальным – не более чем химера, иллюзия, утешительный самообман, самомнение и притязание человечного разума» [12, с. 9].

---

[1] Формируя свою концепцию, Е. П. Гришина утверждает: «Правильный и плодотворный путь к пониманию соотношения частного и публичного начал уголовного судопроизводства предполагает представление частного начала в качестве правовой (процессуально-правовой) составляющей публичного, существующей под его эгидой, отражающей смысловую целостность последнего, несмотря на укрепляющуюся в последние десятилетия тенденцию автономизации их развития, при которой в отдельном сегменте уголовно-процессуальных отношений *публичное начало уступает ведущую роль частному*» [1, с. 49].

Рассуждая об этой проблеме, невольно приходишь к мысли, что, несмотря на то обстоятельство, что в каждом государстве всегда публичный интерес довлеет над частным интересом, *государства по-разному фиксируют этот факт в своих законодательных актах* – с учетом выраженности стремления выглядеть демократичным и цивилизованным политическим образованием. *Данное стремление с различными нюансами (в зависимости от степени выраженности правового цинизма элит) отражается в основном законе страны и нормативных актах, которые в системе своей закрепляют тот самый баланс, соответствующий чаяниям правящих элит и частично – ожиданиям народонаселения той или иной страны.* При этом следует учитывать, что закрепленный в законах баланс частного и публичного начал не всегда в плоскости реальных правоотношений находит свое воплощение в том формате, который заложен нормативной базой государства. Декларативность многих нормоустановлений, далеких от объективных общественных потребностей и возникающих из них общественных отношений, приводит к тому, что в действительности правового бытия складывается иное соотношение «ценностей», отличное от заявленного законодателем.

О балансе частного и публичного интересов нередко рассуждает в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), проверяя соответствие конституционно-правовым смыслам тех или иных предписаний нормативных правовых актов. И, в зависимости от политической ситуации, решение вопроса о наличии этого баланса в регулируемых проверяемым нормативным правовым актом отношениях, может различаться даже в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Так, применительно к сфере административных отношений специалисты замечали смещение акцента в выстраивании того самого баланса: «несмотря на декларируемую конституционную ценность – обеспечение баланса частных и публичных интересов, КС РФ в последнее время отдает приоритет защите публичных интересов» [13]. Аналогичные высказывания можно найти в научной литературе по земельному праву [14], финансовому праву [15]. Пожалуй, внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка влияет на отношение государства к поддержанию данного баланса в определенном ракурсе – с учетом решаемых задач по приданию стабильности всей системе государства в тех или иных условиях (что, кстати, сказывается и на деятельности КС РФ).

Не является исключением и сфера уголовно-процессуального права, применительно к которой правовые позиции КС РФ по ряду важных вопросов с течением времени подверглись корректуре самого органа конституционного нормоконтроля. Примером тому может послужить институт возвращения уголовного дела прокурору, который тоже стал предметом пристального внимания КС РФ в 2013 году, когда КС в знаменитом постановлении по делу Гадаева уточнил свою позицию по положению

суда в состязательном уголовном процессе [16], несмотря на ранее сформированные в период «тихой революции» [17] идейные ориентиры по этому вопросу.

Таким образом, можно заключить, что:

1) баланс частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве не является константой, это весьма подвижная «субстанция», находящаяся под воздействием постоянно развивающихся общественных отношений (объективный фактор) и запросов правящих элит (субъективный фактор);

2) современный период развития уголовного судопроизводства ошибочно ассоциировать с уступкой «позиций» публичных начал в пользу укрепления «ведущей роли частного начала».

Библиографический список

1. Гришина Е. П. Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 481 с. URL: https://xn--c1azic8c.xn--p1ai/science/dissovet/info-dissert.php?dissovet=7&dissert=616&ann (дата обращения: 18.03.2025).

2. Гарашко А. Ю. Соотношение норм права и принципов права в правовой системе : первичность происхождения // Advances in law studies. 2021. Том 8. № 4. С. 6–10. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41825/view (дата обращения: 18.03.2025).

3. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в головном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 554 с.

4. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. 405 с.

5. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства : понятие, содержание и пределы действия : дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. 485 с.

6. О Концепции судебной реформы в РСФСР : Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

7. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс : Концепция самоограничения государства : дис. …д-ра юрид. наук. М., 1993. 269 с.

8. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс : Концепция самоограничения государства : монография. Тарту, 1991. 148 с. URL: https://www.yabloko.ru/Persons/Mizul/Miz_book1.htm#1_1 (дата обращения: 28.02.2025).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Смирнов А. В. Российский уголовный процесс : от заката до рассвета. URL: https://www.iuaj.net/node/1668 (дата обращения: 28.02.2025).

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юрист, 2009. 175 с.

13. Алимов Э. В., Алимова Д. Р., Гаджиев Х. И. [и др.]. Защита данных : научно-практический комментарий к судебной практике / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Абанина Е. Н., Аверьянова Н. Н., Анисимов А. П. [и др.]. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / под общ. ред. А. П. Анисимова. М. : Юстицинформ, 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Лысова-Бахарева Ю. В. Контроль агентов первичного финансового мониторинга за банковскими операциями своих клиентов как ограничение субъективных гражданских прав в банковской сфере // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 9. С. 73–88. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881.

17. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.

© Зайцева Е. А., 2025

УДК 343.140.02

Зуев С. В. – профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Челябинск)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОБЩЕЕ, РАЗЛИЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

EVIDENCE IN ELECTRONIC FORMAND ELECTRONIC EVIDENCE: GENERAL, DIFFERENCES, PROSPECTS

Аннотация. В статье автором рассматривается соотношение доказательств в электронном виде и электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Раскрываются общие и отличительные черты содержания данных понятий. Определяется перспектива дальнейшего развития электронного доказывания по уголовным делам.

Abstract. In the article, the author considers the correlation of electronic evidence and electronic evidence in criminal proceedings. The general and distinctive features of the content of these concepts are disclosed. The prospect of further development of electronic evidence in criminal cases is determined.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация уголовного судопроизводства, электронные доказательства, электронная информация.

Keywords: criminal procedure, digitalization of criminal proceedings, electronic evidence, electronic information.

В последнее десять–пятнадцать лет среди ученых и практикующих юристов активно обсуждаются вопросы, связанные с возможностью использования в доказывании по уголовным делам электронных доказательств. Тема стала приобретать все большее значение, когда на практике все чаще стали использовать файлы и SMS-сообщения в доказывании по уголовным делам.

Следует отметить, что в 2020 году вышла в свет коллективная работа «Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве», где авторами было предложено свое понимание того, что следует считать электронными доказательствами. По их мнению, это «любая цифровая информация и ее носители, полученные следователем, дознавателем, судом или представленные в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодек-

сом, устанавливающие обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела» [6, с. 17]. Достаточно условное обозначение данного феномена.

Интерес также представляет определение понятия «электронные доказательства», данное в другой научной работе, где под этим предложено понимать электронную информацию, полученную в порядке, установленном настоящим Кодексом, и используемая в доказывании по уголовным делам для установления обстоятельств, указанных в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3, с. 275].

На практике электронными доказательствами стали обозначать вещественные доказательства и иные документы, содержащие данные в электронном виде, имеющие доказательственное значение по уголовным делам. При этом электронными доказательствами стали признавать электронные сообщения, электронные документы и иные документы в электронной форме, цифровые аудио- и видеозапись, фотоизображение, информацию на интернет-порталах публичных органов и организаций, в СМИ, SMS-сообщения, бизнес-мессенджеры и социальные сети, электронные копии (образ) документа, цифровой отпечаток сайта (веб-архивы) и др. [2; 7].

Одновременно Е. Р. Россинская отмечает, что электронные доказательства не следует отождествлять с электронным документооборотом, в котором используются вещественные доказательства и документы, отображаемые цифровым аудиовизуальным способом. В последнем случае можно говорить об информационно-компьютерном обеспечении судопроизводства и расследования преступлений [4, с. 196].

Что же из себя представляют электронные доказательства и когда их можно полноценно применять по уголовным делам?

А. В. Смирнов в своей статье пишет: электронное доказывание (если оно когда-то будет возможно) есть новое качество правоприменительного процесса, когда не только получение доказательств, но и их исследование и, самое главное, оценка сможет производиться машинным способом [5, с. 27]. С этим вполне можно согласиться, поскольку электронное доказывание – это производство по уголовным делам в электронном формате, использование цифровой платформы и сквозных технологий, включая искусственный интеллект. Представляется, что за этим стоит будущее уголовного процесса.

Электронные доказательства и доказательства в электронном виде объединяет использование данных в электронном виде в доказывании по уголовным делам; необходимость проверки на относимость, достоверность и допустимость. Различия заключаются в порядке получения, обработки и использования с учетом развития цифровых технологий.

Порядок обращения с доказательствами в электронном виде, представленными как вещественные доказательства или иные документы, мало чем отличается от использования других доказательств в письменном или натуральном (то есть предметном) виде. И в данном случае устоявшиеся, традиционные правила доказывания привычным образом пригодны для их проверки и оценки участниками уголовного процесса.

Если «обычные доказательства», включая доказательства в электронном виде, предназначены для восприятия человеком, то электронные доказательства – для обработки с помощью технологий. Можно констатировать, что последние на сегодня не сравнимы с сознанием человека, его внутренним убеждением, поскольку доказывание – удел здравомыслящих существ. Для искусственного интеллекта характерно применение программных алгоритмов, основанных на оперировании электронными сигналами, преобразованными в цифровые знаки.

Длительное время доктринально доказательство рассматривалось как «сведения о фактах», а также как «доказательственный факт». По мнению Б. Т. Безлепкина, «доказательственный факт – это уже проверенные сведения, достоверность которых сомнений не вызывает, и поэтому его можно использовать как готовый элемент в логических конструкциях для получения итоговых знаний об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания» [1, с. 71]. Далее автор приводит пример, когда данные в акте обнаружения недостачи товарно-материальных ценностей подтверждаются заключением судебно-бухгалтерской экспертизы и образуют совокупность, то есть факт хищения. Аналогично устанавливается факт убийства, когда показания свидетеля подтверждаются найденными останками трупа на месте преступления [1, с. 71]. И с этим вряд ли можно поспорить. Однако при переходе на электронное производство по уголовным делам доказательственный факт вряд ли может быть установлен в традиционным его представлении, поскольку в работу включаются современные технологии, в том числе искусственный интеллект, которые свободны от человеческой логики и субъективных предубеждений.

В электронном уголовном процессе, наполненном технологиями искусственного интеллекта, аналогичным образом должен устанавливаться цифровой факт и определяться степень его достоверности. При этом за человеком, то есть за судом (судьей) остается окончательная оценка роли каждого подсудимого в инкриминируемом ему преступном деянии и, опираясь на внутреннее убеждение, назначение наказания.

Цифровой факт в уголовном процессе – это сгенерированный при помощи алгоритмов искусственного интеллекта человекочитаемый вывод о том, что полученные знания соответствуют исследуемому событию и могут быть использованы в доказывании по уголовному делу пока не будут опровергнуты в установленном законом порядке. При этом итоговая степень достоверности цифрового факта будет складываться из совокупности

определяемых системой связей, с учетом их силы между имеющимися разрозненными, загруженными в нее (в систему) электронными данными.

Таким образом, доказательства в электронном виде, как и «обычные доказательства», направлены на установление доказательственного факта, тогда как электронные доказательства будут предназначены для поиска своего цифрового аналога. В этом заключается их основное различие, значение и важность в уголовном процессе.

Библиографический список

1. Безлепкин Б. Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М. : ПРОСПЕКТ, 2013. 288 с.

2. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ : монография. М. : Проспект, 2022. 248 с.

3. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства : монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2025. 321 с.

4. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

5. Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект : что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24–31.

6. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве / С. В. Зуев, Д. В. Бахтеев, В. Б. Вехов [и др.]. М. : Юрайт, 2020. 193 с.

7. Электронное правосудие : монография / Е. В. Бурдина [и др.]; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 344 с.

© Зуев С. В., 2025

УДК 343.1

Иваньяков М. А. – научный сотрудник федерального казенного учреждения «Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

INSTITUTE OF RECONCILIATION WITH THE VICTIM IN CASES OF VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES

Аннотация. В статье автором рассматриваются проблемные вопросы потерпевшего как элемента состава преступления, предусмотренного статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также возможные варианты правового урегулирования обозначенных проблем в целях обеспечения прав и свобод граждан.

Abstract. In the article, the author examines the problematic issues of the victim as an element of the crime provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as possible options for legal regulation of the identified problems in order to ensure the rights and freedoms of citizens.

Ключевые слова: потерпевший, примирение с потерпевшим, прекращение уголовного дела, вред здоровью, дорожно-транспортное происшествие.

Keywords: victim, reconciliation with the victim, termination of the criminal case, harm to health, road traffic accident.

Согласно официальным статистическим данным в 2023 году за преступления, совершенные против безопасности дорожного движения, осужден 57 601 человек [1]. При этом по ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) осуждено 8 098 человек. В большинстве случаев, а именно в 37 % субъект привлекался к ответственности по ч. 1 данной статьи, то есть причинял тяжкий вред здоровью потерпевшего. К основным видам наказаний, назначенным осужденным по ст. 264 УК РФ, можно отнести ограничение свободы, условное лишение свободы и лишение свободы [2].

Вместе с тем, рассматривая ст. 264 УК РФ, нельзя не упомянуть о таком институте уголовного законодательства, как освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Следует сказать, что институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим занимает особое место в правоотношениях, затрагивающих безопасность дорожного движения. В первую очередь это относится к преступлениям в области нарушения правил и эксплуатации транспортных средств.

А. В. Кудряшов в своей работе, опираясь на сложившуюся судебную практику, отмечает, что большая часть уголовных дел, связанных с дорожно-транспортными происшествиями (далее – ДТП), прекращается по причине примирения сторон. Данная практика складывается и по квалифицированным составам преступлений, что отрицательно сказывается на процессе повышения безопасности дорожного движения [3].

В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, которое впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред [4].

Такая процедура, как примирение сторон, возможна не только по ч. 1 ст. 264 УК РФ, но и по квалифицированным составам такого деяния, а именно по чч. 2, 3 и 5. Такой вывод следует из положений ст. 15 УК РФ, которая устанавливает категории преступлений с учетом их общественной опасности как деяния.

Судебная практика прекращения уголовных дел на основании примирения сторон и применение ст. 264 УК РФ за последние несколько лет показали, что уголовные дела по чч. 1 и 3 ст. 264 УК РФ прекращаются наиболее часто [5].

Например, Ленинск-Кузнецкий городской суд Кемеровской области 28 февраля 2024 года вынес Постановление № 1-280/2024 о прекращении уголовного дела и освобождении от уголовной ответственности гражданина. Он обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ и был освобожден на основании ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ст. 76 УК РФ. В материалах дела указано, что стороны примирились, о чем потерпевшая подала ходатайство в письменном виде. В свою очередь подсудимый принес извинения и возместил весь причиненный вред. Суд же не выявил обстоятельств, которые по своей значимости и социальной опасности не могли бы позволить освободить подсудимого от уголовной ответственности [6].

Суд при рассмотрении дел по ст. 264 УК РФ и принятии решения об их прекращении на основании примирения сторон также руководствуется Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (далее – ПП ВС № 25). Данный документ определил, что

такие решения являются их правом, а не обязанностью. Кроме того, ПП ВС № 25 установлены обстоятельства дела, которые судом должны быть учтены и проанализированы при принятии такого решения, например, предпринятые действия виновного или степень общественной опасности действий, которые он совершил. Также суд оценивает принятое им решение на его соответствие целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства [7].

Суд, как уже было отмечено ранее, имеет право отклонить ходатайство, по которому стороны примирились и уголовное дело необходимо прекратить. Однако такое решение также можно обжаловать.

Примером подобного случая может выступить Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) № 44-УД22-44-К7 от 28 декабря 2022 года. Так, судебная коллегия установила, что обвиняемая принесла извинения потерпевшему и выплатила ему денежные средства на лечение, тем самым загладила причиненный ему вред. Также потерпевший подал заявление о том, что он принял данные извинения и отказался от всех претензий. Несмотря на это постановлением суда первой инстанции был вынесен обвинительный приговор, с которым также согласились суды апелляционной и кассационной инстанции. После чего соответствующая жалоба была направлена в ВС РФ, который встал на сторону обвиняемой, отменив ранее принятые решения на основании следующих аргументов: 1) обвиняемая признала свою вину и совершила преступление небольшой тяжести впервые; 2) она возместила причиненный вред и принесла извинения; 3) потерпевший желает примириться и не имеет к ней претензий. В результате уголовное дело прекращено [8].

Возможность применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в рамках квалифицированных составов ст. 264 УК РФ можно считать несколько противоречивой, так как в ней усматриваются нарушения нравственных основ уголовного права и принципа уголовного права о справедливом наказании.

В части нравственных основ рассматриваемого состава преступления несколько спорным является момент перехода прав потерпевшего. Он выражен в возможности представителей потерпевшего обладать правом совершения действий, которые не отвечают интересам погибшего. К таким интересам, в частности, можно отнести право на уголовное преследование лица, виновного в ДТП и отнявшего у него жизнь.

Противоречием нравственным основам уголовного права также является денежная оценка жизни человека, который пострадал от уголовно-наказуемого деяния, выступающая в качестве основания прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности. Она принижает ценность человеческой жизни, которая является самой высшей ценностью общества. Одним из вариантов решения данной проблемы высту-

пает установка запрета на прекращение уголовного дела на основании примирения с потерпевшим по тем уголовным делам, где в качестве последствия выступает смерть человека [9].

В своих трудах А. В. Кудряшов указывает на то, что примирение сторон по ч. 5 ст. 264 УК РФ является недопустимым. Вместе с тем им предложен вариант решения данной проблемы посредством внесения изменений в действующее законодательство, а именно в ст. 76 УК РФ. Такие изменения должны были ограничить возможность применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в отдельных частях ст. 264 УК РФ [3].

Возможность примирения сторон по квалифицированным составам ст. 264 УК РФ бесспорно является дискуссионной темой и требует тщательного рассмотрения.

Обратимся к абз. 3 п. 16 ПП ВС № 25, утвердившему в качестве обязательного условия признания лица потерпевшим – причинение ему тяжкого вреда здоровью.

Положения, приведенные в п. 16 ПП ВС № 25, по мнению большинства юристов в отдельных случаях приводят к ущемлению прав граждан, в частности, их права на защиту от преступных посягательств, которое является конституционным.

Кандидат юридических наук Г. В. Софронов в своей работе приводит пример подобной ситуации. Так, на перекрестке пересечения улиц происходит столкновение двух транспортных средств, произошедшее по вине одного из водителей, который начал движение на запрещающий сигнал светофора. После столкновения виновник ДТП на своем транспортном средстве продолжил движение, так как находился в неконтролируемом заносе. Далее им совершен наезд на двух пешеходов, один из которых скончался от полученных травм, а другому причинен вред здоровью средней тяжести. В результате произошедшего и установленных последствий пешеход, которому причинен вред здоровью средней тяжести лишился ряда прав, предусмотренных УПК РФ, так как его невозможно признать потерпевшим в данной ситуации, хоть он также выступает пострадавшим по данному ДТП [10].

Приведенный в примере пешеход не наделен статусом потерпевшего по уголовному делу, а значит и не приобрел всех его прав в соответствии ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Все это привело к тому, что у него отсутствовала информация о фактических обстоятельствах и движении уголовного дела, повлиявшее на его возможность заявить гражданский иск и возмещении морального и имущественного вреда. Безусловно, данный гражданин не лишен права заявить гражданский иск, но все же можно утверждать, что в такой ситуации имеет место ущемление прав.

Ущемление также возможно проследить в том, что от одних и тех же действий пострадали два лица, однако, например, близкий родственник

одного из пешеходов приобрел статус потерпевшего и возможность подать гражданский иск, а второй пешеход не приобрел данного статуса, что затруднило реализацию его гражданских прав.

Г. В. Софронов в качестве решения описанной проблемы предлагает внести изменения в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, которые позволят признавать потерпевшими тех граждан, которым вследствие преступления причинен физический вред любой степени [10].

Внесение таких изменений в законодательство позволит в полной мере реализовать конституционные принципы, а именно: принцип доступности правосудия, который обеспечивает реализацию права граждан на судебную защиту.

Проблема непризнания потерпевшим по уголовному делу лица, пострадавшего в ДТП, но получившего вред здоровью легкой или средней тяжести, тогда как другому лицу или лицам причинен тяжкий вред здоровью или вовсе смерть, на сегодняшний день является действительно актуальной.

О значимости данной проблемы высказался адвокат Адвокатской палаты Ставропольского края Польченко А., который считает, что содержание абз. 3 п. 16 ПП ВС № 25 на сегодняшний день является ошибочным и противоречит букве и духу Конституции. Оно нарушает принципы защиты прав граждан, которые пострадали от преступлений, а также положения ст. 42 УПК РФ. Также им приведены следующие аргументы в пользу такого высказывания: 1) лицо, которому причинен средней тяжести вред здоровью не имеет возможности реализовать фактически присваиваемые ему права «потерпевшего» в рамках дела об административном правонарушении, так как по факту причинения тяжкого вреда здоровью другому участнику ДТП возбуждено уголовное дело. Отказ в присвоении статуса потерпевшего в рамках уже уголовного дела приводит к тому, что следственные органы и суды не выполняют обязанность по обеспечению защиты граждан, которые пострадали от преступления или правонарушения; 2) при отрицании положения лица, которому причинен средний тяжести вред здоровью в качестве потерпевшего по уголовному делу и присвоении ему статуса свидетеля, суд и органы следствия фактически указывают на то, что ему не причинен какой-либо вред преступным деянием. Это приводит к тому, что лицо, которому причинен средней тяжести вред здоровью в результате ДТП, может лишиться прав потерпевшего, предусмотренных ст. 42 УПК РФ, а также права на учет его мнения в случае прекращения уголовного дела. Такие действия прямо нарушают конституционные права граждан на правосудие и защиту от преступных посягательств [11].

Некоторые проблемы в случаях примирения с потерпевшим возникали и тогда, когда в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, тяжкий вред здоровью причинялся двум лицам.

Так, в результате ДТП двум пассажирам причинен тяжкий вред здоровью и в отношении водителя возбуждено дело по п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ. В процессе судебного разбирательства заявлено ходатайство, в котором указано, что вред, причиненный потерпевшим, полностью возмещен и стороны примирились, а это является основанием для прекращения уголовного дела. Потерпевшие, в свою очередь, также заявили ходатайство о прекращении уголовного дела. Государственный обвинитель поддержал ходатайство подсудимого. Однако впоследствии Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев кассационное представление прокурора, установил наличие существенных нарушений норм уголовного и уголовно-процессуального закона, допущенных судом первой инстанции. При этом суд ссылался на то, что при двухобъектном составе преступления по ст. 264 УК РФ возмещение материального вреда пострадавшим не может устранить все наступившие последствия и снизить степень общественной опасности содеянного [12].

Ситуация с двухобъектным составом по ст. 264 УК РФ в итоге разрешилась в ВС РФ, который Кассационным определением № 18-УД24-33-К4 установил, что запрета или ограничения на принятие подобного решения в связи с особенностями или количеством объектов преступного посягательства законом не предусмотрено. В результате чего водитель освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими и уголовное дело прекращено [13].

С учетом изложенного следует отметить, что проблемы, связанные с потерпевшим по ст. 264 УК РФ так или иначе возможно разрешить. Однако нельзя с уверенностью сказать об отсутствии в них противоречивости и некоторых признаков нарушений прав граждан, которые требуют более тщательного рассмотрения и проработки.

Библиографический список

1. По оперативным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по состоянию на 1 марта 2024 г. Форма 11.1 (раздел 1), утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65.

2. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году : информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.

3. Кудряшов А. В. Примирение с потерпевшим по делам о преступлениях, повлекших по неосторожности смерть человека в результате дорожно-транспортных происшествий // Виктимология. 2017. № 4 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primirenie-s-poterpevshim-po-delam-o-

prestupleniyah-povlekshih-po-neostorozhnosti-smert-cheloveka-v-rezultate-dorozhno-transportnyh (дата обращения: 13.01.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2 октября 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Официальный сайт «Прокуратура Челябинской области». URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_74/activity/legaleducation/explain?item=25385356 (дата обращения: 13.01.2025).

6. Постановление № 1-280/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-280/2024 // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/regular/doc/60jePeNImxY5/ (дата обращения: 15.01.2025).

7. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Верховный Суд Российской Федерации. Определение суда кассационной инстанции от 28 декабря 2022 г. № 44-УД22-44-К7 // Официальный сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28122022-n-44-ud22-44-k7/ (дата обращения: 16.01.2025).

9. Филиппов И. О. К вопросу о примирении в случае смерти потерпевшего / И. О. Филиппов // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1122–1124. URL: https://moluch.ru/archive/91/19678/ (дата обращения: 01.02.2025).

10. Софронов Г. В. Статус потерпевшего по делу о нарушении правил дорожного движения // Журнал «Безопасность дорожного движения». 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/status-poterpevshego-po-delu-o-narushenii-pravil-dorozhnogo-dvizheniya (дата обращения: 04.02.2025).

11. Официальный сайт «Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/priznanie-litsa-poterpevshim-spornye-voprosy/ (дата обращения: 06.02.2025).

12. Официальный сайт «Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-podtverdil-vozmozhnost-primireniya-s-dvumya-poterpevshimi-po-ugolovnomu-delu-o-dtp/ (дата обращения: 10.02.2025).

13. Верховный Суд Российской Федерации. Кассационное определение от 15 октября 2024 г. № 18-УД24-33-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Иваньяков М. А., 2025

УДК 343.985.5(470)

Игуменов А. С. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РОЗЫСКЕ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ПРИ КРИМИНАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE CONDITIONS FOR CONDUCTING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE SEARCH FOR MISSING PERSONS UNDER CRIMINAL CIRCUMSTANCES

Аннотация. В данной статье проведен анализ норм федерального законодательства регулирующего оперативно-розыскную деятельность, научных источников, а также практического опыта в области розыскной работы органов внутренних дел, в ходе чего рассмотрены проблемы правового регулирования розыска лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах. По результатам проведенного анализа предложено внесение дополнений в действующие нормативные правовые акты.

Abstract. This article analyzes the norms of federal legislation regulating operational investigative activities, scientific sources, as well as practical experience in the field of investigative work of internal affairs bodies, during which the problems of legal regulation of the search for persons missing in criminal circumstances are considered. Based on the results of the analysis, amendments to the existing regulatory legal acts are proposed.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; розыскная работа; розыск; лицо, пропавшее без вести; криминальные обстоятельства; нормативное правовое регулирование; нормативный правовой акт; подразделения уголовного розыска.

Keywords: operational search activity; investigative work; search; miss-

ing person; criminal circumstances; regulatory legal regulation; regulatory legal act; criminal investigation units.

Проведенный нами анализ нормативных правовых актов по вопросам розыска лиц, пропавших без вести, в том числе при криминальных обстоятельствах, показал, что резкое повышение уровня научной разработанности основных положений организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) органов внутренних дел (далее – ОВД) в борьбе с преступностью, и в том числе розыскной работы, свидетельствует о наличии значительного ряда правовых пробелов и требует, на наш взгляд, их нормативного закрепления. Прежде всего доработки требуют положения, регулирующие порядок, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). По нашему мнению, при проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, существует ряд проблем, связанных с их санкционированием, субъектами и привлекаемыми третьими лицами. Кроме того, в ряде случаев получение некоторых данных уполномоченными оперативными подразделениями ОВД вообще не должно рассматриваться как ограничение конституционных прав.

В данной статье мы рассмотрим положения Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее – ФЗ «Об ОРД»), а именно проанализируем ч. 7 ст. 8 (Условия проведения ОРМ). Федеральный закон от 1 июля 2021 года № 252-ФЗ [2] посредством внесения изменений в ст. 8 ФЗ «Об ОРД» в некоторой мере упростил порядок проведения ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» (далее – СИТКС) в случае получения сообщения о без вести пропавшем лице. При этом остался ряд неразрешенных проблем, которые, как мы полагаем, могут быть устранены путем изменения или дополнения указанной выше нормы.

Ряд мероприятий, связанных с получением информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства, на наш взгляд, возможно было бы проводить непосредственно сотрудниками подразделений уголовного розыска без обладания специальными техническими навыками. Такой подход мог бы сократить время и ускорить общий ход раскрытия преступлений. На сегодняшний день проведение СИТКС в целях получения информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства, характеризуется чрезмерно сложной системой субъектов, а также значительной бюрократической составляющей, во что вовлекаются большое количество лишних, по нашему

мнению, санкционирующих, согласующих и утверждающих лиц. Иными словами, для получения обычной детализация входящих и исходящих соединений сотового телефона с указанием базовых станций и их адресов, а также определения его местонахождения сотруднику розыскного подразделения предстоит подготовить значительный объем документов, пройти с ними несколько инстанций, а соответственно затратить на это значительный объем сил, средств и времени. В случаях розыска лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах или же оказавшихся в условиях, опасных для жизни и здоровья, либо в беспомощном состоянии, сохранение их жизни может напрямую зависеть от скорости поступления оперативно-значимой информации. Время, затрачиваемое для решение ряда оперативно-служебных задач, возможно было бы сократить многократно, что особенно актуально при спасении жизни, когда счет идет не на дни, а на часы и даже минуты.

Изучение соответствующих дел оперативного учета (далее – ДОУ) показало, что в более 2/3 таких дел, содержащих материалы СИТКС, имелись детализации входящих и исходящих соединений абонента. Анализ данных показателей позволяет сделать вывод о том, что по результатам проведения более 2/3 ОРМ СИТКС получалась указанная детализация, то есть более чем по 2/3 указанных ДОУ имелась возможность в значительной мере сократить объем работы и соответственно повысить ее эффективность.

Полагаем, что есть необходимость изменения содержания проведения ОРМ СИТКС в ряде случаев. Получение сведений о соединениях абонентского устройства и его местоположении, с нашей точки зрения, является ничем иным как наведением справок. Указанные сведения предоставляются оператором сотовой связи, и участие иных субъектов (оперативных подразделений) в данных действиях является, по сути, посредничеством.

Проведенное исследование, в том числе анализ положений Федерального закона от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» [3] позволил выявить заслуживающую, на наш взгляд, внимание норму, имеющую отношение к рассматриваемому вопросу. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 52 (Вызов экстренных оперативных служб) оператор связи обязан предоставить диспетчерам экстренных оперативных служб информацию о месте нахождения пользовательского оборудования, с которого были осуществлены вызов или передача сообщения о происшествии. При этом, там же закреплено, что согласие пользователя услугами связи, осуществившего вызов или передачу сообщения о происшествии по единому номеру вызова экстренных оперативных служб, на обработку и предоставление персональных данных, предусмотренных настоящим пунктом, не требуется. Интервьюирование работников службы «112» позволило разобраться с рассматриваемой ситуацией более подробно. В случае поступления на номер экстренной службы 112 звонка и обращении гражданина с просьбой о помощи

(к примеру, произошел несчастный случай, получена травма, требуется скорая медицинская помощь или полиция, лицо заблудилось), работник службы 112 (в случае отсутствия сведений местоположения объекта, которому требуется помощь) незамедлительно запрашивает информацию о его местоположении у оператора связи, которая в последующем передается соответствующим экстренным службам, направляемым к месту происшествия. Более подробный алгоритм данной работы определен приказом Минцифры от 9 марта 2022 года № 180 [4]. В содержании норм, регламентирующих данную работу, отсутствуют лишние субъекты, действия экстренной службы не обременены каким-либо документооборотом, санкционированием, согласованием, утверждением, что позволяет в кратчайшие сроки оказать помощь нуждающемуся человеку, при этом не получая от него, либо от третьих лиц разрешения на определение его местонахождения. Соответственно в рассмотренной ситуации не идет и речи о каком-либо ограничении чьих-либо конституционных прав, соответственно, и об усложненной системе получения разрешения на их ограничение.

По нашему мнению, актуально дополнение ст. 8 ФЗ «Об ОРД», позволяющей оперативным сотрудникам получать информацию о соединениях абонентского устройства и его местоположении напрямую у оператора связи. В целях избежания чрезмерной обработки ведомственных нормативных правовых актов должен измениться вид проводимого мероприятия, и, как мы полагаем, осуществление данных действий допустимо в рамках наведения справок. Кроме того, это позволит снизить нагрузку на отдельные оперативные подразделения, использующие при проведении ОРМ специальные технические средства, а соответственно, повысить эффективность проводимой ими работы, не исключая в полном объеме их участия. Однако при этом, на наш взгляд, необходимо в некоторой степени ограничить взаимодействие подразделений уголовного розыска с операторами связи напрямую, осуществляя его только в самых экстренных случаях, а именно при обстоятельствах, указывающих на криминальный характер, а также в иных случаях, когда пропавшему может угрожать опасность.

В связи с изложенным в целях совершенствования правового регулирования организации ОРД по рассматриваемому направлению, считаем необходимым дополнить ст. 8 «Условия проведения ОРМ», ч. 7.1. и изложить ее в следующей редакции: «В случае получения сообщения о без вести пропавшем лице, содержащем сведения о признаках совершения в отношении него преступления, а равно о вероятности его нахождения в условиях опасных для жизни и (или) здоровья либо в беспомощном состоянии в силу возраста или иных обстоятельств, оператор связи обязан предоставить органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, информацию о соединениях абонентского устройства, находящегося у такого лица с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского

устройства путем наведения справок по запросу одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность». В свою очередь, для оперативности направления указанных запросов следовало бы проработать порядок электронного документооборота между ОВД и операторами сотовой связи.

Полагаем, что предложенные нами меры совершенствования нормативного правового регулирования позволят повысить эффективность организации розыскной работы в целом и раскрытия преступлений, связанных с безвестным исчезновением лиц, в частности.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025).

2. О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 252-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025).

3. О связи : федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025).

4. Об утверждении Порядка предоставления и объема информации, необходимой для обеспечения реагирования по вызову или сообщению о происшествии по единому номеру вызова экстренных оперативных служб «112», в том числе Правил определения места нахождения пользовательского оборудования (оконечного оборудования), с которого были осуществлены вызов или передача сообщения о происшествии по единому номеру вызова экстренных оперативных служб «112» : приказ Минцифры России от 9 марта 2022 г. № 180. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.02.2025).

© Игуменов А. С., 2025

УДК 343.131

Исанбаев И. С. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ISSUES OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES IN THE FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Аннотация. В статье автором исследуются вопросы эффективности срока предварительного следствия, возникающие при расследовании уголовных дел в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. В ходе проведенного анализа предлагается рассмотреть вопрос о возможности приостановления предварительного следствия в связи с неустановлением лица, подлежащего к привлечению в качестве обвиняемого до окончания срока предварительного следствия.

Abstract. In the article, the author examines the issues of the effectiveness of the term of the preliminary investigation that arise during the investigation of criminal cases in the field of information and telecommunication technologies. In the course of the analysis, it is proposed to consider the possibility of suspending the preliminary investigation, due to the failure to identify the person to be brought as an accused, until the end of the preliminary investigation period.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, срок предварительного следствия, разумный срок уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность.

Key words: information and telecommunication technologies, the duration of the preliminary investigation, a reasonable period of criminal proceedings, sufficiency and effectiveness.

Тема информационно-телекоммуникационных технологий в связи с ее развитием семимильными шагами в современном обществе не потеряет своей актуальности во всех сферах деятельности общества. При этом большое вяление на развитие общественных отношений в данной сфере оказывает экономическое, политическое состояние в обществе, влияние

внешних факторов. Изменения в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и радикальными переменами, произошедшими в нашем государстве, затронули и уголовно-процессуальную деятельность, касающуюся как и проведения следственных действий (ст. 189.1, ст. 278.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), так и принимаемых процессуальных решений (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Изменения, постоянно вносимые в отечественный уголовно-процессуальный закон, наглядно говорят о том, что законодательство не стоит на месте, стремится к оптимизации и достижению целей своего назначения. Однако являются ли оптимальными внесенные изменения в действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации или есть необходимость его усовершенствования?

Возвращаясь к информационно-телекоммуникационным технологиям, следует отметить, что преступное сообщество активно пользуется ее достижениями, как следует из статистических данных о состоянии преступности. Так, согласно данным, указанным на официальном сайте МВД России, по итогам 2024 года на территории Российской Федерации зарегистрировано более 765 000 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13 % больше чем в 2023 году. Из числа преступлений данной категории, находящихся в производстве в отчетном периоде, раскрыто лишь 172 500 преступлений, остались нераскрытыми чуть более 571 000 преступлений. При этом, как отмечено в краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации, за январь–декабрь 2024 года сотрудники органов внутренних дел работали в условиях значительного некомплекта личного состава [1]. Из представленных статистических данных видно, что три четверти преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации остаются не раскрытыми. При этом преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий с каждым годом набирает обороты. Для сравнения в 2022 году на территории Российской Федерации зарегистрировано немногим более 522 000 преступлений, в 2023 году – почти 677 000 преступлений и, как отмечалось выше, в 2024 году – более 765 000 преступлений [2].

Анализ состояния преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий говорит о необходимости решения проблем, влияющих на раскрытие и расследование преступлений данной категории. Специфика данных преступлений состоит в том, что они совершаются дистанционно. Лицами, совершающими преступления, используются так называемые одноразовые абонентские номера, IP-адреса и расчетные счета, на которые поступают похищенные денежные средства, оформленные на других лиц и после совершенного преступления могут не использоваться.

Каким же образом можно оптимизировать расследование уголовных дел данной категории в сфере уголовно-процессуального законодательства. Глава 22 УПК РФ, посвященная предварительному следствию, начинается со ст. 162, в которой сказано, что предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено с момента возбуждения уголовного дела в срок, не превышающий два месяца. Начало срока предварительного следствия определено днем возбуждения уголовного дела. В срок предварительного следствия включается время до направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением или прекращением уголовного дела. Если лицо, совершившее преступление, не установлено, то предварительное следствие по уголовному делу приостанавливается по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, и время, в течение которого предварительное следствие было приостановлено, не включается в срок предварительного следствия.

Говоря о сроках предварительного следствия всегда заходит речь и о разумности срока предварительного следствия. Термин «разумный срок уголовного судопроизводства» официально закреплен в 2010 году с введением в УПК РФ ст. 6.1 в главе 2, посвященной принципам уголовного судопроизводства. Проблеме разумного срока уголовного судопроизводства всегда уделялось большое внимание среди ученых-процессуалистов, а после официального закрепления в уголовно-процессуальном законе дискуссии вокруг данного принципа только усилились [3, 4, 5].

Не всеми в научных кругах новый принцип воспринят положительно. Так, Быков В. М. категорически отнесся к принципу о процессуальных сроках, высказав мнение об уместности данной статьи в главе 17 УПК РФ, регламентирующей сроки уголовного производства, так как процессуальные сроки являются одним из институтов уголовного судопроизводства, а не определяют порядок и построение уголовного судопроизводства [3, с. 23]. Шадрин В. С. высказался более мягко, указывая о не вполне приемлемости упрощенного подхода к выявлению сущности разумного срока уголовного судопроизводства [4, с. 49]. Урбан В. В. аргументировал, что положения о разумном сроке уголовного судопроизводства обладают всеми свойствами, присущими принципам [5, с. 10]. Несмотря на различное отношения ученых-процессуалистов к разумному сроку как принципу, его важность в достижении целей назначения уголовного судопроизводства никем не оспаривается.

Как отмечалось выше, сотрудники органов внутренних дел, в число которых входят дознаватели и следователи, работают в условиях значительного некомплекта личного состава. Также следует учитывать, что в производстве следователя могут находиться одновременно несколько или даже более десятка уголовных дел, и по каждому необходимо проводить следственные действия. Помимо этого, на следователя ложится нагрузка по дежурству в составе следственно-оперативной группы, работа по ранее приостановленным производством уголовным делам, по которым установ-

лены лица, совершившие преступления и т. п. Как правильно отметил В. Ю. Стельмах, при усилении процессуальной активности по одному делу, по другим уголовным делам происходит снижение такой активности [6, с. 62].

И в этих условиях лицам, осуществляющим производство предварительного расследования, необходимо организовать, спланировать свою работу так, чтобы не нарушать принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Об этом же говорится в ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ, что не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков уголовного судопроизводства обстоятельства, связанные с организацией работы следователя и дознавателя.

Одними из условий, определяющих разумный срок уголовного судопроизводства, являются правовая и фактическая сложность уголовного дела, достаточность и эффективность деятельности лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, являющиеся оценочными понятиями.

Общая продолжительность уголовного судопроизводства также относится к условиям, определяющим разумный срок уголовного судопроизводства, но не является оценочным понятиям, так как может быть определенна подсчетом срока предварительного следствия [7, с. 219–220].

При этом УПК РФ указывает на условия, определяющие разумный срок, но не раскрывает их. Данные условия обозначены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11, а именно: надлежит принимать во внимание при определении правовой и фактической сложности дела на досудебном производстве такие обстоятельства, как сложность проведения экспертиз, допрос значительного числа свидетелей, участие иностранных лиц в деле, применение норм иностранного права, число подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, объем обвинения, обращение за правовой помощью к иностранному государству [8]. С учетом обозначенной формулировки данный перечень не следует считать исчерпывающим.

Достаточность и эффективность действий лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в названном Пленуме признается, если ими приняты необходимые меры, направленные на своевременную защиту прав и законных интересов пострадавших от преступлений лиц, а также защиту лица от незаконного и необоснованного обвинения [8], то есть назначения целей уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 6 УПК РФ.

Как показывают статистические данные, количество уголовных дел, приостановленных по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, значительно [1]. При этом все следственные действия, которые возможно провести в отсутствие подозреваемого, такие как

признание лица и его допрос в качестве потерпевшего, изъятие документов, их осмотр и признание в качестве вещественных доказательств, получение информации о соединениях между абонентским устройствами, наложение ареста на имущество проводятся в первые дни после возбуждения уголовного дела и определяют разумный срок предварительного следствия. В последующем, до окончания срока предварительного следствия, составляющего два месяца, как правило, следственные действия, ввиду отсутствия какой-либо необходимости, не проводятся, и напрашивается вопрос о целесообразности продолжительности дальнейшего уголовного судопроизводства по уголовному делу.

Таким образом, в целях сокращения сроков предварительного следствия, снижения нагрузки по находящимся в производстве следователя уголовным делам, по которым лица, совершившие преступления не установлены и, как следствие, повышения эффективности предварительного расследования по уголовным делам, по которым лица, совершившие преступления установлены, думается необходимо пересмотреть общие сроки предварительного расследования и предусмотреть возможность приостановления срока предварительного следствия в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ до окончания двухмесячного срока предварительного следствия, в случаях выполнения всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого.

Библиографический список

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 28.02.2025).

2. Состояние преступности в Российской Федерации за 2022–2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 28.02.2025).

3. Быков В. М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11. С. 23–29.

4. Шадрин В. С. Разумный срок уголовного судопроизводства : сущность, значение, регламентация // Криминалистъ. 2017. № 2 (21) С. 48–53.

5. Урбан В. В. Разумный срок и эффективность уголовного судопроизводства : монография. М. : Проспект, 2020. 144 с.

6. Стельмах В. Ю. Процессуальная активность следователя – основное подтверждение разумности срока предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). С. 60–64.

7. Некенова С. Б. Проблемы определения критериев разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 219–224.

8. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 // Российская газета. 2016. № 11.

© Исанбаев И. С., 2025

УДК 343.85:343.34(470)

Каримова Г. Ю. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОБЩЕПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

GENERAL LEGAL MEASURES FOR THE PREVENTION OF EXTREMIST CRIMES

Аннотация. Исследование посвящено анализу общеправовых мер предупреждения преступлений экстремистской направленности. Рассматриваются отдельные нормативные правовые акты, закрепляющие организационные основы противодействия проявлениям экстремизма, а также виды ответственности. Проанализированы отдельные направления государственной политики по противодействию экстремизму.

Abstract. The study is devoted to the analysis of general legal and measures for the prevention of extremist crimes. Individual regulatory legal acts that establish the organizational foundations for countering extremism, as well as types of responsibility, are considered. The individual directions of the state policy on countering extremism are analyzed.

Ключевые слова: правонарушение, ответственность, меры предупреждения, субъекты профилактики, экстремистская направленность.

Keywords: offense, responsibility, preventive measures, subjects of prevention, extremist orientation.

Проблеме экстремизма всегда уделялось должное внимание как на законодательном уровне, так и в правоприменительной деятельности органов государственного управления. В целом, противодействие экстремизму

рассматривается как одно из важнейших условий поддержания гражданского согласия в обществе [1]. На это указывает и ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации, закрепляющая запрет на создание в России общественных объединений, действия которых направлены на разжигание социальной, национальной, расовой или религиозной розни. В соответствии со ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ в Российской Федерации запрещена пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку социальной, национальной, расовой, языковой принадлежности или отношения к религии. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации выражается в обосновании установления законодательного запрета на вышеуказанную деятельность и обеспечении его посредством мер административной и уголовной ответственности. Так, запрет публичного демонстрирования и пропаганды нацистской символики или атрибутики, символики и атрибутики экстремистских организаций рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации в качестве меры противодействия экстремистским проявлениям. Также к нормативным правовым актам «антиэкстремистской» направленности [2] относится Федеральный закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ, которым устанавливается запрет на создание и функционирование общественных объединений, направленных на осуществление экстремистской деятельности. Аналогичный запрет наложен и на создание политических партий в ст. 9 Федерального закона Российской Федерации от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» [3].

В статье 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» установлены организационные основы противодействия проявлениям экстремизма. В систему противодействия экстремизму входят Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. Приоритет в противодействии экстремистской деятельности в ст. 5 закона отдан профилактическим, воспитательным и контрпропагандистским мерам, в том числе недопущению или пресечению распространения материалов, содержащих экстремистские проявления, в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В последнее время все чаще совершаются преступления с использованием IT-технологий. Процессы цифровизации общественных отношений имеют, таким образом, и негативную сторону. Появился новый виды экстремизма – информационный (сноска). Количество зарегистрированных правонарушений и преступлений, связанных с применением информационно-телекоммуникационных технологий за последние годы стремительно

растет. Так, в 2019 году их количество составляло 174 674, а в 2023 г. уже 676 951 (почти в 4 раза больше). А в 2024 году по сравнению с 2023 годом число таких преступлений выросло на 13,1 % [4]. По мнению С. С. Оганесян, особой популярностью среди приверженцев экстремистских воззрений стал пользоваться телеграм-канал. Данный канал считается вторым по популярности в России мессенджером [5]. Конечно же, для преступников привлекательна доступность и отсутствие контроля за передачей информации в социальных сетях, хотя справедливости ради следует отметить, что в последнее время усматриваются попытки осуществления контроля в целях обеспечения общественной безопасности со стороны органов государственного управления за использованием гражданами России социальных сетей. Проводится разъяснительная работа с населением по видам правонарушений в сети Интернет, возможностях искусственного интеллекта, алгоритме действий при их выявлении.

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 1124 «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации» [6] (далее – Стратегия), отдельное внимание заостряет на необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации в части, касающейся пресечения производства экстремистских материалов и их распространения, в том числе на электронных носителях информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет. Важным в предупреждении экстремистских проявлений является и то, что в Стратегии уделяется внимание необходимости информационного сопровождения деятельности субъектов противодействия экстремизму, а также реализации эффективных мер, направленных на информационное противодействие распространению экстремистской идеологии.

Следует отметить, что по заявлению главы Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина количество уголовных дел об экстремизме, направленных в суд за 2024 год, на 43 % больше, чем в 2023 году, число обвиняемых по таким делам увеличилось более чем на 50 % [7]. Эти данные особенным образом настораживают. Провозглашенные в Стратегии цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму призваны обеспечить эффективное предупреждение экстремистской идеологии и правонарушений.

Противодействие экстремизму достигается также путем применения мер государственно-правового принуждения. Государственно-правовое принуждение представляет собой метод обеспечения правопорядка, который применяется с использованием законных полномочий государственными органами или должностными лицами. Этот метод включает в себя применение различных видов воздействия, таких как психическое, физическое или другие формы воздействия, направленные на конкретных субъектов права в ответ на их неправомерные действия. Такое воздействие осуществляется с применением или угрозой применения принудительных мер,

предусмотренных в санкциях правовых норм и осуществляемых в установленном процессуальным законодательством порядке [8].

Вопросы противодействия экстремистской деятельности охватывают не только глобальный уровень, но и конкретные регионы. Внимание уделяется необходимости проведения в отдельных субъектах Российской Федерации мониторинга межнациональных (межэтнических) и территориальных конфликтов, обусловленных историческими и социально-экономическими особенностями соответствующих территорий и приводящих к сепаратистским проявлениям, а также взаимодействия субъектов противодействия экстремизму не только между собой, но и с некоммерческими организациями в целях содействия укреплению общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации, сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Следует согласиться с мнением Д. В. Климовой [9] о том, что необходимо сформировать межнациональное согласие, выраженное в твердых установках в поведении человека, которые и должны противодействовать различным проявлениям нетерпимости, таким как ксенофобия, расизм, экстремизм и др. Реализовать это возможно через систематическое влияние на сознание граждан. Эта работа должна стать приоритетной не только для всего государства, но и гражданского общества в целом.

Не теряет своей актуальности вопрос о проведении и претворении в жизнь целевых программ федерального и регионального уровня, направленных на решение воспитательных и профилактических задач на основе усиления элементов толерантности [10]. Чувство толерантности необходимо прививать с детства в семье и школе. Наше государство является многонациональным и многоконфессиональным, в этой связи должно быть реальное признание национальных традиций и религиозных убеждений каждого индивида.

Таким образом, проявления экстремизма на сегодняшний день имеют место и, более того, показатели превышают прошлогодние. Однако в нашем государстве принято и реализуется большое количество нормативных правовых актов, направленных на предупреждение экстремистской идеологии и экстремистских проявлений. Это свидетельствует о развитой правовой базе, которая постоянно совершенствуется. Подзаконные нормативные правовые акты также издаются с учетом современных вызовов национальной безопасности. Так, Стратегия определила основные источники угроз экстремизма в современной России и меры противодействия этому крайне опасному негативному социально-правовому явлению.

Особое беспокойство вызывает проявление экстремизма в молодежной среде. Подростки и молодежь подвержены отрицательному влиянию различных экстремистских групп, течений и идеологий, вовлекаются в совершение экстремистских правонарушений. Государство принимает необходимые правовые и организационные меры по предупреждению экстре-

мизма в молодежной среде, учитывая возраст и отсутствие жизненного опыта этой группы лиц.

Библиографический список

1. Жариков Ю. С., Цветков Р. Н. Противодействие нацизму : уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография / Ю. С. Жариков, Р. Н. Цветков. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 110.
2. Румянцев Н. В. Организационно-правовые вопросы противодействия экстремистской деятельности криминальных субкультур, в том числе молодежного движения АУЕ : уголовный и административно-правовой аспекты // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2021. № 6. С. 3–7.
3. Протасевич А. А. О противодействии экстремизму в современном мире // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1.
4. МВД назвало число преступлений, совершенных с использованием IT-технологий. URL: https://ria.ru/20250120/mvd-1994678968.html (дата обращения: 15.03.2025).
5. Оганесян С. С. Интернет и религиозный экстремизм // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2022. № 2. С. 32–36.
6. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/ (дата обращения: 15.03.2025).
7. Число дел об экстремизме в России за 2024 год выросло на 43 %. URL: https://ria.ru/20250115/chislo-1993749833.html (дата обращения: 15.03.2025).
8. Матюхина Н. В. Меры административного принуждения : понятие, виды и проблемы их реализации // Студенческий. 2023. № 39. С. 14.
9. Климова Д. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества по формированию межнационального согласия в сфере противодействия экстремизму // Экстремизм : новые вызовы региональной безопасности : сборник материалов Международной научной конференции. Барнаул, 2024. С. 25–27.
10. Фридинский С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский // Юридический мир. 2008. № 6.

© Каримова Г. Ю., 2025

УДК 343.102:343.14 ;70)

Киселев Н. Н. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТАМ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

PROBLEMS OF COOPERATION BETWEEN INVESTIGATORS AND AUTHORIZED UNITS OF ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF COUNTERFEITING

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия следователей и оперуполномоченных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции при раскрытии и расследовании уголовных дел по фактам фальшивомонетничества.

Abstract. The article discusses the problems of interaction between investigators and the operational units of the EB and PC in the disclosure and investigation of criminal cases of counterfeiting.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, документирование фальшивомонетничества, результаты оперативно-розыскной деятельности, использование результатов оперативно-розыскной деятельности.

Keywords: counterfeiting, documentation of counterfeiting, the results of operational investigative activities, the use of the results of operational investigative activities.

В юридической литературе и оперативно-розыскной практике органов внутренних дел (далее – ОВД) широко используется термин фальшивомонетничество, которым охватываются деяния, содержащие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации, такие как изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг.

Анализ уголовной статистики свидетельствует, что в последние несколько лет наблюдается некоторое снижение количества выявленных фактов фальшивомонетничества в Российской Федерации. При том, что по данным преступлениям нет тенденции их роста, удельный вес рассматри-

ваемых общественно опасных деяний в общем количестве всех регистрируемых ОВД России преступлений, стабильно держится на значительном уровне.

В то же время, согласно статистическим данным, приводимым на официальных ресурсах, в 2023 году раскрываемость преступлений, связанных с фальшивомонетничеством, по многим субъектам Российской Федерации составляла менее 10 % (в 2022 году – 10,3 %) [1].

По мнению сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБ и ПК) данные преступления имеют высокий уровень латентности в крупных городах Российской Федерации.

Общественная опасность данных деяний является высокой, так как фальшивомонетничество дестабилизирует деятельность банковского сектора, причиняет ущерб денежному обращению, тем самым способствует подрыву финансово-экономической безопасности России.

Борьба с фальшивомонетничеством в Российской Федерации во все времена считалась одним из приоритетных направлений в деятельности всех правоохранительных органов нашей страны, где головной службой являются подразделения ЭБ и ПК.

Вследствие того, что в современных условиях в Российской Федерации продолжают широко использоваться расчеты в наличной форме (более 60 % от общего числа платежей), криминальный интерес к подделке денежных средств не угасает, более того, приобретает новые формы их распространения, в том числе посредством сети Интернет.

Анализ специальной литературы по борьбе с фальшивомонетничеством свидетельствует о том, что рассматриваемые преступления совершаются как отдельными лицами, так и группами лиц. Большая часть (65 %) указанных общественно опасных деяний совершается группами лиц, действующих по предварительному сговору, 45 % которых входили в состав организованных преступных групп (ОПГ) либо преступных сообществ (ПС) или различных организованных преступных формирований (ОПФ).

Организованные группы специализируются на фальшивомонетничестве, по причине того, что данное преступление, включающее в себя изготовление, хранение, перевозку и сбыт поддельных денег или ценных бумаг, в одиночку совершить достаточно сложно.

Данная преступная деятельность является криминально-прибыльной и организация изготовления поддельных денег в большом количестве, надежного хранения, конспиративно-зашифрованного перемещения и перевозки, их быстрого сбыта и реализации в одиночку невозможна.

В контексте сказанного необходимо указать, что фальшивомонетчики, входящие в состав преступных групп, при изготовлении поддельных денег используют передовые достижения науки и техники, новейшие технологии, современную копировально-множительную технику и типограф-

ское оборудование, что практически невозможно сделать отдельным злоумышленникам. Все необходимое для изготовления фальшивок, включающее в себя копировально-множительную технику, специальную бумагу, красящие вещества и т. д., приобретается ими через Интернет. Для выполнения отдельных элементов поддельных денежных знаков используются современные лазерные и струйные принтеры, специальное полиграфическое оборудование для цветной печати, что позволяет изготавливать поддельные денежные знаки в большом количестве и высокого качества, имеющие большую степень схожести с подлинными, и трудно различаемые населением.

С помощью Интернета злоумышленники находят и привлекают отдельных лиц, имеющих специальные знания, умения и навыки, а также типографское оборудование: на начальном этапе для выполнения каких-либо заказов печатной продукции, а в последующем некоторые из них вовлекаются в преступную деятельность, порой их не посвящают в это или же вводят в заблуждение.

Посредством информационно-телекоммуникационного общения злоумышленники также реализуют и сбывают фальшивки, что создает дополнительные трудности для сотрудников подразделений ЭБ и ПК при документировании противоправных действий лиц, занимающихся совершением рассматриваемых преступлений.

Здесь необходимо отметить, что такие преступные группы занимаются фальшивомонетничеством путем изготовления и сбыта в основном российских денег и иностранной валюты, которые часто изготавливаются на территории других государств, сбыт осуществляется как на территории государств, граничащих с Российской Федерацией, где осуществляется их оборот и торговые отношения, так и на территории России. Также следует указать, что разница в стоимости иностранной валюты позволяет им получить дополнительный криминальный доход.

Практика показывает, что в последнее время сбыт поддельных денег осуществляется путем их продажи через различные Интернет-ресурсы по более низким ценам, чтобы от их номинала следующие сбытчики, лица, их купившие, при реализации фальшивок могли получить свою криминальную прибыль.

Анализ выявленных фактов фальшивомонетничества свидетельствует, что в настоящее время сбыт и реализация поддельных денег осуществляется через виртуальные магазины: Маркет BLACKSPRUT, Маркет МАТАНГА, Маркет MEGA DARKNET, OMG!OMG! Маркет и др.

В 2023 году более 80 % сбыта поддельных денежных знаков осуществлялись через интернет-торговые площадки «OMG!OMG! Маркет». Поддельные купюры реализовались на всей территории через тайники (закладки), а также путем пересылки через различные службы доставки.

Анализ оперативно-служебных документов позволил выделить наиболее распространенные способы изготовления поддельных денежных знаков, среди которых следует указать, такие как репрографический, фотографический, термографический, магнитографический, электрографический. Изучение специальной литературы свидетельствует, что в большинстве случаев (90 %) самыми подделываемыми и сбываемыми купюрами являются денежные знаки достоинством 5, 2, 1 тыс. рублей.

Лица, совершающие данные преступления, действуют с соблюдением мер конспирации, общаются в основном по WhatsApp, Telegram-каналу и другим программам мгновенного обмена сообщениями по Интернету, которые используются как для общения, так и для перемещения-транспортировки и доставления поддельных денежных знаков, что создает для оперуполномоченных ЭБ и ПК определенные трудности в установлении и идентификации их IP-адресов.

В последние годы сбыт фальшивых банкнот осуществляется бесконтактным способом с использованием Интернета. Бесконтактный способ реализации фальшивок исключает личное общение продавца с покупателем. Покупатель забирает фальшивки после оплаты в условленном месте, в тайнике-«закладке», координаты места нахождения которого в последующем указывает продавец. Оплата товара осуществляется, как правило, криптовалютой со счета покупателя на счет продавца либо через «Киви-кошелек». Это значительно затрудняет возможность отследить движение денежных средств. Пересылка поддельных денег до адресата по территории страны часто осуществлялась посредством служб доставки «СДЕК», «Пони Экспресс», курьерской службы «Достависта» и «Почта России». Далее поддельные деньги, как было указано выше, передаются злоумышленникам через тайники (закладки) с пересылкой координат их местонахождения.

Подводя итог сказанному необходимо отметить, что борьба с фальшивомонетничеством является одной из важнейших проблем оперативно-розыскной деятельности сотрудников подразделений ЭБ и ПК на современном этапе.

Анализ практики показывает, что в настоящее время эффективность мер борьбы с фальшивомонетничеством напрямую зависит от правильной организации оперативно-розыскной деятельности подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России, широкого использования всех имеющихся в их распоряжении сил, средств и методов борьбы с преступностью.

Важное значение для раскрытия фактов фальшивомонетничества имеет оперативно-розыскное обеспечение расследования уголовных дел данной категории преступлений.

Практика показывает, что основное содержание данного направления деятельности должно охватывать систему оперативно-розыскных мер, осу-

ществляемых оперуполномоченными ЭБ и ПК преимущественно негласно. Секретное проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) необходимо, так как подозреваемые лица начинают скрываться и сотрудники ЭБ и ПК тратят значительную часть рабочего времени на установление их местонахождения и задержание. Более того, подозреваемые лица при возбуждении уголовных дел по фактам фальшивомонетничества предпринимают активные действия по уничтожению улик преступления, стараются как можно быстрее сбыть имеющиеся у них на руках фальшивые денежные знаки, оказывают психическое давление на свидетелей и создают всевозможные препятствия расследованию уголовных дел по данным общественно опасным деяниям.

Комплекс ОРМ необходимо осуществлять в целях:

– выявления неизвестных ранее эпизодов фальшивомонетничества, соучастников преступления, их намерений;

– активного препятствования выработке общей линии поведения участников фальшивомонетничества и лиц, причастных к их преступной деятельности с целью помешать установлению истины по уголовному делу;

– предотвращения оказания давления со стороны подозреваемых и обвиняемых в фальшивомонетничестве на свидетелей и других лиц, участвующих в процессе расследования;

– нейтрализации попыток уничтожения или сокрытия предметов и документов, имеющих доказательственное значение;

– недопущения укрытия ценностей, нажитых преступным путем.

Практика показывает, что в настоящее время документирование противоправной деятельности лиц, занимающихся фальшивомонетничеством необходимо осуществлять по следующим направлениям:

1. Установление лиц, занимающихся изготовлением, транспортировкой (доставлением), хранением, фасовкой или сбытом фальшивых денежных средств.

2. Выявление лиц, являющихся очевидцами и свидетелями, располагающими сведениями об изготовлении, транспортировке (доставлении), хранении, фасовке или сбыте поддельных денег.

3. Обнаружение предметов и документов, являющихся вещественными доказательствами по уголовному делу по факту фальшивомонетничества.

4. Закрепление и фиксация на аудио-видеоносители преступных действий лиц, занимающихся фальшивомонетничеством.

Практика показывает, что первоначальные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по факту сбыта поддельных денежных купюр осуществляются с целью:

– установления предполагаемого времени сбыта поддельных купюр;

– обнаружения и изъятия видеозаписей с камер наблюдения;

– составления фотороботов;

– оформления ориентировок;

– ориентирования личного состава соответствующих подразделений ОВД, прежде всего, сотрудников наружных служб, состоящих на связи у оперуполномоченных ЭБ и ПК лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе и занимающихся добыванием информации по фактам фальшивомонетничества, а также ориентирование общественности с помощью телевидения, радио и печати;

– назначения и проведения технико-криминалистического исследования в целях установления способа изготовления фальшивых денежных купюр;

– направления представлений в организации, допустившие факт сбыта поддельных денежных купюр, в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ с указанием устранения причин, способствующих совершению данного преступления;

– направления поручений в подразделения ЭБ и ПК для проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий.

Библиографический список

1. Состояние преступности // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports?ysclid=Iv2ygg5gne590724303 (дата обращения: 16.04.2024).

2. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Киселев Н. Н., 2025

УДК 343.13

Кузнецова Е. В. – преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (Россия, г. Екатеринбург)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ «ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ» ИТОГОВОГО РЕШЕНИЯ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

ON THE QUESTION OF DETERMINING THE «LEGAL FORCE» OF THE FINAL DECISION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Аннотация. Автор, аргументируя свою точку зрения, приходит к выводу: особенность «юридической силы» итоговых решений стадии предварительного расследования заключается в том, что данное решение, даже не вступив в полной мере в силу, уже влечет наступление юридически значимых для уголовного судопроизводства последствий.

Abstract. The author, arguing his point of view, comes to the conclusion: the peculiarity of the «legal force» of the final decisions of the preliminary investigation stage is that this decision, even without having fully entered into force, already entails the occurrence of legally significant consequences for criminal proceedings.

Ключевые слова: итоговое решение стадии предварительного расследования, унификация, завершающий этап предварительного расследования, юридическая сила.

Keywords: final decision of the preliminary investigation stage, unification, final stage of the preliminary investigation, legal force.

Довольно редко «юридическая сила» является объектом научной дискуссии, так как считается, что это некая аксиома, и подвергать сомнению ее сущность не считается целесообразным. В содержании данной статьи предпримем попытку определить особенность «юридической силы» итогового решения стадии предварительного расследования, под которым будем понимать решение по существу обвинения (подозрения), принятое в ходе досудебного производства, определяющее дальнейшую судьбу уголовного дела: будет ли оно направлено в суд или прекращено по существу [1].

Необходимость обратить внимание на проблему определения «юридической силы» итогового решения стадии предварительного расследова-

ния обоснована наличием в научных трудах мнения следующего содержания: «…обвинительный акт, не утвержденный прокурором, не имеет юридической силы. Поступление в суд уголовного дела с обвинительным актом, не утвержденным прокурором, не может порождать правовых последствий в виде принятия судьей решения о назначении по данному делу судебного заседания …» [2, с. 139–140].

Позволим себе, не согласится с автором данной цитаты в части определения «юридической силы» обвинительного акта. Полагаем, что обвинительный акт, даже еще не утвержденный прокурором, имеет «юридическую силу», хотя бы потому, что он наделяет уголовно-преследуемое лицо процессуальным статусом обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Вопрос рассмотрения «юридической силы» уголовно-процессуальных актов в целом заслуживает отдельного исследования. В рамках содержания настоящей статьи, используя прием аналогии для определения особенностей «юридической силы» итоговых решений стадии предварительного расследования, обратимся к Национальному стандарту Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.8-2025, в котором под «юридической силой» документа понимается свойство официального документа вызывать правовые последствия [3].

Для определения содержания данной категории обратимся к мнению Е. А. Лариной, которая предлагает выделять следующие составляющие «юридической силы»: это отношение к правовой сфере, к правовым отношениям и воздействие на что-либо [4, с. 145]. В контексте данной статьи предлагаем «юридическую силу» считать сложносоставным определением, которое включает в себя не только отношение к праву и воздействие на что-либо, а также наступление юридических последствий.

В теории права в качестве официального документа рассматривается нормативный правовой акт, созданный и утвержденный в соответствии с установленной процедурой уполномоченным органом в рамках его компетенции[5]. Акты уголовного судопроизводства, включая итоговые решения предварительного расследования не обладают нормативным характером. Тем не менее при рассмотрении специфики «юридической силы» итоговых решений стадии предварительного расследования вполне уместно использовать соответствующую логику. Исходя из этого в рамках данной статьи считаем возможным рассматривать данные решения как официальные документы.

Учитывая, что понятие «юридической силы» является сложносоставным, и, проанализировав положения ст. 225, 226 УПК РФ, регламентирующие правовую природу только одного из итоговых решений стадии предварительного расследования – обвинительного акта, уже можно сделать вывод, что часть юридически значимых последствий наступает с момента составления обвинительного акта дознавателем. Это не только наде-

ление лица процессуальным статусом обвиняемого, но и возможность утверждения обвинительного акта начальником органа дознания (ч. 4 ст. 225 УПК РФ), ознакомление обвиняемого и защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела (ч. 2 ст. 225 УПК РФ). Другая часть последствий наступает с момента утверждения итогового решения прокурором. Во втором случае можно вести речь о направлении уголовного дела в суд, на что и обращает внимание Л. А. Щербич.

Данное предложение вполне возможно распространить и на другие итоговые решения стадии предварительного расследования независимо от его формы. Например, постановление о прекращении уголовного дела вступает в силу с момента подписания следователем или дознавателем, но в некоторых случаях, для того, чтобы вступить в силу, такое итоговое решение стадии предварительного расследования требует обязательного утверждения руководителем следственного органа или прокурором (ч. 6 ст. 213 УПК РФ).

На основании изложенного можно заключить: особенность процессуального документа – итогового решения стадии предварительного расследования такова, что даже не вступив в полной мере в «юридическую силу», он уже влечет значимые правовые последствия. Данная особенность распространяется на все итоговые решения стадии предварительного расследования, выносимые следователем и дознавателем, о чем свидетельствует анализ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих окончание предварительного расследования независимо от его формы.

Библиографический список

1. Кузнецова Е. В. Об уточнении понятий, используемых в УПК РФ (в части правового регулирования завершающего этапа расследования) / Е. В. Кузнецова // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств : проблемы и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 132–134.

2. Щербич Л. А. Организация и осуществление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия : учебник / науч. ред. : А. Г. Халиулин, Л. А. Щербич. М. : ИД «Городец», 2024. с. 416.

3. ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : приказ Росстандарта от 28.01.2025 № 30-ст. URL: https://www.consultant.ru/about/nc/legalinfo/doklad/addition1/ (дата обращения: 28.01.2025).

4. Ларина Е. А. Правовой феномен «юридическая сила» : общетеоретический анализ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-fenomen-yuridicheskaya-sila-obscheteoreticheskiy-analiz (дата обращения: 28.01.2025).
5. Официальная правовая информация. URL: https://www.consultant.ru/about/nc/legalinfo/doklad/addition1/ (дата обращения: 28.01.2025).

© Кузнецова Е. В., 2025

УДК 343.1

Кулагин Д. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Оренбургского государственного университета (Россия, г. Оренбург);
Мищенко Е. В. – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Оренбургского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)

ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ КОНТРАКТА ЛИЦАМИ, СОВЕРШИВШИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE INSTITUTION OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION AND RELEASE FROM PUNISHMENT IN CONNECTION WITH THE CONCLUSION OF A CONTRACT BY PERSONS WHO HAVE COMMITTED CRIMES

Аннотация. На современном этапе отстаивания государственного суверенитета в условиях военного конфликта и ведения боевых действий наблюдается интенсивное изменение уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Причина заключается в том, что оринтированное на мирное время правовая регламентация не соответствует уровню функционирования в особые периоды, когда существуют реальные угрозы государственному суверенитету.

Решается задача обосновать необходимость адаптации уголовного судопроизводства к особым периодам функционирования российского государства.

Методологическая основа исследования. С аксиологической (системы ценностей) позиции применяется системно- структурный метод исследования.

В заключении приведены доводы целесообразности осужденным и лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование предоставить право защищать отечество и участвовать в боевых действиях с последующим освобождением от наказания или прекращением уголовного преследования

Abstract. At the present stage of upholding State sovereignty in the context of military conflict and warfare, there is an intensive change in criminal and criminal procedure legislation. The reason is that the peacetime-oriented legal regulation does not correspond to the level of functioning during special periods when there are real threats to State sovereignty.

The task is to substantiate the need to adapt criminal proceedings to the special periods of the functioning of the Russian state. *Methodological* basis of the research. From an axiological (value system) position, a system-structural research method is used.

The conclusion provides arguments for the expediency of granting convicts and persons subject to criminal prosecution the right to defend the fatherland and participate in hostilities, followed by release from punishment or termination of criminal prosecution.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, освобождение от наказания, чрезвычайное положение.

Keywords: termination of criminal prosecution, release from punishment, state of emergency.

Права своих граждан государство гарантирует и охраняет (ч. 1 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Защищая права членов российского общества, государство уполномочено ограничивать права других граждан, действия которых нарушают права общества, то есть совершивших преступление (ч. 3 ст. 55 Конституции). Перечень преступлений предусмотрен уголовным законодательством, процесс установления виновности определяет регламентация уголовно-процессуального кодекса.

Уголовно-процессуальный кодекс определяет, что в целях обеспечения правопорядка и прав законопослушных граждан в каждом случае обнаружения преступления должностное лицо обязано возбудить уголовное дело и начать преследование (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Цель преследования призвана решить задачу – каждое виновное лицо должно получить наказание в соответствии со степенью и характером совершенного преступного деяния.

1. Гуманное и демократическое начало в праве в действующем УПК РФ раскрывает ст. 6. Перечень задач построен в приоритетном по-

рядке. Наказание виновного – важная составляющая борьбы с преступностью. Однако современная уголовная политика акцентирует внимание не на карательной функции, а на воспитательной, проистекающей из гуманистической основы. Государство (в лице выбранных органов государственной власти), понимая то, что нахождение в местах лишения свободы исправляет, в зависимости от тяжести совершенного преступления (небольшой, средней тяжести; тяжкого, особо тяжкого преступления) устанавливает соответствующие сроки, необходимые для этого (соответственно, 2, 5, 10 лет лишения свободы и выше). Исправление – процесс длительный. Несоблюдение сроков отбывания назначенного судом наказания повышает возможность рецидива. Лицо, освободившись из мест лишения свободы, при попадании в криминогенную обстановку вновь совершит преступление, какие-либо реабилитационные мероприятия не дадут ожидаемого эффекта.

Опасность рецидива резко снижается в том случае, если виновный раскаялся в совершении преступления и раскаяние было искренним. В этом случае нет острой необходимости отбывать весь определенный приговором срок. Уголовная политика содержит тенденцию либерализма. Она (тенденция) проявляется в институте освобождения от уголовной ответственности и наказания на стадии предварительного расследования (глава 4 УПК РФ; ст. 78.1 УК РФ, 80.2 УК РФ); в институте условно-досрочное освобождения (ст. 93 УК РФ).

С позиции эффективности, с экономической позиции более рациональным является, если уже на досудебной стадии лицо раскаялось и это раскаяние проявилось достаточно определенным и недвусмысленным образом (загладило вред и пр.).

2. В настоящее время дискуссия о гуманном подходе к лицам, совершившим преступления, обострилась применительно к обстановке, когда общество и государство функционирует в особом режиме. Пленум Верховного Суда особыми называет периоды, когда действует военное положение, ведутся боевые действия [8]. То есть проблема рассматривается в преломлении к ситуациям, когда в отношении общества и самого государства сформировались угрозы: для общества – это нарушение гарантированных конституцией и федеральным законодательством основных прав и свобод. Для государства же угроза заключается в потере суверенитета [2, с. 134], потери государственной власти, сформированной народом, когда власть становится достоянием внешних сил и ее действие направлено не на созидание, не на создание гражданам достойной жизни и удовлетворение потребностей, а наоборот, для извлечения выгод этими внешними силами, на ослабление государства в целом. Для России такая угроза возникла на фоне украино-российского конфликта.

После неудавшихся экономических [7, с. 84] и политических санкций [1, с. 134], объединившись в единую антироссийскую коалицию Евро-

пейские государства, США и Англия, сделали ставку на экстремистские действия [5, с. 98], военное поражение России на поле боя. В качестве государства – военного средства борьбы с Россией определили Украину. Свой собственный суверенитет Украина потеряла вследствие спровоцированного названной коалицией смены власти в 2014 году. Последовательным проведением ряда провокационных действий политическая обстановка в стране была дестабилизирована и к власти пришли силы, готовые выполнять функцию орудия ослабления Российского государства.

Ориентированная на конфронтацию Киевская власть углубляла противостояние притеснением проживающих на прилегающих к России территориях Донецкой и Луганской областей населения, у которого (населения) духовные и родственные связи с народом России не прервались. Тысячелетняя история развития Российского государства сформировала единый менталитет и добрососедские отношения. Переворот 2014 года был воспринят как недемократическая смена власти. Последовавшие затем действия, запрет на выборы, запрет русского языка привели к военному противостоянию. Противостояние не завершилось и после проведенного референдума и образования Донецкой республики. В период вооруженного конфликта с 2014 года большая часть населения приобрела российское гражданство. Такое положение обязывало Россию защищать и обеспечивать конституционные права проживающих на этих территориях граждан, ставших российскими. [3, с. 67; 5 с. 126, 9]. Чтобы сохранить выбранную народом власть, был проведен следующий референдум и принято решение о вхождении республик в состав Российской Федерации. Совет Федерации ратифицировал результаты референдума [10]. Президентом было введено военное положение [11] и вооруженные силы России и добровольные народные ополчения стали отстаивать исконно русскую территорию и русское население, проживающее на этой территории.

Тяжелые бои с Киевским режимом, вооруженным современной техникой европейских государств и США, имеют высокий уровень интенсивности, требующей своевременной ротации подразделений, а также замену военнослужащих, выбывших из состава армии в связи с ранением и по другим причинам [4].

Сложная ситуация, сложившаяся в плане защиты государства своих граждан, территориальной целостности и защиты государственного суверенитета, объективно поставила вопрос о решении проблемы комплектования воинских частей лицами, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, лицами, отбывающими наказание или отбывшими, но чей срок давности погашения судимости еще не истек (ст. 86 УК РФ).

Дискуссия о привлечении к участию в боевых действиях названных категорий разделило ученых, специалистов, общественность на два лагеря. В конечном счете законодателем вопрос был решен положительно. Изданы соответствующие законы [12]. Они позволяют утверждать, что в России

появилась тенденция формирования уголовного судопроизводства, осуществляемого в особых условиях.

Дискуссии о правильности освобождения отбытия наказания осужденных и прекращения уголовного преследования виновных за совершение преступлений сохраняются.

Выводы. Мы же разделяет позицию законодателя. В качестве аргументов правильности предлагаем следующие доводы:

1. Лицо, имея законодательно определенную возможность не быть мобилизованным по закону, добровольно предлагает свои услуги в защите отечества. Такой поступок может свидетельствовать об изменениях мировоззренческих позиций по уголовно-правовым вопросам

2. Участие в боевых действиях несет большой воспитательный эффект. Лицо, находясь и общаясь с военнослужащими, с которыми он защищает отечество, переосмысливает ранее совершенное преступление. Как представляется, такое сопоставление должно усилить убежденность в правильности принятого решения заключить контракт и поддержать государственную власть, сформированную и выбранную народом.

3. Воспитательно-исправительное воздействие оказывает и осознание возможности наступления неблагоприятных последствий участия в боевых действиях – ранения или смерти; позволяет оценить важность осуществляемой миссии и низменность своего противоправного деяния.

4. Получить освобождение от уголовного преследования, не быть осужденным воспринимается как выражение благодарности, сформированной народом государственной власти и прощения.

Библиографический список

1. Борисова Е. Г., Манохин И. В. Феномен «Болотной площади» как свидетельство формирования нового социально-политического типа в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 3. С. 129–144.

2. Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2017.

3. Никитин С. Ю., Новикова М. В., Сергеев А. Б. Защита прав свидетелей в уголовном судопроизводстве. Челябинск, 2006.

4. Попова Т. В., Сергеев А. Б. Преступная деятельность при оказании медицинской помощи по профилю хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека) : правовой и виктимологический аспект // Виктимология. 2018. № 1 (15). С. 69–75.

5. Сергеев А. Б. Процессуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам в чрезвычайных ситуациях : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Челябинск, 2003.

6. Сергеев А. Б., Янин Д. Г. Один из аспектов соотношения международного и национального права по вопросу передачи лица, осужденного судом Российской Федерации за экстремизм, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является Соотношение национального и международного права по противодействию национализму, фашизму и другим экстремистским преступлениям : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной выдающемуся российскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву. 2015. С. 212–215.

7. Числов А. И., Сергеев К. А., Сергеев А .Б. Вопросы совершенствования уголовно-правовых средств противодействия криминальному рейдерству // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 81–86.

8. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 // Российская газета. 2023. 2 июня. № 120.

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

10. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ. URL: https://rg.ru/documents/2022/10/05/fkz5-site-dok.html (дата обращения: 06.03.2025).

11. О введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей : указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/69631 (дата обращения: 07.02.2025).

12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 13. Ст. 1687; О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 41. Ст. 6065.

© Кулагин Д. В., 2025
© Мищенко Е. В., 2025

УДК 343.1

Латыпов В. С. – начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);
Терехов А. Ю. – сотрудник Главного управления региональной безопасности Московской области, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

О ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

ABOUT FORMATION OF SCHOOL OF SCIENCES OF THE UFA LEGAL INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Авторским коллективом в рамках настоящей статьи предпринята попытка осмысления процесса формирования научной школы Уфимского юридического института МВД России в соответствии с требованиями и критериями, установленными ведомственными нормативными актами. Проведенный анализ выявил необходимость развития научного потенциала института и позволил определить приоритетные направления научной деятельности для создания научной школы.

Abstract. Within the framework of this article, the team of authors attempted to comprehend the process of forming a scientific school of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in accordance with the requirements and criteria established by departmental regulations. The analysis revealed the need to develop the scientific potential of the institute and made it possible to determine the priority areas of scientific activity for the creation of a scientific school.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, научная школа, Уфимский юридический институт МВД России, уголовный процесс, научный потенциал, исследование, наука.

Keywords: criminal proceedings, scientific school, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, criminal process, scientific potential, research, science.

В рамках проводимой уже ставшей традиционной VI Международной научно-практической конференции, посвященной проблемам уголовного процесса и определению путей их решения, предлагаем затронуть нетривиальную тему, имеющую непосредственное отношение к уголовному

судопроизводству, тактике, методике раскрытия и расследования преступлений, а также в целом к подготовке квалифицированных специалистов, способных противостоять современным криминальным вызовам – формированию научной школы.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 года № 231 в нашей стране объявлено о Десятилетии науки и технологий [1], что находит должное отражение в принимаемых управленческих решениях федерального и регионального масштаба, способствующих поддержке и развитию научного потенциала. При этом следует отметить, что наука не может развиваться вне определенных организационных структурных форм, создаваемых в образовательных и научных организациях.

Научная деятельность, обладающая концепцией, строго выдержанной методологией, объединенной единой целью, принципами и авторским коллективом образуют научную школу.

Следует согласится с верным замечанием Н. А. Ананьевой о том, что научная школа выступает детерминационной силой, которая создает профессиональное программирование ученых [2, с. 240].

Кроме того, в соответствии с приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России» [3] под научной школой следует понимать сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанный проведением исследований по общему научному направлению, признанный научной общественностью, возлагаемый руководителем и осуществляющий подготовку научных и научно-педагогических кадров, в том числе молодых ученых.

Основной целью научной школы является создание новых научных знаний, развитие образовательного потенциала и преемственности поколений, интеграция ведомственной науки в оперативно-служебную, образовательную деятельность и воспитательный процесс.

Деятельность научных школ направлена на решение следующих основных задач: проведение научных исследований; участие в подготовке научных и научно-педагогических кадров; повышение эффективности научного обеспечения образовательной деятельности в системе МВД России путем использования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований при подготовке учебной и учебно-методической литературы; содействие в становлении молодых ученых института, привлечение их к научно-исследовательской деятельности; содействие внедрению результатов научно-исследовательской деятельности представителей научной школы в практику, образовательную деятельность и воспитательный процесс; укрепление научных связей ученых системы МВД России с российским и международным научным сообществом.

При этом указанный нормативный акт определил основные критерии соответствия научного коллектива статусу научной школы системы МВД России, среди которых:

1. Наличие признанного научным сообществом руководителя – ученого, известного своими достижениями в конкретной области научного знания, обладающего педагогическим мастерством и организаторскими способностями; имеющего учеников (не менее пяти), разделяющих и развивающих его концептуальные теоретические и методологические подходы в научных исследованиях.

2. Целенаправленная деятельность нескольких поколений исследователей научной школы, позволяющая осуществлять получение положительных результатов научных исследований.

3. Наличие преемственности концептуальных научных теоретических и методологических подходов в научных исследованиях; разработка (исследование) конкретной доктринальной проблемы.

4. Осуществление подготовки научных и научно-педагогических кадров в адъюнктуре и докторантуре, а также в форме прикрепления лиц для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров.

5. Участие представителей научной школы: в работе диссертационных советов, в том числе в качестве официальных оппонентов на защитах диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора наук; в деятельности редакционных советов и коллегий научных изданий, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; иных научных изданий.

К числу ключевых признаков, присущих научным школам выделяют: наличие общей научной программы; подготовку научных кадров; наличие научного лидерства; осуществление групповой научной деятельности; связь поколений в осуществлении научной деятельности, объединенной единым духом научной школы [4, 5, 6, 7, 8].

При этом, развивая высказанную в одном из исследований мысль представителя нижегородской научной школы процессуалистов М. П. Полякова, следует отметить, что не только сохранение и созидание научных школ является насущной проблемой науки, в том числе уголовного процесса, но первоочередной задачей видится формирование или создание таких школ [7].

Применительно к научной деятельности в Уфимском ЮИ МВД России, проведенный анализ научного потенциала института показал, что направления проводимых исследований являются приоритетными для орга-

низации и развития научной школы в системе МВД России. Однако формирование научных школ является долгим и трудоемким процессом.

В настоящее время создание научной школы Уфимского ЮИ МВД России является приоритетным направлением стратегического развития нашей образовательной организации, что неоднократно обсуждалось на научном и ученом советах института. Предложено и одобрено наименование научной школы Уфимского ЮИ МВД России – «Современные правовые, процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства». Представляется, что комплексный подход к изучению вопросов, возникающих в процессе раскрытия и расследования преступлений позволит в полной мере отразить все многообразие возникающих в уголовном судопроизводстве проблем, а также предложить аргументированные, научно-обоснованные, методически выверенные их решения.

Формирование научных школ в образовательных организациях системы МВД России является важным этапом для повышения качества образования и профессиональной подготовки современных специалистов. Выделим лишь некоторые причины, обосновывающие эту необходимость:

Во-первых, эффективно функционирующая научная школа позволяет систематизировать знания и формировать академические традиции, способствует получению обучающимися качественного образования, овладеть современными методами научного исследования. При этом научное исследование в сочетании с практическим опытом сотрудников МВД России может привести эффективным решениям с учетом имеющейся правоприменительной практики.

Во-вторых, представляется, что формирование научной школы Уфимского ЮИ МВД России позволит сосредоточиться на актуальных проблемах, стоящих перед уголовно-правовой наукой в целом и Министерством внутренних дел Российской Федерации в частности.

К концептуальным положениям формируемой научной школы следует отнести следующие направления исследования:

1. Уголовно-правового характера:

– определение предмета, метода, функций уголовного права, сущности уголовного законодательства, преступления, наказания, иных мер уголовно-правового характера, их предназначения и роли в формировании задач Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ);

– разработка уголовно-правового механизма, обеспечивающего реализацию задач УК РФ;

– социального и уголовно-правового основания результативности задач УК РФ;

– критериев наполнения содержанием санкций норм Особенной части как необходимого условия их дифференциации и индивидуализации наказаний, при назначении наказания.

2. Уголовно-процессуального характера о:

– научной системе теорий уголовно-процессуальных функций, принципов, уголовно-процессуальных правоотношений, доказательствах и доказывании;

– совершенствовании уголовно-процессуальных институтов избрания и применения мер принуждения, обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства;

– перспективных направлениях использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводства.

3. Криминалистические исследования, посвященные:

– научными проблемами понимания природы криминалистики, ее задач, принципов и законов развития;

– интеграции функции криминалистической науки в системе информационного обеспечения правоприменительной деятельности.

4. В области оперативно-розыскной деятельности, посвященные:

– организации оперативно-розыскной деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите;

– организации и тактики применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц;

– совершенствованию оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

В-третьих, убеждены, что исследования и публикации, произведенные в рамках научной школы, могут служить основой для профессионального роста молодых специалистов.

К наиболее актуальным темам, разрабатываемым в рамках научной школы Уфимского ЮИ МВД России следует отнести: исследование пределов уголовно-правового воздействия; определение принципов уголовного права, выявление их содержания и связи с положениями, нормами, институтами УК РФ; содержание общественной опасности преступления и выявление ее роли в формировании УК РФ; уголовно-правовой механизм охраны человека, его прав и свобод как высшей ценности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств, их предупреждение; учение о функциях уголовного процесса; теория доказательств и доказывания в уголовном процессе; обеспечение реализации прав и свобод личности в уголовно-процессуальных отношениях; криминалистические проблемы и новации в методике раскрытия и расследования отдельных видов преступлений; актуальные проблемы следственной тактики; цифровая криминалистика; использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений; научные основы современной криминалистики; организация применения отдельных видов мер безопас-

ности в отношении защищаемых лиц, в том числе проживающих в новых субъектах Российской Федерации; вопросы организации негласного содействия подразделениям по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите; проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, участвующих в процессе осуществления государственной защиты; совершенствование розыскной работы органов внутренних дел Российской Федерации и др.

В-четвертых, формируемая научная школа Уфимского ЮИ МВД России позволяет активизировать сотрудничество между образовательными учреждениями и научными институтами. В настоящее время заключены двухсторонние соглашения с образовательными организациями различных ведомств, в том числе зарубежных государств о сотрудничестве в области образовательной и научной деятельности, способствует обмену опытом и продвижению актуальных исследований в области права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и других смежных областей.

Разделяя позицию Л. Ф. Глущенко, Н. А. Глущенко и Н. Г. Лаптева отметим, что для научной школы характерно не только обучение искусству исследователя, но и приобретение навыков по объединению творческих усилий для решения совместных решений общих проблем в определенной сфере деятельности [10, с. 49].

В целом следует отметить, что создание научной школы способствует развитию научной культуры в образовательной организации, развитие основных направлений сформированной научной школы должно рассматриваться как неотъемлемая часть образовательной и профессиональной деятельности. При этом к основным направлениям деятельности научной школы Уфимского ЮИ МВД России следует отнести: выполнение фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований; организация научно-практических мероприятий по правовым, процессуальным, криминалистическим и оперативно-розыскным проблемам уголовного судопроизводства с привлечением ведущих отечественных и зарубежных специалистов и правоприменителей; оказание организационной и научно-методической помощи обучающимся, адъюнктам (аспирантам), докторантам и соискателям.

В качестве промежуточного вывода следует указать, что создание и поддержание научных школ в системе МВД России не только повышает качество образования, но и вносит значительный вклад в развитие законодательной и правоприменительной практики в нашей стране.

Однако вынуждены констатировать, что в настоящее время научный коллектив института соответствуют не всем критериям, определенным приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 260 для признания существования и функционирования научной школы.

В этой связи считаем необходимым реализовать комплекс мер, направленный на достижение научным коллективом института критериев, предъявляемых к научным школам.

К числу таких мероприятий следует отнести:

– определение руководителя научной школы – ученого, известного своими достижениями в конкретной области научного знания. В качестве такого руководителя следует рассмотреть кандидатуру профессора кафедры уголовного права и криминологии доктора юридических наук, профессора Маликова Бориса Зуфаровича. Профессор Б. З. Маликов является научным руководителем 5 кандидатов наук, принимает активное участие в деятельности редакционных советов научных журналов «Вестник Уфимского юридического института МВД России», «Уголовно-исполнительное право», «Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова» и «Вестник Башкирского института социальных технологий»; является членом диссертационных советов;

– повышение эффективности деятельности адъюнктуры института с целью подготовки диссертационных исследований на соискание ученых степеней кандидатов наук;

– создание и обеспечение необходимых условий для развития научного потенциала с целью подготовки и защит докторских диссертаций.

Подводя итог следует отметить, что помимо сформулированных приоритетных направлений, проведенное исследование позволило выделить концептуальные положения формируемой научной школы «Современные правовые, процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства» к числу которых относятся исследования в различных направлениях уголовно-правовой науки, актуальные темы таких исследований, а также направления деятельности самой научной школы.

В завершение следует отметить, что, находясь в самом начале процесса формирования собственной научной школы, есть четкое понимание адресованного М. П. Поляковым научному сообществу посыла о необходимости создания благотворной среды, в которой должно происходить формирование ученых и осуществляться устойчивая смена научных поколений [7, с. 140]. Создание научной школы – это не управленческое решение, принимаемое совещательным органом, а коллективная, упорядоченная, масштабная, системная научная деятельность молодых исследователей и ученых образовательной организации, объединенных общей идеей.

Библиографический список

1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г.

№ 231 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 18. Ст. 3052.

2. Ананьева Н. А. Научная школа как способ программирования и самопрограммирования ученых : объяснительные позиции научной школы Филонова Льва Борисовича / Н. А. Ананьева // Символ науки : международный научный журнал. 2016. № 6-2(18). С. 237–240.

3. Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 28 апреля 2023 г. № 260 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Арпентьева М. Р. Особенности научного творчества в контексте развития научных школ // Гуманитарные ведомости ТГПУ им Л. Н Толстого. 2015. № 3. С. 25–34.

5. Володарская Е. А. Науковедческий анализ научной школы О. К. Тихомирова // Методология и история психологии. 2009. № 4 (4). С. 28–44.

6. Козлова Л. А. «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестник института социологии. 2014. № 3 (10). С. 46–65.

7. Субетто А. И. Ноосферная научная школа в России : итоги и перспективы. СПб. : Астерион, 2012.

8. Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Креба, Г. Штейнера. М. : Наука, 1977. С. 7–97.

9. Поляков М. П. Сохранение и созидание научных школ как самая насущная проблема науки уголовного процесса / М. П. Поляков // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 140–148.

10. Глущенко Л. Ф. Важная форма развития научного потенциала высшей школы – научные школы / Л. Ф. Глущенко, Н. А. Глущенко, Н. Г. Лаптева // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 3. С. 49.

© Латыпов В. С., 2025
© Терехов А. Ю., 2025

УДК 343.131 (470)

Маликова Н. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ СУДА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

THE IMPORTANCE OF THE COURT'S PARTICIPATION IN THE PRE-TRIAL STAGES THROUGH THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL COURT PROCEEDINGS

Аннотация. В статье раскрывается участие суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, его взаимодействие с органами предварительного расследования. Деятельность суда рассматривается через реализацию принципов уголовного процесса, таких как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, состязательность сторон, законности.

Abstract. The article reveals the court's participation in the pre-trial stages of criminal proceedings, its interaction with the bodies of preliminary investigation. The court's activities are considered through the implementation of the principles of criminal procedure, such as the protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings, the adversarial nature of the parties, and legality.

Ключевые слова: досудебные стадии, уголовное судопроизводство, суд, принципы, жалобы, меры пресечения, предварительное расследование, охрана прав и свобод человека и гражданина, состязательность сторон, законность.

Keywords: pre-trial stages, criminal proceedings, court, principles, complaints, preventive measures, preliminary investigation, protection of human and civil rights and freedoms, adversarial nature of the parties, legality.

Современное уголовное судопроизводство осуществляется в четко определенных стадиях, часть из которых осуществляется на досудебном, а часть – в судебном производстве. Вместе с тем, на основании действующего законодательства суд уполномочен участвовать в структуре обоих названных производств, что определяет его главенствующую роль. Наличие в структуре уголовного судопроизводства обозначенного разделения определяется и обеспечением принципа разделения властей. Так, в структуре досудебного производства обеспечивается деятельность исполнительной

власти в лице специальных органов предварительного расследования, а на судебных стадиях основополагающую роль выполняет суд [1, с. 215–220].

Применительно к теме исследования нас в большей степени интересует досудебное производство, в структуре которого осуществляется комплекс процессуальных механизмов, направленных на обеспечение расследования возбужденного уголовного дела. Основные полномочия по такому расследованию возложены на должностных лиц органов предварительного расследования в лице следователей и дознавателей. Положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее − УПК РФ) названные субъекты выступают участниками уголовного процесса со стороны обвинения и уполномочены осуществлять значительный спектр процессуальных и следственных действий для достижения основной цели уголовного судопроизводства. Вместе с тем, анализ законодательных положений показывает, что суд также участвует в названном этапе уголовного судопроизводства.

Реализация деятельности судебной власти на территории Российской Федерации основывается на конституционных положениях. Вместе с тем основной блок норм реализации судебных полномочий закрепляется в структуре УПК РФ. Именно в названном акте предусматривается возможность деятельности суда на стадиях досудебного производства. Обозначенная деятельность имеет значительную эффективность для реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет полномочия суда, что в совокупности является механизмом осуществления его деятельности. В частности, система таких полномочий включена и является непосредственной частью его компетенции, где помимо полномочий имеют место также права и обязанности. Обозначенная система полномочий должна быть четко закреплена нормами законодательства, что имеет место в положениях УПК РФ. Кроме того, комплекс принадлежащих суду полномочий необходим для эффективного выполнения судами их функций, среди которых определяющей является правосудие. Однако существуют и иные функции, к примеру судебный контроль, то есть та функция, которая имеет место в структуре досудебного производства [2, с. 67–70.].

На основании уголовно-процессуального законодательства суд выступает одним из участников уголовного процесса, однако законодатель не относит суд ни к участникам со стороны защиты, ни к участникам со стороны обвинения, а характеризует как обособленного участника названных отношений. Необходимо отметить, что в положениях ст. 29 УПК РФ осуществлено четкое регламентирование полномочий суда, в том числе, в ходе досудебного производства. Так, законодатель обеспечивает такое участие суда в целях необходимости должного обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Отметим, что это ка-

сается не только подозреваемого или обвиняемого, но и иных участников. К примеру, протерпевшего, свидетеля и иных. Так, в структуре полномочий суда на досудебных стадиях следует выделять осуществление санкционирования отдельных мер пресечения, отдельных следственных действий, применение к подозреваемому или обвиняемому отдельных иных мер процессуального принуждения, применения к участникам денежного взыскания, а также процедуру рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, значение участия судебных органов в структуре досудебного производства обеспечивается необходимостью реализации важнейших принципов уголовного процесса. Так, названное участие обеспечивает принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Следует отметить, что необходимость должного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в структуре отношений уголовно-процессуального характера обеспечивается значительным количеством специальных норм, где главенствующая роль отдана конституционным положениям. Именно в Конституции Российской Федерации были провозглашены основные ценности, связанные с задачей государства защищать и охранять законные права граждан, в том числе тех, которые вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства. Рассматриваемый принцип представляет собой фундаментальное начало уголовно-процессуальной деятельности. Именно на нем основаны все базовые механизмы, осуществление которых имеет место в структуре уголовного процесса. Названный принцип реализуется во всех стадиях рассматриваемого производства и обеспечивает защиту любого, вовлеченного в него участника, вне зависимости от его процессуального статуса. Он одинаково распространяется и на лиц, подозреваемых в совершении преступлений, на потерпевших, свидетелей, участников, обеспечивающих уголовный процесс и иных лиц [3, с. 840–846].

Нормы уголовно-процессуального законодательства обеспечивают необходимость реализации рассматриваемого принципа со стороны участников, наделенных определенными полномочиями, к которым необходимо относить должностных лиц органов предварительного расследования, суд, прокурора и иных. Реализация названного принципа должна иметь место во всех их действиях процессуального характера. В научной литературе отмечается, что основное предназначение таких должностных лиц не в том, чтобы обеспечить скорейшее расследование уголовного дела, обеспечить оперативное выяснение истины, реализовать необходимые меры принуждения, а первостепенно обеспечить реализацию прав и законных интересов всех участвующих в деле лиц, что должно основываться на действующем законодательстве, а также проявляться в осуществлении конкретных обязанностей, которыми они наделены [4, с. 917–922]. Указанная задача полностью соотносится с проблематикой участия суда на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Рассматриваемый принцип формирует такую обязанность у всех долж-

ностных лиц органов предварительного расследования, которая требует от них обеспечить должное разъяснение всех прав, которые имеются у участника в соответствии с положениями УПК РФ, предоставить возможность реализации гарантий, что и происходит в ходе судебного участия на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В связи с этим, процесс реализации рассматриваемого принципа не может быть ограничен только специальными нормами из общей части УПК РФ. Его реализация обеспечивается целым комплексом норм, которые имеют место в различных нормах, которые осуществляют регулирование различных процессуальных действий, производство которых необходимо для достижения истины по расследуемому уголовному делу, включая применение различных мер процессуального принуждения, осуществления следственных действий и т. д.

Значение деятельности суда на стадии досудебного производства определяется и необходимостью обеспечения контроля за деятельностью органов предварительного расследования. Как уже отмечалось, в структуре досудебного производства их должностные лица уполномочены осуществлять различные механизмы, в том числе принудительного характера. Злоупотребление такими механизмами может существенно влиять на эффективность уголовного судопроизводства в целом. Важно отметить, что посредством участия суда на досудебных стадиях обеспечивается баланс применения таких принудительных мер. Также, с помощью участия суда на досудебной стадии уголовного процесса достигается и минимизация различных нарушений со стороны должностных лиц органов предварительного расследования. Отметим, что институт рассмотрения жалоб участников на действия или бездействия таких должностных лиц, позволяет минимизировать значительное количество таких нарушений [5, с. 67–73].

Важное значение участия суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства прослеживается и при реализации принципа состязательности сторон. Вместе с тем, в научных исследованиях существуют мнения, что принцип состязательности сторон на стадиях досудебного производства проявляется в меньшей степени, чем в структуре судебного рассмотрения уголовного дела [6, с. 245–250]. По нашему мнению, одной из ключевых составляющих обеспечения указанного принципа на стадии досудебного производства, является как раз деятельность суда. К примеру, состязательность сторон обеспечивается при избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого мер пресечения, когда решение принимается в процессе судебного рассмотрения. Отметим, что сторона защиты имеет все полномочия к осуществлению приведения доводов в пользу подозреваемого или обвиняемого о нецелесообразности применения таких мер, которые суд может принять к сведению и вынести решение о нецелесообразности применения такой меры, либо изменить на более мягкую.

Безусловно, деятельность суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства обеспечивает реализацию и принципа законности. На сегодняш-

ний день в уголовно-процессуальном законодательстве сформировалась определенная правовая модель реализации принципа законности в структуре уголовно-процессуальной деятельности, в том числе применительно к стадиям досудебного производства. Отметим, что сформулированный в положениях УПК РФ принцип законности имеет конституционную природу. Положения УПК РФ, а именно содержание ст. 7 УПК РФ, развивают конституционные положения применительно к общественным отношениям, которые возникают в процессе уголовного преследования. Основная важность рассматриваемого принципа заключается в том, что он является своего рода инструментом, который призван должным образом обеспечить права и законные интересы лиц, которые вовлекаются в уголовное судопроизводство. Таким образом, обязывающие элементы рассматриваемого принципа направлены в большей степени на участников уголовного судопроизводства, которые обладают комплексом властных полномочий в структуре уголовно-процессуальных общественных отношений. Более того, с целью обеспечения реализации рассматриваемых положений в рамках норм УПК РФ, а также иных нормативных правовых актов была создана трехуровневая система, объединяющая в себе различные способы, которые направлены на обеспечение законности в процессе осуществления указанной деятельности. Среди таких способов необходимо рассматривать и судебный контроль на стадии досудебного производства. Необходимо обозначить, что суд обеспечивает реализацию обозначенного принципа, в том числе, посредством обеспечения рассмотрения жалоб на действия и решения должностных лиц в процессе досудебного производства, а также обеспечивает контроль в области применения мер пресечения и производства отдельных следственных действий, которые существенным образом могут ограничивать права граждан [7, с. 76–85].

В качестве вывода следует отметить, что деятельность суда на досудебных стадиях предварительного расследования обеспечивает и реализацию иных принципов уголовного процесса. Таким образом, обозначенную деятельность необходимо признать важнейшим инструментом, обеспечивающим эффективность уголовного судопроизводства, права и законные интересы граждан, законность действий уполномоченных должностных лиц, принцип состязательности, а также иные фундаментальные принципы уголовного процесса.

Библиографический список

1. Халиков А. Н. Сущность и значение досудебного производства в системе уголовно-процессуального права России // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3 (110). С. 215–220.

2. Терентьев А. В. Роль и полномочия суда в уголовном процессе // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 67–70.

3. Светашова К. В., Саратова О. В. Защита судом конституционных прав и свобод граждан на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2024. С. 840–846.

4. Тенсина Е. Ф. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. № 5. С. 917–922.

5. Платонова В. Ю., Семенов Е. А. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики и права. 2024. № 92. С. 67–73.

6. Храмов С. А., Лавров А. А., Логачев О. В. Проблемы реализации принципа состязательности сторон на стадии досудебного производства // Форум. 2023. № 1 (30). С. 245–250.

7. Рудакова С. В. Субъективное право на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 76–85.

© Маликова Н. В., 2025

УДК 004.056:343.1:355.241.211

Маричева О. В. – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Амурского государственного университета (Россия, г. Благовещенск)

ЗАЩИТА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

PROTECTION OF CONFIDENTIAL INFORMATION IN SENTENCING DURING WARTIME CONDITIONS

Аннотация. Статья посвящена вопросу обеспечения защиты конфиденциальной информации при назначении уголовных наказаний с использованием современных цифровых решений в условиях военного положения. Результаты применения технологий в судебном процессе наряду с положительным эффектом могут привести и к негативному результату. В условиях активного внедрения цифровых технологий в сферу уголовного правосудия возникает необходимость обеспечения защиты конфиденциальной информации. В статье рассмотрены возможные угрозы и каналы утечки конфиденциальной информации, методы борьбы с рисками при на-

значении наказаний с применением цифровых технологий в условиях военного положения. Сделан вывод о том, что необходимо наладить систематическую работу в этом направлении для обеспечения безопасности данных и защиты прав участников процесса.

Abstract. This article is devoted to the issue of ensuring the protection of confidential information when imposing criminal penalties using modern digital solutions in the context of martial law. The application of technologies in the judicial process may lead to both positive effects and negative outcomes. In the context of the active implementation of digital technologies in the field of criminal justice, there is an urgent need to ensure the protection of confidential information. The article examines possible threats and channels of information leaks, as well as methods to combat risks when imposing penalties using digital technologies in a martial law environment. It concludes that systematic efforts in this direction are necessary to ensure data security and protect the rights of participants in the process.

Ключевые слова: конфиденциальная информация, назначение уголовных наказаний, военное положение, цифровые технологии, кибератака, утечка информации.

Keywords: confidential information, criminal sentencing, martial law, digital technologies, cyberattack, information leakage.

Нарастающая в последние годы напряженность в международных отношениях часто приводит к вооруженным конфликтам между государствами, что является причиной введения особых правовых режимов, в том числе военного положения. При этом никуда не исчезает проблема противодействия преступности, требуя от государства дополнительных усилий и ресурсов для обеспечения внутренней безопасности.

Уголовно-правой институт назначения наказаний с учетом приоритетов государственной политики может компенсировать снижение эффективности традиционных мер уголовного правосудия, обусловленное разрушением инфраструктуры, ограничением мобильности и перегрузкой учреждений исполнения наказаний.

Одним из направлений совершенствования уголовного правосудия является его цифровизация, преимущества и недостатки которого активно обсуждаются в юридической литературе. Преимуществами этого процесса называют повышение скорости судебных процедур и минимизацию человеческого фактора [1, с. 126], а недостатками – возможность хакерских атак и неверное программирование [2, с. 37]. Эти аспекты в полной мере применимы к правосудию в условиях военного положения, однако, наряду с этим, в таких условиях значительно увеличивается риск утечек конфиденциальной информации, что может создать дополнительные проблемы и угрозы. Информационная безопасность – одно из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России, поэтому вопрос про-

тиводействия угрозам и рискам в информационной сфере стоит очень остро [3, с. 170], хотя имеет место мнение о переоцененности данной угрозы применительно к судебному процессу [4, с. 8]. В таком контексте особенно важно обеспечить надежную защиту данных, чтобы не подорвать доверие к правосудию и защитить права граждан в условиях повышенной напряженности.

В последние годы в российской судебной системе активно внедряются различные современные технологии, которые способствуют оптимизации и автоматизации судебного процесса: автоматизация обработки документов [5, с. 7], дистанционное участие в судебных заседаниях [6, с. 92], транскрибация аудиопротоколов, автоматическое формирование состава суда с учетом нагрузки и специализации судей, биометрическая идентификация, электронный документооборот, открытые электронные базы данных приговоров и решений, технические средства фиксации процессуальных действий, автоматизированное распределение поручений по назначению защитников [7, с. 57]. Использование этих технологий повышает эффективность судебной системы и ее доступность для граждан, а в условиях военного положения обеспечивает возможность оперативного реагирования на изменяющиеся обстоятельства и актуальные вызовы.

Статистика показывает, что в период участия государства в военных действиях наблюдается рост числа преступлений, характерных именно для такого периода: в 2022 году (год начала специальной военной операции) по сравнению с 2021 годом в России увеличилось количество преступлений, связанных с государственной изменой, диверсиями и разглашением государственной тайны, зарегистрировано 62 случая публичного дискредитирования Вооруженных Сил РФ, что стало возможным благодаря введению в марте 2022 года новой ст. 280^3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [8, с. 131]. Осуждено по этой ст. в 2022 году 2 человека, в 2023 году – 43, в первом полугодии 2024 года – 28 [9].

Военное время усиливает угрозу кибератак и шпионажа, так как противоборствующие стороны стремятся получить преимущество любыми возможными способами. Возрастает риск активности хакеров. Объектами целенаправленных атак с целью шантажа, компрометации или манипулирования результатами судебных процессов могут стать судьи, прокуроры или адвокаты. Утечка данных может быть использована для распространения ложной информации среди населения или международных организаций, и подорвать доверие к судебной системе и государственным институтам. Даже частичная утечка информации о судебных процессах, связанных с государственными контрактами или военными операциями, может поставить под угрозу национальную безопасность.

Утечка секретных или конфиденциальных данных в судебном процессе может произойти путем умышленной либо неумышленной утечки по техническим каналам, утраты носителей с секретными или конфиденци-

альными данными [10, с. 167]. В военное время каналами утечки могут стать ненадежные информационные системы, инсайдерские действия, неавторизованный доступ, передача данных по небезопасным каналам. Утечке могут подвергаться государственные секреты, данные о свидетелях и потерпевших, судебные решения и т. п.

Учитывая важность обеспечения конфиденциальности и справедливости на стадии назначения наказаний, необходимо развивать эффективные меры противодействия возникающим угрозам.

Для противодействия угрозам информационной безопасности необходим комплексный подход, охватывающий как организационные, так и технические меры. Организационная защита информации позволит установить специальный режим, включающий в себя охрану помещений, правила обработки информации, содержание носителей информации, а также обеспечить контроль за соблюдением требований норм технической эксплуатации цифровых систем. Стадия организационной защиты информации позволит определить источники угроз защищаемой информации, виды конфиденциальной информации, основные каналы утечки информации; организовать допуск и доступ к конфиденциальной информации, организацию работы персонала и т. д.

Не менее важно внедрение технических мер безопасности, включающих методы шифрования, мониторинга и анонимизации данных, антивирусные программы, что в совокупности создаст многоуровневую защиту информации и снизит вероятность несанкционированного доступа. Комбинирование этих технологий позволяет создавать многоуровневую систему безопасности, которая уменьшает вероятность утечки конфиденциальной информации и способствует доверию к системе правосудия.

Также стоит обратить внимание создание культуры информационной безопасности в судах посредством обучения сотрудников по безопасному обращению с информацией и реагированию на инциденты.

Оперативно реагировать на выявленные угрозы и минимизировать последствия утечки информации позволят планы действий на случай инцидентов. Возможность своевременного выявления уязвимостей и рисков, а также адаптацию к новым угрозам в условиях быстро меняющейся цифровой среды обеспечат постоянный мониторинг и аудит системы безопасности.

Важным инструментом в области безопасности, обеспечивающим более высокий уровень защиты информации и доступов, может стать поведенческая биометрия, которая представляет собой процесс автоматического распознавания индивидов на основе их поведенческих характеристик (скорость печати, паттерны движения мыши и стиль взаимодействия с сенсорными экранами мобильных устройств), что кардинально отличает ее от статической биометрии, основанной на физических признаках (отпечатки пальцев или сетчатка глаз) [11, с. 156]. В результате улучшается точность

идентификации и за счет этого снижается вероятность мошеннических действий. Подделка поведенческих характеристик представляет собой серьезную сложность, поскольку имитировать уникальные аспекты поведения значительно труднее, чем статические биометрические данные [11, с. 156].

Таким образом, использование в условиях военного положения цифровых решений в назначении уголовных наказаний открывает новые возможности для автоматизации и повышения эффективности работы судов, но одновременно создает потенциальные угрозы для безопасности конфиденциальной информации. Эффективная работа в этом направлении усилит доверие к государственным институтам и повысит уровень безопасности при назначении наказаний с применением цифровых технологий в условиях военного положения.

Библиографический список

1. Маричева О. В. Цифровые решения для оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 5. С. 115–129.

2. Крайнова Н. А. «Электронные весы правосудия» : цифровизация процессов или оцифровка задач? // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (52). С. 35–38.

3. Дубень А. К. Обеспечение информационной безопасности Российской Федерации : правовой и организационные аспекты // Обеспечение информационной безопасности : вопросы теории и практики : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 29 мая 2023 года / науч. редакторы: Г. Г. Камалова, В. Г. Ившин, Г. А. Решетникова. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2023. С. 170–175.

4. Информационные технологии в правосудии : состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад // НИУ «ВШЭ». URL: http://црсп.рф/wp-content/uploads/2020/07/tezis-informacionnie-tehnologii-vpravosudii.f (дата обращения: 27.02.2025).

5. Васильев О. Д. Нам нужно повысить производительность труда // Информационный бюллетень Амурского областного суда. 2024. № 35. Воронеж : Славянская Типография.

6. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии : проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.

7. Даровских О. И. Использование адвокатами-защитниками информационных технологий как средство повышения качества защиты // Проблемы права. 2024. № 2 (94). С. 53–58.

8. Меркурьев В. В., Закомолдин Р. В. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022–2024 гг.) : монография / П. В. Агапов, П. С. Данилов, Л. В. Дулькина [и др.]; под ред. Р. В. Закомолдина. Самара : Самарама, 2024. 260 с.

9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 28.02.2025).

10. Филатова Т. А., Михайлов С. Б. Защита государственной тайны в России в условиях цифровой экономики // Теоретические и прикладные аспекты экономической безопасности в условиях цифровизации : сборник статей / под редакцией Р. В. Дронова, Е. Е. Шарафановой. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 165–171.

11. Уймин А. Г., Морозов И. М. Практическое применение элементов поведенческой биометрии // Обеспечение информационной безопасности : вопросы теории и практики : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 29 мая 2023 года / науч. редакторы Г. Г. Камалова, В. Г. Ившин, Г. А. Решетникова. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2023. С. 156–162.

© Маричева О. В., 2025

УДК 343.985.7(470)

Миняшева Г. И.– доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА»

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY «TEST PURCHASE»

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты осуществления оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка». Определенные проблемы часто вызваны отсутствием единого подхода к по-

нятию проверочной закупки в нормах законов, регулирующих оперативно-розыскную деятельность, а также определению предмета проверочной закупки, что может привести к различной трактовке данных понятий. Кроме того, при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» возникают проблемы со сбором доказательств по фактам сбыта наркотиков. Основной причиной данных сложностей является опровержение доводов обвиняемых о наличии провокации со стороны оперативных сотрудников при проведении оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка».

Abstract. The article examines the theoretical aspects of the implementation of the operational-search measure «test purchase». In their activities, employees of operational units of internal affairs agencies often encounter problems when conducting this operational-search measure. These problems are often caused by the lack of a unified approach to the concept of test purchase in the norms of laws regulating operational-search activities, as well as the definition of the subject of test purchase, which can lead to different interpretations of these concepts. In addition, when conducting the operational-search measure «test purchase», problems arise with collecting evidence on the facts of drug sales. The main reason for these difficulties is the refutation of the defendants' arguments about the presence of provocation on the part of operational officers when conducting the operational-search measure «test purchase».

Ключевые слова: оперативно-розыскное мероприятие, проверочная закупка, провокация, доказательства.

Keywords: operational investigative activity, test purchase, provocation, evidence.

Несмотря на принимаемые меры, в Российской Федерации остается высоким уровень преступности в отдельных сферах. Совершается большое количество преступлений против собственности. Растет число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления. Организованная преступность, терроризм, коррупция, наркомания стали реальными факторами, подрывающими национальную безопасность страны [5]. Министерство внутренних дел Российской Федерации неоднократно обращало внимание на необходимость совершенствования мер, направленных на повышение эффективности подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) в предупреждении и раскрытии преступлений. Одним из таких направлений является совершенствование оперативными подразделениями ОВД организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [1] предусмотрено

ОРМ «проверочная закупка». Данное ОРМ является одним из эффективных инструментов при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений.

В настоящее время в оперативно-розыскной практике существуют проблемы, связанные с определением содержания ОРМ «проверочная закупка» и применением его оперативными подразделениями ОВД в борьбе с преступностью. Объясняется это прежде всего тем, что отсутствует законодательное определение проверочной закупки, в связи с чем не раскрывается в полной мере ее сущность и специфика проведения. Сказанное обуславливает актуальность исследования вопросов правового регулирования, практики проведения данного ОРМ.

Как уже отмечалось ранее, ФЗ «Об ОРД» не раскрывает понятие ОРМ «проверочная закупка».

В толковом словаре русского языка закупка трактуется как купля, покупка чего-нибудь и продажа (торговые операции по закупке и продаже), сделка [6].

Данный вид ОРМ получил законодательное определение в нормах ст. 49 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», под которым следует понимать ОРМ, «при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, допускается приобретение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов или оборудования в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также установления других обстоятельств имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности» [2].

Понятие ОРМ «проверочная закупка» также содержится в Модельном законе Содружества Независимых Государств (СНГ) от 16 ноября 2006 г. «Об оперативно-розыскной деятельности. В статье 1 Модельного закона проверочная закупка определяется как «создание органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, ситуации, в которой под оперативным контролем возмездно приобретаются товары ил предметы без цели потребления или сбыта у лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, с целью получения информации о вероятной преступной деятельности, а также решения иных задач оперативно-розыскной деятельности» [4].

Следует отграничивать ОРМ «проверочная закупка» от формально схожего мероприятия «контрольная закупка». Понятие «Контрольная закупка» раскрывается в новой норме ст. 16.1 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3].

Особенностью контрольной закупки является то, что она используется в деятельности контролирующих органов, не являющихся субъектами оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Изучение литературы показывает, что какие-либо иные легальные определения ОРМ «проверочная закупка» на уровне других законов отсутствует. В связи с этим необходимо провести к единообразию подход в данном вопросе, в том числе посредством закрепления понятия проверочной закупки и иных ОРМ нормах действующего оперативно-розыскного законодательства. Рассматривая проблему формирования понятия проверочной закупки, следует отметить, что правовое регулирование этого ОРМ имеет свои особенности, отличающие его от большинства других.

Предметом проверочной закупки может выступать самый широкий спектр товаров, предметов, веществ и услуг: предметы, вещества и продукция, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен (например, оружие, некачественные и опасные пищевые продукты, человеческие органы и т. п.); предметы, вещества и продукция, находящиеся в свободном гражданском обороте; услуги (например, сексуальные услуги, эксплуатация рабского труда).

Расчет с продавцом при проведении ОРМ «проверочная закупка» может быть осуществлен различными материальными ценностями, предметами, ценными бумагами, денежными средствами. При этом в последние несколько лет прослеживается тенденция роста числа сделок, осуществляемых в бесконтактной форме, когда отсутствует непосредственный контакт «из рук в руки» между продавцом и покупателем, что позволяет продавцам обезопасить себя от возможности задержания сотрудниками ОВД с поличным. Данный способ характерен для незаконных сделок, в результате которых осуществляется сбыт наркотических средств, оружия, поддельных денежных купюр и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие единого понятия ОРМ «проверочная закупка» в нормах законов, регулирующих ОРД, а также понятие предмета проверочной закупки может привести к различной трактовке данных понятий. В связи с этим необходимо провести к единообразию подход в данном вопросе, в том числе посредством закрепления понятия проверочной закупки и иных ОРМ нормах действующего оперативно-розыскного законодательства.

У сотрудников оперативных подразделений ОВД, специализирующихся на борьбе с незаконным оборотом наркотиков, возникает масса проблем организационного, технического и правового характера. В частности, на проблемы со сбором доказательств по фактам сбыта наркотиков. Основной причиной данных сложностей является опровержение доводов обвиняемых о наличии провокации со стороны оперативных сотрудников при проведении ОРМ «проверочная закупка». В связи с этим необходимо остановиться на определении критериев отграничения провокации от пра-

вомерного проведения оперативными сотрудниками ОРМ «проверочная закупка».

Отграничивая провокацию от допустимого поведения, Европейский суд по правам человека в Постановлении от 4 ноября 2010 г. «Дело «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) дал определение провокации: «Полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем, чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело» [7].

Проблемы также возникают в период наблюдения за закупщиком после его досмотра перед закупкой вызывает много вопросов, например: 1) после досмотра закупщик вступал в контакт с оперативными сотрудниками, 2) автомобиль, на котором передвигался закупщик, был досмотрен нетщательно, 3) в процессе передвижения к месту встречи со сбытчиком закупщик выпадал из вида представителей общественности и т. д. Все это может рассматриваться как возможности для закупщика незаметно получить наркотик, а впоследствии утверждать, что ему он был передан лицом, в отношении которого проводилось ОРМ.

Также вызывает определенные вопросы решение оформлять ОРМ «проверочная закупка» актом, а не протоколом. Акт – это документ, составляемый группой лиц, подтверждающий установленные ими факты, события. Протокол – это официальный документ, в котором фиксируются какие-либо фактические обстоятельства.

В соответствии со ст. 15 ФЗ «Об ОРД» в случае изъятия предметов, документов, материалов при проведении гласных ОРМ составляется протокол. Данное действие является уже гласным, его результат в отношении предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, как правило регистрируется в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП), а изъятие в ходе гласных ОРМ оформляется только протоколом изъятия.

Таким образом, с учетом вышесказанного можно заключить следующее: в деятельности оперативных подразделений ОВД в качестве одного из наиболее распространенных методов борьбы с преступностью используется ОРМ «проверочная закупка». Рассматривая проблему формирования понятия проверочной закупки, следует отметить, что правовое регулирование этого ОРМ имеет свои особенности, отличающие его от большинства других. Отсутствие единого понятия ОРМ «проверочная закупка» в нормах законов, регулирующих ОРД, а также понятие предмета

проверочной закупки может привести к различной трактовке данных понятий. В связи с этим необходимо провести к единообразию подход в данном вопросе, в том числе посредством закрепления понятия проверочной закупки и иных ОРМ нормах действующего оперативно-розыскного законодательства. Законодательное закрепление понятий каждого из ОРМ позволит четко представлять, какое мероприятие проводится и, соответственно, избегать подмены одного оперативно-розыскного мероприятия другим. По своей сущности проверочная закупка представляет собой возмездное приобретение какого-либо объекта (услуги) под контролем органа, осуществляющего ОРД, в целях борьбы с преступностью.

Содержание проверочной закупки имеет сложный комплексный характер и включает в себя: 1) создание условий, которые позволяют контролировать ситуацию, в рамках которой осуществляется возмездное приобретение объектов (услуг), представляющих оперативный интерес; 2) осуществление контроля за данной ситуацией и соответствующее реагирование на ее развитие. Оперативно-розыскная практика вырабатывает определенные правила проведения ОРМ. Особенность этих правил также в том, что они направлены в первую очередь на обеспечение эффективности проведения ОРМ.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 14.02.2025).

2. О наркотических средствах и психотропных веществах : федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 14.02.2025).

3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 14.02.2025).

4. Об оперативно-розыскной деятельности : модельный закон СНГ : постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6 [принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 16 ноября 2006 года]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 14.02.2025).

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ № 400 [принят Президентом Российской Федерации 2 июля 2021 г.].

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 16.02.2025).

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov (дата обращения: 17.02.2025).

7. «Дело «Банникова (Bannikova)» : постановление Европейского суда от 4 ноября 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 16.02.2025).

© Миняшева Г. И., 2025

УДК 343.1

Мичурина О. В. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Москва);

Мичурин В. С. – доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

О ПРАВИЛЬНОМ ПОНИМАНИИ ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ

ABOUT THE CORRECT UNDERSTANDING OF LAW IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEM STATEMENT AND ITS SOLUTION

Аннотация. В статье авторы предлагают разобраться в сложностях понимания законности в уголовном судопроизводстве. Делается анализ нормативного регулирования законности в современном уголовно-процессуальном законе. Устанавливаются расхождения между желаемым и действительным в редакции ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Предлагается такая трактовка законности, которая более точно отражала бы ее сущность в качестве принципа уголовного судопроизводства.

Abstract. In the article, the authors propose to understand the complexities of the correct understanding of legality in criminal proceedings. An analysis of the normative regulation of legality in the modern criminal procedural law is made. Discrepancies between the desired and the actual in the wording of Art. 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are established. An interpretation of legality is proposed that would more accurately reflect its essence as a principle of criminal proceedings.

Ключевые слова: законность, принцип законности, закон, соблюдение закона, нарушение закона, производство по уголовному делу.

Keywords: egality, principle of legality, law, compliance with the law, violation of the law, criminal proceedings.

В уголовном судопроизводстве законность является главным принципом, можно даже сказать – принципом для всех принципов. Это объясняется тем, что нарушение любого принципа уголовного судопроизводства автоматически влечет нарушение принципа законности. Для уголовно-процессуального права принципы – важнейший уголовно-процессуальный институт, носящий концептуальный характер и формирующий основы, прежде всего, правового статуса участников уголовного процесса [1, с. 625–626].

На соблюдении закона строится деятельность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, других участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются процессуальными действиями и процессуальными решениями. Тем самым принцип законности имеет распространение на участников уголовного судопроизводства как с определенным, так и с неопределенным процессуальным статусом, а также лиц никак не именуемых в законе, поэтому и не имеющих статуса участника уголовного судопроизводства, но вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу. В этой связи согласимся с О. В. Гладышевой, верно обратившей внимание на то, что в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) речь идет исключительно о действиях и решениях должностных лиц и государственных органов, что не согласуется с общепринятым пониманием действия принципа законности [2, с. 23].

Неправильно было бы считать, что требования соблюдения закона должны быть направлены только на государственные органы и должностных лиц, а не на всех участников уголовно-процессуальных отношений. В уголовном судопроизводстве законность предполагает правомерное поведение и соответствующую деятельность всех лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу, что находит выражение в установленных законом обязанностях, которые являются неизменным приложением к правам. В какой-то степени принцип законности даже выступает ориентиром для

надлежащего поведения и надлежащей деятельности в уголовном судопроизводстве.

Государственные органы и должностные лица обязаны охранять права и законные интересы участников, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу, но имеют также право обращаться к ним с законными требованиями. Лица, к которым обращены такие требования, в свою очередь, обязаны их выполнить. В случае неисполнения требований к ним может применяться весь арсенал уголовно-процессуального принуждения, включающий не только меры процессуального принуждения, но и принудительное производство следственных, а также иных процессуальных действий. Верно заметил А. М. Баранов, что в уголовном процессе отношения личности с государством всегда будут сопровождаться интенсивным принудительным воздействием со стороны государства [3, с. 17], что обусловлено целью уголовно-процессуального принуждения и его социальной обусловленностью.

Следует учитывать, что такое принуждение имеет четко обозначенные законом границы и разную степень воздействия, обусловленную процессуальным статусом конкретного участника уголовного судопроизводства. К примеру, подозреваемый (обвиняемый) в силу требований ст. 51 Конституции РФ, имеет право отказаться от дачи показаний не только относительно себя и своих близких родственников, но, согласно ст. 46 и 47 УПК РФ, вообще любых показаний. Поэтому его молчание никак не отражается на принципе законности, а вот обратная ситуация в виде принуждения к даче показаний со стороны следователя, дознавателя, пусть даже выраженная в соответствующих словесных требованиях, напротив, имеет самые негативные последствия для законности и полученных таким путем доказательств.

Публичный характер уголовного судопроизводства и необходимость создания условий для надлежащего осуществления уголовно-процессуальной деятельности вынуждают участников уголовно-процессуальных отношений строго следовать требованиям закона. Проявляясь в такой взаимосвязи, принцип законности выполняет свою главную регулятивную роль в уголовном судопроизводстве. Поэтому в ст. 7 УПК РФ должны быть отражены требования соблюдения закона всеми без исключения участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами, вовлеченными в производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений.

Кроме того, принцип законности заполняет собой всю сферу уголовного судопроизводства, включающую как досудебное, так и судебное производства. В связи с этим не совсем понятно, почему в наименовании ст. 7 УПК РФ законодатель сделал акцент именно на производстве по уголовному делу, исключив тем самым стадию возбуждения уголовного дела. Представляется, что подобная законодательная техника вносит определен-

ные разногласия в толкование данной нормы. Если проследить формулировки других принципов, включенных в главу 2 УПК РФ, в том числе само название этой главы, то в них ведется речь в целом об уголовном судопроизводстве.

Согласуясь со всеми уголовно-процессуальными принципами, проявляя себя во всех нормах уголовно-процессуального права, принцип законности имеет распространение на все уголовное судопроизводство, а не отдельные его части, именно на всю уголовно-процессуальную деятельность, которая начинается с момента появления повода для возбуждения уголовного дела. Иначе, как тогда обосновать требования ст. 144 УПК РФ об обязательности приема, проверки сообщения о преступлении и принятия по нему решения в установленном законом порядке и в установленный законом срок? Конечно же, абсурдно было бы представить стадию возбуждения уголовного дела без принципа законности. По этой причине правильнее вести речь о принципе законности именно в уголовном судопроизводстве, о чем законодателю давно следовало бы внести соответствующие коррективы. Формулировка принципа в названии ст. 7 УПК РФ «при производстве по уголовному делу» неправильная и достаточно уязвима с позиции правильного понимания законности.

К примеру, в Модельном УПК для государств – участников Содружества Независимых Государств дана более лаконичная формулировка данного принципа, в ст. 12 он назван просто законностью [4], что тоже имеет место. Кроме того, в содержании ст. 12 Модельного УПК для государств – участников Содружества Независимых Государств установлено распространение принципа законности на всех участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, что регламентирует уже упомянутую нами его всеобщность. Не напрасно же в УПК РФ установлены права и обязанности не только государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, но и всех других участников (подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, его представителя и пр.).

Соблюдение уголовно-процессуального закона гражданами находит выражение в исполнении ими своих обязанностей, то есть надлежащем поведении. Следование закону государственными органами и должностными лицами проявляется также в реализации ими своих обязанностей и полномочий, то есть надлежащей деятельности. Так, уголовно-процессуальные нормы подробно регламентируют порядок возбуждения уголовного дела, производства предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела по существу в суде. Они устанавливают такой порядок уголовного судопроизводства, который призван обеспечить активную и целенаправленную деятельность государственных органов и должностных лиц, направленную на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Кроме того, в УПК РФ предусмотрены средства процессуального контроля и прокурорского надзора, которые не только обеспечивают соблюдение за-

кона, но и выявляют, а также исправляют уже допущенные нарушения уголовно-процессуальных норм.

Таким образом, под соблюдением закона в уголовном судопроизводстве следует понимать как совершение действий, дозволенных либо предписанных законом, так и воздержание от совершения действий, запрещенных им. Данное требование составляет основу принципа законности в уголовном судопроизводстве. При этом основополагающие, руководящие начала уголовного судопроизводства, коими и являются принципы, а конкретно принцип законности, должно иметь более однозначное нормативное оформление – начиная от его наименования и заканчивая всеобщим характером, что должно найти соответствующее отражение в наименовании и содержании ст. 7 УПК РФ.

Библиографический список

1. Химичева О. В., Химичева Г. П. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 625–630.

2. Гладышева О. В. Принципы законности или как теория разошлась с правом (взгляд представителя отраслевой науки) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 1 (30). С. 17–23.

3. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2006.

4. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств : принят на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ постановлением от 17 февраля 1996 г. № 7-6 (ред. от 29 ноября 2013 г.) // АО «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901914840 (дата обращения: 15.02.2025).

© Мичурина О. В., 2025
© Мичурин В. С., 2025

УДК 343.1

Муминов М. Э. – заместитель начальника кафедры уголовно-процессуального права Академии МВД Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам (PhD), доцент (Республика Узбекистан, г. Ташкент)

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФИКСАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ НА СТАДИИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

PROCEDURAL RECORDING OF EVIDENCE DURING THE INSPECTION OF THE SCENE AT THE STAGE OF PRE-INVESTIGATION INSPECTION

Аннотация. В статье подробно анализируются процессуальные действия, выполняемые при проверке заявлений и сообщений о преступлении, в частности, соблюдение правил допустимости доказательств при проведении осмотра места происшествия. В связи с этим было изучено законодательство зарубежных стран, мнение ученых и специалистов, высказаны предложения по введению упрощенного порядка оформления результатов осмотра места происшествия.

Abstract. The article analyzes in detail the procedural actions performed when verifying statements and reports of a crime, in particular, compliance with the rules of admissibility of evidence during an inspection of the scene. In this regard, the legislation of foreign countries, the opinion of scientists and specialists were studied, and proposals were made to introduce a simplified procedure for processing the results of an inspection of the scene.

Ключевые слова: доследственная проверка, осмотр места происшествия, участие понятых, оформление доказательств и использование вспомогательных методов в этом процессе.

Keywords: pre-investigation check, inspection of the scene of the incident, participation of witnesses, registration of evidence and the use of auxiliary methods in this process.

Совершенствование деятельности по расследованию преступлений в нашей стране с учетом международных стандартов и передового зарубежного опыта, реализация принципов верховенства права и неотвратимости ответственности, дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, а также обеспечение прав и свобод личности, повышение качества процессуальных действий, сбор и закрепление дока-

зательств в уголовном процессе должны осуществляться с учетом стандартов доказывания, широко применяемых в передовом зарубежном опыте.

Одно из следственных действий, которое может быть проведено на этапе доследственой проверки – это осмотр места происшествия. Проведение осмотра места происшествия позволяет оперативно проверить заявление или сообщение о преступлении, обнаружить, собрать и оформить доказательства. Результат своевременного и грамотно проведенного осмотра места происшествия является действенной гарантией выявления и раскрытия преступления [1, с. 19; 2, с. 16; 3, с. 17].

Сегодня в следственной практике встречаются случаи несоблюдения уполномоченными должностными лицами требований законодательства и неправильного оформления результатов процессуальных действий. Например, при изучении материалов уголовного дела, возбужденного Генеральной прокуратурой Республики Узбекистан по п. «а» ч. 3 ст. 266 Уголовного кодекса, было установлено, что, несмотря на тяжкие последствия данного преступления, в ходатайстве потерпевшего Ж. по данному уголовному делу было заявлено, что понятые П1 и П2, участвовавшие в процессе осмотра места происшествия, на месте происшествия не находились, а в протокол осмотра были включены неверные сведения [4; 21, с. 255].

Многие ученые полагают, что «осмотр места происшествия является важным следственным действием, и его качественное проведение обеспечивает успешность последующих результатов уголовного дела» [5, с. 336; 6, с. 196; 7, с. 45; 8, с. 49–50], а некоторые авторы придерживаются мнения, что «осмотр места происшествия производится при наличии сведений о том, что преступление было совершено или следы его имелись на этом месте» [9, с. 230; 10, с. 15].

Осмотр места происшествия как следственное действие регламентируется ст.ст. 135–141 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан. Это первое и самое важное следственное действие, которое нельзя откладывать и оно направлено на предотвращение уничтожения следов преступления вследствие природных воздействий и умышленной утраты. По этой причине следователю (лицу, производящему доследственную проверку, дознавателю, прокурору) при получении информации о происшествии (преступлении), независимо от погодных условий и времени, необходимо немедленно произвести осмотр места проишествия [11, с. 75; 22, с. 174].

А. В. Белоусов, однако, отмечает, что «важное значение приобретает своевременность и безотлагательность следственных действий по сбору доказательств, но даже отсрочка неотложных следственных действий в связи с возникшими обстоятельствами имеет важное значение для дальнейшей работы. Например, задержка осмотра места происшествия от темного до светлого времени суток увеличивает вероятность обнаружения чего-либо и обстоятельств, имеющих значение для дела» [12, с. 6].

По-нашему мнению, при осмотре места происшествия выявляются обстоятельства, имеющие большое значение для установления фактических обстоятельств происшествия и обеспечения объективного расследования, то есть состояния, специфики исследуемых объектов, также определяются такие обстоятельства, как характер произошедшего события, личность и цель преступника. Место, вещи и документы, труп, животные, окружающая среда и здания осматриваются с целью выявления следов преступления, вещественных доказательств, установления обстоятельств произошедшего и других обстоятельств, имеющих значение для дела.

Основной целью осмотра места происшествия является поиск имеющихся следов, вещественных доказательств и их оформление с непосредственным видением обстоятельств возникновения происшествия. Обстоятельства, выявленные при осмотре места происшествия, и найденные предметы приобретают доказательную силу после их оформления с соблюдением требований Уголовно-процессуального законодательства, или наоборот, если они не оформлены в соответствии с требованиями закона, следы преступления и достоверные вещественные доказательства, подтверждающие совершение лицом данного преступления, также исключаются [13, с. 23].

Результаты осмотра места происшествия должны быть отражены в протоколе. В протоколе должны быть полностью и четко указаны все обстоятельства, выявленные при осмотре места происшествия, то есть найденные и изъятые предметы, если что-либо из указанного в протоколе не имеет отношения к преступлению, его легко исключить из числа доказательств, а то, что было исключено из поля зрения, трудно восполнить. Обстоятельства и вещи, выявленные при осмотре места происшествия, должны быть объективно отражены в протоколе. При этом ответственное должностное лицо, осматривающее место происшествия, не должно высказывать свое личное мнение и мнение других участников. Только после специальных проверок о результатах расследования будут выявлены конкретные стороны и признаки, связанные с конкретными обстоятельствами, а также с причастностью изъятых предметов к преступлению. Например, красные пятна, обнаруженные на месте происшествия, не всегда являются кровью, или нож или другой предмет, который находился на месте преступления, не всегда оказывается орудием преступления. Поэтому нецелесообразно точно оценивать что-либо, является ли это орудием преступления, кровью, нефтью или чем-то еще. В протоколе должны быть указаны только их размер, цвет, запах и другие отличительные особенности. Протокол должен быть составлен на чисто узбекском (русском, каракалпакском) литературном языке, в нем не должны использоваться местные диалекты [14, с. 75].

Вещи, выявленные и обнаруженные при осмотре места происшествия, необходимо зафиксировать в том порядке, в котором они были обна-

ружены. Расстояние между предметами и их размер следует указывать в метрах или сантиметрах. Неуместно использовать такие слова, как «спереди», «слева», «поближе». Все участники должны подписать протокол и схему места происшествия [15, с. 105].

Как показывает практика, после поступления заявления (сообщения) о совершении преступления следственно-оперативная группа выезжает на место происшествия и осматривает его. При анализе времени и мест совершения преступлений выяснилось, что в городе Ташкенте и Ташкентской области преступления тяжкого характера в большинстве случаев совершаются с 18:00 до 06:00 часов утра. В частности, 55,1 % краж, 57,1 % грабежей, 60,3 % разбоев, 60,6 % умышленных убийств, 66,7 % умышленных телесных повреждений были совершены именно в это время [16]. Из этого видно, что осмотр места происшествия чаще всего приходится проводить в темное время суток.

В ходе проведенного опроса «Какие проблемы с оформлением доказательств существуют в практике ведения уголовных дел?» 33,6 % респондентов указали на игнорирование участником следственных действий его предложений и возражений относительно содержания протокола, в котором отражены его процесс и результаты, 31,2 % указали, на отказ участника следственных действий подтвердить достоверность протокола, в котором отражены его процесс и результаты, 12 % указали, на несоответствие процесса и результатов следственных действий действительности, отраженной в протоколе, 9,6 % указали, что процесс и результаты следственных действий не отражены в протоколе в полной мере, 2,4 % указали, что в некоторых случаях возникают проблемы с обеспечением понятых для проведения следственных действий.

В этой ситуации орган или должностное лицо, проводящее осмотр места происшествия, сталкивается с рядом трудностей при проведении данного следственного действия [17, с. 10]. В частности, в связи с невозможностью должностными лицами, осматривающими место происшествия, обеспечить участие понятых в период с 22:00 часов до 06:00 часов, в основном наблюдается привлечение общественных помощников, оперативных сотрудников или помощника инспектора по профилактике. В некоторых случаях ограничиваются включением информации о понятых в протокол, даже если они не участвуют во время осмотра места происшествия. Это приводит к серьезному нарушению норм Уголовно-процессуального кодекса, к недопустимости полученных и оформленных в ходе расследования доказательств, и, в конечном итоге, к прекращению уголовного дела или вынесению оправдательного приговора [18, с. 24].

В опросе, проведенном среди сотрудников правоохранительных органов и научно-педагогических работников «Как вы относитесь к предложению отказаться от обязательного участия понятых, если процессуальное действие будет фиксироваться видеозаписью?» 90 % респондентов выра-

зили свою поддержку и заявили, что это поможет сэкономить их время, оцифровать производство следственного действия и сделать доказательства более допустимыми.

По данному вопросу в ст. 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентировано 4 случая, связанных с участием понятых. В частности:

1) в случаях, предусмотренных ст. 182, ч. 3 ст. 183, ст.ст. 184 и 193 УПК РФ, следственные действия производятся с участием не менее двух понятых, которые вызываются для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 настоящей статьи. В случаях, предусмотренных ст. ст. 115, 177, 178, 181, ст. 183 (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3), ч. 5 ст. 185, ч. 7 ст. 186 и ст. 194 УПК РФ, понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя. Если в указанных случаях по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись;

2) в остальных случаях следственные действия производятся без участия понятых, если следователь по ходатайству участников уголовного судопроизводства или по собственной инициативе не примет иное решение;

3) в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи, могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись;

4) в случае участия понятых следователь перед началом следственного действия в соответствии с ч. 5 ст. 164 настоящего Кодекса разъясняет понятым цель следственного действия, их права и ответственность, предусмотренные ст. 60 УПК РФ [19; 20, с. 586].

На сегодняшний день анализ судебно-следственной практики показывает, что она не позволяет обеспечить участие понятых во всех случаях процесса расследования преступлений.

Учитывая это обстоятельство, а так же исходя из вышеизложенного, в целях улучшения деятельности должностных лиц, ответственных за производство по делу, соблюдения правил допустимости доказательств и недопущения нарушений уголовно-процессуального законодательства, быст-

рого и полного раскрытия преступлений и расследования уголовных дел в соответствии с требованиями закона, а также недопущения ограничения конституционных прав и свобод лиц, ст. 352 УПК Республики Узбекистан целесообразно дополнить ч. 4 и изложить в новой редакции:

«Сооружение, в котором невозможно присутствие большинства людей, в отдаленных от населенного пункта районах, где существует вероятность серьезного ущерба жизни и здоровью человека, а также в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 88 настоящего Кодекса, в качестве исключения предусматривается возможность производства осмотра места происшествия, проверки показаний на месте происшествия, эксгумации трупа, эксперимента без участия понятых, о чем должны быть сделаны соответствующие отметки в протоколе. Следственные действия, проведенные без участия понятых, должны быть зафиксированы средствами видеозаписи, о чем должны быть внесены соответствующие отметки в протоколе».

Библиографический список

1. Ковалева М. Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 19.
2. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела : вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 26.
3. Лепеев В. Н. Проблемы тактики возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 17.
4. Toshkent viloyat sudi arxividagi 1-186/2017-sonli jinoyat ishi.
5. Дворкин А. И. Осмотр места происшествия : практическое пособие. М., Юрист, 2001. С. 336.
6. Давидов А. А. Осмотр места происшествия. Специальный курс. Нальчик : Каб.- Балк. ун-т., 2002. С. 196.
7. Григорян А. С. Расследование поджогов : метод. пособ. М. : Юридическая лит-ра, 2001. С. 45.
8. Марков В. А. Осмотр места происшествия (тактика и практика) : учебное пособие. Самара : Самар. гуманит. акад., 2008. С. 49–50.
9. Jinoyat-protsessual huquqi. Umumiy qism : Darslik // Mualliflar jamoasi yu.f.d., prof. Z. Ya.To‘laganova va yu.f.n., dos. S.M.Raxmonovalarning umumiy tahriri ostida. T. : TDYuU nashriyoti, 2017. B. 230.
10. Колесникова О. В. Собирание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Минск, 2016. С. 15.
11. Mirazov D.M. Tergovga qadar tekshiruv o‘tkazish asoslari, tartibi va xususiyatlari: O‘quv qo‘llanma. T. : O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2016. B. 75.
12. Белоусов А. В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М. : ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. С. 6.

13. Mirazov D. M. Dastlabki tergov idoralari faoliyati ustidan kontrol va nazoratni takomillashtirishning nazariy, tashkiliy va protsessual jihatlari : yurid. fan. d-ri. dis. ... avtoref. T., 2016. B. 23.

14. Mirazov D. M. Tergovga qadar tekshiruv o‘tkazish asoslari, tartibi va xususiyatlari : O‘quv qo‘llanma. T. : O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2016. B. 75.

15. Крилов И. Ф., Бастрикин А. И. Розыск, дознание, следствие : учеб. пособие. М. : Изд-во Экзамен. 2014. С. 105.

16. IIV Akademiyasi ilmiy-amaliy tadqiqotlar markazi tomonidan tayyorlangan «O‘g‘irlik», «Talonchilik», «Bosqinchilik», «Qasddan odam o‘ldirish» va «Qasddan badanga og‘ir shikast yetkazish» jinoyatlarining sodir etilish sabablari va unga imkon bergan shart-sharoitlar hamda ularni bartaraf etish choralari nomli o‘quv-uslubiy qo‘llanmalar. T. : O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2018.

17. Родичева Т. П. К вопросу об участии понятых при проведении следственных действий // Российский следователь. 2008. № 8. С. 10.

18. Murodov B. B. Jinoyat ishini tugatish institutini takomillashtirish : yurid. fan. d-ri (DSc) … dis. avtoref. T., 2018. B. 24.

19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19 декабря 2020 г.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/4160be26d48139e507d797da966e407b4662acfe/ (дата обращения: 06.02.2025).

20. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / В. Т. Томин [и др.]. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. С. 586.

21. Муминов М. (2022). Жиноят-процессуал қонунчилигига далилларни расмийлаштириш жараёнида электрон маълумотлардан фойдаланишни жорий этиш истиқболлари // Евразийский журнал права, финансов и прикладных наук. 2 (12 Special Issue). С. 254–256.

22. Муминов М., Жўрабоева Р. (2022). Тергов ҳаракатларини видеоконференцалоқа режимида ўтказишнинг ўзига хос хусусиятлари // Евразийский журнал права, финансов и прикладных наук. 2 (12 Special Issue). С. 172–177.

© Муминов М. Э., 2025

УДК 343.3/.7

Муокото Э. – заместитель главного секретаря кабинета полицейских операций Республики Зимбабве (Республика Зимбабве, г. Хараре);
Бадамшин И. Д. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ХУЛИГАНСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗИМБАБВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

HOOLIGANISM UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND ZIMBABWE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Аннотация. В публикации, в рамках метода сравнительного анализа, рассматривается теоретико-прикладной и практический аспект существующей законодательной регламентации хулиганства как состава преступления.

Abstract. The publication, within the framework of the comparative analysis method, examines the theoretical, applied and practical aspects of the existing legislative regulation of hooliganism as a crime.

Ключевые слова: хулиганство, общественный порядок, угрожающее поведение, провокация, насилие.

Keywords: hooliganism, public order, threatening behavior, provocation, violence.

В уголовном законодательстве России одним из самых распространенных преступлений, посягающих на общественный порядок, является хулиганство, которое через описание его содержания в ч. 1 ст. 213 определено как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с:

а) с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения;

б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

в) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Опасность хулиганства, по своему сущностному содержанию, заключается в том, что оно совершается в общественных местах и может

быть направлено против самых различных охраняемых законодательством объектов (отношения собственности, безопасность жизни и здоровья граждан и др.).

Сам общественный порядок, в общепризнанном понимании может быть определен следующими факторами:

1) поддержание нормальной морально-нравственной атмосферы межличностных отношениях в обществе;

2) уважение прав личности, ее неприкосновенности, а также соблюдение общепринятых правил поведения в социуме.

Деструкция по любому из указанных факторов может свидетельствовать об асоциальном, аморальном поведении лица.

Грубое нарушение общественного порядка в нашем понимании, это – циничное нарушение покоя и отдыха граждан, срыв массовых мероприятий, пренебрежительное отношение виновного лица к окружающим, непосредственно к личности человека, его чести и достоинству, умышленное нарушение общепризнанных норм, а также правил поведения.

В соответствии со ст. 41 гл. 9:23 Уголовного Закона (кодификация и реформа) Зимбабве (далее – УЗ (КиР) З) [1], Disorderly conduct (Хулиганство) в общественном месте определяется как «умышленное участие в хулиганстве или беспорядочных действиях или использование угрожающих, оскорбительных слов, или угрожающее, оскорбительное поведение при намерении спровоцировать нарушение общественного порядка или осознавая, что существует реальный риск или возможность того, что нарушение общественного порядка может быть спровоцировано».

При этом необходимо отметить, что преимущественное количество общественно опасных деяний по уголовному закону Зимбабве квалифицируются, как правило, при наличии двух признаков: объективного и субъективного.

Из приведенного законодательного определения, можно выделить объективный признаки хулиганства:

1) действия или бездействие, образующие нарушение общественного порядка;

2) применение насилия или угроза его применения;

3) оскорбление или нецензурная брань;

4) угрожающее поведение;

5) провокация нарушения общественного порядка;

6) непосредственное участие в хулиганстве или в беспорядочных поведениях в общественных местах.

Общественное место означает любую улицу, здание, открытое пространство или другое место, к которому население или любая часть населения имеют доступ, платно или безвозмездно, и независимо от того, защищено ли право на доступ этого места.

Помимо указанного, относительно категории места, совершенное деяние характеризуется наличием так называемой публичной обстановки, т. е. совершения либо в непосредственном присутствии множества лиц, либо тайно, но с явными последующими результатами, которые неизбежно будут восприняты и отразятся в сознании многих лиц.

В качестве примера проиллюстрируем решение суда по делу Banda и другие против Mutual Finance (PVT) Ltd, где было установлено, что:

1. Протест был беспорядочным и проходил в общественном месте. Виновные применяли силу, оскорбляли коллег и угрожали. В частности, Флинт Чисуко признал, что вступил в схватку с начальником охраны (Kapfupi). Он также выкрикивал оскорбления в адрес женщин и начальства. Патрик Жувау держал в руках резиновые дубинки и вел себя агрессивно, защищая Чисуко.

2. Полиция лично видела происходящее, и у нее были законные основания для ареста [2].

В качестве субъективных признаков, характеризующих хулиганство, УЗ (КиР) З непосредственно относит умышленный характер действий, мотив и цель: «принимать участие в хулиганстве или в беспорядочных поведениях в общественных местах или осознание существования реального риска или возможности спровоцировать нарушение общественного порядка».

В данном случае отметим, что в рамках субъективного признака при целенаправленности хулиганства с причинением повреждения или уничтожения имущества, виновное лицо, помимо совершения «хулиганства в общественном месте» (ст. 41 УЗ (КиР) З), также подлежит уголовной ответственности за «причинение повреждения или уничтожения имущества» (ст. 139 УЗ (КиР) З).

Субъектом хулиганства является физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста, так как, согласно УЗ (КиР) З, оно, начиная с достижения данного возраста, считается способным вести себя как разумный человек при обстоятельствах преступления, тем самым способным сформировать необходимый умысел на его совершение.

Также, на наш взгляд, считаем необходимым отметить отсутствие в УЗ (КиР) З квалифицирующих признаков, отягчающих наказание за совершение хулиганства.

Изучив уголовное законодательство России и осуществив сравнительно-правовой анализ с Уголовным Законом Зимбабве в контексте их содержания относительно такого состава преступления как хулиганство, мы приходим к выводу, что в российском законодательстве есть положительные моменты, которые было бы полезно внедрить в Уголовный Закон Зимбабве, в результате применения которых можно устранить определенного рода пробелы.

Библиографический список

1. Закон об уголовном праве (кодификация и реформа) Республики Зимбабве. URL: https://zimlii.org/akn/zw/act/2004/23/eng@2019-02-20 (дата обращения: 10.02.2025).

2. Banda & 2 Ors v Mutual Finance (PVT) Ltd (HC 1214 of 2017; HH 154 of 2018) [2018] ZWHHC 154 (21 March 2018). ZimLII. URL: https://zimlii.org/akn/zw/judgment/zwhhc/2018/154/eng@2018-03-21 (дата обращения: 10.02.2025).

© Муокото Э., 2025
© Бадамшин И. Д., 2025

УДК 343.721

Мурсалимов А. Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

CURRENT FRAUD ISSUES IN THE FIELD OF LENDING

Аннотация. В материале статьи рассмотрению подлежат вопросы теории ответственности за мошенничество и практики выявления, раскрытия, расследования хищений в сфере кредитования, исследуются вопросы уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере кредитования и судебной практики рассмотрения уголовных дел по фактам мошенничества в указанной сфере.

Annotation. The article examines the theory of liability for fraud and the practice of detecting, disclosing, and investigating embezzlement in the field of lending, examines the issues of criminal law protection of public relations in the field of lending, and the judicial practice of reviewing criminal cases of fraud in this area.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, преступления в сфере экономики, судебная практика, статистика, особенности квалификации, преступность, уголовная ответственность, цифровизация общества.

Keywords: fraud in the field of lending, crimes in the field of economics, judicial practice, statistics, qualification features, crime, criminal liability, digitalization of society.

Современные общественные отношения претерпевают трансформацию и цифровизацию. Цифровизация общества приводит к трансформации потребительских предпочтений: увеличению скорости принимаемых решений (желательно в течение нескольких минут), сокращению количества оформляемых документов (желательно 1 документ) и максимально положительный результат.

Цифровизация общественных отношений коснулась и сферы кредитования. Упрощение и расширение способов заключения договора кредитования позволяют эффективно и быстро удовлетворить потребности личности, общества и государства.

Сегодня для заключения договора кредитования достаточно предоставить 1 документ (документ, удостоверяющий личность гражданина) либо идентифицировать себя через специальные приложения онлайн-банкинга и не предоставлять документы вовсе. Искусственные интеллектуальные системы самостоятельно примут решение об одобрении или отказе в предоставлении заемных денежных средств, привлекая человека к принятию решения лишь в исключительных случаях.

К сожалению, цифровизация и ускорение процесса принятия решений об одобрении или отказе в заключении договора кредитования, кроме положительных аспектов, таит в себе и отрицательные. Криминальный мир, являясь недобросовестным участником рынка, также трансформировался в результате названного процесса, изменения законодательства и возможности заключения кредитных договоров, адаптировался под требования специальных программ, осуществляющих проверку кредитополучателей и использует это для реализации своего преступного умысла.

В соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью и поэтому государство должно заботиться об их защите. С этой целью в 2012 году в уголовное законодательство были внесены изменения [1].

Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусматривает включение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) специальных составов мошенничества, в том числе и ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования»[2].

Эти нововведения послужили причиной к возникновению новых сложностей в правоприменении и правосудии. Неоднородность толкования и правоприменения различными субъектами правоотношений приво-

дит к тому, что одно и то же деяние, в зависимости от того, кто рассматривает дело и проводит квалификацию, оценивается по-разному.

Так, согласно материалам уголовного дела № 1-227/2023 УИН 76RS0015-01-2023-002294-43, рассмотренного 23 августа 2023 года Ленинским районным судом г. Ярославль, подсудимый признан виновным по ст. 159.1 УК РФ (двум эпизодам). В обеих случаях подсудимый заключил договор кредитования в микрофинансовой организации[8]. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [4] в случаях введения в заблуждение микрофинансовой организации ответственность наступает по ст. 159 УК РФ. Аналогичной позиции придерживается и гражданско-правовое законодательство. Федеральный закон Российской Федерации от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» закрепляет, что микрофинансовые организации не отнесены к кредитным организациям. Следовательно, в отношении них применяется ст. 159.1 УК РФ не может, так как в диспозиции указаны только специальные организации в качестве потерпевшей стороны: банки и кредитные организации [3].

В качестве примеров судебной практики по идентичным фактам с неоднородным толкованием могут выступить решения Волгодонского районного суда Ростовской области по материалам дела № 1-373/2023 УИД 61RS0012-01-2023-002480-19[6] и Калининского районного суда Краснодарского края по материалам дела № 1-175/2023 УИД 23RS 0018-01-2023-000996-52[7]. В вышеописанных двух случаях кредиты получены в микрофинансовых организациях злоумышленниками, денежные средства займодателю не возвращены, информация о кредитополучателе сообщена заведомо недостоверной. В данном случае, согласно мнению Верховного Суда Российской Федерации, деяние подлежит квалификации по ст. 159 УК РФ. Однако, судами осуществлена квалификация без применения единых норм правоприменения, рекомендованных Верховным Судом Российской Федерации.

Различное толкование правоприменителями диспозиции ст. 159.1 УК РФ «в отношении банка или иного кредитора» создает дополнительную нагрузку органам предварительного расследования, прокуратуре и судебной системе в определении точной квалификации.

В ходе исследования выявлены следующие актуальные проблемы правоприменения в области противодействия мошенничеству в сфере кредитования:

а) различность толкования правовой нормы в связи с отсутствием единой терминологии;

б) наличие коллизий в диспозиции ст. 159.1 УК РФ;

в) неполнота проведения первоначальных мероприятий в силу отсутствия методики расследования мошеннических деяний;

г) различие в подходах к толкованию норм уголовно-правового и процессуального законодательства правоприменительными, контролирующими и надзорными органами.

Таким образом, в целях совершенствования уголовного законодательства в сфере финансово-кредитных отношений необходимо разрешить коллизионные и спорные вопросы квалификации деяний; выработать единое толкование мошенничества в сфере кредитования для правоприменительных, контролирующих и надзорных органов; утвердить единую методику по квалификации, раскрытию и расследованию мошенничества в сфере кредитования.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 ноября 2012 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 ноября 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон Российской Федерации от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Материалы дела № 10-3/24 УИД 59MS0074-01-2022-004569-80 : апелляционное постановление от 19 января 2024 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 24.02.2025).

6. Материалы дела № 1-373/2023 УИД 61RS0012-01-2023-002480-19. URL: https://судебныерешения.рф/ (дата обращения: 24.02.2025).

7. Материалы дела № 1-175/2023 УИД 23RS 0018-01-2023-000996-52. URL: https://судебныерешения.рф/ (дата обращения: 24.02.2025).

8. Материалы дела № 1-227/2023 УИН 76RS0015-01-2023-002294-43. URL: https://судебныерешения.рф/ (дата обращения: 24.02.2025).

© Мурсалимов А. Т., 2025

УДК 343.1

Мухамедьярова Б. М. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук (Республика Казахстан, г. Актобе)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ О БЫТОВОМ НАСИЛИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF DOMESTIC VIOLENCE CASES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-процессуальные аспекты расследования дел о бытовом насилии в Республике Казахстан. Анализируется национальная нормативно-правовая база, включая Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, а также Закон «О профилактике бытового насилия». Освещаются ключевые этапы расследования, проблемы сбора доказательной базы и межведомственного взаимодействия. Приводятся статистические данные и примеры судебной практики, демонстрирующие существующие сложности в правоприменении. Предлагаются меры по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования, включая ужесточение ответственности, улучшение координации между ведомствами и повышение квалификации правоохранительных органов. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к борьбе с бытовым насилием, включающего не только усиление наказания, но и профилактические меры.

Abstract. The article discusses the criminal procedural aspects of the investigation of domestic violence cases in the Republic of Kazakhstan. The article analyzes the national legal framework, including the Criminal and Criminal Procedure Codes, as well as the Law on the Prevention of Domestic Violence. The key stages of the investigation, the problems of collecting evidence and interagency cooperation are highlighted. Statistical data and examples of judicial practice are provided, demonstrating the existing difficulties in law enforcement. Measures are proposed to improve the criminal procedure regulation, including stricter responsibility, improved coordination between departments and advanced training of law enforcement agencies. It is concluded that there is a need for an integrated approach to combating domestic violence, including not only increased punishment, but also preventive measures.

Ключевые слова: бытовое насилие, уголовный процесс, расследование преступлений, доказательная база, уголовно-процессуальное регулирование, защита потерпевших, правоохранительные органы, судебная практика

Keywords: domestic violence, criminal procedure, investigation of crimes, evidence base, criminal procedure regulation, protection of victims, law enforcement agencies, judicial practice

Законодательное регулирование бытового насилия в Казахстане имеет длительную и сложную историю, уходящую корнями в советский период, однако как самостоятельная правовая отрасль оно начало формироваться только после обретения независимости.

В советское время насилие в семье не выделялось как отдельное правонарушение. Действовавший в СССР Уголовный кодекс содержал общие статьи, предусматривающие ответственность за причинение вреда здоровью (например, статьи о нанесении телесных повреждений). Однако специфического понятия «бытовое насилие» не существовало.

С обретением независимости Казахстан начал активно реформировать правовую систему, адаптируя ее к новым социальным и политическим реалиям. В этот период все большее внимание стало уделяться вопросам защиты прав человека, в том числе прав женщин и детей, которые чаще всего становились жертвами домашнего насилия.

На рубеже 1990-х и 2000-х годов в Казахстане началась дискуссия о необходимости введения норм, направленных именно на борьбу с бытовым насилием. В обществе все острее вставали вопросы защиты жертв от агрессоров внутри семьи, но законодательная база оставалась фрагментарной.

Значимым достижением стало принятие в 2002 году Закона Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан», который впервые на законодательном уровне установил меры защиты детей от семейного насилия. Однако полноценного комплексного регулирования всех форм домашнего насилия на тот момент еще не было.

Ключевым моментом стало принятие Закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года. Этот закон впервые закрепил понятие «бытовое насилие» и его основные формы:

- физическое,
- психическое,
- сексуальное,
- экономическое.

Закон также установил механизмы защиты жертв, такие как защитные предписания и профилактический контроль за агрессорами. Кроме того, в Кодексе об административных правонарушениях РК появилась статья, предусматривающая ответственность за насилие в семье.

После 2009 года законодательство, регулирующее бытовое насилие, продолжало совершенствоваться. В 2017 году в Казахстане некоторые формы семейного насилия были декриминализованы и переведены в категорию административных правонарушений, что вызвало неоднозначную общественную реакцию. Однако в последующие годы, в ответ на усилившийся общественный запрос на защиту жертв домашнего насилия, началась работа по усилению ответственности за такие преступления.

Закон о семейно-бытовом насилии в Казахстане, получивший неофициальное название «Закон Салтанат», стал важным этапом в борьбе с домашним насилием. Он был принят 15 апреля 2024 года после трагического случая убийства Салтанат Нукеновой, который вызвал широкий общественный резонанс. Этот случай послужил толчком для президента Казахстана дать поручение ускорить принятие мер по ужесточению законодательства в сфере защиты жертв домашнего насилия [1].

До принятия нового закона ситуация с семейно-бытовым насилием в стране была критической. С 2017 года наблюдался рост числа случаев насилия, а во время пандемии в 2020 году в полицию поступило около 170 000 обращений. Несмотря на настойчивые требования правозащитников криминализировать бытовое насилие, правоохранительные органы долгое время выступали против ужесточения законодательства.

Принятый закон вносит изменения в 15 законодательных актов, включая 7 кодексов и 8 законов. Среди ключевых нововведений:

• обязанность полиции расследовать случаи насилия даже при отсутствии заявления жертвы;

• выселение агрессора из жилья, независимо от того, является ли он его собственником;

• защита жертв насилия за счет введения понятного алгоритма выдачи защитных предписаний;

• ответственность за буллинг (включая кибербуллинг), а также запрет на высадку несовершеннолетних из общественного транспорта.

Закон направлен на повышение безопасности женщин и детей, а также на усиление административной и уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие. Однако эксперты отмечают, что необходимы дополнительные меры, такие как закон о профилактике насилия и более четкие нормы по принудительному психологическому лечению агрессоров.

Таким образом, «Закон Салтанат» стал важным шагом в изменении подхода к защите жертв домашнего насилия в Казахстане, подчеркнув необходимость жестких мер против агрессоров и расширенной защиты пострадавших.

Криминалистическая характеристика уголовных правонарушений – это особенность уголовных правонарушений отдельных видов, имеющих значение для следственной практики и для разработки научных рекомендаций, включающих способ и следы совершения уголовного

правонарушения, условия, в которых оно совершается, субъективную и объективную стороны правонарушения, объекты посягательства, взаимосвязи элементов ее структуры и др. [2, с. 437]. Значимость криминалистической характеристики уголовных правонарушений заключается в том, что в момент начала досудебного производства по уголовному делу, когда следователь либо дознаватель еще не располагает необходимой информацией, именно криминалистическая характеристика предоставляет возможность выдвигать обоснованные версии касательно тех или иных еще неустановленных обстоятельств.

Так, например, выдающийся криминалист, доктор юридических наук, профессор Н. П. Яблоков в своих трудах писал, что в основе криминалистической характеристики уголовного правонарушения лежат данные изучения оставленных им материальных и идеальных следов-последствий как результата взаимодействия его субъекта с другими лицами, материальными и иными объектами окружающей среды в условиях сложившейся обстановки, указывающими на криминалистически значимые признаки правонарушения, преступника, различные обстоятельства, в том числе и не существенные для его уголовно-правовой квалификации, но важные для раскрытия уголовного правонарушения [3, с. 32]. Поскольку, зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, можно вытащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом правонарушении какого-либо элемента из взаимосвязанной цепочки с той или иной степенью вероятности может указывать на существование другого, еще не установленного элемента и определить направление и средства его поиска [4, с. 12].

На сегодняшний день существует множество проблемных вопросов, касающихся организации и ведения досудебного производства по делам о причинении вреда здоровью, которые в большей степени связаны с недостаточной разработанностью алгоритмов действий должностных лиц, в чью компетенцию входит осуществление досудебного производства.

В ходе досудебного производства необходимо однозначное понимание того, что должно входить в структуру криминалистической характеристики. Вместе с тем, в структуру криминалистической характеристики входят предмет уголовного правонарушения, обстановка и обстоятельства уголовного правонарушения, следы уголовного правонарушения, личность подозреваемого.

Общеизвестным является то, что предмет уголовного правонарушения – это всегда вещь, как элемент материального мира, на который осуществляется воздействие в результате совершения уголовного правонарушения. В этой связи, учитывая, что человек не может относиться к категории вещей в случаях с досудебным производством по уголовным делам о фактах нанесения побоев и умышленного причинения легкого

вреда здоровью, предмет уголовного правонарушения рассматриваться не будет.

Исследование обстановки и обстоятельств уголовного правонарушения носит важный характер, что обусловлено обязательным установлением, где, каким образом готовилось и было совершено уголовное правонарушение, включая исследование места, времени, способа совершения уголовного правонарушения.

Так, в нашем случае, под местом происшествия или местом совершения уголовного правонарушения понимается пространство, где непосредственно совершен факт умышленного причинения легкого вреда здоровью либо нанесения побоев. Чаще всего подобного рода уголовные правонарушения совершаются в следующих местах:

– помещение в месте проживания потерпевшего, а также прилегающая территория (подъезд, двор частного дома, и т. п.);

– помещение в месте работы или учебы потерпевшего;

– место отдыха и досуга потерпевшего.

Важность исследования способов совершения уголовного правонарушения заключается в том, что именно способ нанесения побоев, причинения боли и вреда здоровью выражают функциональную сторону общественно опасных действий подозреваемого. Например, причинение боли может совершаться различными способами – пощечинами, щипками, удушением, заломами конечностей, механическим защемлением частей тела, нанесением порезов и уколов и т. п. В целом, причинение вреда здоровью может осуществляться как с применением подручных предметов, так и без их применения.

Следы уголовного правонарушения. К следам уголовного правонарушения можно отнести любые изменения среды и обстановки, наступившие в результате совершенного уголовного правонарушения, в первую очередь, следы побоев и причинения вреда здоровью, имеющиеся на теле потерпевшего.

Личность подозреваемого. В зависимости от того, каким способом совершено уголовное правонарушение, можно прийти к выводу, что побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью в основном совершают мужчины, например:

– мужья в отношении своих жен, в т. ч. бывших;

– отцы в отношении своих детей;

– военнослужащие срочной службы;

– учащиеся организаций образования в отношении своих одногруппников.

Необходимым условием к началу досудебного производства является наличие законных поводов, предусмотренных ст. 180 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), к которым законодателем отнесены:

– заявление физического лица об уголовном правонарушении либо безвестном исчезновении лица;

– сообщение должностного лица государственного органа;

– сообщение лица, выполняющего управленческие функции в организации;

– явка с повинной, когда физическое лицо, еще не признанное подозреваемым, добровольно сообщает о совершенном или готовящемся им уголовном правонарушении;

– сообщение в средствах массовой информации после опубликования в печатных изданиях либо распространения в эфире радио, телевидения либо по телекоммуникационным сетям;

– рапорт должностного лица органа уголовного преследования.

Здесь необходимо указать, что в соответствии со ст. 32 УПК РК дела об уголовных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 108-1 и ч. 1 ст. 109-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) являются делами частно-публичного обвинения, и в этой связи, досудебное производство по данным делам:

– начинается только при наличии заявления потерпевшего;

– прекращается за примирением, в случаях, определенных ст. 68 УК РК.

Процессуальный порядок приема и регистрации заявлений сообщений или рапорта по фактам совершенных или готовящихся уголовных правонарушений, а также ведения Единого реестра досудебных расследований, предусмотрен Приказом Генерального прокурора Республики Казахстан № 89 от 19 сентября 2014 г. [5] в соответствии с которым должностные лица органов уголовного преследования обязаны принимать информацию о любом уголовном правонарушении. Прием информации осуществляется дежурными частями правоохранительного органа круглосуточно.

В прямую обязанность должностных лиц, ведущих досудебное производство по уголовному делу, входит обеспечение всех предусмотренных законом мер для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, необходимых и достаточных для правильного разрешения дела. Исходя из ст. 122 УПК РК следует, что собирание доказательств в процессе досудебного расследования реализуется путем производства процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Как можно отметить, арсенал следственных действий, предусмотренный УПК РК, весьма широкий. Порядок каждого подобного следственного действия строго регламентирован уголовно-процессуальным законом. Так, ст. 197 УПК РК раскрывает общие правила и особенности организации и производства всех следственных действий, в соответствии с которыми при производстве следственных действий:

– необходимо удостовериться в личности лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях, а также разъяснить им их права, обязанности, процессуальный порядок производства следственного действия;

– допускается привлечение к участию в следственных действиях других сотрудников органа уголовного преследования;

– в ночное время суток, то есть в промежутке времени с 22.00 часов до 06.00 часов производство следственных действий запрещено, кроме безотлагательных случаев;

– категорически запрещено применение любых форм жестокого обращения, пыток, насилия, угроз, а также создание опасности для жизни и здоровья лиц, участвующих в следственных действиях;

– допускается применение научно-технических средств (далее – НТС), а также научно обоснованных способов обнаружения, фиксации и изъятия следов уголовного правонарушения и вещественных доказательств, при этом к научно-техническим средствам фиксации хода и результатов следственных действий относятся приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательства. Если НТС отсутствуют либо нет невозможности их применения, то необходимо обязательное участие понятых;

– привлечение понятых обязательно в случаях принудительного осмотра жилого помещения, когда проживающие в нем лица являются несовершеннолетними или заведомо страдающими психическими или иными тяжкими заболеваниями или возражают против осмотра (ст. 220 ч. 13 УПК РК); если жилое помещение является местом происшествия и его осмотр не терпит отлагательства (ст. 220 ч. 14 УПК РК); производства обыска (ст. 252, ст. 254 ч. 4 УПК РК); личного обыска, за исключением случаев, когда он производится при задержании лица или заключении его под стражу (ст. 255 УПК РК).

Результатом каждого следственного действия является, конечно же, протокол, который составляется либо в ходе следственного действия, либо сразу после его окончания, при этом нет никакой разницы, каким способом составлен протокол, написан от руки или подготовлен машинописным либо компьютерным способом.

Таким образом, становление законодательства о бытовом насилии в Республике Казахстан прошло несколько ключевых этапов: от полного отсутствия правового регулирования в советский период через первые шаги в 1990-х и 2000-х годах к принятию специализированного закона в 2024 году и его дальнейшему развитию. Несмотря на значительный прогресс, проблема остается актуальной, и совершенствование законодательства продолжается, стремясь найти баланс между защитой прав граждан и эффективностью правоприменительной практики.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей (не введен в действие) : закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII // ИПС «Параграф», 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34339586&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения: 22.03.2025).

2. Сергеев Л. А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений // Руководство для следователей. М., 1971.

3. Криминалистика. Полный курс. В 5 т. Том 1. История криминалистики : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Н. П. Яблоков; под общ. ред. И. В. Александрова. М. : Юрайт, 2018. Серия: Бакалавр. Специалист. Магистр. С. 32.

4. Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000.

5. Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований : приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 // ИПС «Адилет», 2024 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744 (дата обращения: 22.03.2025).

© Мухамедьярова Б. М., 2025

УДК 343.123.12 (470)

Мухаметшин А. Ф. – начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

THE ESSENCE OF STATE PROTECTION AND SECURITY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье автором рассматриваются аспекты развития института государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Описываются основные нормативные правовые акты, регламентирующую данную деятельность.

Abstract. In the article the author examines aspects of development of the institute of state protection of participants in criminal proceedings. The main normative legal acts regulating this activity are described.

Ключевые слова: государственная защита, участники уголовного судопроизводства, защищаемое лицо, меры безопасности.

Keywords: state protection, participants in criminal proceedings, protected person, security measures.

Историческое развитие института государственной защиты и безопасности лиц, содействующих осуществлению правосудия, обусловлено необходимостью защиты населения от противоправного воздействия представителей преступного мира. Считается, что работа правоохранительных органов не может быть полноценной без содействия граждан в расследовании преступлений, а самое главное – в изобличении лиц, их совершивших. Конечно же, сотрудники правоохранительных органов в ходе выполнения своих обязанностей по расследованию уголовного дела сталкиваются с нежеланием очевидца противоправного деяния давать показания, причиной которого может являться страх за собственную жизнь и здоровье. Анализируя теоретический и практический опыт, мы приходим к выводу о том, что институт государственной защиты наиболее актуален в последние годы. В литературе отмечается, что примерно 25 % уголовных дел содержат сведения о том, что на участников уголовного судопроизводства оказывается противоправное посягательство. Однако сохраняется положительная тенденция содействия органам внутренних дел лиц, в отношении которых применены меры государственной защиты. По данным МВД России за 2023 год были применены меры безопасности в отношении 419 потерпевших и 416 свидетелей. Данный факт свидетельствует о том, что данная категория лиц является наиболее распространенными субъектами института государственной защиты.

Вопрос обеспечения безопасности участников уголовного процесса является актуальным и ему уделяется много внимания как со стороны отечественных, так и со стороны зарубежных ученых. Наше государство не осталось в стороне от ряда зарубежных стран в вопросе становления и развития института государственной защиты в уголовно-процессуальном законодательстве.

Новеллы в отечественном Уголовно-процессуальном кодексе свидетельствуют о появлении новых уголовно-процессуальные мер, целью которых являются обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. С принятием поправок можно говорить о создании специализированного института государственной защиты лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Так, на основании ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суд, прокурор, руководи-

тель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации, к потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, их близким родственникам, родственникам или близким лицам, если есть достаточные данные об угрозах убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями [1, с. 25]. Закрепление подобной нормы права в уголовно-процессуальном законодательстве послужило основанием для разработки нового федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который зародил основы системы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что законодательно четко определен круг лиц, подлежащих применению института государственной защиты. Он состоит из лиц, содействующих осуществлению уголовного судопроизводства, их родственников и родных. Однако в жизни случается и такое, что с целью оказания психического давления на важного свидетеля, угрожать могут и его сослуживцам, и соседям, и тем людям, с которыми он общается в своей повседневной жизни. В связи с этим было бы целесообразно, на наш взгляд, предусмотреть возможность увеличения круга субъектов, нуждающихся в защите в связи с оказанием содействия в расследовании преступления и осуществлении правосудия.

Законодатель определил, что меры безопасности применяются при наличии информации о реальности угрозы убийства защищаемого лица, насилия по отношению к нему, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, что установлено органом, принимающим решение о применении мер безопасности и предоставлении государственной защиты [2, с. 7].

Меры безопасности применяются при наличии письменного заявления защищаемого лица или его согласия в письменной форме, а несовершеннолетнему – письменного заявления его родителей или лиц, их заменяющих, а также уполномоченных представителей органов опеки и попечительства (в случае отсутствия родителей или лиц, их заменяющих).

Суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь, получив заявление (сообщение) об угрозе убийства лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества либо иного опасного противоправного деяния, обязаны проверить это заявление (сообщение) и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принять решение о применении мер безопасности в отношении его либо об отказе в их применении [2, с. 7]. Решение принимается вынесением соответствующих документов, которые должны направляться для исполнения и принятия комплекса мер в подразделение

государственной защиты. Затем выбираются необходимые меры безопасности, предусмотренные законодательством, и способы реализации. Для обеспечения исполнения соответствующих документов должен осуществляться постоянный контроль за выполнением указанных мероприятий. Меры безопасности могут быть изменены, отменены или дополнены, однако в этом случае в обязательном порядке должен быть уведомлен в установленном законом порядке судья, начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь, в реализации которых находится заявление или сообщение о преступлении либо уголовное дело.

Мера безопасности может применяться к защищаемому лицу на основании составленного договора, в котором определяются права и обязанности органа, осуществляющего меры безопасности, и защищаемого лица при ее применении. Также могут быть отражены и другие сведения, такие как: семейное положение защищаемого лица, находящееся в собственности имущество, имеющиеся гражданско-правовые и иные юридические обязательства и т. д. Вся информация о защищаемом лице является ограниченного доступа и подлежит засекречиванию. Государство в лице законодательного органа предусмотрело ответственность в ст. 311 Уголовного кодекса Российской Федерации за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении потерпевшего и свидетеля.

Как отмечалось выше, меры безопасности в отношении защищаемого лица могут быть отменены по следующим основаниям:

1) устранение причин, которые послужили основанием их применения;

2) объективная невозможность продолжения применения мер из-за нарушения условий договора со стороны защищаемого лица;

3) волеизъявление защищаемого лица об их отмене.

В части 1 ст. 20 Федерального закона сказано, что при рассмотрении вопроса об отмене мер безопасности в связи с вышеуказанными основаниями будет осуществляться проверка, в частности, будет выясняться, на самом ли деле устранена угроза преступного воздействия.

Нарушением защищаемым лицом договора может быть признано, к примеру, совершение им уголовно наказуемого деяния. Однако сам факт совершения им преступления не может повлечь за собой отмену мер безопасности, если не отпала опасность его безопасности. Такие ситуации как задержание защищаемого лица в качестве подозреваемого, избрание в отношении его меры пресечения, признание виновным в совершении преступления по приговору суда, вступившего в законную силу, следует отразить в ст. 20 указанного закона в качестве основания отмены не в целом защиты, а тех мер безопасности, продолжение которых, например личной охраны, объективно не представляются возможными и замены их на специальные меры защиты в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Трудности возникают не только ввиду наличия пробелов, существующих в законодательстве, регулирующем именно уголовно-процессуальную сферу, но и из-за определенных недоработок в области пенсионного, трудового, жилищного и медицинского законодательства.

В связи с относительной новизной института государственной защиты в сознании граждан еще нет четкого представления о том, что существует такой институт и что при наступлении угроз необходимо сразу принять все меры по обращению в компетентные органы с просьбой о предоставлении защиты.

Изложенное выше позволяет утверждать, что институт обеспечения безопасности участников уголовного процесса является новым для отечественного законодательства. Сегодня данный институт необходимо рассматривать в качестве одной из гарантий реализации конституционных прав личности. Однако говорить о завершении формирования правовой основы обеспечения безопасности участников уголовного процесса преждевременно.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 30 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Мухаметшин А. Ф., 2025

УДК 343.1

Назарова М. Д. – преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ СОБЛЮДЕНИЯ СОРАЗМЕРНОСТИ СТОИМОСТИ АРЕСТОВЫВАЕМОГО ИМУЩЕСТВА ГРЯДУЩИМ ИМУЩЕСТВЕННЫМ ПРИТЯЗАНИЯМ

THE PROBLEM OF PROPORTIONALITY OF THE VALUE OF SEIZED PROPERTY TO FUTURE PROPERTY CLAIMS

Аннотация. В рамках настоящей статьи подлежит рассмотрению реализация конституционного предписания, закрепленного в ст. 55 Конституции Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства. Анализируется правоприменительная практика в сфере соблюдения «правила соразмерности» на примере наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве.

Abstract. The present article deals with the implementation of the constitutional provision enshrined in Article 55 of the Constitution of the Russian Federation in the sphere of criminal proceedings. The article analyses law enforcement practice in the field of compliance with the ‘rule of proportionality’ on the example of seizure of property in criminal proceedings.

Ключевые слова: конституционное предписание, «правило соразмерности», ограничение прав и свобод, наложение ареста на имущество.

Keywords: constitutional precept, ‘rule of proportionality’, restriction of rights and freedoms, seizure of property.

Конституция Российской Федерации, давая возможность правоприменителю ограничивать права и свободы граждан, в свою очередь предписывает, что такое ограничение должно быть в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и законных интересов других лиц (ст. 55).

Защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, может выражаться в возмещении причиненного ущерба, который в свою очередь может быть реализован посредством наложения ареста на имущество подозреваемого (обвиняемого) либо же иных заинтересованных лиц. Интерпретируя Конституционные предписания на сферу действия наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве, можно сделать вывод о том, что размер арестовываемого имущества должен быть соразмерен грядущим имущественным взысканиям (например, сумме причиненного ущерба или заявленного гражданского иска).

В этой связи следует обратить внимание на довольно интересный законопроект. В январе 2022 года Правительством Российской Федерации был разработан законопроект, нацеленный на внесение изменений в ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Предложенный Министерством юстиции Российской Федерации проект предполагал в качестве основания отмены наложенного ареста на имущество несоблюдение соразмерности объема имущественных претензий, которые обеспечиваются применением данной меры принуждения, стоимости имущества, подвергнутого аресту [1]. Однако до настоящего времени законопроект не вступил в законную силу.

Вступление упомянутого законопроекта в законную силу позволило бы исключить актуальную для правоприменительной деятельности проблему, а именно соблюдения соразмерности стоимости арестованного имущества грядущим имущественным притязаниям.

Прежде чем перейти к рассмотрению сложившейся правоприменительной практики по заявленной тематике, следует провести этимологический анализ понятия «соразмерность». Итак, в токовом словаре С. И. Ожегова соразмерность понимается как: «соответствие какой-нибудь мере, соответственный чему-нибудь [2 с. 749]».

Следует отметить, что в действующем УПК РФ «соразмерность» как принцип уголовного судопроизводства не находит нормативного закрепления. По этой причине довольно справедливой видится позиция К. Б. Калиновского, которая гласит: «В УПК РФ рассматриваемый принцип «разбросан мелкими бусинками» и становится очевидным правоприменителю лишь благодаря юридической науке, а также последовательной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который подчеркивает конституционную основу упомянутого принципа в ряде своих постановлений» [3, с. 11]. В связи с этим К. Б. Калиновский убежден, что реализация принципа соразмерности в практической деятельности позволила бы точнее определить условия действия мер процессуального принуждения, поскольку из данного принципа вытекает, что стоимость имущества, подвергаемого аресту не должна превышать, к примеру, сумму заявленного гражданского иска и т. д. [3 с. 11].

Проблематика рассмотрения критериев соразмерности стала предметом исследования и К. В. Муравьева, но только в контексте мер пресечения. Так, упомянутый автор пришел к выводу, что «соразмерность принуждения в ходе производства по делу предполагает пропорциональность ограничений грозящему наказанию [4 с. 137]». Несмотря на то, что исследование было посвящено мерам пресечения, вывод автора о критериях соразмерности в полном объеме может подлежать реализации и при применении наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве в связи с тем, что идентично с мерами пресечения при его реализации под-

лежат ограничению охраняемые конституцией права граждан (к примеру, право собственности и т. д.).

Рассматриваемая проблематика была объектом рассмотрения и Верховного суда Российской Федерации. Так, высший судебный орган Российской Федерации в одном из своих постановлений нацеливает судебные органы на то, что при рассмотрении заявленного ходатайства судам следует учитывать, что стоимость арестовываемого имущества не должна превышать размера имущественных притязаний, а также размер максимального штрафа, установленного санкцией статьи, по которой лицо привлекается к ответственности [5].

Несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации правоприменительная практика строится разнопланово.

К примеру, в рамках производства по уголовному делу был наложен арест на имущество обвиняемой на сумму 800 рублей. На судебном этапе разбирательства по уголовному делу потерпевшей стороной был заявлен гражданский иск на сумму 70 000 рублей, который судом был удовлетворен. По итогу рассмотрения уголовного дела обвиняемой назначается наказание в виде штрафа в размере 100 000 рублей, а также обязательства по выплате процессуальных издержек за юридические услуги защитника в сумме 16 500 рублей. В результате лицо обязано возместить 186 500 рублей, а арест был наложен на сумму 800 рублей. Возникает вопрос в целесообразности применения в данной ситуации ареста на имущество, если он не способен покрыть даже часть присужденной суммы [6]. Приведенный случай является не единичным в правоприменительной деятельности. Однако в рамках заявленной тематики есть и положительная правоприменительная практика, о которой автором настоящей статьи отмечалось в другом исследовании [7].

Исходя из анализа правоприменительной практики можно сделать вывод о том, что при реализации наложения ареста на имущество в большинстве случаев «закрываются глаза» на разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации, а также конституционные предписания. Поскольку по итогам изучения материалов уголовных дел напрашивается вывод о том, что в правоприменительной практике количество уголовных дел, в которых при наложении ареста на имущество пренебрегается «правилами соразмерности» значительно превышает количество дел, в которых данное правило соблюдается.

Подобное положение дел вероятнее всего обусловлено тем, что нормы УПК РФ не включают соразмерность ни в число принципов уголовного судопроизводства, ни регламентируют ее в иных нормах, к примеру, регулирующих наложение ареста на имущество. В силу формального отношения к работе о наличии разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации ряд правоприменителей может и не знать,

В свою очередь, следует отметить, что нет необходимости закреплять соразмерность в качестве принципа уголовного судопроизводства, но предусмотреть «правило соразмерности», сделав о нем уточнение, к примеру, в общих положениях применения иных мер процессуального принуждения либо же в непосредственной законодательной регламентации наложения ареста на имущество.

Соблюдение «правила соразмерности» при применении наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве видится обязательным условием его применения в виду того, что в процессе реализации рассматриваемой меры процессуального принуждения могут быть ограничены конституционные права не только лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, но и иных лиц.

Для реализации правила «соразмерности» при применении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве видится целесообразным соблюдение следующего алгоритма:

1) прежде чем имущество подвергнуть аресту, его необходимо оценить;

2) при согласовании ходатайства о наложении ареста на имущество, лицу, его согласовывающему, следует проверять реализацию «правила соразмерности», и в случаях, если стоимость арестовываемого имущества значительно превышает размер грядущих имущественных притязаний, не «визировать» данное ходатайство;

3) судам в свою очередь надлежит отказывать в удовлетворении либо же возвращать без рассмотрения ходатайства, поступившее с превышением стоимости арестовываемого имущества грядущим имущественным взысканиям, а также в случаях, когда стоимость имущества значительно ниже предполагаемых взысканий, как в примере, приведенном в рамках настоящей статьи.

Обобщая вышесказанное, можно сделать ряд выводов, а именно:

1) в правоприменительной деятельности при наложении ареста на имущество практически не соблюдается «правило соразмерности»;

2) соблюдение данного правила должно выступать в качестве обязательного условия применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве ввиду ограничения охраняемых конституцией прав довольно широкого и разнообразного круга лиц;

3) соблюдение предложенного автором настоящей статьи алгоритма реализации «правила соразмерности» позволит исключить практику нецелесообразного применения наложения ареста на имущества, однако для его соблюдения необходимы и изменения в УПК РФ.

Библиографический список

1. Проект федерального закона о внесении изменений в статью 115 УПК РФ (относительно защиты прав залогодержателей при наложении

ареста на имущество в уголовном процессе). ID проекта 01/05/01-22/00124376. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006.

3. Калиновский К. Б. Принцип соразмерности мер процессуального принуждения // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 11.

4. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия : доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

5. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Архив Заводского районного суда г. Орла Орловской области.

7. Денисова М. Д. О соразмерности стоимости арестованного имущества в ходе уголовного судопроизводства размеру возможных имущественных взысканий // Современные проблемы уголовного процесса : пути решения : сборник материалов 4-й Международной конференции. Уфа, 2023. С. 84–89.

© Назарова М. Д., 2025

УДК 343.1

Насыров Р. Р. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);
Телицын Н. А. – доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности УНК ПЭиНП Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Нижний Новгород,)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

SELECTED ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF REASONABLE TIME IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных законодательных предписаний уголовного судопроизводства, связанных с установлением и реализацией принципа разумного срока, его нормативного содержания и проявления на различных стадиях уголовного процесса, а также при применении мер процессуального принуждения.

Abstract. The article is devoted to the analysis of individual legislative prescriptions of criminal proceedings related to the establishment and implementation of the principle of reasonable time, its normative content and manifestation at various stages of the criminal process, as well as in the application of procedural coercion measures.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, компенсация за нарушения права на судопроизводство в разумный срок, меры процессуального принуждения.

Keywords: reasonable time for criminal proceedings, principles of criminal procedure, compensation for violations of the right to legal proceedings within a reasonable time, measures of procedural coercion.

Конституция Российской Федерации предусматривает, что права и свободы граждан являются высшей ценностью. В соответствии с этим в рамках наук «криминального цикла» одной из самых актуальных проблем является совершенствование направлений обеспечения прав и законных интересов субъектов, участвующих в уголовном деле, в том числе, связанных с соблюдением установленных сроков уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальное законодательство в положениях главы 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепило основополагающие нормы, которые являются фундаментом, базой всего уголовно-процессуального права. Система принципов в 2010 году дополнилась еще одним элементом – принципом разумного срока (ст. 6.1. УПК РФ), имеющим внушительное содержание. На сегодняшний момент норма, устанавливающая принцип разумного срока, является в главе 2 УПК РФ самой объемной, что свидетельствует о ее многогранной составляющей [1, 2].

Законодательство закрепляет в положениях ст. 6.1 УПК РФ довольно сложные формулировки, в том числе, касающиеся обстоятельств определения разумного срока. Содержательное наполнение обозначенного принципа также не лишено оценочных категорий, к примеру, «достаточность и эффективность деятельности суда, прокурора, следователя… », «правовая и фактическая сложность уголовного дела… » и другие, которые неоднократно повторяются в некоторых частях статьи.

Важным представляется то, что содержательная часть ст. 6.1 УПК РФ касается различных стадий уголовного процесса, а также конкретных процессуальных действий, где необходимо соблюдение разумности сроков. Это еще раз подчеркивает правовою природу рассматриваемой категории, что позволяет ее считать отдельным принципом уголовного процесса, так как его действие распространяется на уголовно-процессуальные отношения всех стадий, а также затрагивает интересы всех участников. Однако, по-нашему мнению, для большей эффективности применения уголовно-процессуальных норм о разумном сроке необходима систематизация и упрощение содержания ст. 6.1 УПК РФ.

Так, во-первых, следует обозначить единую, четкую систему универсальных критериев, на основании которых должна определяться разумность того или иного процессуального срока, во-вторых, обеспечить регламентирование конкретных уголовно-процессуальных отношений, где возможна реализация обозначенного принципа без возможности ее двоякого толкования.

К примеру, в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ говорится о праве подачи нового (повторного) заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок. Предусмотрено, что в подобных случаях не требуется вновь обращаться к надзирающим и контролирующим субъектам с просьбой об ускорении рассмотрения уголовного дела. Причем в данной норме отсылка идет лишь к ее ч. 5, устанавливающей возможность обращения с подобным заявлением к председателю суда (если вопрос о компенсации возникает в судебных стадиях). Однако в ситуации досудебного производства подается не заявление об ускорении, а жалоба, в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 123 УПК РФ, о чем анализируемая норма-принцип не упоминает. Исходя из чего для обеспечения

единого понимания механизма правореализации рассматриваемого принципа, полагаем целесообразным включить в содержание ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ и нормативную отсылку к ч. 2 ст. 123 УПК РФ.

Отдельного внимания заслуживает анализ принципа разумного срока в аспекте его соблюдения при применении мер уголовно-процессуального принуждения, непосредственным образом затрагивающих права и законные интересы граждан. Анализ положений ст. 6.1 УПК РФ показывает, что ее предписания не лишены проблематики распространения рассматриваемого принципа на уголовно-процессуальные отношения, связанные с применением в отношении субъектов, вовлеченных в уголовное судопроизводство, мер принуждения. В частности, в положениях ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ оговаривается, что при определении разумного срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, в ходе уголовного судопроизводства учитываются обстоятельства, указанные в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, а также общая продолжительность применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства.

На основании требований ч. 3 ст. 115 УПК РФ обозначенная мера принуждения может налагаться в отношении имущества субъектов, которые, в том числе, не имеют статуса обвиняемого или подозреваемого по уголовному делу, что реализуется в случае наличия данных о незаконном приобретении такого имущества или его непосредственного отношения к преступлению. В положениях ч. 1 обозначенной статьи законодателем определяется цель меры принуждения в виде ареста имущества, которая сводится к необходимости обеспечения исполнения гражданского иска, взыскивания штрафов и иных имущественных взысканий, обозначенных в законодательстве. В ч. 2 ст. 115 УПК РФ также указывается, что срок применения ареста на имущества устанавливается на период всего предварительного расследования и времени, необходимого для передачи уголовного дела в суд. Таким образом, на основании требований положения ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ лицо, в отношении которого применена указанная иная мера принуждения, в случае нарушения разумного срока имеет право на компенсацию.

Вместе с тем иных положений, которые касаются реализации принципа разумного срока в процессе применения мер уголовно-процессуального принуждения в УПК РФ нет, что может свидетельствовать о недоработке законодательства. Исключение составляет позиция Верховного Суда Российской Федерации, отраженная в п. 38 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41, согласно которой «если жилое помещение, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, располагается за пределами муниципального образования, на территории которого осу-

ществляется расследование, домашний арест может быть избран при условии, что данное обстоятельство не препятствует осуществлению производства по делу в разумные сроки, в частности, не препятствует обеспечению доставления лица в органы расследования или суд» [3] .

По нашему мнению, важным является реализация рассматриваемого принципа в процессе применения мер пресечения, в особенности тех, решение на которые выдается судом (залог, домашний арест, запрет определенных действий и заключение под стражу).

Необходимо отметить, что нормы, регламентирующие порядок применения к подозреваемому или обвиняемому необходимой меры пресечения достаточно скупы на положения, касающиеся сроков их применения, за исключением заключения под стражу, где имеет место отдельная статья, посвященная срокам. Согласно уголовно-процессуальному закону сроки применения заключения под стражу распространяются на домашний арест (ч. 2 ст. 107 УПК РФ) и залог (ч. 2, 8.2 ст. 106 УПК РФ); для одного запрета, избираемого по решению судьи, также установлены соответствующие сроки (ч. 10. ст. 105.1 УПК РФ). Следует особо выделить положения ст. 110 УПК РФ, где обозначаются вопросы отмены или изменения меры пресечения, и указывается, что мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость или изменяется на более строгую или более мягкую.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что существует достаточное количество случаев, когда избранная мера пресечения не отменяется, хотя основания их применения уже отсутствуют. В связи с этим целесообразно дополнить норму ст. 6.1 УПК РФ положением, в соответствие с которым применение мер пресечения должно осуществляться в разумный срок, с учетом наличия оснований их применения. В случаях, когда основания, послужившие поводом избрания меры пресечения, перестали существовать, необходимо отказаться от реализации избранной меры пресечения. Предложенный механизм позволит значительным образом обеспечить гарантии прав участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, реализация принципа разумного срока возможна при применении должностными лицами органов предварительного расследования мер уголовно-процессуального принуждения. В настоящее время положениями ст. 6.1 УПК РФ охватываются только отношения, связанные с иной мерой пресечения в виде наложения ареста на имущество, и то в отношении лиц, которые не являются подозреваемыми (обвиняемыми). В отношении других мер принуждения ее положения не распространяются. В связи с этим существует необходимость проработки внедрения механизма обеспечения разумного срока при применении к участникам уголовного судопроизводства мер уголовно-процессуального принуждения. На сегодняшний момент применение указанных мер имеет привязку либо к определенным положениям УПК РФ конкретным срокам, либо срокам предварительного расследования и осуществляется при наличии основа-

ний применения. Однако в случаях, когда указанные основания перестали иметь место, в большинстве случаев реализация меры принуждения продолжается. Таким образом, применение механизма принципа разумного срока в рассматриваемых уголовно-процессуальных отношениях позволит обеспечить права участников и будет способствовать повышению эффективности контроля должностных лиц органов предварительного расследования о целесообразности применения меры принуждения на всех этапах предварительного следствия.

По нашему мнению, еще рано говорить о полном интегрировании принципа разумного срока уголовного судопроизводства в действующую систему, однако те шаги, которые уже предприняты, оказали существенное влияние на формирование более ее эффективного функционирования. Законодателю еще предстоит регламентировать реализацию рассмотренного принципа в отношении отдельных процессуальных действий следователей.

Несмотря на достаточно сложную конструкцию нормы, обеспечивающей реализацию принципа разумного срока, законодателю, на наш взгляд, удалось обеспечить механизм уголовного судопроизводства эффективным инструментом, который позволяет минимизировать случаи затягивания уголовного процесса со стороны должностных лиц органов предварительного расследования.

Важно отметить, что пренебрежение данным принципом уголовного процесса повлечет необратимые последствия, связанные с нарушением жизнедеятельности всего механизма уголовного процесса, поэтому он должен лежать в основе построения деятельности всех «служб» уголовного преследования и суда.

Библиографический список

1. Каац М. Э., Насыров Р. Р. К Вопросу о содержании принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2012. № 3. С. 34–39.

2. Боков В. В., Каац М. Э. Понятие и сущность принципа разумного срока в уголовном процессе // Современные проблемы уголовного процесса : пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства) : сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 50–55.

3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Насыров Р. Р., 2025
© Телицын Н. А., 2025

УДК 343.14

Нуркаева М. К. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);
Осипова Н. В. – врио заместителя начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Донецк)

ДЕЙСТВИЯ ЗАЩИТНИКА И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ

ACTIONS OF THE DEFENDER AND OTHER PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE SYSTEM OF EVIDENCE

Аннотация. В статье рассматривается значение таких непроцессуальных действий при доказывании в досудебных стадиях уголовного процесса как действия защитника и других участников, которые являются дополнительными средствами доказывания и имеют ориентирующее значение.

Abstract. The article examines the importance of such non-procedural actions in proving in the pre-trial stages of criminal proceedings as actions of the defense attorney and other participants, which are additional means of proof and have a guiding value.

Ключевые слова: доказывание, непроцессуальные действия, порядок и условия использования результатов действий защитника и других участников при доказывании.

Key words: proof, non-procedural actions, procedure and conditions for using the results of the actions of the defense attorney and other participants in proof.

Для установления фактов и достижения объективной истины в уголовном деле необходимо применение специфических процессуальных средств, четко регулируемых законодательством и обеспечивающих непрерывное установление и фиксацию обстоятельств, подлежащих доказыванию. Отклонения от правовых норм могут привести к ошибкам и неправомерным решениям. Риск подобных последствий увеличился с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее –

УПК РФ), где не все средства доказывания корректно урегулированы. Поэтому важно, чтобы досудебное и судебное производство осуществлялись с соблюдением всех процессуальных норм и правил, чтобы исключить возможность неправильного вывода о виновности или невиновности обвиняемого. Критически важно следить за соблюдением законов и процессуальных норм в рамках уголовного процесса, чтобы обеспечить справедливость и законность рассмотрения дела.

Статья 85 УПК РФ закрепляет понятие «доказывание» – деятельность, которая регулируется законом, состоит из собирания, проверки и оценки доказательств. Сам процесс собирания доказательств выступает многогранным элементом в системе расследования преступления, уполномоченным субъектам которого необходимо определить достаточность объема обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также выявить источники и произвести фиксацию обнаруженных сведений.

Для того, чтобы реализовать назначение и задачи уголовного судопроизводства предполагается необходимость собирания, проверки и оценки огромного объема разнообразной информации о различных фактах в каждом конкретном случае. Из этого возникает необходимость правильно установить обстоятельства, которые являются непосредственно предметом уголовного дела, и, следовательно, применить к определенному случаю правовые нормы, устанавливающие воспитательно-профилактические меры и санкции.

Доказывание является важнейшей составной частью уголовно-процессуальной деятельности, поэтому доказательственное право – это один из базовых и главнейших институтов уголовно-процессуального права. Верная оценка доказательств является непосредственным соблюдением принципа законности судами, органами прокуратуры, органами следствия и дознания, что сводит к минимуму случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, в действиях которых не устанавливается наличие состава преступления, а также необходимой предпосылкой эффективной работы данных правоохранительных органов. Сказанное свидетельствует о необходимости исследования как процессуальных, так непроцессуальных действий при доказывании по уголовным делам.

Система процессуальных средств доказывания состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, придающих этой системе уникальные качества. В рамках этой системы непроцессуальные действия играют важную роль в собирании, фиксации и проверке информации о фактах и их источниках. Они, характеризуясь познавательностью, являются дополнительным средством доказывания.

В уголовном судопроизводстве, несмотря на его публично-правовой характер и розыскную природу досудебных стадий, участники процесса, не обладающие властными полномочиями, имеют право участвовать в до-

казывании. Законодательство предусматривает различные формы, через которые это право может быть реализовано. Традиционным способом является подача ходатайств о проведении следственных действий, которые обычно удовлетворяются следствием.

Еще одной формой является предоставление потерпевшими, подозреваемыми и обвиняемыми информации и материальных объектов, которые они считают обладающими доказательственным значением. Такие действия, не имеющие организационного оформления, приводят к тому, что участники процесса представляют результаты следователю вместе с ходатайством о приобщении их к материалам уголовного дела. Эти действия определяются как «представление доказательств». Представление включает в себя ситуации, когда объекты доставляются к следователю невластными участниками судопроизводства.

В. А. Семенцов характеризует представление как процессуальное действие, направленное на собирание доказательств и состоящее из доставки предметов и документов к следователю участниками процесса, должностными лицами и гражданами, с последующим ходатайством об их приобщении к уголовному делу в качестве доказательств [1, с. 134]. Однако представление само по себе не является завершенным процессуальным действием. Это лишь часть более широкого комплекса действий, включающего изъятие представленных предметов, которое обычно производится в ходе следственного действия, чаще всего выемки.

Защитник, в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ, имеет право «собирать доказательства», что отличает его от иных невластных участников судопроизводства. Это может создать впечатление, что защитник обладает полномочиями, аналогичными полномочиям следователя. Некоторые процессуалисты утверждают, что законодатель намеренно наделил защитника правом на собирание полноценной доказательной базы [2, с. 72]. Другие же предлагают разрешить защитнику проводить все следственные действия наравне со следователем. [3, с. 37].

Исходя из этого, действия защитника можно рассматривать как дополнительное средство доказывания. Правила участия защитника в процессе доказывания могут быть сформулированы следующим образом: если защитник обнаруживает и фактически получает объекты, относящиеся к делу, он обязан представить их следователю, который должен приобщить эти объекты к материалам уголовного дела. В случаях, когда фактическое получение объектов невозможно, защитник должен подать ходатайство о проведении следственного действия для изъятия этих объектов. Таким образом, действия защитника имеют вспомогательное доказательственное значение, имеют ориентирующее значение и служат основанием для производства следственных действий.

Получение предметов и документов защитником означает личное обнаружение объектов, важных для дела. Это происходит в случае, если

объекты были обнаружены защитником лично или переданы другими лицами. Несмотря на то, что закон не определяет процесс получения объектов защитником, целесообразно описать данные действия в протоколе получения, указав место и время получения, обстоятельства обнаружения и описание объекта. Желательно пригласить двух понятых для подтверждения факта и процесса действия. Закон не разрешает защитнику использовать понятых, он и не запрещает это.

В. В. Ясельская отмечает, что упоминание «иных сведений» в п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ является излишним, так как это положение дублирует право защитника на адвокатский опрос [4, с. 84–85]. Когда защитник получает предметы и документы, ему следует ознакомиться с ними, изучить их содержание и выявить возможные важные для дела аспекты. При необходимости защитник может запросить копии или дубликаты документов для своего дальнейшего анализа и использования в защите подзащитного.

После того, как защитник ознакомится с предметами и документами, он может представить их в суд и использовать как доказательства в процессе защиты подзащитного. При этом необходимо соблюдать процедуру представления доказательств согласно установленным законом требованиям. Участие понятых не нарушает права и законные интересы лиц, что делает такую практику приемлемой и полезной для подтверждения законности действий защитника. Таким образом, несмотря на различия в полномочиях, защитник играет важную роль в процессе доказывания, обеспечивая дополнительный уровень проверки и достоверности собранных доказательств.

По смыслу закона полученные защитником документы должны быть представлены следователю [2, с. 75]. Сокрытие защитником полученных сведений от следователя противоречит интересам правосудия и нарушает права представляемого лица. А. С. Стройкова полагает, что после приобщения представленных защитником материалов к уголовному делу следователь обязан направить адвокату письменное уведомление. Проверка и оценка материалов, полученных от защитника, может производиться только после их приобщения к уголовному делу [5, с. 9]. Такие предложения представляются вполне обоснованными, поскольку они позволят избежать случаев произвольного игнорирования собранных защитником сведений и документов.

В пункте 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6, с. 31] предусмотрено право адвоката привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. Несмотря на то, что по букве закона приглашение специалиста предусмотрено только для «разъяснения вопросов», в практической деятельности защитники часто руководствуются данной нормой в целях инициирования проведения исследований.

Более того, термин «исследования» также понимается в широком смысле, включая в себя, например, ревизии, финансовые и аудиторские проверки. Очевидно, что это не противоречит закону, поскольку не нарушает прав каких-либо лиц и не противоречит базовым правомочиям защитника в процессе доказывания. Данная позиция в целом разделяется судебной практикой. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что специалисты, давая ответы на вопросы, поставленные адвокатом (могли ли быть обнаруженные при исследовании трупа повреждения причинены штык-ножом к автомату АКМ, АК-74), вправе были ссылаться на проведенные исследования [7].

Выбор специалиста для проведения исследования и оплата его услуг осуществляются защитником. Запрещается предупреждать лицо, производящее исследование, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Способы собирания защитником материалов для проведения исследования законодательно не определены. Очевидно, что могут использоваться официальные процедуры (направление адвокатского запроса), также защитник вправе предоставить на исследование откопированные им материалы уголовного дела. Заключение специалиста содержит в себе описание исследований и выводы на поставленные вопросы. Примененные методики указываются специалистом по своему усмотрению.

Принципиальным является вопрос о необходимости представления собранных защитником материалов следователю. Это необходимо, и именно в рамках предварительного расследования. Такой подход в полной мере соответствует концепции вспомогательного доказательственного значения действий защитника в системе средств доказывания. Во-первых, защитник является участником уголовного процесса, регламентированной законом деятельности, осуществляемой в интересах отдельных граждан, общества и государства. Даже занимаясь исключительно защитой своего доверителя и не будучи обязанным содействовать установлению истины, защитник не вправе производить действия, противоречащие интересам правосудия. Во-вторых, оказание лицу квалифицированной юридической помощи означает совершение действий, направленных на отстаивание интересов данного лица. Защитник не должен сознательно ставить своего доверителя в наиболее рискованное положение и затем пытаться выправить это положение непосредственно в суде. Подобные схемы не могут иметь место в правовом государстве.

Будучи убежденным в невиновности или меньшей виновности доверителя и имея доказательства этого, защитник обязан как можно раньше представить их следователю для принятия законного решения по уголовному делу именно в интересах своего подзащитного. Сохранение в тайне от следователя полученных сведений с намерением предъявить их в судебных стадиях уголовного процесса является злоупотреблением защитником предоставленными правами в ущерб как обществу, так и своему доверителю.

Таким образом, можно заключить, что такие непроцессуальные действия как действия защитника и других участников уголовного процесса в системе средств доказывания имеют важное значение для обеспечения правовой защиты обвиняемого и достоверности установления обстоятельств дела. Они помогают выявить фактические обстоятельства преступления и подтвердить или опровергнуть аргументы сторон. Важно, чтобы такие действия проводились с соблюдением всех необходимых процедур и прав граждан. Защитник должен активно использовать доступные ему средства и методы предоставления доказательств, соблюдая при этом законность и этические принципы.

Библиографический список

1. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) : монография. Екатеринбург : Изд-во «Уральская государственная юридическая академия», 2006. 298 с.

2. Свиридов М. К. Отношения следователя и защитника в процессе собирания доказательств // Уголовная юстиция. 2021. № 18. С. 71–75.

3. Гриненко А. В. Паритет прав сторон в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 35–40.

4. Ясельская В. В. Способы собирания доказательств защитником на стадии предварительного расследования. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-sobiraniya-dokazatelstv-zaschitnikom-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya (дата обращения: 28.02.2025).

5. Стройкова А. С. Гарантии права обвиняемого на предварительном следствии : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 141 с.

6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 22 апреля 2024 г. № 83-Ф) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апреля 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 мая 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 10 июня 2002 г. № 23. Ст. 2102.

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2017 г. № 33-О07-1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 4. С. 31–32.

© Нуркаева М. К., 2025
© Осипова Н. В., 2025

УДК 343.85

Полев М. С. – старший следователь следственного отдела по городу Салават следственного управления Следственного комитета России по Республике Башкортостан (Россия, г. Салават);
Бадамшин И. Д. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ

FEATURES OF CRIMINAL PROSECUTION IN CRIMINAL CASES OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL MIGRATION

Аннотация. Глобализационные процессы, социально-экономические проблемы, военные конфликты, политическая нестабильность обуславливают рост миграционных потоков. Негативным последствием усиливающихся миграционных потоков выступает незаконная миграция. В настоящей статье анализируется специфика уголовного преследования по делам о преступлениях, связанных с незаконной миграцией. Изучение данного вопроса позволит не только выявить правоприменительные проблемы, но и определить направления совершенствования правового регулирования в условиях изменений в миграционной сфере.

Abstract. Globalization processes, socio-economic problems, military conflicts, and political instability are driving the growth of migration flows. Illegal migration is a negative consequence of the increasing migration flows. This article analyzes the specifics of criminal prosecution in cases of crimes related to illegal migration. Studying this issue will allow not only to identify law enforcement problems, but also to identify areas for improving legal regulation in the context of changes in the migration sphere.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, преступление, уголовное преследование, уголовное дело.

Keywords: migration, illegal migration, crime, criminal prosecution, criminal case.

Увеличение числа мигрантов на территории Российской Федерации влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, миграции выступает фактором экономического роста, по-

вышает значимость человеческого капитала, ускоряет социальную и профессиональную мобильность, стимулирует развитие знаний в различных сферах, происходит обмен трудовыми ресурсами и производственным опытом. К тому же, мигранты помогают решить демографические проблемы, участвуя в увеличении численности населения. С другой стороны, негативный аспект миграции – рост преступлений, совершаемых в миграционной сфере. Мигранты часто вовлекаются в преступную деятельность, связанную с контрабандой наркотических средств, торговлей оружием, что осложняет криминогенную ситуацию в крупных городах, приграничных российских территориях. Все это в целом подрывает авторитет закона и доверие граждан к органам государственной власти.

2024 год в России ознаменовался рядом громких уголовных дел, связанных с преступлениями мигрантов. Такие преступления вызвали широкий общественный резонанс. Приведем здесь несколько примеров.

Так, в Москве правоохранительными органами был задержан выходец из Средней Азии по подозрению в изнасиловании и убийстве молодой женщины. В г. Санкт-Петербурге группа мигрантов совершила разбойное нападение на пожилую пару, в результате чего им был причинен тяжкий вред здоровью. В Ростовской области был задержан мигрант из Центральной Азии в связи с подозрением в совершении им преступления по организации незаконного канала поставки наркотических средств. В ходе расследования выяснилось, что группировка действовала на территории нескольких регионов. В г. Екатеринбург нападение мигрантов на прохожих вызвало массовые протесты местных жителей, требующих ужесточение миграционной политики. При этом приведенные примеры из практики являются лишь частью от общего массива совершаемых мигрантами преступлений различной степени тяжести и характера [1, с. 11].

Кроме того, нелегальная миграция усугубляет ситуацию с коррупцией. Должностные лица, представители государственных, в том числе правоохранительных органов, вовлеченные в схемы незаконного пересечения границы, трудоустройства, подделки документов, становятся частью теневой экономики [2, с. 2].

Таким образом, миграция является сложным явлением, последствиями которого выступает как социально-экономический рост, так и криминогенные риски, требующие контроля со стороны государства. Конфликты между иностранными и российскими гражданами обостряют социальные противоречия, провоцируют раскол на национальной или религиозной почве. Особую опасность представляет «эффект искры», когда мелкий инцидент в условиях социальной или этнической напряженности может перерасти в массовые беспорядки или межнациональный конфликт.

Преступления, связанные с незаконной миграцией образуют не только состав преступления, предусмотренный ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), но и иные составы, в частности

ст. 126 УК РФ «Похищение человека», ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми», ст. 127.2 УК РФ «Использование рабского труда», ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и др.

При этом, согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18, под организацией незаконной миграции понимается «умышленное совершение действий, создающих условия для осуществления незаконных действий, перечисленных в диспозиции ст. 322.1 УК РФ: организации незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации».

Одна из проблем в правоприменительной практике – отсутствие действий со стороны правоохранительных органов при наличии информации о местах концентрации мигрантов и возможных местах их пребывания.

Согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ одним из обязательных элементов предмета доказывания по уголовным делам являются обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, которые подлежат установлению наравне с другими обстоятельствами дела. При этом уголовно-процессуальное законодательство РФ не делает исключений в правилах уголовного преследования в отношении иностранных граждан, включая мигрантов.

Соблюдение положений ст. 73 УПК РФ является обязанностью следователя и направлено на предупреждение совершения преступлений как одной из государственных задач. В частности, это касается преступлений, совершаемых должностными лицами, ответственными за миграционный учет и контроль за соблюдением иностранцами правил пребывания в России, которые, к сожалению, подвержены коррупционным рискам.

Факторами, повышающими уровень латентных преступлений в сфере организации незаконной миграции, являются стремление мигрантов остаться в России, их незнание процедур легального оформления пребывания, а также коррупционные связи в правоохранительных и миграционных органах.

Организация незаконной миграции представителями власти несет повышенную общественную опасность. Важно обеспечить принцип неотвратимости наказания не только для мигрантов, но и для должностных и иных лиц, содействующих их незаконному пребыванию в России.

Многие преступления, за которые предусмотрена уголовная ответственность, стали возможны из-за недостаточного контроля со стороны представителей миграционных подразделений, коррупционных связей среди должностных лиц правоохранительных органов. Межведомственное взаимодействие играет ключевую роль в выявлении и пресечении преступлений, однако коррупционная заинтересованность отдельных лиц затрудняет этот процесс.

Примером отсутствия должного взаимодействия и контроля со стороны соответствующих руководителей за ходом и результатами предварительного расследования уголовных дел могут служить факты, изложенные в представлении Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 74/1-16-2019. В данном документе отмечены нарушения, допущенные Межмуниципальным управлением МВД России «Балашихинское» ГУ МВД России по Московской области, подразделением дознания которого возбуждено 161 уголовное дело по ст. 322.1, 322.3 УК РФ, однако информация для снятия с миграционного учета 1017 фиктивно поставленных по указанному адресу иностранных граждан в подразделение по вопросам миграции своевременно не была передана [3, с. 25].

Преступления, совершаемые в разных сферах, но связанные с незаконной миграцией, часто носят организованный характер, что делает их особо опасными. Их высокая распространенность и сложная структура свидетельствуют о серьезной угрозе общественной безопасности.

Итак, основными проблемами в сфере уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях, связанных с организацией незаконной миграции является следующее:

– коррупция в органах государственной власти;

– халатность со стороны представителей миграционных подразделений органов внутренних дел, что увеличивает число латентных преступлений.

Выявление причин и условий, способствующих преступлениям, а также разработка мер по их устранению являются задачами Следственного комитета РФ. Эффективное выполнение этих функций позволит реализовать комплекс мероприятий по предупреждению, пресечению и расследованию преступлений в сфере организации незаконной миграции.

Библиографический список

1. Советов Д. И. Направления совершенствования миграционного контроля в Российской Федерации // Миграционное право. 2025. № 1. С. 11–14.

2. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Противодействие преступности в сфере миграции : правообразующие тенденции // Миграционное право. 2023. № 1. С. 2–4.

3. Гасак А. А., Зуева А. С., Макаренко М. М. Профилактика и расследование преступлений в сфере миграции : проблемные вопросы, пути решения // Миграционное право. 2024. № 4. С. 22–25.

© Полев М. С., 2025
© Бадамшин И. Д., 2025

УДК 341.4

Поляков С. А. – исполняющий обязанности заведующего кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук (Россия, г. Луганск)

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАНЦЕВ ИЗ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ СТРАН КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

CRIMINALIZATION OF FOREIGNERS FROM UNFRIENDLY COUNTRIES AS A WAY TO ENSURE INTERNATIONAL SECURITY

Аннотация. В статье раскрываются проблемы привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан из недружественных Российской Федерации стран [6]. Проводится анализ международных и национальных уголовно-процессуальных норм, связанных с процедурой уголовного преследования. Автор подчеркивает актуальность данной темы в период проведения специальной военной операции в России, так как именно с февраля 2022 года преступления указанных лиц представляют наибольшую угрозу национальной и международной безопасности. Группировки национальных анклавов, прозападные образовательные учреждения в крупнейших городах России и американские образовательные программы, международный обмен студентов – латентные угрозы и источник криминогенной среды в современном российском обществе 2025 года. В связи с этим предложено внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [8] в части обеспечения уголовного процесса в отношении иностранных граждан из недружественных стран на всех стадия уголовного процесса.

Abstract. The article reveals the problems of bringing to criminal responsibility foreign citizens from countries unfriendly to the Russian Federation [6]. The analysis of international and national criminal procedure norms related to the criminal prosecution procedure is carried out. The author emphasizes the relevance of this topic during the period of the special military operation in Russia, since it is from February 2022 that the crimes of these individuals pose the greatest threat to national and international security. Groupings of national enclaves, pro-Western educational institutions in Russia's largest cities and American educational programs, international student exchange are latent threats and a source of criminogenic environment in modern

Russian society in 2025. In this regard, it is proposed to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [8] in terms of ensuring criminal proceedings against foreign citizens from unfriendly countries at all levels.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовный процесс, недружественные страны, национальная и международная безопасность, коллективный Запад, иностранцы, Международный уголовный суд, взятие под стражу.

Keywords: criminal responsibility, criminal procedure, unfriendly countries, national and international security, collective West, foreigners, International Criminal Court, detention.

Новые уголовно-процессуальные проблемы реализации института ответственности за совершение преступлений выявились в Российской Федерации в период проведения специальной военной операции и продолжают проявляться с февраля 2022 года.

Одной из таких проблем является кризис международного уголовного правосудия. Ранее действующие процессуальные нормы, установленные международными договорами XX века, утратили свою юридическую силу и эффективность.

Международный уголовный суд (далее – МУС), утвержденный Римским статутом [7], на дворе II четверти XXI века выносит вопиющие судебные решения, выдает пролоббированные коллективным Западом ордеры на аресты высокопоставленных должностных лиц. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) больше не является высшей международной судебной инстанцией для большинства стран мира, по причине противоречия решений ЕСПЧ национальному законодательству (например, уголовному законодательству России), недостаточности процессуальных гарантий, неверного толкования международных договоров [4, 5]. Однако проблемы уголовной юрисдикции на международном поле остаются открытыми. Возрастают криминальные угрозы государственному строю и обществу, не без участия иностранных граждан.

Граждане стран, указанных в Распоряжении Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» (далее – из «списка») систематически совершают открыто тяжкие и особо тяжкие преступления в отношении мирных жителей и объектов гражданской инфраструктуры в период проведения специальной военной операции (далее – СВО).

Одновременно при финансировании указанными странами, российские граждане, в том числе вновь обретшие гражданство нашей страны, становятся прямыми участниками преступлений международного характера. К странам из «списка» относятся Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Украина и др.

Для примера, угрозами национальной безопасности России и в целом международной безопасности, в особенности для стран Европы и Азии, требующими иного уголовно-процессуального урегулирования, являются систематические террористические акты в отношении атомных электростанций, расположенных вблизи Украины, которая также пострадает в случае катастрофы на атомной электростанции (далее – АЭС).

Так, гражданин Украины Сергей Потынга, признавший свою вину, обвиняемый в покушении на теракт на атомной станции в период нахождения там членов Международного агентства по атомной энергетике (далее – МАГАТЭ), является ярким представителем недружественной России страны. Последний в 2024 году обвинялся в совершении ряда террористических преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.4 (участие в террористическом сообществе), ч. 3 ст. 30, п. «а», «б» ч. 3 ст. 205 (покушение на теракт) и ч. 4 ст. 222.1 (незаконное хранение и перевозка взрывных устройств) Уголовного кодекса Российской Федерации.

По данным следствия, Потынга, вступив в террористическое сообщество, созданное сотрудниками военной разведки Вооруженных сил Украины (далее – ВСУ), в мае 2023 года собирал и передавал куратору данные об автомобилях, имеющих доступ на территорию Запорожской АЭС, чтобы в дальнейшем совершить теракт, сопряженный с причинением смерти сотрудникам МАГАТЭ, присутствующим на станции. Для этого Потынга забрал из тайника взрывное устройство с тротилом массой до 1 килограмма, которое потом установил на днище автомобиля, на который ему указал сотрудник ГУР Минобороны Украины [3].

Уголовный процесс по данным уголовным делам усложняется тем, что большинство террористических актов против атомной энергетики совершаются с помощью обстрелов дальнобойными ракетами (ATACMS, Storm Shadow) и 20-мм кассетными снарядами из системы залпового огня «Ураган» (разработки СССР) с территории недружественного государства. Проведение всех необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, рассмотрение уголовного дела в суде с участием подсудимых сегодня маловероятно.

Несмотря на рост преступлений против общественной и государственной безопасности в период проведения СВО, совершенных иностранными гражданами, на территории России продолжают проживать граждане недружественных стран и осуществлять здесь свою трудовую деятельность.

Граждане указанных государств обладают рядом причин и мотивов для помощи своему родному государству и совершения преступлений против государственной власти и общества России, а проведение в отношении них следственных действий проблематично в связи с латентностью преступлений и использованием мигрантами электронных и обезличенных способов связи. Так как 80 % иностранцев, как правило, указывают недос-

товерные причины приезда [1, с. 31] и проживают в России из корыстных соображений, а также с целью извлечения прибыли или полезной информации, следует пересмотреть подход к осуществлению уголовного судопроизводства в отношении таких лиц, а также миграционной политике.

Нескончаемое финансирование ВСУ странами коллективного Запада (в том числе после политических заявлений нового Президента США) приводит к эскалации и экспансии вооруженного конфликта Украины на Донбассе, что ежедневно увеличивает риск жертв среди гражданского населения новых субъектов Российской Федерации, других субъектов России. Более того, такой конфликт вызывает угрозы международной безопасности на континенте. Действия ВСУ во главе с коллективным Западом противоречат нормам гуманитарного международного права и правилам ведения боевых действий.

Неэффективность уголовно-процессуального воздействия и повышение уровня преступности среди таких иностранцев связано и с отсутствием в российском законодательстве регулирования общественных отношений в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество [2, с. 59]. Нежелание изучать культуру, историю и сущность российского народа присуще не только мигрантам из Средней Азии, но и возможно завербованных врагом граждан из «списка». Такие иностранцы пытаются привнести в общество России любовь к прозападной идеологии, в том числе продвигают ЛГБТ-движения и прочие, исторически неприсущие нашим гражданам качества.

С учетом изложенного представляется, что правовые нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части регулирования отношений иностранцев из недружественных стран на всех стадиях уголовного судопроизводства требуют урегулирования с учетов уроков СВО. В частности, необходимо внести изменения в ст.ст. 3, 455, 456–467, 469, 473.1 УПК РФ и дополнить данные статьи следующим смыслов и содержанием:

1) переориентировать требования УПК РФ в отношении иностранных граждан с позиции взаимодействия с дружественными государствами, заключившими с Российской Федерацией договор о взаимном сотрудничестве по вопросам межгосударственного розыска и уголовного преследования на многоступенчатую позицию уголовного процесса, в которой выделяются специальные процессуальные нормы для стран из «списка»;

2) в статью 3 УПК РФ внести ч. 3, ориентирующую органы предварительного и судебного следствия на работы со сложной категорией иностранных преступников, находящихся не в России, исключив иммунитеты в отношении лиц, совершивших преступления против международной безопасности (к примеру, обстрелы Запорожской и Курской АЭС);

3) заключить с дружественными государствами межгосударственные договоры о сотрудничестве по выдаче преступников, совершивших меж-

дународные преступления на территории России, независимо от гражданства и подданства и внести в ст. 456 УПК РФ изменения в части взятия под стражу таких лиц на территории иностранного государства.

По-нашему мнению, целесообразно заключение договоров по взаимной выдаче таких преступников и взятию их немедленно под стражу с Бразилией, Индией, Китаем, ЮАР, КНДР, Египтом, Ираном, Объединенными Арабскими Эмиратами, Эфиопией, Индонезией, республиками Беларусь и Узбекистан.

Между тем, обеспечение надлежащего контроля въезда иностранных граждан на территорию Российской Федерации и установления истинной причины приезда в страну, а при обстоятельствах, явно угрожающих обеспечению международной и национальной безопасности, запрета въезда граждан определенных государств, также может повлиять на снижение преступности без прямого уголовного преследования.

До тех пор, пока не будет создан беспристрастный международный уголовный суд на платформе авторитетного международного объединения, не преследующего корыстные цели, действенным способом обеспечения правосудия в условиях проведения СВО является эффективное и гибкое уголовно-процессуальное законодательство России.

Библиографический список

1. Бастрыкин А. И. Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России // Право и безопасность. 2009. № 2. С. 30–34.

2. Жубрин Р. В., Ашиткова Т. В. Противодействие созданию в Российской Федерации мест массового проживания иностранных граждан (анклавов) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2 (100). С. 53–60.

3. Обвиняемый в покушении на теракт на ЗАЭС признал вину // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20241203/zaes-1987101320.html?ysclid=m7j9xgwwey330405472 (дата обращения: 24.02.2025).

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 г. Информационно-правовой портал «Гарант.ру».

5. Мисюкевич против России (вынесено и вступило в силу 30 апреля 2015 года) : постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 63053/09. Информационно-правовой портал «Гарант.ру».

6. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия : распоряжение Правительства Рос-

сийской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р. Информационно-правовой портал «Гарант.ру».

7. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.). Информационно-правовой портал «Гарант.ру».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г.). Информационно-правовой портал «Гарант.ру».

© Поляков С. А., 2025

УДК 343.1

Потапова Е. С. – соискатель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России (Россия, г. Волгоград)

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ УЧАСТНИКОВ, ИМЕЮЩИХ В ДЕЛЕ СОБСТВЕННЫЙ ИЛИ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

TRANSFORMATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL STATUSES OF PARTICIPANTS WHO HAVE THEIR OWN OR REPRESENTED PROCEDURAL INTEREST IN THE CASE

Аннотация. В статье изложен авторский подход к уяснению явления трансформации процессуальных статусов участников уголовного процесса, которые реализуют в уголовном судопроизводстве свой интерес или представляют интересы других частных лиц. Автор разграничивает понятия «изменение процессуального статуса» и «трансформация процессуального статуса», показывает отличие трансформации процессуального статуса от совмещения в одном лице различных уголовно-процессуальных статусов.

Abstract. The article presents the author's approach to explaining the phenomenon of transformation of the procedural statuses of participants in criminal proceedings who realize their interests in criminal proceedings or represent the interests of other individuals. The author distinguishes between the concepts of "change of procedural status" and "transformation of procedural status", shows the difference between the transformation of procedural status and the combination of different criminal procedural statuses in one person.

Ключевые слова: участник уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный статус, трансформация уголовно-процессуальных статусов, процессуальный интерес, уголовно-процессуальные отношения, совмещение процессуальных статусов.

Keywords: participant in criminal proceedings, criminal procedural status, transformation of criminal procedural statuses, procedural interest, criminal procedural relations, combination of procedural statuses.

Проблематика изменения (трансформации) статусов участников уголовного процесса вообще, а лиц, которые имеют в уголовном деле собственный интерес или представляют процессуальный интерес иных участников уголовного судопроизводства, непроста, и включает в себя различные нюансы, обусловленные, в первую очередь, спецификой статуса самого участника, чей статус претерпевает изменения, а во вторую очередь, основания такой трансформации. С учетом сложности данных аспектов и ограниченности объема указанной публикации попытаемся в общих чертах обрисовать наше видение явления трансформации процессуальных статусов указанной категории акторов уголовного судопроизводства.

Прежде всего обозначим, что мы пониманием под трансформацией процессуального статуса вообще, и почему мы используем именно данный термин к предмету нашего исследования. Если исходить из этимологии слова «трансформация», то под этим словом надлежит подразумевать не просто частные, единичные количественные изменения, а изменения качественные, меняющие сущностные свойства трансформируемого объекта. Поэтому полагаем, что латинское понятие «трансформация» схоже по объему с русским словом «изменение», так как любая трансформация является изменением, но не каждое изменение можно признать трансформацией, а только кардинальную перемену свойств объекта. Именно по указанной причине мы считаем принципиальным использовать термин «трансформация» к ситуациям преобразования статуса участников уголовного процесса. Этим наша позиции отличается от подхода О. А. Зелениной, которая писала об изменении статуса участника досудебного производства [4].

Таким образом, мы будем говорить о ситуациях, когда под воздействием развития уголовно-процессуальных отношений участник уголовного процесса, имеющий в деле собственный или представляемый процессуальный интерес, приобретает иные качества, процессуальные права и обязанности, что приводит к трансформации его статуса. Развитие уголовно-процессуальных отношений, по нашему глубокому убеждению, объективный ключ к выявлению повода к трансформации статуса участника. По меткому замечанию И. И. Ахматова: «Уголовно-процессуальные правоотношения не существуют разрозненно, но всегда взаимосвязаны и взаимообусловлены – одни сменяют другие, порождая в сфере уголовного судопроизводства иные правовые связи» [5, с. 108].

Конечно, говоря об уголовно-процессуальных отношениях в таком качестве, мы должны понимать, что «возникновение и развитие уголовно-процессуального отношения в динамике связано с фактическим поведением его субъектов по реализации правового статуса (комплекса прав и обязанностей)» [5, с. 97]. Данный тезис может сместить «акцент» в наших рассуждениях на конкретные права и обязанности субъекта, которыми он априори наделяется в рамках его процессуального положения, которое, следуя тематике статьи, под воздействием такого поведения трансформируется, наделяя субъекта новыми уголовно-процессуальными качествами, позволяющими говорить о кардинальной перемене его статуса.

И здесь важно вспомнить, что в уголовно-процессуальных отношениях (которые характеризуют нередко как двухсубъектные, хотя профессор А. В. Смирнов говорит и о трехсубъектных правоотношениях [6, с. 23–34] всегда присутствует властный субъект. Именно он реализует нормы права в правоприменительном формате, вовлекая в свою деятельность частных лиц, имеющих в деле свой или представляемый интерес, придавая им формальный процессуальный статус в зависимости от того, какой конкретно интерес они отстаивают и транслируют, вступая в правоотношения. Властный субъект формализует их статус также исходя из их фактического правового положения, продиктованного обстоятельствами криминального события, с той или иной степенью точности и глубины установленными им в ходе доказательственной деятельности. Так, осуществляя проверку сообщения о преступлении, следователь или дознаватель могут вовлекать в проверочные мероприятия лицо, в отношении деяния которого не проводится соответствующая проверка, потому что криминальное событие протекало в условиях неочевидности, и лицо может давать объяснения в формате с перспективной направленностью на приобретение статуса свидетеля. Однако потом, по мере сбора доказательств и формирования фактической основы подозрения, лицо может быть привлечено по возбужденному уголовному делу в качестве подозреваемого на основании положений пп. 2–4 ч. 1 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7]. В указанном примере инициатива трансформации статуса находится всецело в руках властного субъекта. Он, с учетом следственной ситуации, сам принимает решение о введении в уголовный процесс данного лица в ином статусе.

Однако не всегда трансформация статуса участника уголовного судопроизводства обусловлена устремлениями властного субъекта. Исходя из того, что динамика уголовно-процессуальных отношений (их возникновение и развитие) обусловлена фактическим поведением по реализации прав и обязанностей всех субъектов конкретного правоотношения, нередко трансформация статуса частных лиц, имеющих в деле свой или представляемый интерес, происходит по инициативе данных частных лиц, хотя формально данную трансформацию фиксирует в процессуальных актах властный субъект. Например, законный представитель несовершеннолет-

него обвиняемого (в качестве которого выступает его родитель, усыновитель или попечитель) решил инициативно дать показания в отношении представляемого с целью установления важных обстоятельств жизни и воспитания последнего (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ). В силу того, что закон не предусматривает в качестве самостоятельного доказательства показания законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, а также не регламентирует процедуру его допроса как самостоятельного следственного действия, на период его допроса в досудебном производстве происходит трансформация его статуса – он дает показания как свидетель. При этом для судебного заседания законодатель предусмотрел возможность дачи показаний законным представителем (п. 2 ч. 1 ст. 428 УПК РФ), не обозначив его статус в этот момент и порядок получения данных показаний. Указанное обстоятельство не позволяет рассматривать его показания, даваемые в суде, в качестве самостоятельного вида доказательств, равно как считать его в период дачи таковых показаний лицом, продолжающим реализовывать статус законного представителя (иначе, по форме полученные от него показания, нельзя признать допустимыми доказательствами). Описываемая ситуация при обращении к нормам общей части уголовно-процессуального права (ч. 2 ст. 74, ст. 56 УПК РФ) вынуждает констатировать факт трансформации статуса законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в процессуальную фигуру свидетеля на период дачи им показаний как в досудебном, так и в судебном производстве. При этом данная трансформация носит временный характер, что обусловлено разовым участием упомянутого субъекта в следственных и судебных действиях познавательного характера.

Иначе выглядит ситуация, когда участник уголовного процесса, имеющий в деле свой или представляемый интерес, совмещает статусы разных участников уголовного процесса, реализуя одновременно комплекс прав и обязанностей, присущих этим различным статусам. Обратимся опять же к фигуре законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (являющегося родителем, усыновителем или попечителем последнего), который по уголовному делу может выступать одновременно и в качестве гражданского ответчика, неся бремя возмещения вреда, причиненного деянием его дочери или сына, которые еще не эмансипированы. Это не трансформация статуса, а совмещение процессуальных статусов, что обусловлено стремлением законодателя максимально гарантировать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. При этом вне зависимости от желания законного представителя, его привлекут по уголовному делу в качестве гражданского ответчика (ст. 1074 ГК РФ [8]), равно как и могут обязать законного представителя взять на себя обязанности присмотра за несовершеннолетним обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). Подругому обстоит дело с потерпевшим, который при производстве по уголовному делу подает гражданский иск, реализуя (совмещая) статусы потерпевшего и гражданского истца. В указанном случае совмещение стату-

сов инициируется частным участником уголовного судопроизводства в целях защиты своих интересов.

Инициатива трансформации статуса частного лица, имеющего в деле свой или представляемый интерес, может принадлежать и его процессуальному vis-a-vis, другому частному лицу, когда мировой судья рассматривает уголовное дело частного обвинения, по которому подсудимый подает встречное заявление, объединяемое в одном производстве с первым заявлением (ч. 3 ст. 321 УПК РФ). С учетом специфики дел данной категории, дела возбуждаются не самим судьей, а заявителем путем подачи соответствующего заявления, но процессуальное оформление факта совмещения процессуальных статусов подсудимого и потерпевшего остается на усмотрении властного субъекта – мирового судьи, который вправе соединить их в одном производстве, обеспечив реальное совмещение противоположных статусов у обоих фигурантов по делу частного обвинения.

Таким образом, на основании проведенного в данной статье анализа при первом приближении можем выявить следующие особенности трансформации уголовно-процессуального статуса частных лиц, имеющих в деле свой или представляемый интерес:

1) трансформация процессуального статуса участника уголовного процесса возникает под влиянием возникновения и развития уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых участник приобретает комплекс прав и обязанностей иного участника уголовного судопроизводства как по собственной инициативе, так и по инициативе властвующего субъекта;

2) факт трансформации процессуального статуса фиксируется в материалах уголовного дела властным субъектом;

3) трансформация процессуального статуса может носить временный характер в связи с необходимостью разового участия частного лица в следственных действиях (путем дачи показаний);

4) от трансформации процессуального статуса следует отличать совмещение процессуальных статусов, когда лицо одновременно реализует права и обязанности, предусмотренные для разных участников уголовного процесса;

5) совмещение процессуальных статусов у частных лиц возможно как по собственной инициативе, так и по инициативе властного субъекта, а также, при рассмотрении дел частного обвинения – по инициативе противоположной стороны.

Библиографический список

1. Толковый словарь иностранных слов онлайн. URL: foreign.slovaronline.com/search?s=трансформация (дата обращения: 01.03.2025).

2. Толковый словарь Д. Н. Ушакова онлайн. URL: ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=77741 (дата обращения: 01.03.2025).
3. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой онлайн. URL: https://www.efremova.info/letter/+tr.html?page=10 (дата обращения: 01.03.2025).
4. Зеленина О. А. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства и его изменение в досудебном производстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
5. Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 264 с.
6. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб. : Наука, ООО Издательство «Альфа», 2000. 224 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Потапова Е. С., 2025

УДК 343.3

Рашидов Б. Н. – начальник кафедры уголовно-процессуального права Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан, г.Ташкент)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА

ABOUT SOME ISSUES REGARDING THE IMPROVEMENT OF THE EFFECTIVENESS OF APPLYING BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с применением залога в качестве меры пресечения в уголовном процессе по законодательству Республики Узбекистан. Выделены проблемы, возникающие при его применении, а также проанализированы причины их возникновения и разработаны предложения по их разрешению.

Abstract. The article discusses issues related to the use of bail as a preventive measure in criminal proceedings under the legislation of the Republic of Uzbekistan, identifies problems arising from its application, analyzes the reasons behind these problems, and proposes solutions for resolving them.

Ключевые слова: уголовный процесс, расследование, меры пресечения, залог, дознаватель, следователь, применение мер пресечений

Keywords: Criminal process, investigation, preventive measures, bail, investigator, interrogator, application of preventive measures.

В процессе расследования уголовных дел меры пресечения, в частности залог, занимают особое место. Повышение эффективности применения залога напрямую связано с изучением проблем, возникающих в ходе его применения, с научным анализом этих проблем и выработкой конкретных решений, а также с повышением ответственности работников судебно-следственных органов, применяющих залог.

Если обратить внимание на практику применения меры пресечения в виде залога, можно столкнуться с рядом проблем. Существующие проблемы связаны с особенностями применения данной меры пресечения.

К проблемам, возникающим при применении залога, можно отнести следующие:

1. Инициатива по применению залога и получение согласия обвиняемого или лица, предоставляющего залог.
2. Определение суммы и предмета залога.
3. Порядок принятия предмета залога.
4. Хранение залогового имущества, если оно является материальными ценностями.
5. Оценка стоимости залогового имущества, если его стоимость не определена.
6. Принятие залога в виде недвижимости и передача его в государственную собственность.
7. Безответственность и неопытность сотрудников судебно-следственных органов [1, с. 47].

Согласно части первой статьи 249 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (далее – УПК Республики Узбекистан) [2], залог может быть применен только в отношении обвиняемого или подсудимого. Меры пресечения в виде залога должны быть применимы также и к подозреваемому, и следователь должен иметь возможность применить залог независимо, поскольку на первоначальной стадии уголовного дела лицо привлекается в качестве подозреваемого (или задерживается). До объявления обвинения этому лицу необходимо принять меры, чтобы оно не скрылось от предварительного расследования. Невозможность применения залога к подозреваемому следователем или дознавателем может задержать срок применения меры пресечения и привести к трудностям в ее последующем

применении или даже к отказу от применения залога. Это связано с тем, что если лицо привлекается в качестве подозреваемого и ему не разъясняются условия применения залога, после его привлечения в качестве обвиняемого и объяснения ему условий залога могут возникнуть недоразумения, что приведет к неправильному пониманию залога и его неприменению.

Для применения меры пресечения в виде залога обязательно требуется инициатива или согласие обвиняемого или стороны защиты. Требование следователя о внесении денег в качестве залога может быть воспринято обвиняемым или его близкими по-другому (например, как взятка). Поэтому в процессе расследования уголовных дел получение согласия залогодателя на применение залога представляет собой определенные сложности.

Очень важным вопросом является то, что будет предложено в качестве залога и как будет определена его сумма. Для решения этого вопроса ключевое значение имеет материальное положение обвиняемого. Поэтому следователь должен изучить его имущественное положение, то есть его имущество, доходы и расходы, или решить вопрос о привлечении другого лица для предоставления залога. Это требует от следователя дополнительных усилий, времени и труда. В таких случаях, если вопрос о применении залога предложен по инициативе следователя, это может привести к отказу от его применения.

Если в качестве залога представлено имущество, то вопрос определения его стоимости также может вызвать определенные проблемы. В этом случае необходимы знания или участие соответствующего специалиста. Этот вопрос также должен быть решен следователем и потребует определенного времени и дополнительных усилий. Все эти факторы приводят к уменьшению случаев применения залога.

Когда в уголовном деле применяется залог в виде имущества, возникает еще одна серьезная проблема – вопрос хранения этого имущества. В настоящее время телевизоры, холодильники, драгоценности и другие предметы, представленные в качестве залога, хранятся у следователя в служебном помещении или остаются на усмотрение лица, предоставившего залог. Это логически неверно, но отсутствие специального места для хранения залогового имущества заставляет следователей действовать таким образом или может привести к невозможности применения залога.

Когда в качестве залога предоставляется недвижимость, возникает вопрос ее принятия, а также решения проблемы передачи недвижимости в пользу государства в случае нарушения условий залога [3, с. 61–64]. Это связано с тем, что передача недвижимости в государственную собственность или ее конфискация требует оформления нескольких документов. Если рассматривать причины и условия возникновения вышеописанных проблем, то в первую очередь следует отметить, что проблемы, связанные

с применением залога, объективно существуют, и их решение требует от следователя опыта и высокой квалификации. Поэтому неудовлетворительное решение этих проблем связано с неопытностью следователя или с недостаточной квалификацией и навыками. Кроме того, материальное положение обвиняемого или лица, предоставившего залог, является одной из причин возникновения проблем с определением предмета и суммы залога.

Для устранения проблем, связанных с инициативой по применению залога и получением согласия обвиняемого или лица, предоставляющего залог, предлагаем ввести в законодательство правило, согласно которому при принятии решения о задержании лица или привлечении его к делу в качестве подозреваемого, ему должна быть разъяснена возможность выйти на свободу в обмен на передачу имущества в качестве залога. Такой процесс должен быть закреплен в законодательстве. Решение проблем, связанных с определением суммы и предмета залога, включает в себя сложные вопросы, такие как материальное положение обвиняемого или лица, предоставляющего залог, которое в некоторых случаях может не позволить предоставить даже минимальный размер залога. В таких ситуациях применение залога будет невозможно. Мы считаем, что для решения этих проблем в ст. 249 УПК Республики Узбекистан следует ввести новое положение, согласно которому минимальный размер залога для лиц, обвиняемых в совершении преступлений, представляющих низкую общественную опасность, не может составлять менее десяти базовых расчетных величин.

Проблемы, связанные с другими аспектами, зависят от субъективных факторов и могут быть решены путем повышения квалификации следователей, формирования необходимых навыков и усвоения передового опыта. Поэтому в первую очередь следует принять меры по объединению следователей и повышению качества их профессиональной подготовки. Для решения вопросов, связанных с принятием залога, необходимо усовершенствовать процессуальные правила принятия залога. Мы предлагаем установить отдельный порядок для приема денежных средств или иных ценных бумаг и финансовых инструментов в качестве залога, а также отдельный порядок для принятия движимого и недвижимого имущества в качестве залога. Для устранения проблем хранения имущества, предоставленного в качестве залога, необходимо выделить или построить специальные помещения для его хранения в каждом органе предварительного следствия или суде. Для решения вопросов, связанных с определением стоимости залога, целесообразно в законе установить следующую процедуру: «Если стоимость залога не определена, следователь принимает решение о его оценке, и это решение исполняется за счет лица, предоставившего залог, с участием соответствующего специалиста».

Для устранения проблем, возникающих при принятии недвижимости в качестве залога, необходимо ввести следующую процедуру, а именно: в законе должно быть предусмотрено, что при передаче недвижимости в ка-

честве залога должны быть предоставлены документы, подтверждающие наложение обременения на недвижимость или временное приостановление (ограничение) ее распоряжения. Если возникает необходимость передачи недвижимости в государственную собственность в качестве залога, этот вопрос должен быть решен судом через отдельное постановление.

На сегодняшний день нельзя считать всех работников органов судебно-следственной системы ответственными. Для повышения ответственности работников этой сферы необходимо принять определенные меры. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности применения залога.

Мы считаем, что для повышения эффективности применения меры пресечения в виде залога следует сосредоточить внимание на следующих направлениях повышения ответственности работников судов и следствия:

1) обеспечение соответствия процесса отбора и объединения кадров для должностей следователей, прокуроров и судей установленным требованиям;

2) обеспечение наличия положительной психологической и моральной атмосферы в коллективах, где работают субъекты, применяющие залог;

3) усиление механизма социально-правовой и морально-культурной защиты этих субъектов;

4) внедрение и развитие научной организации работы субъектов, применяющих залог;

5) создание определенных привилегий для субъектов, применяющих залог;

6) усиление работы по поощрению субъектов, применяющих меры пресечения в виде залога.

В целом для устранения проблем, связанных с применением залога, мы считаем целесообразным принять следующие меры:

1. Внести изменения и дополнения в действующий УПК Республики Узбекистан:

– предоставить следователям и дознавателям право независимо применять залог в отношении подозреваемого;

– обязать разъяснять лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, или лицу, привлеченному к делу в качестве подозреваемого, его право на применение меры пресечения в виде залога, а также право на освобождение через передачу залога, при этом обязательным является разъяснение этого права при объявлении решения о задержании или привлечении к делу в качестве подозреваемого;

– установить, что минимальная сумма залога для дел о преступлениях с низкой общественной опасностью или менее тяжелых преступлениях в отдельных случаях может быть меньше двадцатикратного минимального размера заработной платы;

– предусмотреть отдельный порядок для принятия денежных средств или иных ценных бумаг, а также другого имущества в качестве залога;

– определить полномочия следователя по оценке предмета залога;

– установить, что при передаче недвижимости в качестве залога в государственную собственность суд должен выносить отдельное постановление.

2. Повысить качество подготовки, квалификации и переподготовки кадров следствия, что также предусмотрено в минимальных стандартных правилах ООН, касающихся альтернативных мер, не связанных с лишением свободы (Токийские принципы, пп. 15–16) [4].

3. Популяризовать передовой опыт применения меры пресечения в виде залога.

4. Укреплять и эффективно организовывать сотрудничество между следователями, дознавателями и органами предварительного расследования при применении меры пресечения.

5. Укреплять работу по стимулированию следователей и дознавателей при выборе меры пресечения в виде залога.

6. Обеспечивать выделение специальных мест для хранения залогового имущества.

7. Постоянно оценивать правовое регулирование и применение меры пресечения, обеспечивать регулярные научные исследования и разработки в данной области, что также предусмотрено в минимальных стандартных правилах ООН по альтернативным мерам, не связанным с лишением свободы (Токийские принципы, п. 20) [4].

Общество никогда не стоит на месте и постоянно развивается, поэтому все социальные явления тоже постоянно изменяются. Соответственно, правовые нормы, регулирующие социальные процессы, должны совершенствоваться, системы должны изменяться и адаптироваться к требованиям времени. В противном случае существующий механизм может привести к кризису. Для избежания этого проводятся определенные исследования, разработки, и в результате появляются новшества. Точно так же в области уголовно-процессуальной деятельности, особенно в применении меры пресечения в виде залога, крайне важно анализировать возникающие проблемы и находить решения для их устранения. Мы считаем, что изложенные выше идеи служат этой цели.

Библиографический список

1. Рашидов Б. Н. Применение залога в качестве меры пресечения (Эҳтиёт чораси сифатида гаровни қўллаш) : научный труд. Ташкент : Академия МВД Республики Узбекистан, 2014. 153 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 22 сентября 1994 г. № 2013–XII. URL: https://lex.uz/docs/111463 (дата обращения: 16.01.2025).

3. Рашидов Б. Н. Залог в качестве меры пресечения и порядок его применения (Гаров эҳтиёт чораси ва уни қўллаш тартиби) // Вестник Академии МВД Республики Узбекистан. 2013. № 2.

4. Минимальные стандартные правила организации объединенных наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). URL: http://www.legislationline.org/ru/ (дата обращения: 17.01.2025).

© Рашидов Б. Н., 2025

УДК 343.13

Рябчиков С. А. – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF ELECTRONIC DOCUMENTS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Аннотация. Статья посвящена анализу становления и развития правового института использования электронных документов в уголовном процессе России. Рассмотрены нормы права, регулирующие применение электронных документов, их роль в обмене информацией между участниками уголовного процесса, использование в ходе досудебного производства и судебного разбирательства. Автор отмечает, что целостность и единство института обеспечиваются внутренней согласованностью его норм, регулирующих специфический вид общественных отношений, и подчеркивает относительную самостоятельность института, выраженную в выделении использования электронных документов в отдельную главу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и специальных положениях законодательства. В связи с отсутствием надлежащей технической возможности и правового регулирования для работы с электронными документами в досудебном производстве, выдвигается предложение о разработке межведомственного подзаконного акта, что позволит установить по-

рядок создания, передачи, хранения, получения и обработки электронных документов и повысить эффективность уголовного судопроизводства.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation and development of the institution of the use of electronic documents in the criminal process of Russia. The legal norms governing the use of electronic documents, their role in the exchange of information between participants in criminal proceedings, and their use during pre-trial proceedings and court proceedings are considered. The author notes that the integrity and unity of the institute are ensured by the internal consistency of its norms governing a specific type of public relations, and emphasizes the relative independence of the institute, expressed in the allocation of the use of electronic documents in a separate chapter of the Criminal Procedure Code and special provisions of legislation. Due to the lack of adequate technical capabilities and legal regulation for working with electronic documents in pre-trial proceedings, a proposal is being put forward to develop an interdepartmental bylaw that will establish the procedure for creating, transferring, storing, receiving and processing electronic documents and improve the effectiveness of criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация уголовного судопроизводства, институт использования электронных документов, электронный документооборот.

Keywords: criminal procedure, digitalization of criminal proceedings, institute of the use of electronic documents, electronic document management.

В условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации правовой системы в последние годы в уголовно-процессуальном законодательстве России наблюдаются значительные изменения, касающиеся использования электронных документов. Эти новшества не только отражают современные тенденции в правоприменении, но и способствуют развитию нового института права в уголовном процессе, который требует глубокого научного анализа.

В уголовном судопроизводстве использование электронных документов получило правовое закрепление 1 января 2017 года с появлением в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) ст. 474.1, благодаря принятию Федерального закона от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ [1]. Так, законодатель позволил применять электронные документы в деятельности органов судебной власти, что можно считать началом развития института использования электронных документов в уголовном процессе.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ [2] в УПК РФ была внесена ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», что стало неким вектором развития цифровизации и значительным шагом по внедрению информационных технологий в досудебное производство. Однако

использовать электронные документы это не позволило, так как положения статьи до сих пор содержат требования о направлении письменных, то есть бумажных документов.

25 декабря 2023 года УПК РФ был дополнен ч. 3.1 ст. 222 и ст. 474.2 [3], заложив начало правового регулирования порядка обращения с электронными документами в досудебном производстве.

Л. П. Рассказов определяет правовой институт как совокупность норм, регулирующих определенный участок (сторону) однородных общественных отношений [4, с. 299]. По мнению Л. А. Морозовой, «правовой институт – группа норм права, связанных между собой предметно-функциональными связями, регулирующими конкретный вид общественных отношений и приобретающими в силу этого относительную устойчивость и самостоятельность функционирования» [5, с. 201]. Как мы видим, главными признаками правового института выступают: специфическая совокупность норм; регулирование однородных общественных отношений; относительная устойчивость и самостоятельность.

Е. А. Джалилова, рассматривая проблемы определения понятия и сущности института права, выделяет следующие признаки, такие как: комплексность (сочетание комплекса норм, связанных между собой предметом регулирования); сфера воздействия (регулирование правовых отношений в определенной сфере); систематизация норм по предмету регулирования (объединение правовых норм, регулирующих схожие общественные отношения в определенной последовательности); единство и законодательный замысел (связывание воедино норм права по признаку общности законодательного замысла) и структурность (определение круга объектов и субъектов, а также их правовой статус в рамках тех отношений, которые он призван регулировать) [6, с. 21]. Данные выводы подтверждают мнение Л. А. Морозовой, а также выявляют такие дополнительные признаки, как целостность и единство в регулировании одного вида общественных отношений.

Институт права обладает таким признаком, как нормативная обособленность, то есть обособление образующих правовой институт норм в главах, разделах, частях, иных структурных частях закона либо иного нормативного правового акта [7, с. 116], что также может выражаться в подзаконных нормативных актах.

Стоит согласиться с мнением Д. Е. Петрова о том, что «применительно к системе права процессы дифференциации и интеграции ведут к усложнению структуры права, образованию новых структурных элементов: норм, институтов, отраслей, появлению новых внутренних связей. Простейший пример дифференциации – это появление новой разновидности норм права, а интеграции – это объединение ряда норм в единый комплекс, в институт права» [8, с. 105].

В то же время Д. Е. Петров при определении признаков института права особое внимание обращает на тот факт, что последний не может состоять только из одной правовой нормы, отмечая ее совокупность или комплексность юридических норм [8, с. 81], и с этим нельзя не согласиться.

Тенденции изменений, вносимых в уголовно-процессуальное законодательство в части регламентации использования электронных документов в судебном и досудебном производствах, позволяют сделать вывод о том, что в уголовно-процессуальном праве развивается институт использования электронных документов.

Правовой институт представляет собой основной элемент отрасли права, первичное, самостоятельное структурное подразделение отрасли, где правовые нормы группируются по их юридическому содержанию [9, с. 68], что подтверждается совокупностью норм в главе 56 УПК РФ (ст.ст. 474, 474.1 и 474.2). Исследуя закономерности изменений уголовно-процессуального законодательства по использованию электронных документов, выделим признаки данного правового института.

1. Наличие специфической совокупности норм. Статьи 474.1 и 474.2 УПК РФ устанавливают правовую основу для использования электронных документов в уголовном процессе. Эти нормы определяют: порядок использования электронных документов в ходе судебного (ст. 474.1 УПК РФ) и досудебного (ст. 474.2 УПК РФ) производств, включающие порядок создания, подписания и направления электронных документов участниками уголовного судопроизводства.

2. Однородность регулируемых отношений. Нормы, регулирующие использование электронных документов в уголовном процессе, нацелены на отношения, связанные с развитием электронного документооборота, а именно: обмен информацией в электронном виде между участниками процесса; использование электронных документов в ходе производства по уголовному делу и судебному разбирательству; обеспечению безопасности и достоверности электронных документов.

3. Целостность и единство. Институт характеризуется целостностью, так как его нормы имеют внутреннее единство и направлены на регулирование одного вида общественных отношений – использования электронных документов в уголовном процессе.

4. Относительная самостоятельность. Использование электронных документов выделено в отдельную главу 56 УПК РФ. Это подчеркивает самостоятельность института и обособленность внутри уголовно-процессуального права.

5. Нормативная обособленность. Нормы, регулирующие использование электронных документов в уголовном процессе, выделены в отдельных положениях уголовно-процессуального законодательства (ч. 3.1 ст. 222, ч. 2 ст. 393). Кроме того, порядок использования электронных документов в судебном производстве отдельно закреплен в подзаконном акте – Постанов-

лении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

На основании вышеизложенного мы считаем, что институт использования электронных документов в уголовном процессе – это совокупность правовых норм и положений уголовно-процессуального права, регулирующих порядок использования электронных документов на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Отмечая развитие института использования электронных документов в уголовном процессе отметим, что законодателем предоставлено право работать с электронными документами в досудебном производстве (ст. 474.2 и ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ), хотя отсутствует и «техническая возможность», и надлежащее правовое регулирование, в то время как порядок использования электронных документов в уголовном процессе тесно связан с «технической возможностью» их создания, передачи, хранения, получения и обработки. В связи с этим представляется важным разработать подзаконный акт (по аналогии с уже имеющимися) [10], утвердив «Инструкцию по работе с электронными документами при производстве по уголовным делам» для обеспечения «технической возможности» работы с электронными документами в досудебном производстве, под которой понимается порядок создания, передачи, хранения, получения и обработки. Это должен быть межведомственный приказ государственных органов с отражением наиболее значимых аспектов межведомственного электронного взаимодействия.

В заключение можно отметить, что внедрение электронных документов в уголовный процесс является важным шагом в развитии правовой системы России, соответствующим современным требованиям цифровизации. Изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, касающиеся использования электронных документов, подчеркивают необходимость адаптации правовых норм к новым условиям, что, в свою очередь, требует глубокого научного анализа и систематизации.

Правовой институт использования электронных документов в уголовном процессе представляет собой сложную совокупность норм, которые регулируют порядок их применения на различных стадиях уголовного судопроизводства. Основные признаки этого института, такие как специфическая совокупность норм, однородность регулируемых отношений, целостность и единство, а также нормативная обособленность, подтверждают его самостоятельность и значимость в рамках уголовно-процессуального права.

Существуют определенные проблемы, связанные с отсутствием надлежащего правового регулирования и технической возможности для полноценного использования электронных документов. Полномасштабная

реализация института использования электронных документов в досудебном производстве по уголовным делам требует выполнения надлежащих правовых, технических и организационных условий. Закрепление правовых возможностей на уровне закона позволит обеспечить реализацию конституционных прав и свобод, исключить произвольность и сформировать единообразие правоприменительной практики. Подзаконные акты, в свою очередь, будут способствовать оперативному реагированию на изменения (совершенствование) технологий и уточнению процедурных моментов без внесения постоянных изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон.

Таким образом, дальнейшее развитие института использования электронных документов в уголовном процессе требует комплексного подхода, включающего как правовые, так и организационно-технические аспекты, что позволит повысить эффективность и безопасность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 70.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 53.

4. Рассказов Л. П. Теория государства и права : углубленный курс : учебник / Л. П. Рассказов. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2015. 559 с.

5. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Российское юридическое образование, 2010. 384 с.

6. Джалилова Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права / Е. А. Джалилова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 2. С. 22–31.

7. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 520 с.

8. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.

9. Основы государства и права : учебное пособие для вузов / С. А. Комаров [и др.]; под общей редакцией С. А. Комарова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 660 с.

10. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем : приказ Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21 августа 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Рябчиков С. А., 2025

УДК 340.63.7:343.95

Самородов А. В. – профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, профессор

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОМПЛЕКСНЫХ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

PROCEDURAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF COMPREHENSIVE FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATIONS OF MINORS

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные показания к назначению психолого-психиатрических экспертиз в отношении несовершеннолетних. Описываются затруднения, возникающие при использовании специальных знаний в области судебной психологии и психиатрии при решении вопроса о вменяемости, процессуальной дееспособности, отставания в психическом развитии несовершеннолетних. Рассматриваются вопросы применения системного подхода при расследовании преступлений, в которых несовершеннолетние выступают в роли обвиняемых, свидетелей или потерпевших, оптимизации выбора вида экспертизы, формирования качественного состава экспертной комиссии.

Abstract. The article examines the most common indications for the appointment of psychological and psychiatric examinations in relation to minors. The difficulties arising from the use of special knowledge in the field of forensic psychology and psychiatry in solving the issue of sanity, procedural capacity, and mental retardation of minors are described. The issues of applying a syste-

matic approach to the investigation of crimes in which minors act as defendants, witnesses or victims, optimizing the choice of the type of examination, and forming a qualitative composition of the expert commission are considered.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, несовершеннолетний, отставание в психическом развитии, невменяемость, процессуальная недееспособность.

Keywords: forensic examination, expert, minor, mental retardation, insanity, procedural incapacity.

Общественно опасные деяния, совершенные несовершеннолетними, нередко вызывают затруднения в плане судебно-психиатрической оценки их вменяемости и процессуальной дееспособности [4, с. 106]. При производстве экспертизы подлежит доказыванию наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу; связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда (ст. 434 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [1].

Число лиц, которым требуется помощь психиатра, резко возрастает с учащением социальных катаклизмов и усилением политизации общества, что является индикатором социального неблагополучия. Нарушение психических функций особенно ярко проявляется у несовершеннолетних, нервная система и психика которых еще находятся на стадии формирования. В учреждениях уголовно-исполнительной системы содержатся до 60 % осужденных, имеющих психические расстройства. По экспертным оценкам в настоящее время в местах лишения свободы в психолого-психиатрической помощи нуждается каждый третий осужденный. При целенаправленном обследовании диагностированы те или иные психические нарушения у 72 % убийц, из них более половины (51 %) нуждается в психокоррекционных мероприятиях. В этой связи главенствующее значение приобретает знание основ судебной психиатрии, умение применять специальные знания в данной области для раскрытия и расследования преступлений, а также профилактики совершения общественно опасных деяний лицами, имеющими отклонения. Незнание основ судебной психиатрии, неумение взаимодействовать со специалистами негативным образом влияют на эффективность расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также уголовных дел, в которых данная категория граждан выступает в роли потерпевших.

При проведении судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних устанавливается вменяемость в уголовном процессе в отношении совершения деяния в определенный промежуток времени. Имеющиеся данные об отклонениях в психическом развитии у несовершеннолетнего

свидетельствуют о необходимости оценки способности подэкспертного в полной мере осознавать характер совершаемых им действий и/или руководить ими, а также способность прогнозировать последствия своих поступков. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних относится к разряду сложных по ряду методологических и процессуальных аспектов.

Проблемы методологического характера обусловлены сложностями психодиагностики вследствие незрелости психических процессов, пубертатных кризов несовершеннолетних. Это обуславливает необходимость обязательного включения в комиссию, помимо врачей, психиатров-экспертов, эксперта-психолога. При проведении судебной психолого-психиатрической экспертизы в уголовном процессе устанавливается вменяемость в момент совершения деликта или процессуальная дееспособность (вменяемость) на момент экспертизы.

Частью 3 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации регламентируется вопрос освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего, достигшего определенного возраста, когда он подлежит ей по определенным статьям: «Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности». Принудительные меры медицинского характера (не путать с психокоррекционными и воспитательными мероприятиями) в отношении данного лица также не применяются [2].

К основаниям повода для назначения судебно-психиатрической экспертизы относят:

− обращение за психиатрической помощью (амбулаторной, стационарной);

− прохождение психиатрической экспертизы;

− перенесенное воспаление головного мозга (энфефалит) и/или его оболочек (менингит), а также тяжелых черепно-мозговых травм (ушиб мозга;

− отставание в психическом развитии;

− ходатайство родственников или самого обвиняемого;

− подозрение на наличие психического расстройства у обвиняемого, возникшее у сотрудников правоохранительных органов в ходе проведения следственных действий (неадекватное поведение), изучении материалов дела (жестокость или нелепость противоправного деяния).

В каждом субъекте Российской Федерации существуют амбулаторные судебно-психиатрические экспертные комиссии. Производство стационарных судебно-психиатрических экспертиз реализуется только в 23 субъектах Российской Федерации, в том числе, в Республике Башкорто-

стан. К редко назначаемым формам экспертиз относится экспертиза в кабинете следователя, которая носит характер консультации о вменяемости (процессуальной дееспособности) подэкспертного лица и необходимости назначения судебно-психиатрической экспертизы в амбулаторной или стационарной формах.

Первый и второй этапы (обследование лица и изучение сопроводительной документации) амбулаторной экспертизы составляют в совокупности 20 дней, а стационарной экспертизы – 30 дней. На третий этап (оформление заключения) при амбулаторной и стационарной экспертизах отводится до 10 дней [3]. Кроме того, следует учитывать перегруженность амбулаторных судебно-психиатрических экспертных комиссий, что обуславливает отсроченность их производства в ряде случаев достигающее 14 дней, и нивелирует разницу в фактических сроках получения результатов экспертного исследования. Амбулаторная экспертиза проводится, как правило, при известном психическом расстройстве, не имеющим развития (олигофрения), когда подэкспертный ранее наблюдался у психиатра. В иных случаях особенности психического развития несовершеннолетних обуславливают необходимость их более тщательного исследования с наблюдением в динамике, что обуславливает целесообразность назначения стационарных экспертиз для данной категории граждан. В то же время реализация намерений назначения стационарной экспертизы имеет процессуальные затруднения, связанные с необходимостью получения согласия родственников, что нередко способствует назначению следователем амбулаторной экспертизы.

Итак, рассуждения показывают необходимость обязательной психолого-психиатрической стационарной экспертизы в отношении несовершеннолетних, не страдающих олигофренией. Назначение подобного рода экспертиз не окажет негативного влияния на сроки следствия, будет способствовать более объективной экспертной оценке подэкспертных.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Васильченко А. В. К вопросу об использовании специальных знаний в области психологии, сексологии и психиатрии при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств / А. В. Васильченко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (92). – С. 106–112.

© Самородов А. В., 2025

УДК 343.1

Саханова Н. Т. – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан, ассоциированный профессор (доцент) (Республика Казахстан, г. Актобе);
Молдыбаева Р. Б. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук, (Республика Казахстан, г. Актобе)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ELECTRONIC FORMAT OF LEGAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Аннотация. Внедрение электронного формата судопроизводства в Республике Казахстан является важным этапом цифровизации следственно-судебной системы, направленным на повышение ее эффективности, прозрачности и доступности. В работе рассматриваются ключевые проблемы, возникающие при переходе на электронное судопроизводство, включая технические сбои и вопросы информационной безопасности. Анализируются перспективы дальнейшего развития цифровых следственно-судебных процессов, такие как совершенствование законодательной базы, внедрение искусственного интеллекта и развитие интеграции с другими государственными сервисами. Делается вывод о необходимости ком-

плексного подхода к решению проблем для успешной реализации электронного правосудия в Казахстане.

Abstract. The introduction of the electronic format of legal proceedings in the Republic of Kazakhstan is an important stage in the digitalization of the judicial system, aimed at increasing its efficiency, transparency and accessibility. The work examines the key problems that arise during the transition to electronic legal proceedings, including technical failures and information security issues. The prospects for further development of digital judicial processes, such as improving the legislative framework, introducing artificial intelligence and developing integration with other government services, are analyzed. A conclusion is made about the need for an integrated approach to solving problems for the successful implementation of electronic justice in Kazakhstan.

Ключевые слова: электронное судопроизводство, цифровизация, судебная система, следствие, информационная безопасность, искусственный интеллект, судебные технологии, законодательное регулирование, электронный формат.

Key words: electronic legal proceedings, digitalization, judicial system, information security, artificial intelligence, judicial technologies, legislative regulation, electronic format.

В последние годы Республика Казахстан активно внедряет цифровые технологии в различные сферы государственного управления, включая как следственную, так и судебную систему. Одним из ключевых направлений данной трансформации является переход к электронному судопроизводству, что отвечает стратегии цифровизации и концепции «Слышащего государства». Введение таких сервисов, как «ЕРДР», «Е-уголовное дело» «Суд кабинет», электронный документооборот, видеоконференц-связь и автоматизированное распределение дел, позволило значительно ускорить процесс рассмотрения судебных споров, снизить нагрузку на суды и обеспечить более удобный доступ к правосудию для граждан и организаций.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, электронный формат судопроизводства сталкивается с рядом проблем. Среди них можно выделить технические сбои и недостаточную защищенность данных, отсутствие единой интегрированной платформы для взаимодействия всех участников процесса, низкий уровень цифровой грамотности у некоторых пользователей, а также необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования. Эти проблемы требуют комплексного подхода и системных решений, направленных на дальнейшее развитие цифрового правосудия и его адаптацию к современным вызовам.

Дальнейшее совершенствование электронного судопроизводства в Казахстане позволит не только повысить эффективность работы судебно-следсвенной системы, но и укрепить доверие граждан к правосудию за счет повышения его прозрачности, доступности и удобства. В Послании

народу Казахстана от 31 января 2017г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев подчеркнул необходимость ориентирования всей государственной службы на потребности граждан, что предполагает расширение сферы цифровизации.

В рамках данного послания была разработана государственная программа «Цифровой Казахстан», основными целями которой стали ускорение темпов развития экономики республики и улучшение качества жизни населения за счет использования цифровых технологий.

Вместе с тем необходимо констатировать: вопросы цифровизации правоохранительной деятельности освещаются фрагментарно [1].

Для большинства современных стран мирового сообщества, в том числе и Республики Казахстан, использование цифровых технологий стало ежедневной реальностью. Правоохранительная система в данном направлении долгое время демонстрировала серьезное отставание, что обусловлено целым рядом объективных причин, связанных со спецификой и четкой формализацией деятельности, необходимостью соблюдения особых правил делопроизводства, фиксацией и верификацией документов.

В настоящеее время правоохранительная сфера становится активным реципиентом достижений в области информационных технологий, позволяющих оптимизировать деятельность правоохранительных органов. Республика Казахстан уделяет особое внимание разработке, внедрению и апробации информационно-коммуникационных технологий, а также оказывает повсеместную поддержку данного направления.

В современных условиях и нынешних реалиях обсуждаемая нами тема как нельзя актуальна, потому что совершенствование уголовного судопроизводства прочно связано с внедрением в него цифровых технологий, применяемых в данное время.

Использование информационно-коммуникационных технологий непосредственно в деятельности органов досудебного расследования МВД РК связано с утвержденным приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2, Инструкцией о ведении уголовного судопроизводства в электронном форматеь (далее — Инструкция Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате) [2].

Реальность такова, что с принятием в 2014 г. Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), начиная с 2015г. в стране последовательно реализована электронная форма делопроизводства по уголовным делам. В соответствии с инициативой «Цифровизация правоохранительных органов и судов» Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 г. закреплено положение о том, что «уголовные, гражданские и административные дела в Республике Казахстан будут поэтапно переводиться в электронный формат»[3].

Для реализации указанных предписаний в декабре 2017 г. в УПК РК внесены изменения, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате [4].

Необходимо отметить, что сегодня в электронной форме рассматриваются все категории уголовных дел – от уголовных проступков, преступлений небольшой тяжести, преступлений средней тяжести до тяжких и особо тяжких преступлений. При этом выбор формы судопроизводства – электронной или бумажной – остается правом следователя, в УПК РК эта мысль сформулирована следующим образом: лицо, ведущее уголовный процесс, с учетом мнения участников уголовного процесса и технических возможностей, вправе вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление. В этот формат вовлечены, помимо следователя, все участники уголовного процесса, то есть сегодня созданы необходимые информационные ресурсы, позволяющие это применять.

Как показывает судебно-следственная практика, из года в год растет количество дел, расследуемых в электронном формате. Об этом также свидетельствует статистика за 2024 год. Из 121 590 начатых досудебных расследований в электронном формате ведется 114 523 дел, что составляет около 94 % от общего количества.

С введением электронного формата уголовного судопроизводства в Республике Казахстан уже можно выводить определенные закономерности.

Во-первых, физически сокращен процессуальный документооборот; во-вторых, стало более быстрым движение уголовных дел из одной стадии уголовного процесса в другую; в-третьих, повысилась эффективность ведомственного контроля, прокурорского надзора, судебного контроля над досудебным расследованием, обеспечивается информирование надзирающего прокурора о принимаемых по электронному уголовному делу процессуальных решениях и предусматривается процедура проверки законности, согласования и утверждения процессуальных решений органов, ведущих уголовный процесс, созданы и технически реализованы методы противодействия коррупции по уголовным делам, практически исчезла «почва» для фальсификации материалов уголовного дела, согласование решения, получение санкции теперь не требуют физического присутствия следователя перед прокурором и следственным судьей. Опять же, эта проблема решена с внедрением электронного формата производства по уголовным делам. В рамках расследуемых дел происходит быстрый, и, замечу, защищенный обмен информацией, прежде всего между органами, ведущими уголовный процесс, так сконструированы соответствующие программы в рамках модуля «Е–уголовное дело».

Далее в установленном порядке, через информационные сервисы Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной

прокуратуры нашей страны, к материалам дела имеют доступ адвокаты и представители, которые могут в любое время в онлайн режиме ознакомиться с ходом расследования и рассмотрения уголовного дела, а также облегчить процедуру подготовки и оформления процессуальных документов, что свидетельствуют об открытости и прозрачности уголовного процесса.

Наряду с перечисленными плюсами для участников процесса модуль «Электронное уголовное дело» предусматривает возможность получать процессуальные документы в режиме онлайн, подавать жалобы и ходатайства.

С помощью функционала «Электронная жалоба» подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший вправе подать жалобы на действия (бездействие) следователя, дознавателя, прокурора в электронном формате.

Электронный формат рассмотрения уголовных дел направлен на упрощение и повышение качества уголовного процесса, позволяет сократить сроки расследований и финансовые затраты, снижает риски фальсификации материалов дела, облегчает процесс проведения судебных заседаний, ускоряет процесс рассмотрения уголовного дела, сокращает время для работы судебных органов и всех участников судебного процесса.

Модуль «Электронное уголовное дело» разработан на базе информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» и охватывает все стадии уголовного процесса, начиная с регистрации уголовного правонарушения, расследования уголовного дела и завершая исполнением приговора суда.

Так, важнейший принцип деятельности любого суда – это его независимость. Внедрение современных информационных технологий в уголовном процессе имеет положительные аспекты и оказывает положительное влияние в данной сфере.

Уголовные дела в электронном формате, являющиеся электронными аналогами бумажного уголовного судопроизводства, автоматизированы для рассмотрения и распределяются судьям посредством информационной системы «Төрелік» Верховного суда Республики Казахстан.

Судебное заседание по таким делам проводится в зале судебного заседания, оборудованном специализированной организационной техникой, обеспечивающей всем участникам уголовного процесса доступ к материалам электронного дела, а также дающей возможность вести заседание удаленно по средством гаджетов.

Особенность электронного формата состоит в том, что информационная система хранит материалы уголовного дела в цифровом виде и имеет высокий уровень безопасности. Все процессуальные документы имеются в электронной карточке, судебные акты своевременно вкладываются в базу суда и имеют электронную цифровую подпись должностных лиц и участников процесса.

На сегодняшний день в Казахстане ведется активная работа по внедрению «электронного уголовного дела» в систему правоохранительных органов. Это позволяет ускорить процесс обработки и передачи информации, упростить доступ к материалам дела, а также сделать судебный процесс более прозрачным и эффективным для всех участников.

Библиографический список

1. Третья модернизация Казахстана : глобальная конкурентоспособность : послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. 2017. 31 янв.

2. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3января 2018 г. №2 // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан в электронном виде. 2018 (дата обращения: 20.03.2025).

3. Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых Указов Президента Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636 // Казахстанская правда. 2018. 20 февр.

4. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности : закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. 22 дек.

© Саханова Н. Т., 2025
© Молдыбаева Р. Б., 2025

УДК 343.1

Саханова Н. Т. – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан, ассоциированный профессор (доцент), (Республика Казахстан, г. Актобе);
Жумагулов А. Г. – магистрант 1 курса Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан, (Республика Казахстан, г. Актобе)

БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: НОВЫЕ МЕТОДЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE FUTURE OF DIGITAL FORENSICS: NEW METHODS OF CYBERCRIME INVESTIGATION

Аннотация. Цифровая криминалистика играет ключевую роль в расследовании киберпреступлений, которые становятся все более сложными и изощренными. Развитие технологий требует внедрения новых методов анализа цифровых доказательств, машинного обучения, искусственного интеллекта (ИИ) и блокчейн-технологий. В данной статье рассматриваются перспективные направления цифровой криминалистики, а также вызовы, с которыми сталкиваются эксперты в этой области.

Abstract. Digital forensics plays a key role in the investigation of cybercrimes, which are becoming increasingly complex and sophisticated. Technology development requires the introduction of new methods for analyzing digital evidence, machine learning, artificial intelligence (AI), and blockchain technologies. This article examines promising areas of digital forensics, as well as the challenges faced by experts in this field.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая криминалистика, следы, криминалистика, информационно-телекоммуникационные технологии, программы, уголовное дело, фотографии, видеозаписи, киберподразделений.

Keywords: cybercrime, digital forensics, traces, forensics, information and telecommunication technologies, programs, the criminal case, photos, videos, cyber divisions.

В эпоху цифровой трансформации киберпреступность развивается стремительными темпами, что усложняет работу правоохранительных органов. Традиционные методы расследования зачастую оказываются недостаточно эффективными, что стимулирует разработку новых подходов. Ос-

новными тенденциями будущего цифровой криминалистики становятся автоматизация, интеграция искусственного интеллекта (далее – ИИ), анализ больших данных и применение инновационных алгоритмов для выявления аномалий в цифровых системах.

Цифровая криминалистика – это область криминалистики, которая занимается расследованием преступлений, связанных с использованием цифровых устройств и киберпространства. С развитием технологий методы расследования киберпреступлений постоянно совершенствуются.

Основные трудности, с которыми сталкиваются эксперты по кибербезопасности:

1. Рост объемов данных. Цифровые следы преступников становятся все более сложными для анализа.

2. Шифрование и анонимность. Использование VPN, TOR и криптовалют затрудняет отслеживание преступников.

3. Недостаток квалифицированных кадров. Высокий спрос на специалистов в области цифровой криминалистики.

4. Юридические барьеры. Законодательство не всегда успевает за технологическими изменениями.

Перспективные методы расследования киберпреступлений.

Искусственный интеллект и машинное обучение: ИИ способен анализировать огромные объемы данных и выявлять закономерности, недоступные человеку. Машинное обучение используется для:

– обнаружения мошеннических транзакций;

– анализа поведения пользователей в сети;

– предсказания потенциальных атак.

Блокчейн обеспечивает прозрачность и неизменность записей, что делает его полезным для:

– отслеживания финансовых операций;

– защиты цифровых доказательств от подделки;

– проверки подлинности документов.

Автоматизированный анализ цифровых следов, использование программных комплексов, таких как Autopsy, EnCase и FTK, позволяет эффективно анализировать данные с жестких дисков, мобильных устройств и облачных хранилищ.

Стоит отметить, что современные реалии четвертого этапа научно-технической революции обуславливают рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, статистические данные Генеральной прокуратуры за последние пять лет свидетельствуют об увеличении более чем в десять раз количества преступлений в киберпространстве. Изучение цифровой криминалистики в контексте поиска эффективных методов и средств выявления, раскрытия и расследования такого рода преступлений является неотъемлемой частью обеспечения национальной безопасности государства.

Профессор В. Б. Вехов, глубоко исследующий проблемы цифровизации криминалистики, предлагает ввести в оборот термин «электронная криминалистика», под которой понимает систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях расследования преступлений. Он предлагает в рамках частной криминалистической теории объединить криминалистическое исследование и использование компьютерной информации, средств ее обработки; тактику производства следственных действий, направленных на получение электронных доказательств; разработку автоматизированных методик расследования преступлений [1, с. 51–52].

Представляется возможным условно выделить несколько сформировавшихся направлений, связанных с использованием цифровых технологий в процессе раскрытия, расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде:

1. Подготовка электронных версий процессуальных и иных документов с последующим их распечатыванием и копированием на принтере.

2. Цифровая фотография и видеозапись как форма дополнительной фиксации процессуальных действий.

3. Пересылка и обмен электронными документами между подразделениями и отдельными ведомствами правоохранительных органов.

4. Автоматизация рабочего места (далее – АРМ) следователя посредством использования специальных компьютерных программ.

5. Использование компьютерных программ для проведения различных судебных экспертиз.

6. Использование цифровых технологий на различных стадиях рассмотрения уголовных дел в судах (видеозапись и онлайн-конференции судебных заседаний, подача процессуальных документов в электронном виде в суд, возможность отслеживания порядка прохождения судебных документов, информационные порталы Верховного суда Республики Казахстан).

7. Внедрение в практику расследования преступлений «электронных уголовных дел», что предполагает полный переход бумажного делопроизводства на электронный документооборот [2, с. 327]

С. В. Зуев в статье «Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы» указывает, что сегодня наиболее перспективным направлением видится переход на фиксацию следственных действий с помощью технических средств и к сохранению результатов в электронном виде, широкому применению дистанционных форм проведения процессуальных действий. Предлагает разработку пилотного проекта «Электронное уголовное дело» и апробацию его в отдельных субъектах РФ [3, с. 118].

В настоящее время в Казахстане проводится глубокая цифровизация уголовного судопроизводства. Осталось внедрить 100-процентное электронное расследование, перейти на формирование уголовных дел в режиме «электронное дело» от момента регистрации преступления до его направления в суд.

Сегодня в следственной практике при проведении ряда следственных действий (допросов, очных ставок, опознания, осмотра предметов и документов и др.), вынесении постановлений (о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения и т. п.) создают электронные документы. Компьютер используется как пишущая машинка, наличие шаблонов существенно облегчает работу по составлению документа. При внедрении режима электронного уголовного дела не было бы необходимости дублирования этих документов на бумажный носитель. Следователи обеспечены специальным графическим планшетом «Стилус» для ввода подписи следователя, свидетеля, обвиняемого и других участников следственного действия в электронном документе.

Такие следственные действия, как осмотр места происшествия, следственный эксперимент, проверка показаний на месте благодаря цифровизации обеспечены специальными техническими средствами, например, фотоаппаратом и видеокамерой, что позволяет зафиксировать на них найденные вещественные доказательства. В уголовном судопроизводстве фототаблицы следственных действий, имеющие к отношение к делу, могут быть загружены в электронное уголовное дело. Это делается для систематизации доказательств, упрощения доступа к информации и обеспечения прозрачности процесса расследования. В базу единого реестра досудебных расследований (далее – Веб-ЕРДР) фототаблицы могут быть загружены в формате PDF.

Средствами электронной фиксации могут выступать цифровая фотография и видеозапись. Не нужно будет составлять традиционный протокол осмотра места происшествия, достаточно лишь оформить краткий протокол с указанием участников осмотра и его результатов (о том, какие следы обнаружены и изъяты). Роль следователя будет сводиться к организации и порядку проведения осмотра, оформления электронного документа с приложением цифровой фотографии или видеозаписи, направлении их в электронную базу документов. На специалиста-криминалиста будет возложена обязанность по применению цифровой фотографии, обнаружению и фиксации следов преступления, их изъятию и упаковке.

Возможно, с учетом объема работы потребуется привлечение большего числа специалистов-криминалистов. Изъятые с места происшествия объекты в дальнейшем могут сопровождаться в адрес экспертной службы в виде электронного постановления о назначении судебной экспертизы.

В последние годы в Казахстане наблюдается активное развитие цифровой криминалистики, направленное на эффективное противодействие

киберпреступности и обеспечение общественной безопасности. В мае 2023 года Министерство внутренних дел Республики Казахстан представило первую в стране цифровую криминалистическую лабораторию – Digital Crime Lab (DCL). Эта современная лаборатория предназначена для анализа доказательств и специализируется на расследовании преступлений с использованием цифровых следов. Благодаря новым технологиям, специалисты могут оперативно проводить компьютерно-технические исследования и идентификацию лиц по биометрическим признакам на фото- и видеоматериалах.

В данный момент для расследования и сбора первоначальных материалов в киберпреступлений, также изъятия доказательств, нужно в рамках повышения квалификации сотрудникам органов внутренних дел Республики Казахстан (далее – ОВД РК) проходить специализированное обучение по выявлению и расследованию киберпреступлений. Программа обучения включает в себя изучение методов цифровой криминалистики, анализа вредоносного программного обеспечения и противодействия интернет-мошенничеству. Особое внимание уделяется расследованию финансовых киберпреступлений, в том числе мошенничеству с банковскими картами и криптовалютами. Сотрудники осваивают современные инструменты кибермразведки и методы отслеживания преступников в даркнете. Обучение проводится в сотрудничестве с международными экспертами и включает практические тренинги по выявлению киберугроз. Регулярные курсы и семинары помогают оперативникам адаптироваться к новым видам интернет-преступлений. В рамках подготовки рассматриваются кейсы реальных преступлений и применяются симуляции атак для выработки эффективных стратегий противодействия. Современные технологии требуют от сотрудников ОВД РК глубокого понимания цифровых доказательств и методов их сбора. Важно не только расследовать киберпреступления, но и проводить профилактическую работу среди граждан по защите персональных данных. Обучение сотрудников ОВД РК в сфере кибербезопасности играет ключевую роль в обеспечении цифровой безопасности страны.

В Казахстане при расследовании интернет-мошенничеств недостаточно активно задействуют IT-специалистов, это может негативно сказаться на эффективности выявления и пресечения таких преступлений. Современные киберпреступления требуют глубокого понимания технологий, поэтому сотрудничество с IT-экспертами становится неотъемлемой частью расследований. Привлечение специалистов по компьютерным технологиям помогает правоохранительным органам не только раскрывать преступления, но и разрабатывать превентивные меры защиты от киберугроз. Цель создания специализированных киберподразделений – ввод в структуру ОВД специализированных отделов, в которых будут работать эксперты по кибербезопасности и цифровой криминалистике. Привлече-

ние IT-специалистов способствует налаживанию сотрудничества с частными IT-компаниями, университетами и экспертами в области информационной безопасности для анализа данных и поиска преступников.

Цифровая криминалистика – это динамично развивающаяся область, требующая постоянного совершенствования методов расследования. Искусственный интеллект, блокчейн и автоматизированные системы анализа данных открывают новые возможности в борьбе с киберпреступностью. Однако для эффективного применения данных технологий необходимы совместные усилия специалистов, законодателей и научного сообщества. Только комплексный подход позволит правоохранительным органам эффективно противостоять современным киберугрозам.

Библиографический список

1. Вехов В. Б. Электронная криминалистика в XXI веке : тенденции развития // Криминалистика – наука без границ : традиции и новации : материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / сост. О. С. Лейнова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 51–54.

2. Сотников К. И. Цифровая криминалистика : понятие, место, перспективы // Криминалистика – наука без границ : традиции и новации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 327–330.

3. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства : проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123.

4. Скобелин С. Ю. Цифровая криминалистика : объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42–44.

5. Гриб В. Г., Тюнис И. О. Криминалистика и цифровые технологии // Российский следователь. 2019. № 4. С. 9–12.

6. Яковлев А. Н. Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений в современном информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12–13 апреля 2018 г.) / Следственный комитет Республики Беларусь; редкол.: С. Я. Аземша [и др.]. Минск : редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 357–362.

7. Мещеряков В. А. Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. 2014. № 4 (15). С. 231–241.

© Саханова Н. Т., 2025
© Жумагулов А. Г., 2025

УДК 343.1

Свяженина А. А. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК ГУМАННОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

ON OPTIMIZING THE APPLICATION OF THE INSTITUTE OF A JUDICIAL FINE AS A HUMANE POSSIBILITY TO TERMINATE CRIMINAL PROSECUTION

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам прекращения уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа. В данной статье автором предпринята попытка исследования сущности категории «альтернативы уголовного процесса», проанализированы объективные и субъективные условия применения данного альтернативного основания, а также предложены решения для оптимизации действующего российского уголовно-процессуального законодательства.

Abstract. This article is devoted to the issues of termination of criminal prosecution in connection with the imposition of a judicial fine. In this article the author has made an attempt to study the essence of the category “alternative grounds of criminal procedure”, analyzed the objective and subjective conditions for the application of this alternative ground, and proposed solutions to optimize the current Russian criminal procedural legislation.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, альтернативы уголовного процесса, судебный штраф, условие «впервые», преступления небольшой или средней тяжести, ущерб, загладило причиненный вред, несовершеннолетние.

Keywords: termination of criminal prosecution, alternatives of criminal proceedings, judicial fine, condition “for the first time”, crimes of small or medium gravity, damage, zaladilo caused harm, minors.

Современный уголовный процесс отличается активным использованием различных альтернативных способов реагирования государства на преступные деяния. Эти методы дают возможность устранить последствия преступлений без применения стандартных уголовно-процессуальных механизмов. В научной литературе подобные подходы чаще всего называют альтернативами уголовному преследованию, позволяющими либо изначально урегулировать конфликт вне рамок уголовного процесса, избегая необходимости возбуждения уголовного преследования, либо прекратить уже начатое преследование на определенной стадии, даже при наличии

всех законных оснований для его продолжения. Такие альтернативные меры чаще всего используются в случаях преступлений, не представляющих высокой степени общественной опасности, последствия которых могут быть компенсированы путем возмещения материального ущерба или другими доступными способами.

Так, в доктрине уголовного процесса альтернативами уголовного преследования признаются механизмы, позволяющие должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, при наличии определенных оснований по своему усмотрению отказаться от применения предусмотренных законом процедур для привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступное деяние, заменив их на иные меры, как правило, направленные на возмещение причиненного вреда, примирение с потерпевшим или осуществление иных общественно полезных действий [1, с. 95].

Перечень гуманных способов разрешения уголовно-правового конфликта весьма широкий, однако в целях обстоятельных и предметных разъяснений мы более подробно остановимся на судебном штрафе (ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Во исполнение идей гуманизации внутринационального законодательства и снижения уровня уголовной репрессии по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, Верховный Суд Российской Федерации инициировал введение нового основания для прекращения уголовного дела – назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [2].

По общему правилу, прекращение уголовного дела (уголовного преследования) возможно в связи с назначением судебного штрафа, если:

1. Впервые совершено преступное деяние.

2. Совершено преступление небольшой или средней тяжести.

3. Возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред.

Представленные условия условно делятся на (1) объективные, которые не зависят от реализации полезных и позитивных действий лица, совершившего преступное деяние, и (2) субъективные – непосредственно связанные с посткриминальным поведением [3, с. 104–105]. Объективные условия (такие как: впервые совершение преступления небольшой или средней тяжести) признаются обязательными для всех альтернативных оснований прекращения уголовного преследования, тогда как совокупность субъективных условий предопределяется конкретными обстоятельствами уголовного дела.

Условие «впервые», несмотря на его, казалось бы, очевидное толкование, все же систематически подвергается комплексным исследованиям, вызванным вопросами следственной и судебной практики. Так, в поста-

новлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – постановление Пленума) определен перечень ситуаций, когда лицо в том числе признается впервые совершившим преступное деяние [4]. Однако, не вдаваясь в комплексный анализ данных позиций, нами по результатам изучения судебной практики был сформирован собственный вывод. Так, Тукаевский районный суд Республики Татарстан, рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело № 1-159/2023 в отношении ФИО1, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 171.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), постановил прекратить уголовное дело и назначить штраф в размере – 30 000 (тридцать тысяч) рублей. Иначе говоря, суд постановил прекратить уголовное преследование в отношении ФИО1, которое привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние [5]. Следует, что, несмотря на неоднократность совершения аналогичного деяния, правоприменитель допускает возможность прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа. В силу этого считаем верным дополнить постановление Пленума позицией относительно признания лицом, совершившим преступление впервые, в том числе, если оно ранее подверглось к административному наказанию за аналогичное деяние.

Второе условие предопределяет возможность прекращения уголовного преследования исключительно в случаях совершении преступного деяния *небольшой или средней тяжести.*

В литературе правового профиля нередко высказываются мнения о расширении сферы действия оснований прекращения уголовного преследования. Например, Х. Д. Аликперов убежден в необходимости разрешения прекращения дел, касающихся тяжких имущественных преступлений, а также неумышленных деяний, которые не привели к смерти или серьезным повреждениям потерпевших [6] и др. Подобные позиции – есть безусловные попытки гуманизации отечественного уголовного процесса, которые, по нашему мнению, могут принести больше вреда, чем пользы.

Третьим условием прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа признается весьма неоднозначная законодательная формулировка: *«возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред».* Согласно постановлению Пленума:

1. «Ущерб» может быть возмещен в натуре, то есть посредством предоставления нового имущества взамен исправления или ремонта поврежденного; в денежной форме, что указывает полное денежное возмещение утраченного имущества.

2. Заглаживание вреда предполагает под собой активное посткриминальное поведение субъекта преступного деяния (например, занятие благотворительной деятельностью, принесение публичных извинений потерпевшему, оказание помощи потерпевшему и т. д.).

Безусловно, данный подход признается оптимальным, поскольку предоставляет выбор в вариантах позитивного поведения лица после совершения преступного деяния. С учетом собственных материальных возможностей, а также личных способностей лицо избирает подходящую модель поведения. Однако важно заметить, несмотря на оптимизированность данного института, его нормы тем не менее не адаптированы под те ситуации, где вопрос о прекращении уголовного дела решается в отношении несовершеннолетнего лица. Так, авторы считают, что применение института судебного штрафа в отношении несовершеннолетних неэффективное, нецелесообразное решение должностного лица, объясняя это несоответствием общей доктрине уголовного права, констатирующая, нарушением принципа личной ответственности, справедливости и равенства всех перед законом, а также недостаточным воспитательным воздействием на лицо, совершившее преступное деяние.

Таким образом, несмотря на наличие комплексных исследований института прекращения уголовного преследования, существуют проблемы, продиктованные теорией уголовного судопроизводства и правоприменительной деятельностью. В связи с этим рекомендуем пересмотреть дискреционные основания прекращения уголовного производства по делу, в частности, судебный штраф с целью оптимизации и адаптации действующего законодательства под нужды современного общества.

Библиографический список

1. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головко; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2025. 1040 с.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кучеров Г. Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2023. 254 с.

4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Решение по делу № 1-159/2023 от 5 декабря 2023 г. URL: https://www.google.com/search?client=safari&rls=en&q=судебыерешения.ру&ie=UTF-8&oe=UTF-8 (дата обращения: 04.02.2025).

6. Аликперов Х. Д. Новый УК : проблемы освобождения от уголовной ответственности. URL: https://www.lawmix.ru/comm/7616 (дата обращения: 04.02.2025).

© Свяженина А. А., 2025

УДК 343.1

Семенов Е. А. – начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Орел)

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

OPTIMIZATION OF CRIMINAL PROCEDURE FORMS, TAKING INTO ACCOUNT THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Аннотация. В данной статье с точки зрения развития уголовно-процессуального права анализируются вопросы оптимизации уголовного судопроизводства, а также актуальным вопросам цифровизации уголовного процесса и внедрению инновационных технологий в деятельность уполномоченных органов (органа дознания, суда, следователя) по расследованию и разрешению уголовных дел.

Abstract. In this article, from the point of view of the development of criminal procedure law, the issues of optimization of criminal proceedings are analyzed, as well as topical issues of digitalization of the criminal process and the introduction of innovative technologies into the activities of authorized bodies (body of inquiry, court, investigator) for the investigation and resolution of criminal cases.

Ключевые слова: следственная деятельность, цифровизация уголовного процесса, уголовный процесс, следователь, дознаватель, суд.

Keywords: investigative activity, digitalization of the criminal process, criminal process, investigator, inquirer, court.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что все более ускоряющиеся процессы цифровой трансформации в мировом сообществе объективно влияют на общественные отношения, а в Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина от 9 мая 2017 г. № 203, отмеча-

ется, что в настоящее время жизненно важные направления по обеспечению экономического развития, обороноспособности, общественной безопасности и управления государства невозможны без применения информационных и коммуникационных технологий.

Президент Российский Федерации В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2024 г. отметил, что развитие цифровых технологий должно адаптироваться под современное правовое поле; следует особое внимание уделить развитию специальных видов экспертиз, включая компьютерные, лингвистические, фоноскопические; необходимы современные, цифровые, электронные базы биометрических данных [1].

Таким образом, российское государство своевременно реагирует на перманентный характер глобальных вызовов и изменений, происходящих в условиях мировой цифровой трансформации.

Единого подхода к пониманию концепции цифровизации уголовного судопроизводства не существует. Однако за последние 5 лет сложился определенный консенсус относительно ее значения в данной сфере. По мнению Л. В. Головко, цифровизация является не новшеством для нашего уголовного процесса. Он указывает, что «проблема использования в уголовном процессе научно-технических достижений является более чем традиционной, если не сказать – классической» [2, с. 17].

Действительно, нельзя не согласиться с его позицией, так как появление достижений науки и техники кардинально меняют общественные отношения и воссоздают новые тенденции в праве в целом, и в уголовном процессе в частности. Но эти результаты технических революций имеют свою цикличность и не всегда качественно видоизменяются. Так, по его мнению, сегодняшняя цифровизация уголовного процесса носит количественное рутинное развитие, а не качественное. При этом участники уголовного процесса выступают в качестве *потребителей* результатов научного прогресса и введения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. При ответе на ключевой вопрос, изменится ли фундаментально сама доктринальная база уголовно-процессуальной науки, позиция ученого следующая: «Способны ли они привести к «уголовно-процессуальной революции» и заменить классический уголовный процесс каким-то «новым уголовным процессом»? Нет, не способны» [3, с. 72].

Однако, данная позиция не является единственной относительно сущности цифровизации уголовного процесса.

Существует группа ученых-процессуалистов, которые уверены в развитии кардинально новой системы уголовно-процессуального права. Главный аргумент таких исследователей в том, что общество не стоит на месте и спустя некоторое количество времени основной массой совершаемых преступлений будут общественно опасные деяния в сфере компьютерных технологий.

Безусловно, стоит учитывать наступление нового технологического уклада в обществе и трансформации общественных отношений. Впрочем, утверждение позиций, что наступила эпоха «нового типа общественных отношений, нового государства» [4, с. 87], а вместе с ними, конечно, и нового уголовного процесса, крайне раннее.

При этом имеет место позиция, согласно которой в уголовном процессе нет места, например, классическим следственным действиям, поскольку «существующая система следственных действий, созданная в эпоху традиционной преступности малопригодна в современных условиях. Какой смысл в таких следственных действиях как осмотр, выемка, обыск, когда предметом выступает цифровая информация?» [5, с. 34]. Однако мы не считаем, что цифровизация уголовного процесса – это полноценная замена существующих «классических» следственных действий с учетом возросшего влияния цифровых технологий на общество.

В научном сообществе также существует позиция, согласно которой цифровизация уголовного процесса – это как «оптимизация существующих технических возможностей, так и изменение установленных законом процедур ведения уголовно-процессуальной деятельности, и как следствие – трансформация федерального законодательства, регулирующего данные правоотношения» [6, с. 131]. Данное определение мы считаем довольно широким и не отражающим основные признаки, которые характерны для цифровизации. Более детальной представляется позиция Р. Я. Мамедова, который под цифровизацией понимает внедрение в уголовный процесс трех основных инструментов:

– электронного документооборота;

– электронных доказательств;

– электронного уголовного дела [7, с. 68].

Безусловно, сам факт появления нового инструментария является центральным вопросом цифровизации уголовного процесса. Но также немаловажным аспектом является его нормативно-правовое регулирование. В частности, В. В. Пшава, А. Б. Соколов и Э. О. Галдина высказывают точку зрения, согласно которой «есть необходимость закрепления в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) особого вида доказательств – «электронных». Кроме того, авторы предлагают свое определение цифровизации уголовного процесса, и оно состоит из четырех «моментов»:

1) «оцифровка» документов, создающая техническую возможность перехода с бумажных носителей на электронные;

2) появление «системы мысли», а вместе с ней – новой системы уголовного судопроизводства, достойной постиндустриального общества;

3) момент цифровизации уголовного судопроизводства – «нормативный»;

4) «субъектный», то есть, по мнению авторов, «не все представители государственных правоохранительных органов смогут быстро и безболезненно интегрироваться в новую «цифровую» среду» [8, с. 137].

Данный подход в определении является вполне актуальным, однако «система мысли» как один из компонентов, является крайне утопичным. Мы не согласны с позицией, что ограничение естественных прав является справедливым способом борьбы с преступлениями путем внедрения «специальных программных продуктов, которые будут применяться для автоматической регистрации выстрелов, распознавания лиц преступников и выявления аномальной городской активности по геотегам» [9, с. 13]. Если продолжить этот подход, то следователь со временем перестанет быть участником уголовного процесса из-за всеобъемлющего видеонаблюдения. Его роль перейдет к камерам, оснащенным нейронными сетями, и процесс доказывания вины подозреваемого станет бессмысленным.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

– цифровизация уголовного процесса предполагает внедрение инновационных технологий в деятельность уполномоченного органа (органа дознания, суда, следователя) по расследованию и разрешению уголовных дел;

– в ходе исследования были выяснены позиции различных ученых относительно того, что такое цифровизация уголовного процесса;

– под цифровизацией уголовного судопроизводства понимается процесс внедрения и использования цифровых технологий в правоприменительную деятельность.

В силу того, что скорость появления новых прорывных технологий с каждым годом растет, мы согласны с большинством ученых, которые утверждают, что ключом к цифровизации уголовного судопроизводства и защите прав и интересов отдельных лиц является внедрение четко определенного нормативного законодательства [10, с. 55].

Библиографический список

1. Зуев С. В. Электронное уголовное дело : теоретическая модель / С. В. Зуев, Н. А. Моругина // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 83–94.

2. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 34.

3. Синкевич В. В. Цифровизация уголовного процесса : зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 129–134.

4. Мамедов Р. Я. Цифровизация ведения уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 67–71.

5. Пшава В. В., Соколов А. Б., Галдина Э. О. К вопросу о цифровизации уголовного процесса // Право и практика. 2022. № 2. С. 135–138.

6. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 12–13.

7. Чурикова А. Ю. Технология дополненной реальности в уголовном судопроизводстве / А. Ю. Чурикова // Законность. 2024. № 9 (1079). С. 50–56.

© Семенов Е. А., 2025

УДК 343.1

Сидорик Н. П. – старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь» (Республика Беларусь, г. Минск)

ИНСТИТУТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

INSTITUTE OF MINOR VICTIM IN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Аннотация. В статье рассматриваются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего правовое положение несовершеннолетних потерпевших. Уделяется внимание проблемным аспектам участия несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе Республики Беларусь. Акцентируется внимание на минимизации участия несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе как способе защиты их прав и законных интересов.

Abstract. The article examines the norms of criminal procedure legislation regulating the legal status of minor victims. Attention is paid to problematic aspects of the participation of minor victims in criminal proceedings in the Republic of Belarus. Attention is focused on minimizing the participation

of minor victims in criminal proceedings as a way to protect their rights and legitimate interests.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетний потерпевший, правовое положение, минимизация, защита.

Keywords: crime, minor victim, legal status, minimization, protection.

Одним из векторов государственной политики Республики Беларусь является защита прав несовершеннолетних. Такой подход обусловлен тем, что общественно опасные деяния, совершенные в отношении детей, не только оказывают негативное влияние на их собственное здоровье, развитие, эмоциональное и психическое благополучие, но и в целом неблагоприятно воздействуют на семейные и социальные отношения, ведут к ухудшению состояния общественной безопасности.

За последние пять лет на территории Республики Беларусь отмечается тенденция увеличения количества несовершеннолетних, пострадавших в результате совершения преступлений: в 2020 году потерпевшими признаны 1907 человек, в то время как в 2024 году – уже 2251 человек [1].

Следственный комитет Республики Беларусь наравне с иными государственными органами принимает меры по обеспечению дополнительной защиты лиц, не достигших 18-летнего возраста, пострадавших от преступлений. Ведомством регулярно готовятся обзоры следственной практики, основанные на изучении уголовных дел, совершенных в отношении несовершеннолетних; разрабатываются методические рекомендации по расследованию указанных преступлений; вносятся предложения по изменению законодательства Республики Беларусь.

В силу актуальности проблемы учреждением образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь» с 2023 года проводится научно-исследовательская работа по теме «Защита несовершеннолетних от сексуального насилия и сексуальной эксплуатации: правовое регулирование, расследование, профилактика» (далее – НИР), в ходе которой изучаются уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) (преступления против половой неприкосновенности или половой свободы), потерпевшими по которым являются несовершеннолетние и по которым постановлены обвинительные приговоры.

В своей деятельности Следственный комитет Республики Беларусь особое внимание уделяет вопросам минимизации участия несовершеннолетних в уголовном процессе, под которой необходимо понимать процесс сокращения количества следственных действий и времени их проведения, создание благоприятных условий для обеспечения их прав и интересов, уменьшения негативного влияния на их психологическое и физическое состояние.

Стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь содержит немало мер, обеспечивающих дополнительную защиту несовершеннолетних, пострадавших в результате совершения преступлений. Однако данные меры в уголовном процессе, с нашей точки зрения, нельзя назвать эталонными, учитывающими все возрастные и организационно-тактические особенности участия потерпевших, не достигших 18-летнего возраста.

Одной из основополагающих гарантий дополнительной защиты прав несовершеннолетних потерпевших является обеспечение участия психологов, педагогов, законных представителей в уголовном процессе. Ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) установлено, что при допросе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в возрасте до четырнадцати лет педагог или психолог участвуют обязательно, а от четырнадцати до шестнадцати лет – по усмотрению следователя, лица, производящего дознание. При допросе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля могут участвовать их родители или другие законные представители.

Законом от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» такие же требования об участии педагога или психолога, а также законного представителя внесены в нормы ст. 222 УПК (Очная ставка) и 225 (Проверка показаний на месте) УПК Республики Беларусь [2].

С одной стороны, указанные нормы призваны обеспечить дополнительную моральную и психологическую поддержку детей, помочь следователю или лицу, производящему дознание, установить психологический контакт с несовершеннолетним.

С другой стороны, проблемным остается вопрос выбора для участия специалиста: кого лучше привлечь – педагога или психолога; специалист должен быть ранее знаком ребенку или наоборот нет; знают ли сами привлекаемые специалисты о тех функциях, которые возложены на них при участии в следственных и процессуальных действиях в соответствии с действующим законодательством. Стоит признать, что факт участия специалистов при проведении следственных действий в большинстве случаев является формальным [3].

Требует корректировки и положение о возможном участии родителей или законных представителей в следственных действиях с участием несовершеннолетних. В соответствии с действующим законодательством законными представителями могут быть только усыновители, опекуны, попечители, в то время как близкие родственники или иные лица, заслуживающие доверия и непосредственно занимающиеся воспитанием несовершеннолетнего к участию в уголовном процессе в качестве законного представителя допущены быть не могут [4].

В соответствии с той же ст. 221 УПК Республики Беларусь признается обязательным применение звуко- и видеозаписи в ходе допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, за исключением случаев, когда несовершеннолетние потерпевший или свидетель, их законные представители возражают против этого, случаев, не терпящих отлагательства, случаев отсутствия технической возможности применения звуко- и видеозаписи. Несомненно, данная мера является положительной, так как поможет запечатлеть не только слова ребенка, но и его эмоции, мимику, жесты; поможет лучше понять его отношение к совершенному в отношении него преступлению по невербальным признакам. Помимо этого, при наличии звуко- и видеозаписи в суде (по усмотрению суда или по ходатайству сторон) могут быть оглашены показания несовершеннолетних, данные при досудебном производстве, а также воспроизведены звукозаписи их показаний, видеозаписи или киносъемки допроса без вызова ребенка в суд (ст. 333 УПК Республики Беларусь).

Однако, на наш взгляд, указание в УПК Республики Беларусь исключений, при которых возможен допрос без использования звуко- и видеозаписи, является послаблением для следователей, которые в ущерб качеству проведенного следственного действия выбирают экономию своих сил и средств. Так, в ходе НИР при изучении уголовных дел выявлены единичные случаи, когда следователи проводили допросы несовершеннолетних потерпевших и свидетелей без видеозаписи, ссылаясь на заявления законных представителей несовершеннолетних, в которых последние возражают против применения видеозаписи в ходе допросов. При этом текст этих заявлений явно свидетельствовал о том, что написаны они под диктовку следователя в связи с его нежеланием организовывать и проводить допрос с видеозаписью.

Важной гарантией защиты прав несовершеннолетних и сравнительно новой нормой является возможность допроса несовершеннолетних, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы в специально оборудованных помещениях – дружественных детям комнатах допроса, обеспечивающих для них комфортные и безопасные условия (ч. 2^1 ст. 221 УПК Республики Беларусь). Указанная норма стала следствием положительно зарекомендовавшего себя опроса психологом в комнате опроса, дружественной детям. До появления указанной нормы в УПК Республики Беларусь в следственной практике проводился опрос психологом несовершеннолетнего потерпевшего либо же свидетеля, который имел доказательственное значение наравне с допросом. Однако такая форма получения доказательств как опрос психологом, не была регламентирована законодательством, а потому законность такого доказательства многими ставилась под сомнение.

В то же время появление требования о проведении следователем допроса в дружественной детям комнате может помешать установить те доказательства, которые мог получить психолог, специально обученный на работу с детьми-жертвами преступлений. То, что опросы психологами «работали» и признавались доказательством в суде, показывают и промежуточные результаты изучения уголовных дел в рамках НИР. Так, в дружественных детям комнатах психологом без последующего допроса следователем опрошено 18 детей, что составляет 7,5 % от общего количества несовершеннолетних потерпевших (253 человека проходили потерпевшими по 177 уголовным делам, изученным в ходе НИР в трех регионах Республики Беларусь).

Освобождение несовершеннолетнего от допроса или иных процессуальных действий, если это может причинить ему вред или угрожать его жизни или здоровью, при условии, что его показания не являются решающими при расследовании уголовного дела, является гуманным по отношению к ребенку-жертве. Если же его показания необходимы, то с учетом возраста несовершеннолетнего, его личности и обстоятельств совершения преступлений целесообразно было бы поручать психологу проводить его опрос в целях минимизации вторичной виктимизации.

С понятием «минимизация участия несовершеннолетних в уголовном процессе» неразрывно связано требование сокращения количества следственных действий и времени их проведения. Оно включает тщательное планирование проведения следственных и процессуальных действий с участием несовершеннолетних; исключение излишнего продления сроков расследования или волокиты; регламентация продолжительности проведения следственных и процессуальных действий с участием несовершеннолетних. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь норма, регламентирующая продолжительность самого распространенного следственного действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля – допроса отсутствует, в то время как для несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого установлены ограничения по продолжительности допроса, согласно которым он не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день [5].

Есть нормы, которые обеспечивают дополнительные гарантии в суде. Например, в соответствии со ст. 343^1 УПК Республики Беларусь допрос несовершеннолетнего участника процесса, опознание лиц и (или) объектов в ходе судебного разбирательства могут быть произведены с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции).

В целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство, судебное заседание может быть закрытым (ст. 23 УПК Республики

Беларусь). Тем самым обеспечивается конфиденциальность при расследовании и рассмотрении дел в суде.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что в отличие от норм, касающихся особенностей участия несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе, которые содержатся в отдельной главе УПК Республики Беларусь, нормы, касающиеся особенностей участия в уголовном процессе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не систематизированы. Несмотря на это, правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе Республики Беларусь отражает стремление государства обеспечить особую защиту детей, пострадавших от преступлений. Хотя в национальном законодательстве имеются и прогрессивные нормы, белорусская система защиты несовершеннолетних потерпевших требует модернизации, что позволит не только соблюсти формальные права детей, но и обеспечить их реальную защиту в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190968 (дата обращения: 11.03.2025).

2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.03.2025).

3. Мирошниченко В. А., Савич М. В. Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тезисы докладов Международной научно-практической конференции (Минск, 21 июня 2024 г.) / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. Минск : СтройМедиаПроект, 2024. С. 257–263.

4. Евсиевич А. К. Необходимость расширения перечня лиц, допускаемых к участию в производстве по уголовному делу в качестве законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого // Следственная деятельность : наука, образование, практика : III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 июн. 2023 г. : тез. докл. / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) [и др.]. Минск : СтройМедиаПроект, 2023. С. 128–132.

5. Пянтковский Г. Р. Особенности правовой регламентации допроса несовершеннолетних потерпевших, свидетелей в национальном и зарубежном законодательстве // Следственная деятельность : наука, образование, практика : тезисы докладов III Международной научно-практической конференции (Минск, 9 июня 2023 г.) / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. Минск : СтройМедиаПроект, 2023. С. 180–183.

© Сидорик Н. П., 2025

УДК 343.132.4

Соколова Т. С. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR SELECTING PRESERVATIVE MEASURES NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

Аннотация. В статье проанализированы проблемы, возникающие при избрании мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества и предложены пути их решения.

Abstract. The article analyzes the problems that arise when choosing preventive measures that are not related to isolation from society and suggests ways to solve them.

Ключевые слова: мера пресечения, изоляция от общества, доказательства, уголовное судопроизводство.

Keywords: preventive measure, isolation from society, evidence, criminal proceedings.

В научных исследованиях, посвященных проблематике применения к подозреваемым (обвиняемым) мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, предлагается достаточное количество механизмов совершенствования. Как уже отмечалось, реализация отдельных мер пресечения обуславливается необходимостью качественного и эффективного расследования уголовных дел. Таким образом, минимизация проблем правоприменения в этой области будет способствовать дальнейшему совершенствованию уголовного судопроизводства в целом.

Основным направлением совершенствования рассматриваемых уголовно-процессуальных отношений необходимо признать важность модернизации действующих законодательных норм, касающихся применения мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Как уже отмечалось, из четырех мер, которые имеют место в структуре обозначенной системы, только одна реально применяется на практике. Так, это касается меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Остальные меры пресечения в виде личного поручительства, наблюдения командования воинской части, или присмотр за несовершеннолетним подозреваемым применяются крайне редко, либо вовсе не применяются. Для их

должного применения необходима модернизация положений, связанных с минимизацией оценочных категорий, предусмотрения обязанностей субъектов, включая родителей, командования воинских частей, а также поручителей. Важным считаем необходимость предусмотрения и ответственности за неисполнение таких обязанностей.

Кроме того, существует необходимость модернизации и процессуального порядка применения рассматриваемых мер. В частности, в научных исследованиях поднимаются вопросы о необходимости изменения отдельных положений УПК РФ, связанных с основаниями и обстоятельствами применения мер пресечения. Например, авторами предлагается структурировать обстоятельства, перечисленные в ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Как уже отмечалось, их перечень не является исчерпывающим. Вместе с тем анализ следственной практики показывает, что при принятии решений о применении к подозреваемому необходимой меры пресечения, как правило, учитываются только тяжесть совершенного преступления и сведения, характеризующие его личность [2]. По нашему мнению, расширение имеющегося перечня таких обстоятельств будет способствовать более эффективному применению мер пресечения, а также обеспечит учет всех обстоятельств, которые необходимо принимать в расчет при принятии соответствующего решения. Кроме того, считаем целесообразным отвязать применение мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, от института предъявления обвинения. Это позволит должностным лицам избирать такие меры по всем уголовным делам, где имеет место подозреваемое лицо, что в значительной степени повысит эффективность достижения целей уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальных исследованиях поднимаются также вопросы о целесообразности введения обязательности применения мер пресечения по расследуемым уголовным делам. Как уже было отмечено, на сегодняшний день законодатель ограничивается формулировкой «вправе», которая подтверждает необязательный характер применения имеющихся в структуре УПК РФ мер пресечения [4]. По нашему мнению, введение обязательной процедуры применения мер пресечения не будет отвечать направлению развития отечественного уголовно-процессуального законодательства, где основным приоритетом является защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Кроме того, в структуре механизмов, предусмотренных УПК РФ, существуют и иные меры принуждения, которые вполне могут заменять меры пресечения. К примеру, речь идет об обязательстве о явке, как иной мере уголовно-процессуального принуждения, которая сходна с подпиской о невыезде.

В научных исследованиях существуют предложения, которые связаны с необходимостью обеспечения должного судебного контроля при избрании мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Так,

Е. Ю. Замураева отмечает, что не только запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, но также подписка о невыезде и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым характеризуются ограничениями конституционных прав и свобод человека, следовательно, для их избрания уже в рамках предварительного расследования требуется судебное решение. Необходимо создать специализированный судебный орган, который станет решать вопрос о применении мер пресечения, связанных с ограничением конституционных прав и свобод подозреваемого, обвиняемого. Институт следственных судей позволит решить важный вопрос о разделении функций судебного контроля и правосудия, а также повысить законность, обоснованность, мотивированность и справедливость принимаемых решений о мерах пресечения. Необходимо тщательно продумать механизм создания данного института, отделив судей, избирающих меры пресечения, от тех, которые рассматривают дело по существу [1]. По нашему мнению, указанные предложения имеют право на существование, однако применение такого порядка к мерам пресечения, не связанным с изоляцией от общества, считаем нецелесообразным, так как это в значительной степени загрузит судебные органы, а также обеспечит дополнительными обязанностями по подготовке необходимых ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования.

Следует отметить, что на сегодняшний день приоритетным направлением совершенствования вопросов применения отдельных уголовно-процессуальных мер пресечения следует считать необходимость достижения дифференциации их применения. Как было выявлено, в процессе деятельности должностных лиц органов предварительного расследования осуществляется применение, в основном, двух мер пресечения, а именно подписки о невыезде и надлежащем поведении и заключения под стражу. Так, когда совершено преступление небольшой и средней тяжести, при наличии дополнительных обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого, применяется подписка о невыезде. В случаях совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, следователи ходатайствуют о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу. Как было выявлено, статистические данные свидетельствуют о том, что применение иных мер пресечения является крайне редким примером, что, по нашему мнению, не оправдывает их наличие в действующей структуре мер пресечения.

Существует острая необходимость выработки механизма, основанного на четких критериях, в соответствии с которыми должна избираться уголовно-процессуальная мера пресечения. Такой механизм позволит задействовать все структурные элементы, входящие в перечень мер пресечения. Кроме того, более широкая практика применения некоторых мер пресечения позволит быстрее выработать эффективные механизмы их реализации. К примеру, это касается такой непопулярной меры как личное по-

ручительство. Исходя из анализа следственной практики в некоторых территориальных органах обозначенная мера пресечения за последние пять лет не применялась.

Также отметим, что существуют мнения исследователей, связанные с необходимостью предоставления должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, а также суду, возможности осуществлять комбинированное применение имеющихся мер пресечения. К примеру, домашний арест мог бы применяться во взаимосвязи с личным поручительством и т. д. [3] По нашему мнению, обозначенное предложение имеет право на существование в силу того, что элементы такого синхронизирования уже имеют место как практика применения залога и запрета определенных действий на основании ч. 1.1. ст. 97 УПК РФ.

Безусловно, в структуре научных исследований по названной проблематике существует значительное количество исследований, в которых поднимаются и иные вопросы. Так, многие авторы пытаются выявить проблемы в конкретных мерах пресечения. Однако в большинстве случаев в науке рассматривается проблематика применения мер, которые связаны с явным ограничением прав граждан, к числу которых, к примеру, относится заключение под стражу или запрет определенных действий.

Библиографический список:

1. Замуруева Е. Ю. Меры пресечения, связанные с ограничением конституционных прав и свобод : требуется законодательное совершенствование // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 148–153.

2. Кутуев Э. К., Чабукиани О. А., Латыпов В. С. Меры пресечения на досудебных стадиях в российском уголовном процессе, избрание которых не требует судебного решения : учебное пособие. М., 2022. С. 34.

3. Муравьев К. В. Вопросы совершенствования системы мер пресечения в работах Б. Б. Булатова // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. Омск, 2024. С. 62–68.

4. Ситдиков А. Р., Каац М. Э. Совершенствование правового регулирования процедуры избрания меры пресечения // Юридическая наука в современном мире : актуальные проблемы и перспективы развития : сборник материалов Всероссийского круглого стола. Уфа, 2021. С. 133–138.

© Соколова Т. С., 2025

УДК 343.13

Сологубов А. Ю. – адъюнкт 3 факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России (Россия, г. Москва)

ОБРАЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОТ ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

APPEALS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT DAY

Аннотация. В настоящей статье автором проведено исследование в области эволюции норм, закреплявших право на обращение в уголовном судопроизводстве с момента их возникновения по настоящее время. Анализируются ключевые изменения, отражающие развитие института обращений. Исторический экскурс позволяет выявить проблемы становления, развития и функционирования, а также формирует представление о правовой природе и сущности существующего института обращений в уголовно-процессуальном законодательстве, выявляя определенные тенденции и закономерности.

Abstract. In this article, the author has conducted a study in the field of the evolution of norms that establish the right to appeal in criminal proceedings from the moment of their emergence to the present. The key changes reflecting the development of the institute of appeals are analyzed. The historical digression makes it possible to identify the problems of formation, development and functioning, and also forms an idea of the legal nature and essence of the existing institution of appeals in criminal procedure legislation, identifying certain trends and patterns.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ретроспективный анализ, обращение, заявление, жалоба, ходатайство.

Keywords: criminal proceedings, retrospective analysis, appeal, statement, complaint, petition.

Институт обращений имеет богатую историю, охватывающую период от становления российской государственности до наших дней. Возникновение института связано с необходимостью организации и регулирования общественных отношений, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Анализ исторических аспектов развития института обращений в российском законодательстве заключается в необходимости выявления и изучения закономер-

ностей их развития от правовых обычаев до принятия современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Отметим, что институт обращений в уголовном судопроизводстве представляет собой синтез заявлений, жалоб, ходатайств, просьб и иных форм взаимодействия невластных участников уголовного судопроизводства с должностными лицами органа предварительного расследования.

Ю. В. Францифоров и К. Н. Горшкова считают, что право на обжалование существовало всегда, оно не отделимо от истории развития уголовного процесса [1, с. 95]. По мнению ученых, именно с Русской Правды берет свое начало Российское уголовно-процессуальное законодательство [2, с. 33]. Отметим, что в данном документе уголовный процесс не выделялся отдельно, он был смешан с гражданским процессом. Судебная и административная власть находилась в одних руках, еще не существовало органов расследования, следователей и т. д. Соответственно, не было делений обращений по отраслям права, они подавались князю либо же его подчиненным.

Анализируя первые нормативные источники, можно обнаружить, что процесс разбирательства по делу начинался с такого обращения как повод, который включал в себя объявление общине либо представителю центральной власти о фактах, требующих обнаружения преступника (гонение следа) и судебного разбирательства. Такое устное объявление именовалось «заклич» по Русской Правде. Заклич – обязательное процессуальное действие, устанавливающее факт преступления путем устного извещения о совершившемся правонарушении (например, о пропаже имущества) [3, с. 183]. По Псковской Судной грамоте дело начиналось с подачи искового заявления (иска), иначе говоря, «явке» [3, с. 206]. Таким образом, первыми видами обращений в Древней Руси выступают «заклич» (ст.ст. 32 и 34 [4]) и «явка». Стоит сказать, что справедливость данных обращений необходимо было подтверждать присягой.

Судебник 1497 года (Судебник Ивана III) закреплял, что гражданские дела или менее опасные уголовные дела начинались с момента подачи «челобитной» (жалоба истца). Аналогичные нормы присутствовали и в Судебнике Ивана IV 1550 г.

Именной указ «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» от 21 февраля 1697 г. также не знал разделения на уголовный и гражданский процесс. В статье 3 идет упоминание такого обращения как «отвод», излагается повод (условия). К слову сказать, Соборное уложение 1649 г. в ст.ст. 158 и 159 главы X запрещало обращаться с отводом. Глава 3 содержала положения о челобитчике – лице, подававшем жалобу. Обращение с челобитной (жалобой) подавалось устно в суд [5, с. 612].

Анализируя поводы к возбуждению уголовного дела (выделялись следующие виды обращений: извещение, жалоба донос и явка с повинной) по Своду законов Российской Империи, Ю. П. Шкаплеров делает вывод, что для своего времени данный правовой акт был прогрессивным и на высоком уровне регламентировал уголовно-процессуальные отношения. Перечь поводов «к начатию следствия» и их содержание спустя десятилетия во многом были реципированы в ст.ст. 140–143 УПК РФ [6, с. 249].

Таким образом, делая промежуточные итоги проанализированных источников периода с Русской правды до 1864 года можно сказать: прообраз обращений только формируется; как таковых органов предварительного расследования еще не существует, поэтому обращения подаются зачастую в суд либо должным лицам (князья, их подчиненные и т. д.); обращения описаны фрагментарно (отсутствие сроков, специальной процессуальной формы, содержания). Помимо этого, стоит выделить, что обращения не различались по отраслям права, так как не было и самого деления на отрасли – судопроизводства были смешаны.

Виток своего развития уголовное судопроизводство в целом и уголовно-процессуальные обращения, в частности, получили в результате «Великих реформ» Александра II. Первым подлинно кодифицированным законодательным актом, определяющим порядок уголовного судопроизводства, стал Устав уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. (далее – УУС 1864 г.).

Так, УУС 1864 г. в ст. 297 закреплял в качестве поводов к начатию предварительного следствия следующие виды обращений: 1) объявления и жалобы частных лиц; 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; 3) явка с повинной. В свою очередь, ст. 301 указывала, что жалобами признаются объявления лиц, потерпевших от преступления или проступка. И. Я. Фойницкий писал: «иногда закон употребляет и другие выражения, говоря о разрешении, сообщении, извещении, заявлении и проч., но в том же смысле жалобы» [7, с. 21]. Ученый также отмечал, что судебная практика признавала уголовное преследование начавшимся с момента предъявления судебной или в некоторых случаях даже полицейской власти ходатайства о том со стороны лиц и мест, на то управомоченных [7, с. 24]. Как мы видим, и ходатайство выступает в качестве повода к уголовному преследованию. Иными словами, обращение, начинающее предварительное следствие, наименовалось различными видами, которые не были отделены друг от друга какими-либо признаками. Статья 300 УУС 1864 г. является прообразом современного положения об заявлении о преступлении (ч.7 ст. 141 УПК РФ). Статья 307 регламентировала предупреждение об ответственности за «всякое ложное показание».

Жалобы, как средство защиты прав участников уголовного судопроизводства, регламентировались в главе 12 «О порядке обжалования следственных действий вообще» УУС 1864 г., отделении первом «Порядок

принесения жалоб» и отделении втором «Порядок рассмотрения жалоб», которые закрепляли 19 статей. Кратко характеризуя данные нормы, отметим: особый круг участников (участвующие в деле лица, свидетели, сведущие люди, поручители, понятые и другие призываемые к следствию лица), субъектов рассмотрения жалоб (жалобы на действия полиции – разрешает прокурор, судебного следователя – суд), временные периоды, в которые можно подавать жалобы (исходя из формулировании ст. 494 можно сделать вывод, что они могли быть поданы в любой момент производства), форму жалобы (словесные и письменные), производство по жалобе не останавливает ни производства следствия, ни исполнения отдельных следственных действий (ст. 500). Отметим, что данная глава не регламентировала сроков рассмотрения жалоб, что могло допускать злоупотребления. Детальной регламентации ходатайств, как вида обращения в УУС 1864 г. не содержалось. Данный вывод можно распространить и на заявления.

В последующих кодифицированных актах уголовного судопроизводства (УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг.), так и в нынешнем УПК РФ жалоба как вид обращения, начинающее уголовное преследование, был заменен на заявление, что вполне логично разграничило два различных по своей узконаправленной сущности вида обращения.

Статья 96 УПК РСФСР 1922 г. устанавливала следующие виды обращений. В первую очередь среди поводов к возбуждению уголовного дела существовали: заявление граждан и различных объединений и организаций; сообщение правительственных учреждений и должностных лиц; явку с повинной, т. е. заявление гражданина о совершении им самим преступления. Статья 114 устанавливала, что следователь не вправе был отказывать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собрании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела – прообраз ст. 159 УПК РФ. Глава XVIII. закрепляла обжалование действий следователя. В ней регламентировались лица, имеющие права приносить жалобы, форма. Примечательно, что лицо, приносившее жалобу, именовалось жалобщик. Сегодня это уже архаизм, термин, несоответствующий духу времени. Особенностью является и срок, дающийся на принесение жалобы: в течение семи суток, считая с того дня, когда жалобщику сделалось известным обжалуемое действие следователя (ст. 219). УПК 1923 г. лицо называет уже заявителем и отменяет временной промежуток в семь суток, что вполне логично.

На смену УПК 1922 г. пришел УПК 1923 г. По совершенно справедливому мнению С. Б. Россинского, новый Кодекс не предполагал каких-либо масштабных изменений, отличаясь от предшественника немногочисленными коррективами [8, с. 235]. Уже в ст. 108 были закреплены поводы, которые семантически были несколько изменены: появились письма граждан, сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных

дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций, сообщения предприятий.

УПК 1960 г., текст которого был составлен еще задолго до его принятия, не внес значительных изменений в уголовно-процессуальные обращения. Статья 108, закреплявшая поводы и основания к возбуждению уголовного дела, осталась прежней. Так же, как и глава, регламентирующая обжалование – без изменений. Обязательность удовлетворения ходатайств, имеющих значение для дела (ст. 131), не претерпела значительных изменений и многие ее положения также вошли в ст. 159 УПК РФ 2001 г.

Прошло более 150 лет с момента принятия первого самостоятельного правового акта, детализировавшего порядок уголовного судопроизводства. Однако отдельные его положения не теряют актуальности и по сегодняшний день. Заложенные основы уголовно-процессуальных обращений УУС 1864 г. нашли свое развитие в последующих кодифицированных актах советского государства, совершенствуясь и значительно расширяя доступ невластных участников уголовного судопроизводства к правосудию, усиливая гарантии.

В заключение стоит сказать: нормы, регламентирующие институт обращений по УУС 1864 г. сходны с нормами, действующими в настоящий момент. Нормы, регламентирующие обращения, в том числе и в уголовном судопроизводстве до введения в действие указанного законодательного акта, сходны с теми обращениями, что в настоящее время подаются в порядке Федерального закона от 2 мая 2006 года «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» № 59-ФЗ (далее – Закон № 59-ФЗ). Если же ранее это не было проблемой, так как не существовало специальных форм обращения, была лишь общая форма, то в настоящее время подмена специальной нормы (УПК РФ) общей (Закон № 59-ФЗ) является проблемой.

В рамках небольшого объема настоящих тезисов невозможно полностью осветить весь путь становления института обращений в уголовном судопроизводстве, а также раскрыть вытекающие из него закономерности развития и сопутствующие проблемы. Это будет сделано в следующих публикациях автора настоящей работы.

Библиографический список

1. Францифоров Ю. В., Горшкова К. Н. Право участников уголовного судопроизводства на обжалование в досудебных стадиях // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 5. С. 94–99.

2. Карлеба В. А. Исторический очерк первоначального этапа развития уголовного судопроизводства в России / В. А. Карлеба, Л. В. Яковлева // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 32–38.

3. Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси : монография. М. : Юридический институт МИИТа, 2005. 229 с.

4. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 : XII век. / под. ред. Д. С. Лихачева и др. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 1997. 685 с.

5. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. Т. 8 / сост. К. А. Софроненко, Н. Д. Дурманов, С. С. Иванов, О. И. Чистяков. М., 1961. 668 с.

6. Шкаплеров Ю. П. Поводы к возбуждению уголовного дела согласно Своду законов Российской империи // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 246–250.

7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Часть II. СПб. : Альфа, 1996. С. 389–390.

8. Россинский С. Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 23. № 3. С. 229–238.

© Сологубов А. Ю., 2025

УДК 343.16

Спирин А. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Екатеринбург)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

INTERACTION BETWEEN INVESTIGATOR AND PROSECUTOR IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье раскрываются особенности взаимодействия следователя и прокурора в уголовном судопроизводстве. Автор полагает, что в основе данного взаимодействия лежит единая цель, при этом задачи, решаемые названными участниками, отличаются. Отдельно внимание в публикации уделяется рассмотрению некоторых форм взаимодействия следователя и прокурора, выделяются процессуальные и непроцессуальные формы.

Abstract. The article reveals the peculiarities of interaction between the investigator and the prosecutor in criminal proceedings. The author believes that

this interaction is based on a single goal, while the tasks solved by the named participants are different. Separately, attention in the publication is paid to the consideration of some forms of interaction between the investigator and the prosecutor, procedural and non-procedural forms are distinguished.

Ключевые слова: прокурор, следователь, взаимодействие, досудебное производство, уголовное преследование, надзор.

Keywords: prosecutor, investigator, interaction, pre-trial proceedings, criminal prosecution, supervision.

Важнейшими участниками со стороны обвинения, имеющими публично-правовой статус, в досудебных стадиях современного российского уголовного судопроизводства являются следователь и прокурор. Не случайно первые две статьи главы 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) посвящены именно этим участникам. Успех в достижении назначения уголовного судопроизводства во многом (в основном) достигается в результате деятельности следователя и прокурора, при этом действия названных участников тесно взаимосвязаны, многочисленные нормы УПК РФ регулируют правоотношения, возникающие между ними. Следует заметить, что с наибольшей полнотой исследовать правоотношения следователя и прокурора возможно, только включив в рассматриваемую систему некоторых других участников, а именно, руководителя следственного органа и суд. Однако в основе интересующих нас отношений лежат именно взаимные права и обязанности лица, в чьем производстве находится уголовное дело, и обеспечивающего надзор за законностью процессуальной деятельности прокурора. Поэтому фигуры руководителя следственного органа и суда останутся по большей мере «за скобками» предлагаемой публикации, обращение к ним будет фрагментарным.

Отмеченная выше общность уголовно-процессуальной функции (обвинения), реализация которой возложена УПК РФ на следователя и прокурора, позволяет не просто констатировать наличие множества правоотношений, складывающихся между данными участниками (что очевидно), но дает возможность оценить эти отношения как взаимодействие, то есть деятельность двух субъектов, направленную к достижению единой цели.

В уголовном судопроизводстве о цели, как осознанной конкретизированной модели (идеале) конечного результата, можно вести речь применительно не к тому или иному конкретному участнику, а к уголовно-процессуальной деятельности (уголовному судопроизводству) в общем [1, с. 160-166]. Несмотря на то, что в уголовном процессе действуют различные участники, целью всего уголовного процесса, как отмечает З. В. Макарова, в конечном итоге должно быть объективированное положение, которое устанавливает государство, закон [2, с. 109].

Конкретная формулировка цели уголовного судопроизводства в отсутствие нормативного закрепления в действующем законодательстве варьируется в трактовке отдельных ученых. А. А. Давлетов и Н. В. Азарёнок таковой считают защиту общества и личности от преступных посягательств [3]. Ю. К. Якимович единственной целью уголовного процесса как деятельности считает правильное применение уголовного материального права [4, с. 48]. Близкую по существу позицию занимает С. Б. Россинский [5, с. 46].

Вышеприведенные мнения относились к определению цели уголовного судопроизводства в общем. Безусловно, цель, к которой стремятся следователь и прокурор в досудебном производстве, носит более ограниченный, «локальный» характер. В обобщенном виде можно согласиться с мнением тех ученых, которые полагают, что следователь и прокурор должны подготовить материалы уголовного дела для последующего их полного, всестороннего и объективного рассмотрения судом. При этом такая подготовка должна происходить в условиях реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, интересов общества и государства [6].

Важно подчеркнуть, что достижение этой цели происходит у следователя и прокурора посредством решения ими несовпадающих, хотя и частично «пересекающихся», задач. Иначе быть и не может: следователь и прокурор процессуально самостоятельны, между ними существует четкое «разделение труда». Полной идентичности задач у прокурора и следователя нет: если цель и задачи полностью совпадают, то непонятно, зачем для их решения нужны разные органы. Тем не менее, как отмечает В. А. Лазарева, несмотря на разность решаемых задач и предоставленных для этого полномочий, общее направление их деятельности подчинено единой цели [7].

Таким образом, конкретные задачи, стоящие перед отдельными властными субъектами в досудебном производстве, отличаются. В общих чертах эти отличия видятся в следующем:

а) следователь непосредственно осуществляет уголовное преследование, то есть процессуальную деятельность для изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, выполняет «поиск и собирание доказательств, подтверждающих виновность изобличаемого лица» [7] (пп. 22, 47, 55 ст. 5, ст. 21, ст. 38 УПК РФ);

б) прокурор помимо уголовного преследования осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, обеспечивая законность досудебного производства, и некоторые иные направления деятельности (которые требуют отдельного исследования) (ст.ст. 21, 37 УПК РФ).

Осознание властными участниками уголовного судопроизводства (в нашем случае – следователем и прокурором) общности цели при ясном разделении задач и средств их решения позволит в определенной степени

интегрировать их деятельность, снять конфликты и противоречия между этими участниками. Наличие «общей» цели, характерной для уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой отстаивающими публичный интерес участниками уголовного судопроизводства, наличие ряда «общих» задач, создают основу для взаимодействия прокуратуры (прокурора) со следователем.

Приведенные выше соображения носят принципиальный, оценочный характер, относятся к уголовно-процессуальной деятельности интересующих нас участников в целом и нуждаются в раскрытии и конкретизации. Как (в каких процессуальных формах) осуществляется и как должно осуществляться (de lege lata и de lege ferenda) указанное взаимодействие? Ю. В. Деришев справедливо обращает внимание на то, что «самое слабое место в современной организации предварительного следствия – это вопросы взаимоотношения следователя, его ведомственного процессуального руководителя и прокурора» [8]. При этом нужно иметь в виду, что функциональное «разделение труда» в системе «следователь-прокурор» является достаточно тонким, а связи, взаимоотношения между участниками сложны и требуют четкой, научно выверенной и непротиворечивой правовой регламентации. Представляется, что правильно было бы начать с конспективного обозначения существующих (закрепленных в УПК РФ) форм взаимодействия.

К основным формам процессуального (то есть с достаточной степенью полноты регулирования в УПК РФ) взаимодействия следователя и прокурора необходимо отнести:

– требование прокурора к следственным органам устранения выявленных нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания и предварительного следствия. Следователь при несогласии с данными требованиями прокурора обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который, в свою очередь, информирует об этом прокурора;

– отмена прокурором незаконного (или необоснованного) постановления следователя о возбуждении уголовного дела. Следователю в таком случае предоставлено право с согласия руководителя следственного органа обжаловать названное решение прокурора;

– возвращение прокурором уголовного дела следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения. Следователь, в свою очередь, наделен правом обжаловать с согласия руководителя следственного органа указанное решение прокурора вышестоящему прокурору (п. 5 ч. 2 ст. 38, п. 10 ч. 1 ст. 39, ч. 4 ст. 221 УПК РФ);

– заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 5^2 ч. 2 ст. 37, глава 40^1 УПК РФ).

Перечисленные формы характерны достаточно подробным раскрытием правомочий каждой из сторон взаимодействия (схема: «прокурор уполномочен…», «следователь уполномочен…»). Ряд других форм процессуального взаимодействия прокурора и следователя не отличаются сколько-нибудь детальной регламентацией. Например, прокурор участвует в судебных заседаниях при рассмотрении в досудебном производстве ходатайств следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и обосновывает ходатайство следователя или поручает это сделать следователю (п. 8 ч. 2 ст. 37, ч. 4 и 6 ст. 108 УПК РФ). При этом каких-либо обязанностей следователя в данной связи УПК РФ не закрепляет (направить прокурору копию постановления о возбуждении перед судом рассматриваемого ходатайства). Данный пробел восполняется совместным указанием Генеральной прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации, изданным в 2008 году.

Другой пример: прокурор истребует и проверяет законность и обоснованность решений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении и прекращении уголовного дела и принимает по ним решение в соответствии с УПК (п. 5^1 ч. 2 ст. 37, ч. 6 ст. 148, ч. 1^1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ). Возможности выразить несогласие с перечисленными решениями у следователя нет.

Невозможно не заметить, что одним из факторов, учитываемых при выстраивании взаимодействия следователя и прокурора, является процессуальная самостоятельность следователя. Не все процессуалисты убеждены в оправданности такого подхода. Данная позиция является, по нашему мнению, спорной. Сложно согласиться, например, с утверждением О. В. Левченко о том, что нельзя вести речь о процессуальной самостоятельности следователя по отношению к прокурору, об ее концептуальной и практической несостоятельности [9, с. 17, 43]. Представляется, что процессуальная самостоятельность следователя является одной из важнейших гарантий достижения назначения уголовного судопроизводства и пренебрегать ею недопустимо.

Взаимодействие, совместная деятельность прокурора с органами предварительного следствия по различным проблемным вопросам досудебного производства привлекает интерес ученых. Отмечается, что такое взаимодействие (как высшая форма взаимоотношений) может носить характер процессуальный – в строго определенных УПК РФ формах – и не процессуальный, когда форма взаимодействия не регламентирована УПК РФ, но оно основывается на взаимных процессуальных интересах, стремлением к реализации задач уголовного судопроизводства [6].

При этом авторами указывается, что непроцессуальное взаимодействие может выражаться в различных формах: в разработке совместных ука-

заний, распоряжений с целью беспрепятственного доступа надзирающего прокурора к материалам уголовных дел; проведении совместных обсуждений, заслушиваний на оперативных совещаниях с руководителями следственных органов уголовных дел. Наиболее сложные дела ставятся прокурорами на контроль. Также в качестве одного из проявлений взаимодействия рассматривается согласование следователем с прокурором фабулы обвинения по уголовным делам с учетом их сложности и актуальности. По сложным уголовным делам, особенно областной подсудности, проект постановления о привлечении в качестве обвиняемого должен стать предметом внимания прокурора с целью его предварительного обсуждения [10, с. 189–190, 310]; [11].

Представляет практический интерес следующее предложение: «эффективно в рассматриваемых случаях подключить к уголовному делу государственного обвинителя, который будет поддерживать обвинение в суде, особенно по сложным уголовным делам (о преступлениях в сфере экономики, о многоэпизодных преступлениях с участием большого числа обвиняемых (бандитизм, организация преступного сообщества и др.)» [11]. Приведенная рекомендация по существу касается одной из форм непроцессуального взаимодействия следователя и прокурора.

Указанные выше непроцессуальные формы взаимодействия основываются на положениях ведомственных нормативных правовых актов.

Представляется, что непроцессуальные формы взаимодействия следователя и прокурора носят достаточно устоявшийся характер и играют огромную роль в достижении цели досудебного производства. Необходимости перевода этих форм в процессуальные путем закрепления в тексте УПК РФ нет. В частности, скептически следует расценить «наиболее радикальный вариант», предложенный в публикации Г. Г. Анисимова, о введении в УПК института согласования постановления о привлечении в качестве обвиняемого с прокурором и руководителем следственного органа, как это сделано с обвинительным заключением [12]. На наш взгляд, такое решение противоречит самостоятельности следователя, окажет парализующее влияние на его процессуальную деятельность.

Вместе с тем, некоторые явные пробелы уголовно-процессуального регулирования взаимоотношений следователя и прокурора, так или иначе восполняемые на подзаконном уровне (о чем говорилось ранее), устранять необходимо. Речь идет, например, идет о необходимости закрепления в УПК РФ обязанности следователя предоставлять прокурору копию постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, а также копии материалов дела, обосновывающих данное ходатайство.

Таким образом, с учетом позиций различных авторов по исследуемым вопросам, взаимодействию следователя и прокурора в досудебном производстве может быть предложено следующее определение: это осно-

ванная на положениях УПК РФ и нормативных правовых актов правоохранительных органов совместная деятельность названных должностных лиц в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, направленная на достижение единой цели. Это взаимодействие носит как процессуальный, так и непроцессуальный, организационный характер. Исследование различных форм и механизмов данного взаимодействия будет способствовать повышению качества досудебного производства, повышению эффективности предварительного расследования.

Библиографический список

1. Макарова З. В. Цель, средства, результат уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Материалы научно-практической конференции. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права. 2014. С. 160–166.

2. Макарова З. В. Уголовный процесс : сущность, содержание, форма: монография. М. : РУСАЙНС, 2021. 176 с.

3. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Правоведение. 2013. № 1. С. 124–134.

4. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 168 с.

5. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого : конституционно-межотраслевой подход : монография. М. : Проспект, 2020. 192 с.

6. Францифоров Ю. В., Соловьева Н. А., Шинкарук В. В. Особенности взаимодействия прокурора, органов следствия и суда в досудебном производстве по уголовному делу // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 2. С. 49–56.

7. Лазарева В. А. Взаимодействие следователя, руководителя следственного органа и прокурора при возбуждении и осуществлении уголовного преследования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 2. С. 41–48.

8. Деришев Ю. В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата, в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 74–91.

9. Левченко О. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2024. 55 с.

10. Организация и осуществление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного

следствия : учебник / науч. ред.: А. Г. Халиулин, Л. А. Щербич. М. : ИД «Городец», 2024. 416 с.

11. Титова В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов при привлечении лица в качестве обвиняемого : пособие. М., 2017. 60 с.

12. Анисимов Г. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов на этапе вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и оценки доказательств // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2009. № 5. С. 164–166.

© Спирин А. В., 2025

УДК 340.111

Степанова А. А. – начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, (Россия, г. Уфа)

ПРАВО – НЕ ТОЛЬКО КАК ИДЕЯ

LAW IS NOT JUST AN IDEA

Аннотация. Анализируются понятия идеи права и правоприменения. Автор обосновывает мысль о том, что в основе применения права должна лежать идея права. Идея права – концепт, в котором в концентрированной форме выражается императив, подразумевающий соблюдение органами государства прав и свобод личности, морали и нравственности и т.д. Влияние идеи права на правоприменение способно придать последнему свойства, соответствующие современным представлениям о справедливости и моральности права.

Abstract. The concepts of the idea of law and law enforcement are analyzed. The author substantiates the idea that the application of law should be based on the idea of law. The idea of law is a concept in which an imperative is expressed in a concentrated form, implying that state bodies respect individual rights and freedoms, morality, etc. The influence of the idea of law on law enforcement can give the latter properties that correspond to modern concepts of justice and morality of law.

Ключевые слова: право, идея, традиция, плюрализм, монизм, правовое регулирование, общественные отношения, парадигма.

Keywords: law, idea, tradition, pluralism, monism, legal regulation, public relations, paradigm.

Право, как идея предполагает, что практика осмысливалась теоретически и оценивалась с точки зрения определенной системы ценностей, а теория должна стремиться стать практикой, проверяясь ею на предмет достоверности, полезности, оправданности, надежности и эффективности. Хотя право есть идея, оно не отрывает «идею» от «материи». В истинном праве, неподдельном, идеальное и реальное – суть стороны диалектического единства, моменты известного целостного бытия, и в своей духовной составляющей право не только динамично, но и стабильно, не только инновационно, но и консервативно.

Отсюда гипотеза: право – это еще и традиция. Право как традиция теснейшим образом связано с общественными отношениями, но эта связь не односторонняя, а двусторонняя (многосторонняя). Не только общественные отношения (социум), образуя предмет права и правового регулирования, влияют на развитие права, но и право влияет на развитие общественных отношений (социума). Кроме того, право как традиция немыслимо вне человека, приобщенного к определенным ценностям, мировоззренческим и знаковым системам, символическим кодам; поставленного в определенные социальные условия, где действуют самые различные факторы. «Игра» социальных факторов создает ситуации, когда в одни эпохи и в одних регионах мира боле весомы экономические факторы, в других – политические, в-третьих – правовые и т. д. Разнообразие взаимодействия этих факторов ведет к вариативности в развитии права как традиции и к сложностям в теоретическом осмыслении происходящего.

Какому подходу в понимании права как традиции нужно отдать предпочтение: монистическому или плюралистическому?

Нельзя не заметить, что в основе монизма или плюрализма – различие в человеческом мышлении. Это различие зависит от целого ряда обстоятельств – возраста, знаний, опыта и т. д. В результате по поводу одной и той же вещи могут складываться самые различные мнения, взгляды, идеи, суждения. Однако одно дело думать, и совсем другое дело мыслить. Думают все. Правильно мыслят немногие; лишь те, кто сообразуется в своих мыслительных операциях с законами мышления, которые достаточно строги. При правильном мышлении результаты, несмотря на то, что люди разные и думают неодинаково, не могут принципиально разниться. Тот, кто устремлен к познанию истины, но не определился еще в том, кто прав, и прав ли он сам, будет (естественно, если он стоит на почве науки, правильного мышления) относиться толерантно к существующим взглядам, мнениям, суждениям и т. д. В этой связи представляется, плюрализм мнений есть не что иное как верный признак того, что истина еще не найдена или не признана всеми. Следовательно, плюрализм с необходимостью включает в себя как верные мысли, так и неверные, односторонние, ошибочные. При известных обстоятельствах ошибочными могут быть все

мысли, но только до тех пор, пока истинное суждение о рассматриваемой вещи, верное решение об исследуемом явлении, процессе не найдены. Затем взгляд одного или многих воспринимается как верный, а взгляды остальных – как ошибочные. В свою очередь, это ведет к утверждению монизма. Однако этот монизм может чувствовать себя комфортно лишь до тех пор, пока не появятся новые факты, соответственно, и новые идеи, мнения, взгляды, ставящие под сомнение верность этого монизма, вроде бы утвердившегося окончательно и уже не допускающего никакого плюрализма. Следовательно, монизм, несмотря на кажущуюся несокрушимость, тоже не может претендовать на абсолют. А это, на наш взгляд, означает одно: настаивать с упорством, достойного лучшего применения, только на монизме или только на плюрализме, – значит прекратить поиск истины или не хотеть ее принять.

Получается: ответить на вопрос, какому подходу в понимании права как традиции отдать предпочтение, монистическому или плюралистическому, однозначно сложно [1]. Видимо, правильное решение данного вопроса можно найти лишь на путях умелого соединения здорового консерватизма и осторожного новаторства. Все же нельзя не заметить, что отход отдельных исследователей права от устоявшихся парадигм привел к эклектизму в науке, а он является причиной неразберихи, создающей под прикрытием монизма или плюрализма условия для выдвижения и отстаивания идей, которые с позиции строгой науки оказываются не просто несостоятельными, а предстают как теоретические недоразумения, граничащие с абсурдом.

Безусловно, в юриспруденции, равно как и в любой другой области науки, мысль должна развиваться свободно. А это значит: критический взгляд на вещи, явления, процессы, мнения, суждения, в разных мыслительных видах и формах отражающие их в ходе теоретической и практической деятельности, не может исключаться. Следовательно, свободы обмена информацией, свобода печати, свобода выражения мнений – необходимость. Без этого нет развития.

Любопытно, что Сергей Васильевич Боботов (1928 – 2001) во вступительной статье к книге Франсуа Люшера «Конституционная защита прав и свобод личности» [2] пишет: «Традиционной основной французской государственности был и остается плюрализм, т. е. многопартийность, свобода слова и выражения мнений, свобода вероисповедания и культов, наличие множественности интересов внутри общества.

Для того, чтобы обеспечить столь необходимое разнообразие, исключающее саму возможность возникновения монополии на выражение мнений, во Франции была в свое время сконструирована концепция публичных свобод, которая ранее укладывалась в рамки трех разделов: личные, профессиональные и политические права» [3].

Библиографический список

1. Главные новости РЕН ТВ. URL: https://ren.tv/longread/1092007-na-troiku-ia-prozhil-zhizn-samye-khlestkie-vyskazyvaniia-zhirinovskogo (дата обращения: 28.02.2025).

2. Конституционная защита прав и свобод личности / Франсуа Люшер; перевод с фр. С. В. Боботова, Д. И. Васильева; под ред. и со вступ. ст. [с. 5–20] С. В. Боботова. М. : Прогресс : Универс, 1993. 382.

3. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности : пер. с франц. М. : Издательская группа «Прогресс». «Универс», 1993. С. 9. Рецензия: Кряжков В. А. Государство и право, 1994, № 2. С. 153–155.

© Степанова А. А., 2025

УДК 343.1

Сухарева Е. В. – начальник кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат педагогических наук (Россия, г. Санкт-Петербург);

Шиянов А. Ю. – инженер отдела связи, вычислительной и специальной техники ФКУ «СЗОУМТС МВД России» (Россия, г. Санкт-Петербург)

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

EXECUTION OF AN ORDER AS A CIRCUMSTANCE EXCLUDING A CRIMINAL ACT

Аннотация. Опираясь на действующее законодательство и иные источники, определены основные понятия и проанализированы деяния, предусмотренные в ст. 42 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Abstract. Based on current legislation and other sources, the main concepts are defined and the acts provided for in Article 42 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed.

Ключевые слова: приказ, распоряжение, преступление, наказание, преступность деяния, уголовное дело, следователь.

Key words: order, instruction, crime, punishment, criminality of the act, criminal case, investigator.

Приказ является основным распорядительным актом как в органах внутренних дел, так и в иных структурах Государства, в том числе и в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ). Таким образом, руководитель осуществляет управление личным составом и определяет обязанности. Руководствуясь Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации», можно определить следующие понятия: единоначалие является одним из основных принципов строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими. Единоначалие заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего.

Единоначалие выражается в праве командира (начальника), исходя из всесторонней оценки обстановки, единолично принимать решения, отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение.

Начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения [8].

В статье 34.1. Постановления ВС РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации», Приказ начальника в органах внутренних дел Российской Федерации это служебное требование начальника, обращенное к подчиненным сотрудникам органов внутренних дел, об обязательном выполнении определенных действий, о соблюдении правил или об установлении порядка, положения [4].

Кроме того, Приказ должен соответствовать федеральным законам и приказам вышестоящих начальников.

В связи с вышеизложенным можно говорить о том, что Приказ, отдаваемый начальником, обязателен для исполнения подчиненными, за исключением заведомо незаконного приказа и должен быть исполнен беспрекословно, точно и в срок. Обсуждение приказа и его критика недопустимы. Только исполнив приказ, подчиненный, если он не согласен с приказом, может его обжаловать.

Подчиненный, не исполнивший отданный в установленном порядке приказ начальника, привлекается к ответственности по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации.

При этом и начальник несет ответственность за отданный приказ и его последствия, за соответствие содержания приказа законодательству Российской Федерации и за непринятие мер по обеспечению его исполнения.

А. Г. Тищенко указывает на то, что военнослужащий исполняет приказ исключительно в срок, точно и беспрекословно. Даже если приказ незаконный, его точное исполнение освобождает подчиненного от ответственности [6, ст. 15]. Именно так формировалась судебная практика в советский период [5, ст. 104].

Данные определения равно применимы и к служебной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации.

Согласно пункту 3 ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: обязательным для сотрудника органов внутренних дел является выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону [10, ст. 7].

Согласно части 1 ст. 33 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»: Сотрудник полиции независимо от замещаемой должности несет ответственность за свои действия (бездействие) и за отдаваемые приказы и распоряжения [9, ст. 99].

Опираясь на указанные организационно правовые нормы, можно сделать вывод, что Приказ – это требование руководителя, которое обязательно к исполнению, и его главным его принципом должна являться законность; и персональная ответственность начальника за отданный им приказ, а также за его содержание и те последствия которые могут насупить в связи с его выполнением подчиненным, а подчиненный несет ответственность за несвоевременное исполнение приказа (распоряжения). При это стоит отметить, что Приказ (распоряжение) начальника (командира) не подлежит обсуждению и критике, но, и том случае если подчиненный не согласен приказом, то он имеет право на его обжаловать уже после исполнения.

Далее стоит обратиться к положениям ст. 42 Уголовного Кодекса Российской Федерации, ч. 1 которой предусматривает, что: не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение, а ч. 2 указанной статьи гласит, что лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо

незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность [7, ст. 18].

При осмыслении содержания приведенных нормативных правовых актов появляется понимание того, что, если сотрудник полиции хочет исполнять свои обязанности, в том числе приказы и распоряжения начальства, без привлечения к уголовной ответственности, он должен быть подготовлен в служебной и правовой сферах.

Возможность быть оправданным по ст. 42 Уголовного Кодекса Российской Федерации в большей степени зависит от самого сотрудника полиции, так как знание законов и понимание отданных ему приказов и распоряжений вышестоящего начальника будут являться тем основанием, на которое будет опираться суд при разбирательстве. Такой вывод можно сделать исходя из ч. 2 ст. 42 Уголовного Кодекса Российской Федерации. В том случае если лицо, исполняющее приказ или распоряжение, осознает незаконность отданного приказа или распоряжения, но при этом исполняет их, то обстоятельства, исключающие ответственность, не наступают. Уголовная ответственность за исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения наступает как за умышленное преступление. В учебном пособии «Основы уголовного права» Санкт-Петербургского Университета МВД России соавтором и редактором А. Г. Антоновым приведен такой пример: «Начальник приказывает сотруднику правоохранительного органа применить пытки к задержанному с целью быстро получить сведения о совершенном преступлении. Выполнение такого приказа повлечет уголовную ответственность как исполнителю конкретного преступления, так понесет уголовную ответственность и начальник, но не как исполнитель, а как, например, организатор преступления. В таких ситуациях необходимо применять нормы о соучастии в преступлении» [3, ст. 116]

Но бывают случаи, когда приказ, выполняемый каждый день, может привести к уголовному разбирательству. Д. А. Луньков в своей статье приводит такой пример оправдательного приговора: когда начальник, отдающий приказ, признается виновным, а его подчиненные, выполнившие этот приказ, освобождаются от уголовной ответственности на основании ст. 42 Уголовного кодекса Российской Федерации [2, ст. 55–60].

Даже не будучи образованным в правовой сфере, обычный гражданин, воспитанный в обществе, семье, сможет определить то деяние, которое будет противоречить не только внутренней чести и справедливости гражданина, но и принципам законности государства, в котором он проживает. С малых лет, даже если семья и окружение человека не являются верующими людьми, он из разных источников узнает такие принципы как «не убий», «не укради» и подобные им. С этих мыслей уже закладывается основа законности и правомерности тех или иных действий или деяний, а сотрудник полиции – это не только всесторонне развитый и образованный

гражданин, но и прекрасно подготовленный в правовой и служебной сферах профессионал.

Однако встречаются и такие случаи, когда обыденный приказ внезапно становится преступным для исполнителя. Простые, рутинные обязанности, из-за корыстного интереса, либо иной личной заинтересованности начальника приводят к уголовной ответственности.

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: вполне реально представить ситуацию, когда начальник отдает заведомо незаконный приказ и подчиненный его выполняет. Страх перед начальником, страх санкций за неисполнение приказа велик, и, в некоторых случаях он перевешивает здравый смысл и требования нормативных правовых актов в сфере обеспечения безопасности общественного порядка. В случае, если в обязанностях подчиненного нет действий, способных выявить незаконность приказа (как в примере с прапорщиком), то его исполнение будет продолжаться без преступного умысла со стороны исполнителя.

Количество оправдательных решений в соответствие со статьёй 42 Уголовного Кодекса Российской Федерации крайне незначительно (в сфере интересов органов внутренних дел). Отсюда исходит вывод: доказать невиновность по данной статье крайне тяжело, когда незаконность приказа заведомо ясна.

По мнению В. А. Гарбатовича при рассмотрении таких дел очень важно выяснить следующие моменты: был ли отдан приказ, кем был отдан приказ, и был ли приказ обязателен к исполнению для конкретного исполнителя [1, ст. 19–22].

Опираясь на информацию, взятую из вышеприведенных нормативных правовых актов, и мнения вышеуказанных авторов, можно сделать следующие выводы:

Приказ – основная и главная форма волеизъявление командира (начальника) на основании которой строится вся деятельность той или иной структуры или подразделения. Он обязателен к исполнению. За него несут ответственность как начальник (командир), отдавший приказ, так и подчиненный его исполняющий. При определенных обстоятельствах (незаконность отданного приказа) появляются причины, исключающие ответственность за его исполнение.

В разные периоды истории России отношение к незаконному приказу (распоряжению) в разных государственных структурах было, в той или иной мере, идентичное. Но, если в советском правовом поле в Вооруженных силах за такой приказ отвечал, чаще всего, только командир, то в настоящее время ответственность за исполнение незаконного приказа, при понимании этого факта подчиненным, наступит и у него. А для квалификации преступления или для вынесения оправдательного приговора следует найти ответы вопросы:

1. Отдан ли был приказ?

2. Если был отдан, то кем?

3. Был ли приказ обязательным для конкретного подчиненного?

Именно с определения этих вопросов будет начато разбирательство по делу об исполнении заведомо незаконного приказа. Выявление фактов знания или незнания, осознанности или неосознанности исполнителем правомерности и законности полученного приказа (распоряжения) станет фактором образования обстоятельства, исключающего ответственность за исполнение такого приказа.

В современном мире информационных технологий, когда обучение идет с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в которой есть великое множестве баз данных и знаний по правовой подготовке, очень трудно представить человека, а в нашем случае сотрудника полиции, который не сможет и не будет понимать противоправность и незаконность полученного им приказа или распоряжения, а значит, он умышленно будет выполнять заведомо незаконный приказ.

Библиографический список

1. Гарбатович В. А. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния : алгоритм квалификации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право» 2017. Т. 17. № 2. С. 19–23.

2. Луньков Д. А. Совершение преступления путем отдачи подчиненному лицу приказа (распоряжения), обязательного для исполнения / Д. А. Луньков // Законность. 2012. № 5. С. 55–60.

3. Основы уголовного права : учебное пособие / под ред. А. Г. Антонова. Спб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. С. 116.

4. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской : постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Подчинённый, выполнивший законное распоряжение своего начальника, не может отвечать за наступившие последствия, предвидеть которые обязан не он, а лицо, отдавшее распоряжение (Опр. УСК СССР по делу Т. И С.) // Сборник постановлений пленума и округа коллегий Верховного Суда СССР. 1938–1939 гг. С. 104.

6. Тищенко А. Г. Должен ли исполняться военнослужащим незаконный приказ? // Право в Вооруженных силах. 2001. № 11. С. 15

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных

Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») : указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 47. Ст. 5749.

9. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [принят Гос. Думой 27 января 2011 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. № 7. Ст. 99.

10. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [принят Гос. Думой 17 ноября 2011 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ст. 7.

© Сухарева Е. В., 2025
© Шиянов А. Ю., 2025

УДК 343.13

Сучков А. И. – старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЕЕ РОСПУСКА

TENDENTIOUSNESS OF JURIES AS A BASIS FOR ITS DISSOLUTION

Аннотация. Статья посвящена проблемному вопросу теоретического осмысления, законодательного регулирования и практического применения процессуального института коллегии присяжных заседателей, а также ее роспуска ввиду тенденциозности. Автором акцентируется внимание на отсутствие законодательно закрепленного понятия «тенденциозность» и как следствие позитивного опыта в судебной практике при разрешении вопросов тенденциозности состава присяжных заседателей.

Abstract. The article is devoted to the problematic issue of theoretical understanding, legislative regulation and practical application of the procedural institution of the jury, as well as its dissolution due to bias. The author focuses

on the lack of a legislatively fixed concept of "bias" and, as a result, positive experience in judicial practice in resolving issues of bias in the composition of jurors.

Ключевые слова: коллегия присяжных заседателей, тенденциозность, роспуск коллегии присяжных заседателей, объективность коллегии присяжных заседателей.

Keywords: jury, tendentiousness, dissolution of the jury, objectivity of the jury.

Уголовно-процессуальным законодательством обвиняемому предоставлена возможность ходатайствовать о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей, что в некоторой мере служит депрофессионализацией судебной власти путем распределения функциональных обязанностей присяжных заседателей («судей факта») и председательствующего судьи («судьи права»), при этом «представителям народа» вверяется полномочие разрешить фактические вопросы дела, руководствуясь сугубо здравым смыслом, обыденными представлениями как о юридической области в целом, так и о законодательных нормах, прямо запрещающих совершение определенного деяния, в частности. При этом, присяжные заседатели не касаются юридических аспектов, связанных с квалификацией содеянного, определением формы вины и т. д.

Значимым элементом механизма формирования коллегии присяжных заседателей с точки зрения объективности является предоставленная участникам судебного разбирательства процессуальная возможность ее роспуска ввиду тенденциозности состава.

Постановление Верховного Суда Российской Федерации дефинирует понятие «тенденциозность» как невозможность заявленного состава присяжных заседателей оценить существо рассматриваемого дела в согласовании с критериями полноты, всесторонности и объективности и в последующем вынести вердикт, отвечающий положениям справедливости [1, с. 4]. Вместе с тем вопрос, касательно природы обстоятельств, являющихся первопричиной упомянутой неспособности в постановлении, не освещается.

Конституционным Судом Российской Федерации «тенденциозность» была увязана с определенными обстоятельствами, подлежащими выяснению сторонами во время опроса кандидатов в присяжные заседатели, которые в свою очередь послужат препятствием для реализации гражданского долга, связанного с рассмотрением уголовного дела, либо же повлияют на процесс принятия итогового решения [2, с. 3]. Не оспаривая логическое построение упомянутого подхода к определению «тенденциозности», мы укажем на невозможность установления причин, по которой те или иные обстоятельства не могут быть положены в обоснование достаточности для отвода конкретного кандидата.

Парадоксальным является тот факт, что участие присяжных заседателей в судебном разбирательстве является правовым явлением действительности, которое служит гарантом обеспечения конституционных прав граждан, а также одним из способов реализации назначения уголовного судопроизводства, в частности, защиты личности от необоснованного и незаконного осуждения, обвинения и ограничения ее прав и свобод, однако при практическом применении данного института возникают противоречия. На законодательном уровне «тенденциозность» является понятием относительно неопределенным, так как оно не инкорпорирует в своем содержании информации о причинах, объективно свидетельствующих о невозможности участия того или иного кандидата в присяжные заседатели, именно поэтому стороны не имеют возможности реализовать свое право на справедливое судопроизводство, так как судья отдает предпочтение отказу в удовлетворении ходатайства о роспуске ввиду тенденциозности нежели его удовлетворению и как следствие столкновению с негативной характеристикой его деятельности, выражающейся в злоупотреблении правом.

Хотя содержание термина «тенденциозность» и его направления не имеют четкой регламентации, анализ судебной практики позволил обнаружить, что «тенденциозность» как правовое явление находит отражение в гендерном или национальном численном преимуществе присяжных. Однако это также является спорным, так как Верховный суд Российской Федерации установил, что при формировании коллегии присяжных заседателей из подавляющего числа женщин необоснованно было указывать на предвзятость, так как положение ст. 19 Конституции Российской Федерации гласит, что все, независимо от пола равны перед законом и судом, соответственно мужчина и женщина имеют равное положение относительно предоставленных им прав и свобод, а также возможностей их реализации [3, с. 8].

Таким образом, ни законодательство, ни теоретические исследования, а также судебная практика четко не обозначают основания роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду ее тенденциозности, что служит препятствием на пути к мотивированному заявлению ходатайства о ее роспуске.

Библиографический список

1. О применении судами норм Уголовно -процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 330 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определе-

ние Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2009 г. № 1441-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Суд на основании ст. 302 ч.8 УПК РФ освободил лицо от наказания, назначенного по ст. 167 ч. 1 УК РФ, т. к. ко дню вынесения приговора за преступления, предусмотренные ст.ст.167 ч. 1, по которым он осужден, истекли предусмотренные ст. 78 УК РФ сроки давности уголовного преследования, которые составляют шесть лет со дня совершения преступлений средней тяжести : определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2007 г., дело № 9-о06-66сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Сучков А. И., 2025

УДК 343.1

Таршева М. Н. – преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел)

ПРОЦЕДУРА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE PROCEDURE OF RECONCILIATION OF THE PARTIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Аннотация. На основе проведенного анализа автор статьи приходит к выводу о том, что говорить о реализации примирительных процедур (или примирительной процедуры) в отечественном уголовном процессе можно с большой долей условности ввиду того, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не регламентирует порядок действий участников уголовно-процессуальных отношений по достижению примирения сторон. Предлагается авторская модель примирительного уголовно-процессуального механизма (примирительной процедуры).

Abstract. Based on the analysis, the author of the article comes to the conclusion that it is possible to talk about the implementation of conciliation procedures (or conciliation procedures) in the domestic criminal process with a high degree of conditionality due to the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not regulate the procedure for the actions of partici-

pants in criminal procedural relations to achieve reconciliation. parties. The author's model of a conciliatory criminal procedure mechanism (conciliation procedure) is proposed.

Ключевые слова: примирение сторон в уголовном судопроизводстве; нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования; компромисс в уголовном процессе; уголовно-процессуальный механизм примирения.

Keywords: reconciliation of the parties in criminal proceedings; non-rehabilitating grounds for termination of criminal prosecution; compromise in criminal proceedings; criminal procedural mechanism of reconciliation.

Общеизвестно, что примирительные обряды и традиции урегулирования конфликтов, в том числе криминального характера, существовали на протяжении всей истории человечества, начиная с самых давних времен [1, с. 121]. Неслучайно примирительные процедуры находят свое закрепление в современном отечественном процессуальном законодательстве. В частности, речь идет о Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) (глава 14.1 ГПК РФ), Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 137–137.7).

Уголовно-процессуальный кодекс закрепляет основание прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, однако не регламентирует действия участников уголовно-правового конфликта (потерпевшего, подозреваемого) по его достижению.

Большое количество написанных учеными трудов позволили исследовать примирение сторон уголовно-правового конфликта с различных сторон: теоретической [2], криминологической [3], уголовно-правовой [4, 5], уголовно-процессуальной [6], [7], [8] и т. д.

В своих выводах ученые сходятся в одном – норма процессуального закона, закрепляющая право суда, следователя или дознавателя прекратить уголовное дело на основании примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), обладает очевидным правозащитным и воспитательным потенциалом.

Несмотря на очевидную ценность уголовно-процессуального примирения подавляющее большинство ученых приходят к выводу о том, что потенциал рассматриваемой нормы не реализуется в полной мере. Такой вывод авторы делают на основании анализа уголовных дел и статистики [8, с. 3] решений, принимаемых в порядке ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в досудебном производстве и судом; решений в порядке рассматриваемой статьи в судебном порядке принимается в разы больше.

Представляется, что имеет место недостаточность процессуального ресурса, обусловленная отсутствием законодательной регламентации примирительной процедуры.

Фактически процесс примирения в уголовном процессе «пущен на самотек»; до сведения участников уголовно-процессуальных отношений не доводится даже сама возможность разрешения конфликта тем или иным способом (посредством примирения, возмещения преступного вреда при назначении судебного штрафа и т. д.); сущность и содержание норм материального и процессуального права. Это приводит к тому, что стороны лишены возможности выбора для себя наиболее приемлемого способа разрешения уголовно-правового конфликта (посредством примирения сторон, через возмещение ущерба или иным образом заглаживания вреда при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и т. п.).

Для повышения эффективности примирения в уголовном процессе России считаемым необходимым закрепление права потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на примирение в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ (которое, по нашему мнению, вытекает из положений ст. 25, 268 УПК РФ), а также процедурного механизма реализации соответствующего права.

Не было бы лишним придать ст. 25 УПК РФ императивный характер, чтобы избежать тех случаев, когда при фактически достигнутом примирении сторон, наличии ходатайств потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела соответствующего решения со стороны правоприменителя не следует; объясняя мотивы принятия такого решения, суд, следователь или дознаватель указывают на то, что это их «право, а не обязанность». Предложение о придании норме императивного характера, конечно, уже высказывалось не единожды. Однако отстаивание необходимости формального закрепления процедурного механизма без исключения дискреционного характера нормы, бессмысленно. Полагаем, что в данном случае усмотрение правоприменителя является лишним. Законодатель закрепил все условия, от выполнения которых зависит конкретный исход дела. Если их недостаточно, то нормы следует скорректировать либо выработать конкретные критерии, которыми мог бы руководствоваться правоприменитель при принятии соответствующего решения.

Следует признать, что в настоящее время примирение сторон в уголовном процессе можно считать примирительной процедурой с большой долей условности, так как отсутствует формализованность и регламентированность действий участников по достижению примирения сторон.

Ученые, занимавшиеся разрешением этой проблемы, предлагают решить ее посредством внедрения, нормативного закрепления (либо в рамках УПК РФ [9], либо соответствующего федерального закона [7]) посреднической процедуры примирения – медиации. Такая практика находит свое отражение в зарубежном опыте, поэтому можно считать, что примирительные процедуры в уголовном процессе могут осуществляться в двух

формах: «самостоятельное примирение сторон», «примирение сторон с участием посредника»).

Безусловно, медиация является примирительной процедурой, и посреднические примирительные правовые традиции известны истории нашего государства, однако имплементация или же разработка такой процедуры применительно к отечественному уголовному процессу является более сложной задачей (в ранее проводимом диссертационном исследовании нами была предложена авторская модель и посреднической примирительной процедуры), нежели проработка процедурного аспекта примирения, осуществляемого сторонами самостоятельно, в нормах УПК РФ.

Предлагается авторская модель примирительной процедуры. Она включает в себя три этапа: подготовительный, основной (консенсусный), заключительный.

Подготовительный этап заключается в: разъяснении следователем до начала первого допроса сторонам уголовно-правового конфликта (потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому) допустимых оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, в частности ст. 25 УПК РФ, условий их наступления, а также юридических последствий. Очевидно, что такие разъяснения могут быть доведены до сведения потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) в случае законодательного закрепления этой обязанности, например в ст. 28.3 УПК РФ. Таким образом, следователя (дознавателя) следует признать участником процедуры на подготовительном этапе; непосредственного участия в переговорах на основном этапе процедуры он не принимает.

На основном этапе процедуры непосредственные участники уголовно-правового конфликта (потерпевший и подозреваемый или обвиняемый осуществляют переговоры для того, чтобы обсудить условия предполагаемого примирения сторон. Потерпевший озвучивает желаемый размер, способ и форму заглаживания вреда, достаточную для прощения подозреваемого (обвиняемого); получает извинения, ответы на интересующие вопросы и т. д.

На этом же этапе подозреваемый (обвиняемый) осуществляет действия по заглаживанию вреда, по завершении которых следует составить соглашение о примирении и заглаживании вреда (соглашение о примирении сторон).

Надо понимать, что на основном этапе, переговоры между участниками примирительной процедуры могут завершаться заключением и промежуточного (предварительного) соглашения (как в устной, так и письменной форме) о сроках, размерах, форме и порядке возмещения преступного вреда. Такое соглашение не должно являться основанием для принятия решения в порядке ст. 25 УПК РФ, оно дает подозреваемому (обвиняемому) конкретику в понимании того, какие позитивные постпреступные действия ему необходимо совершить. После выполнения договорен-

ностей, стороны заключают соглашение о примирении и заглаживании вреда. Это позволит упорядочить действия участников уголовно-правового конфликта, зафиксировать результаты примирения и возмещения вреда, а также минимизировать ошибки в правоприменительной практике. Соглашение должно быть оформлено в письменной форме и подписано потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым).

Действующее процессуальное законодательство не закрепляет положений, обязывающих стороны удостоверять факт достигнутого примирения сторон составлением соглашения. Это приводит к тому, что последствий в виде прекращения уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ не наступает. К такому выводу приходят ученые по результатам изучения материалов уголовных дел [8, с. 96–98]. Например, достаточно распространенной можно считать ситуацию, когда при фактически достигнутом примирении сторон от участников криминального конфликта поступают письменные заявления с ходатайствами о прекращении уголовных дел в порядке ст. 25.1 УПК РФ. В судебном заседании, как правило, этот факт выявляется и материалы уголовного дела снова направляются в орган предварительного расследования.

На заключительном этапе процедуры любой из ее участников может подать ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела соглашения о примирении сторон и принятии соответствующего решения (в порядке ст. 25 УПК РФ). В текущей редакции норма предусматривает прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон исключительно на основании заявления потерпевшего или его законного представителя. Однако мы предлагаем внести изменения в статью, предусмотрев возможность прекращения дела на основании соглашения, подписанного обеими сторонами.

Мы полагаем, что ст. 25 УПК РФ должна быть дополнена положениями, закрепляющими обязательность составления соглашения о примирении и возмещении вреда в случае достижения сторонами примирения, а также определяющими его форму и содержание. При разработке процессуального механизма также важно уточнить круг участников процедуры. Основными участниками, безусловно, должны выступать потерпевший и подозреваемый (обвиняемый), а в отдельных случаях – их законные представители или представители.

Для принятия решения в порядке ст. 25 УПК РФ следователь (дознаватель) обязан удостовериться в достоверности данных, указанных в соглашении, а также в том, что заключение соглашения не является результатом давления, угроз или иных незаконных действий со стороны подозреваемого (обвиняемого) или третьих лиц. После этого выносится соответствующее постановление. При этом решение о прекращении дела может быть принято только после установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, предлагается формализация уголовно-процессуальной примирительной процедуры. При ее теоретической разработке мы опирались на положения действующего процессуального законодательства, допускающего примирение сторон в порядке, предусмотренном статьей 25 УПК РФ.

Библиографический список

1. Кури Х., Ильченко О. Ю. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса : российский и зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 1.

2. Мачучина О. А. Институт примирения : теоретико-правовые основы : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 232 с.

3. Квашис В. Е. Примирение в праве : компромисс или уступка? // Вестник КРУ МВД России. 2020. № 1 (47). С. 7–11.

4. Аликперов Х. Д., Зейналов М. А. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999. 90 с.

5. Ендольцева А. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (некоторые аспекты применения соответствующих норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства) // Российский следователь. 2001. № 9. С. 29–31.

6. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 284 с.

7. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта Российской Федерации «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. Вып. 6. 2006. С. 65–73.

8. Таршева М. Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве : дис. … канд. юрид. наук. Орел, 2022. 214 с.

9. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 262 с.

© Таршева М. Н., 2025

УДК 343.1

Телигисова С. С. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

ON THE ISSUE OF THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN COUNTERING CYBERCRIME

Аннотация. В представленной статье рассматриваются методы и технологии искусственного интеллекта в системе обнаружения кибератак и других преступлений в цифровом пространстве. Автор рассматривает применяемые отечественными и зарубежными правоохранительными органами программы, позволяющие вычислять закономерности, указывающие на противоправное поведение и предупреждать нарушения в киберпространстве.

Abstract. This article discusses the methods and technologies of artificial intelligence in the detection of cyber attacks and other crimes in the digital space. The author examines the programs used by domestic and foreign law enforcement agencies to calculate patterns indicating illegal behavior and prevent violations in cyberspace.

Ключевые слова: киберпеступления, киберпространство, киберзащиты, цифровая безопасность, информационные технологии, информационная безопасность, конфиденциальность, правоохранительные органы, оперативно-розыскные мероприятия, цифровой носитель информации, искусственный интеллект.

Keywords: cybercrime, cyberspace, cyber defense, digital security, information technology, information security, privacy, law enforcement agencies, operational investigative measures, digital media, artificial intelligence.

Как известно, с развитием информационных технологий преступники используют киберпространство для совершения многочисленных киберпреступлений. Растущие тенденции сложных распределенных вычислений поднимают важные вопросы об информационной безопасности и конфиденциальности. Кибер-инфраструктуры очень уязвимы для вторжений и других угроз. Физические устройства, такие как датчики и детекторы, не-

достаточны для мониторинга и защиты инфраструктур, следовательно, существует потребность в более сложных информационных технологиях, которые могут моделировать правомерное поведение и обнаруживать отклонения. Системы киберзащиты должны быть гибкими, адаптированными и надежными, а также способными обнаруживать широкий спектр угроз и принимать интеллектуальные решения в режиме реального времени.

Доступные академические ресурсы показывают, что методы искусственного интеллекта уже имеют многочисленные случаи применения в борьбе с киберпреступлениями. Например, нейронные сети применяются для обнаружения и предотвращения вторжений, также есть предложения по использованию нейронных сетей и в «обнаружении отказа в обслуживании», обнаружении компьютерных червей, классификации вредоносных программ и уголовных расследованиях. Другие методы, такие как эвристика, интеллектуальный анализ данных, нейронные сети также были применены к антивирусным программам нового поколения. В некоторых высокоразвитых государствах, имеющих мощное программное обеспечение, собственные интернет-платформы широко используют технологию «интеллектуальных агентов», которая отлично комбинируется с технологиями «мобильных агентов». «Мобильные интеллектуальные агенты» успешно перемещаются между облачными хранилищами-пунктами сбора информации и выявляют подозрительные вирусные программы, после чего эффективно блокируют все попытки кибератак.

В отечественной цифровой безопасности специалистами применяется такой вычислительный механизм, который позволяет имитировать структурные и функциональные аспекты нейронных сетей, существующие в нейронных системах. Они идеально подходят для ситуаций, требующих прогнозирование, классификацию или управление в динамичных и сложных компьютерных средах.

Программа под названием «Intelligent Agent Applications», представляющая собой автономные компьютерные силы, которые взаимодействуют друг с другом, обмениваются данными, сотрудничают в целях планирования и осуществления соответствующих ответных мер в случае непредвиденных мер. Их мобильность и адаптированность к среде, в которой они развертываются, а также их совместный характер усиливают технологию «интеллектуальных агентов», используемую для борьбы с кибератаками.

Апробация и внедрение информационных технологий в качестве результатов научно-технического процесса способствует решению многих проблем, которые возникают в повседневной жизни общества. В то же время использование информации и телекоммуникационных технологий часто осуществляется не в благих намерениях, а для совершения различного рода общественно опасных деяний, таких как компьютерные преступления, незаконный оборот порнографических материалов, призывы к террористической и экстремистской деятельности и т. д.

Правоохранительные органы России для получения оперативно значимой информации, касающейся идентификации и пресечения незаконной деятельности лиц, а также в целях использования таких электронных средств информации, которые имеют значение для уголовного дела в ходе уголовного производства, разработали определенную тактику и применяют различные методы и средства. К примеру, в отечественной правоприменительной практике наиболее распространенным способом получения информации, представляющей особый интерес для правоохранительных органов, содержащейся в мессенджерах (сообщения, фотографии, аудио- и видеофайлы и другие типы информационных данных) является изъятие цифрового материала-носителя (электронного устройства), содержащего интересующую компетентных органов информацию, которая требует последующего исследования.

Подобные действия могут осуществляться в рамках оперативно-розыскной деятельности путем проведения различных видов оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых согласно ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (далее – Федеральный закон «Об ОРД») возможно наложения ареста на предметы, материалы и сообщения.

В то же время положения Федерального закона «Об ОРД» указывают на сотрудника правоохранительных органов, который в случае изъятия документов, предметов, материалов в ходе публичных оперативно-розыскных мероприятий является должностным лицом, осуществляющим изъятие, и оформляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального судопроизводства и законодательства Российской Федерации. Очевидно, что это относится только к публичным мероприятиям. На практике же, как правило, это не всегда выполняется органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Часто должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, изымают электронные устройства во время фактического задержания, в ходе которого, к примеру, проводится личный досмотр задержанного.

В качестве второго метода предлагаем рассмотреть такой метод как «дистационный перехват». По данному методу ситуация может складываться немного иначе, к примеру: правоохранительным органам Российской Федерации необходимо удаленно получить информацию (например, в виде переписки), содержащуюся в смс-информации, в посланиях по различным мессенджерам.

Как правило, такая необходимость возникает на практике в ходе проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и документирования преступного умысла, связей, соучастников и установления всей цепочки, а также общей картины совершаемого преступления. В связи с этим публичное проведение оперативно-розыскных мероприятий может не дать никаких результатов или даже отпугнуть злоумышленника, ко-

торый может помимо прочего, косвенно уничтожить значимую информацию при информировании его об осуществлении в отношении него оперативно-розыскных мероприятий или уголовного преследования, а в некоторых случаях фактический захват просто не представляется возможным (например, в ситуациях, когда оперативные органы не знают разрабатываемого человека и не существует никакой другой достоверной информации). Оперативные подразделения могут отслеживать проводимые разговоры через интернет-чаты, мессенджеры. Сразу стоит оговорить, что в данной статье мы не ставили предметом исследования изучение вопросов, связанных с необходимостью получения правоохранительными органами судебных решений при проведении оперативно-розыскных мероприятий, использование специальных технических средств.

В других ситуациях оперативно-розыскные органы также могут установить контакт с лицом, которое ведет переписку через мессенджер. К примеру, лицо проверяется или разрабатывается, в результате чего сотрудники правоохранительных органов могут получить прямой доступ к такой переписке, который может добровольно и напрямую предоставить электронный носитель информации правоохранительным органам. В таких случаях закон не защищает тайну личных переговоров, поскольку одна из сторон делает их публичными.

Третий метод включает в себя направление запроса; он используется в тех случаях, когда невозможно реализовывать описанные выше методы. Наиболее часто это происходит в силу того, что человек, который должен быть привлечен к уголовной ответственности, не идентифицирован или находится за пределами территории Российской Федерации (с самого момента совершения преступления или же после его совершения), а также механизмы дистанционного перехвата электронной информации не приносят результатов.

На практике оперативные подразделения связываются с поставщиком услуг напрямую через свой официальный адрес электронной почты с просьбой облегчить сохранность данных или воспользоваться каналами Интерпола. Например, в мессенджере «Snapchat» хранятся журналы отправленных и полученных сообщений 31 день, опубликованные в истории переписки – 24 часа.

Стоит отметить, что в Соединенных Штатах Америки существует три типа хранимой и доступной информации, а именно: основная информация об абоненте – это информация, которая описывает, кто является подписчиком (имя и адрес), и включает простую информацию (дату и время) об использовании «онлайн-сервиса» пользователем; информация о транзакциях (транзакционная информация), которая представляет собой записи, определяющие, с кем пользователь был связан, какие сайты посещал, отражает онлайн-активность. Для получения данной информации необходимо предоставить суду справку о расследовании с обоснованием.

В любом случае получение электронной информации, содержащейся в мессенджере, является трудоемким процессом как с точки зрения его организации, так и различных оперативно-розыскных и процессуальных аспектов. Развитие информационных технологий оказало большое положительное влияние и принесло много удобств в нашу жизнь. Однако это также вызвало проблемы, с которыми трудно справиться, такие как возникновение киберпреступлений. Поскольку технологии продолжают развиваться, уголовные дела, соответственно, меняются. Каждый день мы сталкиваемся с растущим числом и разнообразием киберпреступлений, поскольку эта технология представляет собой простой способ для преступников достичь своих целей.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что применение вышеуказанных методов в целях безопасности киберпространства уже широко и успешно используется, что позволяет работать российским и зарубежным правоохранительным органам на опережение в борьбе с киберпреступностью. Стало очевидным, что широкое применение искусственного интеллекта, а также его внедрение в различные сферы социума, экономической и государственной безопасности выступает эффективным средством в противодействии преступности, ее прогнозировании и предупреждении.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Василенко Н. А. Преступления в сфере информационных технологий (киберпреступность) // Старт в науке. 2016. № 5. URL: https://science-start.ru/ru/article/view?id=428 (дата обращения: 17.01.2025).

5. Иванова Л. В. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberprestupleniy-po-rossiyskomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu (дата обращения: 17.01.2025).

© Телигисова С. С., 2025

УДК 343.1

Тингаева И. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа);
Назаров М. П. – курсант 3 курса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье автором рассмотрено понятие и сущность, характерные признаки уголовно-процессуальных функций. Проанализированы особенности их возникновения, развития, а также определены проблемные аспекты их реализации, которые нуждаются в дополнительном изучении и совершенствовании на современном этапе развития уголовно-процессуального судопроизводства.

Abstract. In the article the author examines the concept and essence, characteristic features of criminal procedural functions. The features of their occurrence and development are analyzed, as well as problematic aspects of their implementation that need additional study and improvement at the current stage of the development of criminal procedural proceedings.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, отрасль права, актуальные вопросы, уголовное судопроизводство, преступления.

Keywords: criminal procedure law, branch of law, current issues, criminal proceedings, crimes.

Одной из главных задач любого демократического государства являлась, является и будет являться защита прав и свобод человека, гражданина и борьба с преступностью. Воплощение в жизнь главных задач гарантирует и обеспечивает законность и правопорядок в обществе. Исходя из этого, перед государством и обществом стоит цель, которая заключается в разработке и организации мер, заключающихся в сохранении и поддержании равновесия между правами граждан, указанных в Конституции Российской Федерации, и интересами общества и государства.

Любое явление в нашей жизни имеет основу, базу, на которой строятся основные элементы системы, формируется ее структура и расширяется субъектный состав. Так, уголовно-процессуальное право является основополагающим понятием, применяемое во многих юридических сферах жизнедеятельности общества. В связи с возможностью многоаспектного рассмотрения процесса становления, развития и проблемных аспектов

функций уголовно-процессуального права актуальность данной темы состоит в том, что процессуальные функции являются главенствующим элементом уголовного процесса, в основу которого положен принцип состязательности сторон. Уголовно-процессуальные функции – это определенные направления процессуальной деятельности отдельных участников уголовного судопроизводства. Именно посредством таких функций реализуются основные процессы уголовного судопроизводства в целом.

Практическая значимость изучения актуальных направлений совершенствования уголовно-процессуальных функций заключается в том, что они могут способствовать перспективному развитию на современном этапе подобных функций как основы уголовного процесса. Поскольку значение подобного рода функций велико, то проблемы, связанные с научным пониманием и практическим применением процессуальных функций является актуальными и сегодня.

На сегодняшний день имеется множество литературы и других источников, в которых рассматривается данная проблематика. О степени важности изучения уголовно-процессуальных функций говорит тот факт, что новый уголовно-процессуальный кодекс впервые закрепил их конструкцию и в современности продолжают совершенствоваться формы их применения.

После формирования с теоретической точки зрения определения «процессуальные функции» состязательная модель уголовного судопроизводства Российской Федерации все больше получила свое закрепление.

Деятельность, связанная с уголовно-процессуальным направлением, определяет роль каждого участника уголовного судопроизводства, которые в последующем наделяются уголовно-процессуальными функциями. Сущность целей, предмета деятельности лежит в основе объективности правового статуса и роли, занимаемой каждым участником. Пределы их функционирования, а также формы исполнения своих полномочий определяются в соответствии с законодательством, в противном случае, при нарушении предписанных норм права можно говорить о нарушении таких функции.

Функции, в основу которых положены общие цели уголовного процесса, выполняют органы государства путем реализации публично-правовых обязанностей, а также участники процесса и участники судебного разбирательства. Основные процессуальные функции взаимно связаны, обусловлены друг другом и в своем единстве обеспечивают правильный ход и исход дела.

Изначально термин «функция» рассматривался лишь с теоретической точки зрения, хотя многие ученые не раз подвергали сомнению подобную теорию на соответствие действующим нормативным правовым актам. Например, в УПК РФ используется понятие «уголовно-

процессуальные функции» при обосновании принципа состязательности сторон: «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или должностное лицо».

М. С. Строгович под рассматриваемым понятием понимал: «Уголовно-процессуальные функции – это определенные стороны, определенные направления деятельности, не совпадающие друг с другом и не поглощаемые друг другом» [2, с. 197]. Исходя из этого определения, большинство авторов выделяют основные три функции: обвинения, защиты и разрешения дела.

Анализируя такой подход к пониманию уголовных функций можно говорить о следующих критериях, им присущих:

1. Цель, которая образуется исходя из статуса процессуального лица, и определяет направление его деятельности.

2. Наличие последовательных и целенаправленных действий и решений, осуществляемых органом и приводящих к результативному исполнению основных функций.

3. Совокупность у субъекта уголовного процесса прав и обязанностей, образующих полномочия, с помощью которых достигается цель уголовного судопроизводства.

4. Участники, реализуемые посредством своих полномочий основополагающие принципы уголовного процесса.

Приходим к выводу о том, что под основной уголовно-процессуальной функцией следует понимать «направленную на достижение цели уголовного судопроизводства деятельность субъектов уголовного процесса, обусловленная совокупностью их процессуальных полномочий».

П. С. Элькинд считает, что «функции уголовного процесса – это определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников» [3, с. 53].

З. З. Зинатуллина и Т. З. Зинатуллина уголовно-процессуальные функции рассматривают исходя из следующих характерных особенностей [4, с. 145]:

– деятельность, которая регулируется законом;

– осуществляется представителями со стороны обвинения и защиты;

– деятельность, предназначенная для исполнения назначения уголовного судопроизводства.

Важно отметить, что раньше уголовно-процессуальные функции рассматривались многими учеными с точки зрения занимаемого положения должностного лица, сейчас же законодатель иначе видит назначение уголовного судопроизводства:

– защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

– защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод;

– уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания;

– отказ от уголовного преследования невиновных лиц, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Следовательно, можно выделить следующие основные задачи:

– восстановление прав лиц, которые пострадали во время или после совершения преступления;

– защита лица от незаконного и необоснованного обвинения.

Признаками уголовно-процессуальных функций являются:

– целевая направленность функций на осуществление задач правосудия;

– реализация в предусмотренных законом формах и установленными процессуальными способами и средствами;

– выполнение компетентными органами и лицами;

– возможность осуществление одной и той же функции несколькими органами и лицами (например, расследование может производиться как органами расследования, так и дознания; со стороны обвинения могут выступать как прокурор, так и потерпевший);

– наличие у каждой функции особенностей, которые исключают их пересечение с остальными функциями уголовного процесса (так, в случае, если одно лицо одновременно будет выполнять и функцию защиты, и обвинения, то произойдет их несовместимость, именно поэтому каждый органам и процессуальное лицо занимаются реализацией своих задач);

– закрепление за конкретным органом отдельной узконаправленной функции (к примеру, прокурору принадлежит функция обвинения в суде);

– рассмотрение и разрешение дел по существу является исключительной функцией для суда.

Таким образом, значение уголовно-процессуальных функций заключается в правильном определении статуса участника и его целей, преследуемых в процессе исполнениях своих процессуальных полномочий, а также установление пределов взаимосвязи между всеми участниками уголовного процесса.

Понятие «функции» было сформировано еще в уголовном процессе, существовавшим в дореволюционный период. Итак, после проведения в 1864 году судебной реформы основательно были закреплены три основных функции:

1. Обвинительная функция, реализуемая исполнительной властью.

2. Защитная функция, осуществляемая приглашенным защитником или государственным.

3. Функция разрешения дела по существу судом, которая осуществляется судебной властью.

А. А. Усачев, анализируя проблематику вышеперечисленных функций, отмечает, что «функциональная структура уголовно-процессуальной деятельности не может ограничиться анализом трех традиционно выделяемых процессуальных функций, необходимо обратить внимание на два непреложных методологических правила, которые следует соблюдать при функциональном анализе уголовно-процессуальной деятельности:

– анализу функций должен предшествовать тщательный анализ задач и целей уголовного судопроизводства, поскольку каждая функция прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно вытекает из задач и целей процесса;

– в любой выделенной системе функций должна четко просматриваться связь между ними, поскольку функции всегда взаимосвязаны.

Научный подход к изучению уголовно-процессуальных функций как одних их главных правовых явлений является значимым и сегодня. Комплексная взаимосвязь таких принципов с другими важными вопросами науки и практики однозначно имеется, к примеру, с такими, как характер и содержание принципов процесса, его структура, правовая природа, а также социальная направленность.

Знание о закономерностях применения процессуальных функций и их правильная реализация позволяет осуществлять эффективное функционирование целостной системы уголовного процесса [5, с. 53].

Л. И. Малахова считает, что ограничиваясь тремя основными функциями, деятельность каждого участника уголовного процесса не в полной мере отражает сущность выполняемых ими действий, поэтому целесообразнее будет сформировать дополнительные процессуальные функции, что позволит расширить общую систему функций уголовного процесса [6, с. 54].

Деятельность каждой стороны уголовного процесса, несомненно, имеет свои особенности и цели, к которым должностные лица при исполнении своих полномочий следуют. Однако в дальнейшем делении уже имеющиеся функции на более узконаправленные не нуждаются, но о совершенствовании данных направлений следует говорить, так как законодательство изменяется ввиду сложившегося периода государственного развития. Все стороны, включая следователя, судью, прокурора при осуществлении своих функций используют один и тот же метод познания – это истина, параллельно с которым прибегают к полному, всестороннему и объективному подходу при изучении материалов.

Таким образом, функции в уголовном процессе видоизменялись на протяжении длительного периода, названия и их сущность была различна, причиной этого являлось особенность того периода государственного развития, в котором осуществлялась их реализация.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Наумов А. М. Взгляды М. С. Строговича на уголовное преследование // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 189–193.

3. Сычев Д. А. Уголовно-процессуальная функция : понятие, содержание, определение // Социология и право. 2021. № 1. С. 51–57.

4. Рябинина Т. К. Взгляды З. З. Зинатуллина на проблемы отправления правосудия и функций суда в различных стадиях уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 1. С. 145.

5. Крюков В. Ф. Назначение уголовно-процессуальных функций в уголовном судопроизводстве : проблемы теории уголовного процесса // Науч. тр. РАЮН. 2008. Т. 3. 268 с.

6. Малахова Л. И. О понятии и содержании уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. №. 3. С. 53–57.

© Тингаева И. В., 2025
© Назаров М. П., 2025

УДК 343.1

Тингаева И. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа);
Файрушина Р. Д. – доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

DIGITALIZATION IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Аннотация. В статье рассматривается текущее состояние цифровизации в правоприменительной практике, анализируется основные проблемы, возникающие в процессе внедрения цифровых технологий, и алгоритм пути их решения.

Abstract. The article examines the current state of digitalization in law enforcement practice, analyzes the main problems that arise in the process of introducing digital technologies, and the algorithm for their solution.

Ключевые слова: цифровизация, правоприменительная практика, цифровые технологии, искусственный интеллект, цифровые платформы, кибератака.

Keywords: digitalization, law enforcement practice, digital technologies, artificial intelligence, digital platforms, cyberattack.

Цифровизация стремительно проникает во все сферы жизни, и правоприменительная практика не является исключением. Внедрение цифровых технологий в работу правоохранительных органов, судов и других институтов, осуществляющих правоприменение, открывает широкие возможности для повышения эффективности, прозрачности и доступности правосудия. Однако, наряду с преимуществами, цифровизация порождает ряд серьезных проблем, связанных с защитой данных, обеспечением кибербезопасности, необходимостью адаптации правовых норм и подготовки квалифицированных кадров [1].

В данной статье мы рассмотрим текущее состояние цифровизации в правоприменительной практике, проанализируем основные проблемы, возникающие в процессе внедрения цифровых технологий, и предложим пути их решения.

В настоящее время цифровизация правоприменительной практики охватывает широкий спектр направлений, включая таких как:

1. Электронный документооборот и электронные архивы. Переход на безбумажный документооборот позволяет значительно сократить время на обработку информации, повысить эффективность работы сотрудников и обеспечить оперативный доступ к необходимым документам. Создание электронных архивов позволяет хранить большие объемы информации в компактном виде и обеспечить ее долгосрочное сохранение.

2. Системы видеонаблюдения и аналитики, которые оснащены функциями распознавания лиц, номеров автомобилей и другими аналитическими возможностями и позволяют повысить эффективность профилактики преступлений, оперативно выявлять и задерживать правонарушителей.

3. Использование цифровых платформ для взаимодействия с гражданами. Создание онлайн-сервисов для подачи заявлений, жалоб и обращений в правоохранительные органы, а также для получения информации о ходе рассмотрения дел позволяет повысить доступность правосудия и улучшить взаимодействие с гражданами.

4. Использование искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа больших объемов данных, выявления закономерностей и прогнозирования преступности позволяет повысить эффективность работы правоохранительных органов и принимать более обоснованные решения. Примеры применения: анализ данных для выявления мошеннических схем, прогнозирование мест и времени совершения преступлений, автоматизация процесса анализа доказательств. [2].

5. Электронное правосудие. Внедрение систем видео-конференцсвязи для проведения судебных заседаний, электронное представление доказательств, электронное голосование присяжных заседателей – все это делает судебный процесс более эффективным и доступным [3].

В России активно реализуются проекты по цифровизации правоприменительной практики, такие как: ГАС «Правосудие» (комплексная система, автоматизирующая деятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов); СМЭВ – система межведомственного электронного взаимодействия (позволяет органам государственной власти обмениваться информацией в электронном виде); ЕБС – единая биометрическая система (используется для идентификации граждан по биометрическим данным); НСУД – национальная система управления данными (направлена на создание единого информационного пространства для органов государственной власти).

Несмотря на значительные перспективы, цифровизация правоприменительной практики сопряжена с рядом серьезных проблем, которые необходимо решать для обеспечения эффективного и справедливого правосудия:

1) цифровые системы подвержены кибератакам, приводящим к утечке конфиденциальной информации, нарушению работы систем и даже фальсификации доказательств. Обеспечение надежной защиты цифровых систем является одним из главных приоритетов [4];

2) сбор и обработка больших объемов персональных данных, в том числе биометрических данных, требует строгого соблюдения законодательства о защите персональных данных и обеспечения конфиденциальности информации [5];

3) действующее законодательство не всегда учитывает особенности цифровых технологий, что создает правовые пробелы и затрудняет применение цифровых инструментов в правоприменительной практике. Необходимо внесение изменений в законодательство для регулирования новых форм преступности и обеспечения правовой основы для использования цифровых технологий;

4) проблемы дискриминации и предвзятости алгоритмов. Алгоритмы искусственного интеллекта и машинного обучения могут быть предвзятыми, что приводит к дискриминации определенных групп населения. Необходимо разрабатывать и использовать алгоритмы, которые являются справедливыми и недискриминационными [6];

5) проблемы цифрового неравенства. Неравномерный доступ к цифровым технологиям и знаниям может привести к ущемлению прав граждан, не имеющих возможности использовать цифровые сервисы. Необходимо обеспечить равный доступ к цифровым технологиям для всех граждан;

6) недостаточная квалификация кадров. Для эффективного использования цифровых технологий необходимо наличие квалифицированных кадров, обладающих знаниями в области информационных технологий, права и правоприменения. Необходимо развивать систему обучения и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и судебной системы;

7) использование искусственного интеллекта и машинного обучения в правоприменительной практике требует обеспечения прозрачности и подотчетности принимаемых решений. Необходимо разрабатывать механизмы, позволяющие гражданам понимать, как принимаются решения на основе алгоритмов, и оспаривать их [6].

Для успешной цифровизации правоприменительной практики необходимо принимать комплексные меры, направленные на решение возникающих проблем, таких как:

1. Усиление кибербезопасности способствует внедрению современных систем защиты от кибератак, регулярное проведение аудита безопасности цифровых систем, обучение сотрудников правилам кибербезопасности, создание системы обмена информацией об угрозах кибербезопасности между государственными органами и частными компаниями.

2. Усиление защиты персональных данных окажет содействие на внедрение строгих правил сбора, обработки и хранения персональных данных, обеспечение прозрачности использования персональных данных, создание эффективных механизмов контроля за соблюдением законодательства о защите персональных данных, в том числе обеспечение возможно-

сти граждан контролировать свои персональные данные и требовать их удаления.

3. Внесение изменений в законодательство для регулирования новых форм преступности. Разработка правовых норм, регулирующих использование искусственного интеллекта и машинного обучения в правоприменительной практике. Определение правового статуса цифровых доказательств. Разработка процедур, обеспечивающих защиту прав граждан в цифровой среде.

4. Разработка стандартов для разработки и использования алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения. Проведение регулярного аудита алгоритмов на предмет предвзятости. Использование методов машинного обучения, направленных на устранение предвзятости. Обеспечение возможности гражданам оспаривать решения, принятые на основе алгоритмов [6].

5. Обеспечение доступности цифровых технологий для всех граждан. Развитие цифровой грамотности населения. Создание программ поддержки для граждан, испытывающих трудности с использованием цифровых технологий.

6. Включение в программы обучения сотрудников правоохранительных органов и судебной системы курсов по информационным технологиям, праву и правоприменению. Организация семинаров и тренингов по использованию цифровых технологий. Привлечение к работе экспертов в области информационных технологий и права.

7. Разработка механизмов, позволяющих гражданам понимать, как принимаются решения на основе алгоритмов. Обеспечение возможности гражданам оспаривать решения, принятые на основе алгоритмов. Создание независимых органов, осуществляющих контроль за использованием искусственного интеллекта и машинного обучения в правоприменительной практике. Публикация информации о том, как используются алгоритмы в правоприменительной практике [6].

Решение данных проблем требует тесного сотрудничества между государственными органами, частными компаниями, научным сообществом и гражданским обществом. Только совместными усилиями можно обеспечить эффективное и справедливое правосудие в цифровую эпоху.

Библиографический список

1. Воронцова И. В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие» // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 168.

2. Miroshnichenko O. I., Proscurina D. S. The Role of Artificial Intelligence in Professional Legal Sphere : Development Tool or Existential Threat? // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. 198. P. 929.

3. Альбов А. П. Цифровые технологии правоприменения : новые модели и риски // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (57). С. 26.

4. Пашенцев Д. А. Субъект правоприменения в цифровом обществе // Субъект права : стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сб. науч. тр. / под ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2022. С. 42.

5. Мысловский Е. Н. Возможно ли электронное правосудие? // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. Т. 35. № 1-2. С. 123.

6. Журавлева М. Д. К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 1 (12). С. 26.

© Файрушина Р. Д., 2025
© Тингаева И. В., 2025

УДК 343.13(470)

Хаметова А. Р. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF A REMOTE MECHANISM FOR THE DETENTION OF A SUSPECT

Аннотация. В статье анализируются проблемы задержания подозреваемого, находящегося вне места производства расследования; раскрываются вопросы, касающиеся задержания и доставления таких лиц к месту расследования. Автором приведен и подробно проанализирован механизм задержания подозреваемого, выделены этапы задержания, предложены изменения уголовно-процессуального законодательства, касающиеся процессуального порядка задержания подозреваемого находящегося вдали от места производства расследования.

Abstract. The article analyzes the problems of detaining a suspect outside the place of investigation, discloses issues related to the detention and delivery of such persons to the place of investigation. The author presents and analyzes in detail the mechanism of detention of a suspect, identifies the stages of detention, and proposes changes to the criminal procedure legislation concerning the pro-

cedural procedure for detaining a suspect who is away from the place of investigation.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, доставление задержанного, фактическое задержание, протокол задержания, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, видео-конференц-связь в уголовном процессе, подозреваемый.

Keywords: detention of a suspect, delivery of a detainee, actual detention, protocol of detention, election of a preventive measure in the form of detention, video conferencing in criminal proceedings, suspect.

Современное состояние преступности характеризуется значительным ростом преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2024 году подобных преступлений зарегистрировано на 40 % больше, чем в 2023 году [1]. Большинство совершаются удаленно, как правило, с использованием технических средств, телефонов и т. д., что подразумевает нахождение лица, его совершившего, в ином месте. В данных условиях особую практическую значимость приобретают вопросы, касающиеся задержания и доставления таких лиц к месту расследования.

Механизм задержания подозреваемого представляет собой процесс, состоящий из нескольких этапов:

1. Фактическое задержание – момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, именного с этого момента и начинает исчисляться срок задержания равный 48 часам (а в условиях военного положения – 30 суток).

2. Доставление – этот этап заключается в принудительном сопровождении задержанного по подозрению в совершении преступления в орган дознания или к следователю. Он является наиболее уязвим с позиции соблюдения сроков, по причине того, что процессуальное законодательство никак не регламентирует ни порядок, ни сроки указанного действия. Обращаясь к нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), мы можем лишь отследить последовательность данного этапа в механизме задержания: «после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания» (ч. 1, ст. 92 УПК РФ).

3. Процессуальное оформление – составление протокола задержания. Этот этап включает в себя обобщение всех процессуальных действий предшествующих этапов и сопутствующих действий, предписанных законом, таких как: указание времени фактического задержания, разъяснение прав, сообщение прокурору, личный обыск и др.

Временной период с момента фактического задержания до момента его юридического оформления иногда разделен значительным промежутком, который необходим для доставления задержанного к месту расследо-

вания. Этот промежуток времени требует установления отдельных правовых гарантий, связанных с процессуальным оформлением, соблюдением сроков, разъяснением прав и других значимых процессуальных действий, необходимых для реализации прав всех участников данного процесса. Анализируя УПК РФ, приходим к выводу, что в законе нет нормы, указывающей на необходимость отражения момента доставления задержанного в протоколе или ином процессуальном документе, но обращаясь к положениям ч. 1 ст. 92 УПК РФ подобный момент видится значимым в совокупных сроках задержания.

Процессуалисты справедливо отмечают, что внесение в протокол задержания указанного срока позволило бы в полном объеме процессуально зафиксировать соблюдение всех требований, установленных ст. 92 УПК РФ [2]. Столкнувшись с проблемой отсутствия какой-либо правовой регламентации этапа доставления, Н. В. Азаренок предложил срок задержания исчислять с момента доставления лица в место расположения органа предварительного расследования [3]. Несомненно, указанное введение решило бы вопрос уязвимости сроков задержания, так как этап доставления стал бы независимым от временных рамок самого задержания, но правовая неопределенность времени, затраченного на доставление при таком подходе, оказалась бы неминуемой. Кроме того, не ясен и порядок исчисления сроков предшествующего доставлению этапа «фактического задержания», и другие сроки, сопряженные с ним (срок уведомления о задержании, сообщение прокурору и др.). Аналогичное решение существует в процессуальном законодательстве Республики Казахстан: доставление выделяется как отдельная мера процессуального принуждения, применяемая на срок не более трех часов, в целях выяснения причастности лица к совершению преступления, после чего такое лицо может быть задержано [4].

Само по себе «доставление» носит принудительный характер, и в отечественном законодательстве является частью меры процессуального принуждения «задержание подозреваемого». Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, задержание представляет собой комплекс процессуальных действий и решений, включающих факт задержания подозреваемого в совершении преступления, доставление его в место нахождения следственного органа (органа дознания), составление протокола задержания [5]. Вместе с тем необходимо учитывать, что на временной интервал доставления существенно влияет территориальная удаленность места задержания от места производства расследования, но установленный нормами УПК РФ процессуальный порядок задержания не содержит исключений. Все вышеперечисленное обуславливает необходимость включения сроков доставления в нормы УПК РФ. Видится необходимым внесение в ст. 5 УПК РФ понятия «доставление» с указанием его сроков, а также в ст. 92 УПК РФ необходимость отражения времени доставления в протоколе задержания. Таким образом, все три этапа задержания при значи-

тельной удаленности места расследования от места задержания должны осуществляться по поручению в соответствии с ч.1 ст. 152 УПК РФ следователем или дознавателем (в зависимости от формы расследования) на месте задержания подозреваемого.

Логическое завершение 48-часового срока задержания подразумевает дальнейшее избрание меры пресечения в виде заключения под стражу – это неразрывно связанный с задержанием комплекс процессуальных действий, включающий в себя: получение согласия руководителя следственного органа или прокурора; возбуждение ходатайства перед судом, приложение необходимых материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства, судебное заседание, в ходе которого обязательное участие подозреваемого (обвиняемого) и др. К примеру, рассматривая вопрос задержания подозреваемого, находящегося в розыске, Э. К. Кутуев и Р. В. Глубоковских пишут: «Необходимо осуществлять водворение разыскиваемого в следственный изолятор по месту нахождения с дальнейшим его этапированием согласно ведомственным правовым актам УФСИН России» [5]. Авторы обосновывают необходимость предоставления возможности субъекту расследования ходатайствовать в суде об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого при наличии соответствующих оснований. Однако считаем, что отсутствие подозреваемого (обвиняемого) существенно ограничило бы его права.

Анализируя изменения УПК РФ, отметим, что дистанционный формат процессуальных правоотношений постепенно вводится в законодательство, уголовно-процессуальная цифровизация облегчает в настоящее время большинство задач, стоящих перед органами предварительного расследования, сокращает сроки и затраты, связанные с очным участием. Благодаря изменениям, внесенным в ч. 4 ст. 108 УПК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» появилась возможность обеспечить участие подозреваемого в судебном заседании при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу путем использования систем видео-конференц-связи, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия. Задержание подозреваемого в месте, отдаленном от производства предварительного расследования, исключает возможность его участия в судебном заседании очно, и может быть обеспечена посредством видео-конференц-связи. Таким образом, в указанных условиях появится срок, необходимый на этапирование подозреваемого, и возможность осуществить этапирование в установленном законом порядке. Описанный порядок видится наиболее эффективным средством преодоления трудностей, связанных с удаленным задержанием подозреваемого, также он может служить гарантом соблюдения принципов законности и личной неприкосновенности.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 29.02.2025).

2. Арестова Е. Н., Шарапова Е. В., Борбат А. В. Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого // Российский следователь. 2023. № 6. С. 11–14.

3. Азаренок Н. В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6. С. 7–10.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК // Казахстанская правда. 2014. № 133.

5. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй квартал 2023 года. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Кутуев Э. К., Глубоковских Р. В. Заключение под стражу как мера пресечения : особенности и возможности правового применения в разыскной работе // Российский следователь. 2022. № 9. С. 48–52.

© Хаметова А. Р., 2025

УДК 343.1

Химичева О. В. – начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Москва);
Сумин А. А. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Москва)

О ДИСКУССИОННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ТЕРМИНА «ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»

ON THE CONTROVERSIAL USE OF THE TERM "SOURCE OF EVIDENCE" IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW

Аннотация. Современные проблемы доказательственного права в уголовном процессе во многом являются следствием нерешенных вопросов традиционной теории доказательств. Ввиду пробелов уголовно-процессуального регулирования понятие «источник доказательств» всегда неоднозначно толковалось учеными-процессуалистами. Авторы формулируют свое видение данного вопроса, которое может послужить совершенствованию доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве.

Abstract. Modern problems of evidentiary law in criminal proceedings are largely the result of unresolved issues of the traditional theory of evidence. Due to the gaps in the criminal procedure regulation, the concept of "source of evidence" has always been ambiguously interpreted by procedural scientists. The authors formulate their vision of this issue, which can serve to improve evidence and evidence in criminal proceedings.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, источник доказательства, свойства доказательства.

Keywords: evidence, proof, source of evidence, properties of evidence.

Современные научные исследования уголовного судопроизводства осуществляются, как правило, в направлениях решения актуальных правоприменительных проблем, связанных с повышение регулирования и практики в соответствие с потребностями сегодняшявились в последние годы, являются следствием «старых» дискуссионных вопросов. Примером может

служить неопределенный правовой статус «электронных доказательств», которые сложно отнести к какому-то одному виду существующих доказательств, также как и однозначно определить их источник.

По вопросу о понимании содержания термина «источник доказательства» существует достаточно много работ ученых-процессуалистов. В настоящее время результаты данных исследований можно представить в трех основных подходах.

Согласно первому из них перечисленные в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) виды доказательств фактически отождествляются с источниками доказательств. Так, по мнению профессора Л. В. Головко доказательствами признаются сведения, полученные из строго определенных законом источников. Понятие «сведения» отражают содержательную сторону доказательства (материальный аспект). Понятие «источник» отражает формальную сторону доказательства (формальный аспект). При этом доказательство существует только при наличии единства сведения и источника, то есть оно требует обязательного одновременного присутствия как формальной, так и материальной (содержательной) сторон [7, с. 347]. Данную точку зрения разделяют и другие известные ученые-процессуалисты, например, В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин [3, с. 195].

При несомненной обоснованности характеристики доказательства с точки зрения его материального и формального аспектов, позиция о том, что формальный аспект отражен в перечне ч. 2 ст. 74 УПК РФ, представляется достаточно спорной. По нашему мнению, эту правовую норму можно интерпретировать как предусматривающую юридически допустимые формы процессуального представления доказательств как результатов следственных и иных процессуальных действий и отождествление процессуальной формы доказательств с источником не обосновано (вещественные доказательства вполне укладывается в авторскую позицию, так как они также возникают как результат указанных действий).

Второй подход к содержательному пониманию термина «источник доказательства» выражается в том, что он представляет собой то, откуда получены доказательственно значимые сведения, отражаемые в том или ином виде доказательств, из числа перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ (например, источником показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего выступает соответственно сам подозреваемый, обвиняемый, потерпевший свидетель). Такую позицию одним из первых высказал и обосновывал профессор В. Я. Дорохов, который под источником доказательств понимал обвиняемого, свидетеля, эксперта и иных лиц, занимающих определенное процессуальное положение, от которых исходят доказательства [5, с. 7–8]. В дальнейшем мнение В. Я. Дорохова получило развитие в работах других уважаемых ученых-процессуалистов: Е. А. Доля [4], В. И. Зажицкого [6], В. А. Лазаревой [8] и других исследователей. Однако при всей привлекательности и относительной простоте такого подхода

дискуссионным остается ряд вопросов, например, что является источником таких видов доказательств как протоколы следственных и судебных действий.

Третье мнение по рассматриваемому вопросу высказано профессором С. А. Шейфером и оно состоит в том, что для устранения путаницы в научных и учебных источниках следует отказаться от употребления термина «источник доказательства» не только в законе, но и в теории [10, с. 73].

Законодатель по неизвестной причине не счел необходимым выработать юридическое определение термина «источник доказательств», несмотря на то, что в ст. 87 УПК РФ указал на такой способ проверки доказательств как установление их источников.

Данное обстоятельство само по себе порождает вопрос о степени значимости источника доказательств в уголовно-процессуальном праве.

Как отмечалось выше, УПК России употребил термин «источник доказательства» в правовой норме, посвященной раскрытию содержания проверки доказательств (ст. 87). Объективно возникает неопределённость в том, что же должно быть предметом установления в ходе проверки при отсутствии как юридического определения названного термина, так и единого его понимания в теории; кроме того, не совсем ясно, в чем состоит цель проверки (исходя из редакции ст. 87 УПК РФ), поскольку установление свойств доказательств (относимости, достоверности и допустимости) выступают объектом оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ).

Такая ситуация предопределяет необходимость кратко проанализировать, есть ли связь между источником доказательства и свойствами последнего и если есть, то каковы ее характер и степень влияния на указанные свойства.

Связь источника доказательства с собственно доказательством очевидна: безотносительно тому, считать ли источник формальным аспектом доказательства или же тем, откуда (либо от кого) проистекают доказательственно значимые сведения, являющиеся содержанием тех видов доказательств, которые указаны в ч. 2 ст. 74 УПК России, отсутствие источника доказательств обусловливает отсутствие самого доказательства. Но в этой диалектической связи какое значение имеет сведение об источнике для доказывания по уголовному делу?

Для доказывания имеет значение только то, обладает ли каждое отдельно взятое доказательство одновременно ранее названными свойствами. Проанализируем влияние источника доказательства на каждое из этих свойств.

Представляется достаточно очевидным, что между источником доказательства и свойством относимости доказательства к предмету доказывания прямая связь отсутствует, поскольку это свойство обусловлено лишь содержанием доказательственных сведений, а не их происхождением.

Если исходить из понимания свойства достоверности доказательства как «характеризующее адекватное отражение в полученных сведениях фактов реальной действительности» [9, с. 142], то с неизбежностью следует сделать вывод о том, что источник доказательства в понимании изложенных выше как первого, так и второго теоретических подходов не может влиять на свойство достоверности, которое устанавливается путем сравнения проверяемого доказательства с уже имеющимися. Иными словами, для свойства достоверности значение имеет содержательная сторона доказательства.

Как известно, уголовно-процессуальный закон не приводит определения свойства допустимости доказательства, следуя «от обратного», то есть от термина недопустимого доказательства (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Данная правовая норма связывает недопустимость доказательства лишь с получением доказательств «с нарушением требований настоящего Кодекса)», а также с некоторыми конкретными правовыми ситуациями (ч. 2 той же статьи), в которых не отражена связь этих ситуаций с источником доказательств. И только пункт 2 данной части содержит указания на недопустимость показаний свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Таким образом, закон предусмотрел всего один правовой случай, когда между источником (в отсутствие юридического понятия «источник доказательства» авторы данной статьи полагают вполне обоснованным термин источник трактовать в общепризнанном смысле как «то, что дает начало чему-либо, служит основой чего-либо» [2, с. 404]) доказательства и свойством допустимости установлена прямая связь. Однако это обстоятельство, на наш взгляд, не может предопределять необходимость употребления в тексте уголовно-процессуального закона понятия «источник доказательства»; достаточно того правового условия, которое установлено законодателем в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК России.

Изложенные выше обстоятельства дают основание авторам статьи сформулировать мнение (хотя и не лишенное дискуссионности) о том, что наиболее убедительная позиция по вопросу о термине «Источник доказательств» выражена профессором С. А. Шейфером с той лишь оговоркой, что в теории уголовно-процессуального права данный термин должен присутствовать, поскольку он имеет тесную связь с пониманием сущности классификации доказательств на первоначальные и производные, что отмечается в современных исследованиях данной проблемы [1].

Библиографический список

1. Беседин Г. Е. Производные доказательства в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4. Уголовно-правовые науки. М., 2024.

2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004.

3. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н Уголовный процесс : учебник. М. : Эксмо, 2023.

4. Доля Е. Источники доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2011. № 12.

5. Дорохов В. Я. Понятие источника доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе : тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. М. : ВНИИ МВД СССР, 1981.

6. Зажицкий В. И. Источники в доказательственном праве // Государство и право. 2013. № 10.

7. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головко ; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2025.

8. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практич. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011.

9. Уголовный процесс. Схемы и таблицы : учебник под редакцией О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. М. : Эксмо, 2023.

10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009.

© Химичева О. В., 2025
© Сумин А. А., 2025

УДК 343.132.5:343.985.2-043.5(470)

Хусаинов Р. Р. –доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПРОС» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ON THE USE OF THE RESULTS OF THE OPERATIONAL SEARCH EVENT "SURVEY" IN THE CRIMINAL PROCESS

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «опрос» следователями (дознавателями) в расследовании уголовных дел, а также обосновывается потребность их взаимодействия.

Abstract. The article is devoted to the use of the results of the operational search event "survey" by investigators (interrogators) in the investigation of criminal cases, and also substantiates the need for their interaction.

Ключевые слова: взаимодействие, следственный орган, оперативное подразделение, опрос, стадия уголовного процесса.

Keywords: interaction, investigative body, operational unit, survey, stage of the criminal process

Одним из наиболее важных направлений в борьбе с преступностью является организация совместной деятельности между следственными органами и оперативными подразделениями, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). Рассматриваемые виды государственной деятельности между собой неразрывно связаны, так как являются равноправными элементами единой правоохранительной системы. Уголовно-процессуальная деятельность и ОРД выступают в качестве двух наиболее важных форм борьбы с преступностью, так как они имеют общие цели – раскрытие преступлений, установление лиц их подготавливающих, совершающих или совершивших. При этом в расследовании уголовных дел, ОРД относительно уголовно-процессуальной деятельности носит обеспечивающий характер. Неразрывность процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью носит объективный характер, воспринимается как аксиома, не требующая доказательств.

ОРД может осуществляться еще до возбуждения уголовного дела и в период проведения предварительного расследования. Данные, полученные субъектами ОРД (документирование преступной деятельности), могут быть представлены следователю и послужить основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться при выдвижения следственных версий. Результаты ОРД после соответствующей проверки через призму уголовно-процессуального законодательства также могут быть применены в качестве доказательств.

Согласно ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях решения задач борьбы с преступностью.

Как известно, уголовный процесс представляет собой целостную систему действий, основными элементами которой являются стадии, которые последовательно реализуются соответствующими органами и рассматриваются как отдельные самостоятельные части уголовно-процессуальной деятельности.

Стадии – это взаимосвязанные, но относительно самостоятельные части уголовного судопроизводства, отделенные друг от друга итоговым процессуальным решением [1, с. 15].

В уголовном судопроизводстве выделяют девять стадий, однако наиболее тесное взаимодействие между рассматриваемыми субъектами происходит на досудебных стадиях:

– возбуждение уголовного дела;

– предварительное расследование.

Возбуждение уголовного дела – первоначальная и обязательная стадия уголовного судопроизводства, в которой решаются вопросы о наличии оснований для возбуждения уголовного дела. Сущность этой стадии заключается в достаточно быстром и законном реагировании правоохранительных органов на полученные данные о признаках преступлений.

На стадии предварительного расследования следователь (дознаватель) устанавливает наличие события преступления, выявляет другие обстоятельства, подлежащие доказыванию, изобличает лиц, виновных в совершении преступления и подготавливает материалы уголовного дела для судебного рассмотрения.

Таким образом, непосредственно на указанных стадиях происходит наиболее тесное взаимодействие следственных органов и оперативных аппаратов, но это не означает об отсутствии совместных действий на других этапах уголовного судопроизводства. Обозначенное взаимодействие в основном выражается в совместной работе в составе следственно-оперативной группы, выполнение отдельных поручений следователя (дознавателя) оперативными сотрудниками и их участие при осуществлении следственных и процессуальных действий.

Одним из важных условий такого взаимодействия является работа в информационном пространстве, выражающееся во взаимном информировании сторон. Своевременный обмен данными позволяет наиболее рационально использовать имеющие у них силы и средства для раскрытия конкретного преступления.

В своих работах О. А. Вагин справедливо отмечает, что самым распространенным оперативно-розыскным мероприятием является опрос, так как он позволяет быстро решать возникающие оперативные задачи [2, с. 16–17]. Обычно под опросом понимают специальную беседу, проводимую с различной категорией людей с целью получения информации, значимой для оперативно-розыскной деятельности. Однако в настоящее время на законодательном уровне не дается конкретного определения термина «опрос», что затрудняет единообразное толкование нормы закона.

Как и любое другое оперативно-розыскное мероприятие, опрос может производиться как гласно, так и негласно (конфиденциально). При этом в практической деятельности оперативных работников наиболее часто используется официальное представление сотрудника и проведение беседы, но в некоторых ситуациях осуществляется легендирование истинной цели проводимого опроса. В ходе производства гласного опроса могут быть использованы различные средства фото, видео и аудио фиксации, а

также специальное техническое средство – полиграф. При этом обязательно наличие добровольного согласия лица на воспроизведение определенной информации. Негласный опрос, в свою очередь, может быть построен на сообщении выдуманных сведений о субъекте опроса, использующем вымышленное имя и не представляющимся в качестве сотрудника органов внутренних дел.

В качестве объектов опроса могут выступить практически любые лица независимо от наличия гражданства, пола, должностного или служебного положения, религиозной и национальной принадлежности и других обстоятельств. Наиболее часто в качестве объекта опрашиваются лица, подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступлений и их связи, а также потерпевшие или жертвы преступных посягательств; очевидцы совершенных преступлений, а также обладающие некоторыми сведениями о преступной деятельности иных лиц в силу их служебного, должностного положения, места проживания и других обстоятельств. Значимость опроса состоит и в том, что он может быть проведен не только оперативным сотрудником, но и при необходимости по его поручениям и заданиям сотрудниками иных подразделений органов внутренних дел и лицами, оказывающими содействие на добровольной основе.

При этом опрос в первую очередь связан с добровольным предоставлением информации, значимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Исходя из этого, лицо, приглашенное в установленном порядке в соответствующее структурное подразделение органов внутренних дел, нельзя подвергать принудительному доставлению, приводу. При производстве опроса запрещается принуждать к даче информации любыми способами, а также препятствовать получению квалифицированной юридической помощи.

Опрос может проводиться как в очном, так и в дистанционном формате, что представляет особую важность (например: в условиях распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19), так как в ходе проведения ОРМ должна быть исключена возможность нанесения вреда жизни и здоровью граждан. В настоящее время для проведения опроса используются различные средства связи, такие как телефон, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» и различные мессенджеры.

Универсальность и значимость опроса заключается в том, что данное ОРМ очень близко соотносится с следственным действием – допрос, который тоже является наиболее часто используемым процессуальным действием при расследовании уголовных дел. В практической деятельности результаты опроса наиболее часто используются в уголовном процессе при проведении допроса и по содержанию они практически не отличаются. Однако проведение допроса, в отличие опроса, придает полученным сведениям официальный процессуальный характер, который уже является доказательством по уголовным делам.

При необходимости результаты опроса в соответствии законодательством могут быть представлены как официальный процессуальный документ. В начальный период результаты опроса не имеют доказательственной силы, но они необходимы следователю как вспомогательная информация. Следователь при выдвижении версий, подготовке и проведении следственных действий может использовать содержащиеся в результатах опроса данные, но при этом учитывать фактор возможности недостоверности этих данных. В зависимости от результатов проверки их достоверности следователь (дознаватель) могут вообще их не использовать.

Таким образом, можно констатировать, что результаты опроса наиболее часто используется на так называемых досудебных стадиях уголовного судопроизводства. При этом результаты опроса могут значительно повысить информированность следователя, а в некоторых ситуациях использоваться как доказательства по расследуемым уголовным делам.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. П. А. Лупинской. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2008. С. 15.

2. Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов. М., 2018. С. 16–17.

© Хусаинов Р. Р., 2025

УДК 343.1

Шапошников А. Ю. – преподаватель цикла общеправовых и социальных дисциплин Центра профессиональной подготовки Главного управления МВД России по Московской области имени Героя России майора милиции В. А. Тинькова (Россия, г. Видное)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА» В ЦЕНТРАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TOPICAL ISSUES OF STUDYING THE DISCIPLINE "FUNDAMENTALS OF CRIMINAL PROCEDURE" IN THE CENTERS OF PROFESSIONAL TRAINING OF TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена изучению уголовного процесса в рамках подготовки специалистов в органах внутренних дел Министерства внутренних дел Российской Федерации. Подчеркивается роль дисциплины «Основы уголовного процесса» в обеспечении безопасности и эффективности правоохранительной деятельности с учетом динамично меняющегося законодательства.

Abstract. The article is devoted to the study of criminal procedure in the framework of training specialists in the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The role of the discipline "Fundamentals of Criminal Procedure" in ensuring the safety and effectiveness of law enforcement activities, taking into account the dynamically changing legislation, is emphasized.

Ключевые слова: уголовный процесс, подготовка специалистов, МВД России, эффективность работы, Центр профессиональной подготовки, проблемы в обучении, практическая направленность.

Keywords: criminal procedure, training of specialists, Ministry of Internal Affairs of Russia, work efficiency, Professional Training Center, problems in training, practical focus.

Подготовка сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) является ключевым элементом их профессионального образования, определяемым специфическими требованиями к служебной деятельности. Приказ МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутрен-

них дел Российской Федерации» акцентирует внимание на всесторонней подготовке, включая теоретические знания и практические навыки [3]. Необходимость постоянного совершенствования подготовки сотрудников в Центрах профессиональной подготовки Главного управления Министерства внутренних дел России (далее – ЦПП) обусловлена требованиями к обучению новых сотрудников. В динамичных условиях развития законодательства, актуальность обучения возрастает. Повышение эффективности обучения дисциплине «Основы уголовного процесса» в ЦПП обусловлено необходимостью подготовки квалифицированных сотрудников, способных эффективно применять знания на практике в условиях современной преступности.

На базе ЦПП проходят обучение слушатели, впервые принятые на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский» [2], в рабочий план которого включено изучение значительного количества учебных дисциплин, в том числе дисциплина «Основы уголовного процесса» в количестве сорока четырех учебных часов. В связи с чем, изучение дисциплины «Основы уголовного процесса» является основополагающим в период обучения слушателей ЦПП, так как обеспечивает формирование знаний по законодательным нормативным правовым актам Российской Федерации, регламентирующим уголовно-процессуальные отношения и системы уголовного процесса, общей характеристики стадий уголовного судопроизводства. Отдельным вопросом рассматриваются процессуальный статус участников уголовного процесса и особенности доказывания. При этом общие условия предварительного расследования по уголовным делам требуют особого внимания ввиду сложности и тактической грамотности сотрудников правоохранительных органов.

Обучение дисциплине «Основы уголовного процесса» в ЦПП сталкивается с проблемами интеграции теории и практики, наличием не в полной мере современных учебных материалов и необходимостью внедрения новых технологий, включая вопросы этики и правовых ограничений. Важно развивать критическое мышление слушателей и организовывать практические занятия, охватывающие все аспекты уголовного процесса. Одной из основных сложностей является необходимость интеграции теоретических знаний с практическими навыками. Учитывая, что уголовный процесс, включает множество аспектов, связанных с правами граждан, применением к ним различных процессуальных норм, принудительного и ограничительного характера, крайне важно, чтобы слушатели не только осваивали теорию, но и умели применять знания в реальных ситуациях.

Внедрение интерактивных форм обучения и использование современных технологий, различные симуляции реальных происшествий подготовят слушателей ЦПП к более эффективной выработке практических навыков, которые помогут им при дальнейшем прохождении службы.

Применение кейс-методов и ролевых игр, а также постоянное обновление методических материалов с учетом изменений законодательства являются ключевыми аспектами. Цифровизация общества и государства требует от сотрудников правоохранительной сферы постоянного мониторинга уголовно-правовой сферы деятельности, повышения уровня знаний, в связи с чем важна практическая подготовка через симуляции и разбор реальных дел. Сотрудникам необходимы не только знания норм права, практические умения, но и социальные навыки для эффективного взаимодействия с гражданами и организациями. Обучение дисциплине «Основы уголовного процесса» должно носить комплексный подход, включающий теоретическое и практическое обучение, обновление знаний и инновационные методы, что обеспечит рост знаний и навыков слушателей. Важным аспектом практических занятий является симуляция реальных условий службы. В ЦПП активно используют педагогические технологии, направленные на точное воспроизводство различных ситуаций, с которыми могут столкнуться сотрудники на практике. Это включает также отработку навыков применения физической силы и взаимодействия с огнестрельным оружием. Реализация практических занятий и специальных программ позволит обучающимся развивать необходимые навыки, что подтверждается рекомендациями, разработанными учебными заведениями МВД России [1].

Изменения в законодательстве оказывают значительное влияние на учебный процесс в ЦПП. Актуальные трансформации в уголовном законодательстве требуют от преподавателей адаптации методических материалов. Преподаватели должны уделять особое внимание изучению новых норм и правил, чтобы подготовить слушателей к практическому применению законодательных актов. Вопросы применения норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают постоянное изучение изменений, что в свою очередь позволит слушателям эффективно овладевать необходимыми навыками работы. Необходимо анализировать изменения в законодательстве и их влияние на практику, изучать международный опыт и адаптировать его к российским условиям, исследовать взаимодействие правоохранительных органов и проблемы обеспечения прав граждан. Важно изучать влияние социальных факторов на уголовный процесс, общественное мнение о правосудии и отношение к нарушениям законодательства.

В условиях непродолжительного обучения подготовка необходимых вопросов по дисциплине «Основы уголовного процесса» в ЦПП имеет актуальное значение, важность применения. Современный уголовный процесс в России требует постоянного исследования и адаптации, особенно в условиях цифровизации. Необходимо изучать влияние цифровых инструментов на доказательства и расследование, автоматизировать следственные действия [4].

Общая цель образовательного процесса в ЦПП заключается не только в передаче знаний, но и в формировании практического опыта, необходимого для эффективной работы, что позволяет обеспечить взаимодействие между образовательными организациями и подразделениями органа дознания и предварительного следствия.

Отметим роль психологических требований к профессиональной детальности. Следует обеспечивать формирование в процессе обучения стрессоустойчивости. Индивидуальный подход к слушателям, концентрация внимания на каждый вопрос и действие обучающихся обеспечит интерес к дисциплине и активность на занятии.

Анализ актуальных вопросов изучения значимости дисциплины «Основы уголовного процесса» позволяет сформулировать вывод о том, что необходимо улучшить подготовку будущих сотрудников правоохранительных органов, разрабатывать и внедрять эффективные педагогические формы и методы. Для профессионального развития сотрудников ОВД РФ на базе обучения в ЦПП необходимо: обеспечить выявление проблем обучения, избегать недостаточности практической направленности, не допускать применения на занятиях устаревших правовых актов, реализовывать внедрение интерактивных форм обучения.

Библиографический список

1 Электронный ресурс. Минобрнауки России. Государственное управление и государственная служба в системе МВД. 2021. URL: https://swsu.ru/sveden/files/metodichka_guigsvsmvd_pd_ad.pdf (дата обращения: 22.02.2025).

2. О некоторых организационных вопросах ЦПП территориального органа МВД России на окружном, межрегиональном, региональном уровнях : приказ МВД России от 17 декабря 2024 г. № 886. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : Ппиказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Химичева О. В. Основные направления развития современной уголовно-процессуальной науки // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-sovremennoy-ugolovno-protsessualnoy-nauki (дата обращения: 22.02.2025).

© А. Ю. Шапошников

УДК 343.1

Шарифзода М. С. – заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан (Республика Таджикистан, г. Душанбе)

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ANTI-CORRUPTION ISSUES IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Аннотация. Мер противодействия коррупции, разработанных в рамках национальных стратегий. Международное признание как показатель формирования целостной государственной антикоррупционной политики и фактор успешной борьбы с коррупцией. Повышение эффективности борьбы с коррупцией и координации усилий государственных органов и гражданского общества по противодействию коррупции. Коррупционные проявления в системе МВД Республики Таджикистан, укрепление дисциплины и законности в борьбе с коррупцией, повышение эффективности управления и результативности деятельности МВД.

Abstract. Anti-corruption measures developed within the framework of national strategies. International recognition as an indicator of the formation of a holistic state anti-corruption policy and a factor in the successful fight against corruption. Improving the effectiveness of the fight against corruption and coordinating the efforts of government agencies and civil society to combat corruption. Corruption in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, strengthening discipline and legality, combating corruption, improving the efficiency of management and effectiveness of the Ministry of Internal Affairs.

Ключевые слова: противодействия, коррупция, законность, дисциплина, профилактика, правонарушения, милиция, органы внутренних дел.

Keywords: counteraction, corruption, legality, discipline, prevention, offenses, police, internal affairs bodies.

Распространение коррупции в последние годы препятствует экономическому и социальному прогрессу, а также нарушает права и свободы граждан во многих государствах. Это негативное явление подрывает доверие населения к государственным институтам, снижая их авторитет. В результате создаются условия для роста теневой экономики, неэффективного использования бюджетных средств и, в конечном итоге, ущемления прав человека, что способствует общественному моральному разложению [1].

Закон Республики Таджикистан «О противодействии коррупции» (ст. 1) определяет коррупцию как действие должностного лица (или лица, приравненного к нему) с использованием служебного положения в личных интересах или интересах третьих лиц. Такое действие может выражаться в незаконном получении материальных или нематериальных выгод, преимуществ и льгот, а также в предоставлении подобных благ другим лицам в целях склонения к действиям или вознаграждения за действия, совершенные в интересах физических или юридических лиц.

По словам Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона: «Еще одной проблемой, которая подрывает развитие экономической и социальной стабильности страны и вызывает беспокойство граждан, является совершение коррупционных правонарушений. Потому что до сих пор имеют место случаи совершения коррупционных преступлений отдельными работниками государственных органов, организаций и учреждений» [2].

В Таджикистане борьба с коррупцией является приоритетным направлением государственной политики, начиная с обретения независимости. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон инициирует и поддерживает принятие целенаправленных мер по противодействию коррупции, активно развивая правовую базу для формирования антикоррупционной среды.

После ратификации Конвенции ООН против коррупции (25 сентября 2006 года) в стране было принято более 20 нормативных актов, закладывающих правовую основу для эффективной борьбы с коррупцией на различных уровнях. Национальная антикоррупционная программа реализуется на государственном уровне.

В рамках реализации стратегических задач по борьбе с коррупцией в Таджикистане были приняты три ключевых документа. Среди них – постановление Правительства Республики Таджикистан от 26 января 2008 года № 34 «О Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан на 2008–2012 годы», указ Президента Республики Таджикистан от 30 августа 2013 года № 1504 «О Стратегии противодействия коррупции в Республике Таджикистан на 2013–2020 годы», а также указ Президента Республики Таджикистан от 3 августа 2021 года № 222 «О Государственной стратегии противодействия коррупции в Республике Таджикистан на период до 2030 года». Эти документы определяют основные направления государственной политики в данной сфере.

Эффективность мер противодействия коррупции, разработанных в рамках национальных стратегий, получила международное признание как показатель формирования целостной государственной антикоррупционной политики и фактор успешной борьбы с коррупцией. План мероприятий по реализации этих стратегий заложил основы повышения прозрачности государственного управления, введения превентивных мер в отношении гос-

служащих, установления ответственности за коррупционные правонарушения, а также механизмов выявления и предотвращения подобных деяний.

Для повышения эффективности борьбы с коррупцией и координации усилий государственных органов и гражданского общества созданы Национальный совет по противодействию коррупции, а также региональные общественные комиссии по предупреждению коррупции на областном, городском и районном уровнях.

В своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28 декабря 2023 года Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркнул, что, несмотря на достижения последних лет, перед государством стоят задачи по совершенствованию системы подготовки кадров, решению проблемы кадрового дефицита и искоренению коррупции [3].

В целях противодействия коррупции Министерство внутренних дел Республики Таджикистан проводит систематическую работу. В частности, регулярно организуются служебные занятия для сотрудников центрального аппарата МВД, УМВД города Душанбе и других подразделений. Эта работа является неотъемлемой частью государственной политики, направленной на укрепление законности, обеспечение общественного порядка и повышение доверия населения к правоохранительным органам.

Организация эффективной работы по искоренению коррупционных проявлений, формирования антикоррупционной модели поведения сотрудников органов внутренних дел – одно из приоритетных направлений, обозначенных МВД Республики Таджикистан и государством в целом. Вопросы противодействия коррупции давно волнуют общество и государство. Понятие «коррупция» произошло от латинского слова corruption [4], означающего подкуп; моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении; соблазнение, развращение взятками (должностных лиц). Закон Республики Таджикистан «О противодействии коррупции» [5] определяет рассматриваемое социально-правовое явление как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение перечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Коррупция в правоохранительных органах влечет за собой серьезные негативные последствия. Она подрывает доверие граждан к государству,

дестабилизирует работу правоохранительной системы и препятствует развитию демократических институтов. Подобные явления наносят ущерб нравственным устоям общества, снижают уровень патриотизма и ставят под угрозу формирование правового государства. Такая ситуация является неприемлемой и требует незамедлительных мер по ее предотвращению.

Высокая латентность коррупционных правонарушений препятствует точному определению их масштабов. Скрытность обусловлена несколькими факторами. Специальные знания сотрудников правоохранительных органов в области уголовного процесса и криминалистики позволяют коррумпированным должностным лицам оставаться незамеченными. Кроме того, коррупционные проявления в системе МВД Республики Таджикистан тесно связаны с уровнем дисциплины и законности. Укрепление этих аспектов является основополагающим фактором в борьбе с коррупцией, повышении эффективности управления и результативности деятельности МВД. Низкая активность граждан в сообщении о коррупционных правонарушениях также способствует латентности. Недоверие к эффективности мер наказания и нежелание конфликтовать с сотрудниками правоохранительных органов приводят к замалчиванию фактов нарушений закона. В виду этого противодействие коррупции требует комплексного подхода, включающего не только воспитание антикоррупционной культуры сотрудников и повышение авторитета органов внутренних дел, но и активное участие граждан, изменение общественного восприятия коррупции и преодоление терпимого отношения к ней в отношении государственных органов, включая МВД Республики Таджикистан.

Профилактические мероприятия, проводимые в органах внутренних дел, в первую очередь должны быть направлены на формирование у сотрудников правомерного поведения и мотивации на недопустимость нарушения дисциплины, законности, создание для сотрудников условий для прохождения службы, правовой, социальной защищенности. По нашему мнению, морально-психологический климат и индивидуальная работа, направленная на воспитательное воздействие на сотрудников, расположенных к совершению проступков, а также не допускающих их, в том числе молодых сотрудников, сотрудников, восстановленных на службе или переведенных из других подразделений играет важную роль.

Государственная служба предполагает строгое соблюдение дисциплины и законности. Нарушение данных требований недопустимо. Сотрудники правоохранительных органов, наделенные значительными полномочиями, обязаны являться примером безупречного соблюдения законности. Они должны добросовестно исполнять свои должностные обязанности, строго следуя предписаниям законов и подзаконных актов, и неукоснительно соблюдать установленные правовые ограничения и запреты.

В Уставе органов внутренних дел Республики Таджикистан закреплены требования по соблюдению ограничений, выполнению обязанностей

и запретов, предотвращению и урегулированию конфликта интересов, а также противодействию коррупции. Дополнительным механизмом антикоррупционной защиты выступают индивидуальные должностные регламенты (инструкции), определяющие права, обязанности и ответственность каждого сотрудника в соответствии с законодательством о службе в органах внутренних дел. Антикоррупционные нормы, вытекающие из правового статуса сотрудников, распространяются на все аспекты службы: поступление на службу, назначение на должность, присвоение званий, перемещения и ограничения после увольнения.

Пресечение коррупционных проявлений в органах внутренних дел в первую очередь связано с тем, что необходимо совершенствовать систему отбора кадров, а также укрепить институт наставничества, законодательно установленных мер поощрения за добросовестное выполнение служебных обязанностей, достижение высоких результатов в служебной деятельности, за успешное выполнение задач повышенной сложности, а также мер взыскания в случае нарушения сотрудниками дисциплины.

Коррупция в системе МВД Республики Таджикистан представляет собой серьезную угрозу для правопорядка, потому что она подрывает доверие граждан к правоохранительным органам, а также способствует росту преступности и нарушает права человека.

Таким образом, основными направлениями противодействия коррупции в системе МВД Республики Таджикистан являются:

1. Укрепление внутреннего контроля и мониторинга. Для предотвращения коррупции в МВД Республики Таджикистан необходимо создать эффективные механизмы внутреннего контроля. Это включает в себя постоянный мониторинг деятельности сотрудников, проверку их финансовых отчетностей и поведения, а также систематическое проведение проверок на соблюдение антикоррупционных норм.

2. Прозрачность и подотчетность. Одним из способов борьбы с коррупцией является повышение прозрачности в деятельности МВД Республики Таджикистан. Это может включать открытые конкурсы на должности, публичное освещение работы правоохранительных органов, а также публикацию статистики по делам, связанным с коррупцией внутри системы.

3. Этика и кодекс поведения сотрудников МВД Республики Таджикистан. Важно разработать и внедрить в органах внутренних дел четкие этические стандарты и кодексы поведения для сотрудников, которые будут строго соблюдать нормы честности, объективности и уважения к правам граждан. Нарушение этих норм должно повлечь за собой строгие меры ответственности.

4. Обучение и повышение квалификации. Сотрудники МВД Республики Таджикистан должны регулярно проходить антикоррупционные тренинги и обучение, чтобы понимать, как противодействовать коррупционным практикам, а также знать последствия своих действий в случае нару-

шения закона. Повышение уровня профессионализма поможет снизить вероятность коррупционных проявлений.

5. Использование современных технологий. Внедрение электронных систем для подачи заявлений, регистрации дел и взаимодействия с гражданами помогает снизить человеческий фактор и свести к минимуму возможности для коррупции. Например, внедрение электронных баз данных, автоматизация процедур, цифровизация документов может значительно снизить коррупционные риски.

6. Защита свидетелей и информаторов. Одним из важнейших элементов борьбы с коррупцией в МВД Республики Таджикистан является обеспечение защиты тех, кто готов сообщать о коррупционных действиях сотрудников. Для этого должны быть созданы безопасные каналы для подачи анонимных заявлений и жалоб, а также гарантии защиты информаторов.

7. Культурные и институциональные изменения. Одним из самых эффективных способов борьбы с коррупцией является создание культуры нулевой терпимости к коррупции. Это может быть достигнуто через изменения внутри самой системы МВД Республики Таджикистан, а также путем улучшения взаимоотношений между правоохранительными органами и обществом. Привлечение широкой общественности к наблюдению за деятельностью правоохранителей также способствует повышению прозрачности и снижению уровня коррупции.

Подверженность граждан республики коррупционным ситуациям обусловлена низким уровнем их правовых знаний. Одной из целей объявления 2024 года «Годом правового просвещения» Лидером нации уважаемого Эмомали Рахмона является предупреждение случаев коррупции в обществе и повышение уровня правовой просвещения граждан. Борьба с коррупцией не является задачей лишь правоохранительных органов, в борьбе против коррупции не должно быть безразличия. Только в этом случае мы сможем снизить уровень коррупции в стране [7].

Библиографический список

1. Антикоррупционная политика : учебное пособие / под ред. Ф. Р. Шарифзода, С. Х. Хусейнзода. Душанбе : Ирфон, 2018. С. 10.

2. Взаимное сотрудничество – главный фактор снижения уровня коррупции. URL: https://www.anticorruption.tj/index.php/ru/deyatelnost-organa/sotrudnichestva-agentstva/734-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo.html (дата обращения: 22.03.2025).

3. Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики : послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона. URL: https://www.president.tj/event/missives/36374 (дата обращения: 22.03.2025).

4. Њасанов Ш. Ќ. Масъалањои иљтимоию иќтисодї ва сиёсию њуќуќии коррупсия. Душанбе : Ирфон, 2014. С. 55.

5. О противодействии коррупции : закон Республики Таджикистан от 7 августа 2020 г. № 1714 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан. URL: https://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=137034&login=yes (дата обращения: 07.03.2025).

6. Антикоррупционная политика : учебное пособие / под ред. Ф. Р. Шарифзода, С. Х. Хусейнзода. Душанбе : Ирфон, 2018. С. 11.

7. Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 2017. 36 с.

8. Государственная стратегия противодействия коррупции в Республике Таджикистан на период до 2030 года № 222 от 3 августа 2021 г. : указ Президента Республики Таджикистан // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан. URL: https://adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=140033 (дата обращения: 07.03.2025).

10. Об утверждении Дисциплинарного Устава органов внутренних дел : приказ МВД Республики Таджикистан от 25 сентября 2006 г. № 666.

© Шарифзода М. С., 2025

УДК 343.1, ББК 67.410.2.

Яковлева К. Ю. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

FEATURES OF CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS BY VIDEO CONFERENCING

Аннотация. Проанализированы такие особенности проведения следственных действий (допроса, очной ставки и опознания) путем использования систем видео-конференц-связи, как направление письменного поручения, использование систем видео-конференц-связи, обязательность видеозаписи и подписки в качестве приложения к протоколу следственного действия.

Abstract. The article analyzes such features of conducting investigative actions (interrogation, confrontation and identification) through the use of video conferencing systems, such as sending a written order, using video conferencing

systems, the obligation of video recording and subscription as an appendix to the protocol of the investigative action.

Ключевые слова: следственные действия, видео-конференц-связь, видеозапись, письменное поручение, подписка.

Keywords: investigative actions, video conference call, video recording, written assignment, subscription.

Появившаяся возможность производства таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) способствовала созданию ряда особенностей, которые возникают при реализации перечисленных процессуальных действий. Данные особенности проведения следственных действий по ВКС требуют дополнительного разъяснения для их правильного применения. Согласно положениям ч. 1 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) доказательства, полученные с нарушениями требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми (отсутствует юридическая сила) и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Для того, чтобы правильно проводить следственные действия по ВКС, требуется детально проанализировать некоторые особенности производства таких следственных действий.

1. Письменное поручение. Следователь, в чьем производстве находится уголовное дело, может направить письменное поручение следователю другого отдела для производства следственных действий. Данное процессуальное действие является общим правилом при производстве следственных действий на определенном расстоянии от места производства предварительного расследования.

Однако с момента появления ст. 189.1 УПК РФ появилась возможность производства некоторых следственных действий (допроса, очной ставки, опознания) путем использования систем ВКС.

Стоит заметить, что при отсутствии технической возможности для проведения указанных следственных действий по ВКС применяется общее правило производства следственных действий по письменному поручению.

В случае же необходимости проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования систем ВКС направляется письменное поручение следователю по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, в котором указывает необходимость организации участия данного лица в следственном действии (ч. 2 ст. 189.1. УПК РФ).

Данное письменное поручение должно содержать следующие данные:

– дату, статью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и в отношении какого лица возбуждено уголовное дело, по которому необходимо проведение следственного действия посредством ВКС;

– обстоятельства уголовного дела;

– обоснованность проведения следственного действия по ВКС;

– полные анкетные данные лица, участие которого признано необходимым с указанием адреса проживания (регистрации, фактического нахождения) и телефонных номеров, для возможного обеспечения его вызова к месту проведения следственного действия;

– контактную информацию для обратной связи по вопросам исполнения письменного поручения [2].

В результате, письменное поручение может быть направлено в двух случаях участия следователя по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии необходимо:

1) основное участие – самостоятельное проведение следователем, дознавателем следственного действия по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии требуется (в данном случае ограничений по видам, проводимым следственным действиям, практически не имеется, только по факту невозможности);

2) вспомогательное участие – организация участия лица, которое требуется в следственном действии по ВКС (только такие следственные действия – допрос, очная ставка и опознание).

По справедливой позиции А. А. Балашовой, требуется установить перечень случаев, при наступлении которых возможно проведение следственных действий по ВКС [5, с. 8].

На настоящий день возможно проведение следственных действий по ВКС в том случае, когда все участники находятся в одном населенном пункте, но с разными местами производства предварительного расследования (например, разные ОМВД России по г. Москве). В таком случае, есть необходимость рассмотреть целесообразность и обоснованность следственных действий по ВКС с лицами, которые содержатся под стражей, чтобы не тратить время на организацию следственного действия в следственном изоляторе (СИЗО ФСИН России), так как это времязатратные следственные действия.

В результате, в связи с отсутствием указания конкретных случаев, когда возможно проводить некоторые следственные действия по ВКС, разрешается проводить по общему порядку, установленному уголовно-процессуальным законом.

2. Использование систем видео-конференц-связи. Из апелляционного определения Саратовского областного суда от 5 октября 2023 года по делу № 22-2582/2023 [3] следует, что в соответствии с ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ следователь вправе провести очную ставку путем использования систем ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное рассле-

дование при наличии технической возможности по правилам ст. 164 и главы 26 УПК России.

В обоснование вины обвиняемого в совершении преступления суд в приговоре сослался на протокол очной ставки от 23 ноября 2022 года, проведенной следователем СО МО МВД России посредством видеоконференц-связи через программу «Мовави», между свидетелем обвинения и обвиняемым, находящимся в ИВС МО МВД России, а также протокол очной ставки от 24 ноября 2022 года, проведенной следователем СО МО МВД России посредством сотового приложения «Вайбер» между двумя свидетелями.

В этой связи судебная коллегия находит обоснованными доводы апелляционного представления по измененным основаниям о том, что указанные следственные действия проведены следователем с нарушением требований УПК РФ, и по этой причине не могли быть использованы в качестве доказательств по делу. Следовательно, указание суда на данные протоколы очных ставок, как на доказательства вины, подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора.

В результате, с целью проведения следственных действий согласно ст. 189.1 УПК РФ допустимо использовать систему видео-конференц-связи только государственных органов. Из этого следует, что на сегодняшний день следователю органов внутренних дел разрешается использовать только такую систему ВКС как сервис обеспечения повседневной деятельности система видео-конференц-связи единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – СВКС-м ИСОД МВД России) [1]. Данная система ВКС специализированная, сертифицированная и государственная, а значит, обеспечена высоким уровнем криптографической защиты, которая гарантирует тайну предварительного расследования и исключает негативный фактор как утечка электронной информации.

3. Обязательность видеозаписи. Согласно ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ применение видеозаписи с дальнейшим ее приобщением к протоколу следственного действия обязательно. Следует указать, что видеозапись должна вестись именно сервисом СВКС-м, а не отдельными техническими средствами в кабинетах следователей.

Исследуем судебное решение, а именно приговор Буйнакского районного суда Республики Дагестан от 27 октября 2022 года № 1-123/2022. Из приговора следует, что протокол допроса свидетеля следует признать недопустимым и исключить из перечня доказательств по уголовному делу ввиду следующих причин:

1. Как усматривается из материалов уголовного дела, допрос указанного свидетеля проводился по видео-конференц-связи с участием адвоката, при этом материалы уголовного дела не содержат ордер адвоката и видео-

запись следственного действия. Стороной обвинения таковые суду не представлены.

2. Ходатайство о допросе участвовавшего адвоката и оперативного сотрудника, проводившего допрос, по указанному вопросу стороной обвинения не заявлялось [4].

3. В силу того, что наличие видеозаписи в качестве приложения к протоколу является обязательным элементом по результату производства следственных действий по ВКС, а значит, отсутствие материалов видеозаписи повлечет за собой решение о признании такого доказательства недопустимым, то есть не отвечающим нормам (правилам) производства указанных следственных действий.

4. Обязательность подписки. В ходе следственного действия или непосредственно сразу после него следователю по месту нахождения лица, участие которого признано необходимым, требуется составить подписку. Также вместе с ней документы и материалы, ордер адвоката, которые были предоставлены в следственном действии, указанным следователем в течение 24 часов направляются следователю, которому поручено производство по уголовному делу (ч. 6 ст. 189.1 УПК РФ).

Автором научной статьи также предлагается, чтобы следователь по месту нахождения лица, участие которого признано необходимым, незамедлительно после производства следственных действий по ВКС направлял копию подписки по сервисам СЭП или СЭД ИСОД МВД России. Целью указанного действия является предоставление возможности следователю, которому поручено производство по уголовному делу, распечатать и заверить собственноручной подписью с целью использования указанной подписки в качестве удостоверительного документа подписей участника следственного действия по ВКС до момента получения оригинала подписки.

Данная копия подписки требуется для того, чтобы следователь, которому поручено производство по уголовному делу, имел возможность незамедлительно после собирания доказательства, полученного с помощью проведения следственного действия по ВКС, смог применить его в ходе другого следственного действия. Например, предъявлять доказательства с целью проверки собираемого доказательства, также, например, при избрании мер пресечения, которые применяются по решению суда. Требуется копия протокола следственного действия вместе с подпиской в копиях материалов уголовного дела, которые регистрируются в канцелярии суда вместе с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения, которая ограничивает конституционные права участника уголовного судопроизводства. Ведь реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства не предусматривает организационную составляющую производства предварительного расследования, в том числе и срок получения оригинала подписки не входит в разумный срок. В результате, данный механизм вполне приемлем для

функционирования в процессе предварительного расследования по уголовному делу.

Таким образом, исследованные особенности производства следственных действия путем использования систем видео-конференц-связи, как письменное поручение, система видео-конференц-связи, обязательность видеозаписи, подписка и приобщение документов представляют особую значимость и требуют повышенного внимания к их реализации, чтобы в результате обеспечить допустимость доказательства по уголовному делу.

Библиографический список

1. Вопросы организации предоставления доступа к информационным системам и ресурсам единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России : приказ МВД России от 1 декабря 2021 года № 961. Информационно-правовой портал «Гарант.ру».

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : письмо ФССП России от 20 января 2022 г. № 00043/22/12934-ВВ. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://fssp.gov.ru по состоянию на 19 сентября 2022 г.

3. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 5 октября 2023 г. по делу № 22-2582/2023. Приговор: Ст. 159 УК РФ (мошенничество) // Судебные решения РФ. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/78243477 (дата обращения: 18.01.2025).

3. Приговор Буйнакского районного суда Республики Дагестан от 27 октября 2022 г. № 1-123/2022. Обвинение: по ч. 1 ст. 222 УК РФ (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов). Приговор: Вынесен обвинительный приговор. URL: https://clck.ru/3GbuWX (дата обращения: 05.02.2025).

4. Балашова А. А. Особенности проведения допроса посредством видео-конференц-связи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2 (42). С. 5–9.

5. Маламагамедова А. Р. Проведение допроса с использованием систем видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования // Уголовное судопроизводство : современное состояние и стратегия развития : Международная научно-практическая конференция : сборник научных трудов. Москва, 17 ноября 2022 года. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 39–42.

6. Сумин А. А. Некоторые вопросы, связанные с цифровизацией материалов уголовного дела / А. А. Сумин, О. В. Химичева // Современные проблемы уголовного процесса : пути решения : сборник материалов 3-й Международной конференции. Уфа, 7 апреля 2022 года / под общей редак-

цией А. Ю. Терехова. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 253–258.

7. Угольникова Н. В., Шибаева Ю. Н. Некоторые вопросы использования видеоконференцсвязи при проведении судебных заседаний // Уголовное судопроизводство : современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов X ежегодной Всероссийской конференции. 26 ноября 2020 г. / сост. О. В. Химичева. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021.

8. Федюкина А. Ю. К вопросу о понятии и порядке использования видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования / А. Ю. Федюкина // Юридическая наука. 2023. № 10. С. 128–131.

9. Химичева О. В. Следственные действия : о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 170–174.

© Яковлева К. Ю., 2025

УДК 343.1

Якубина Ю. П. – доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Орел);
Михайлова А. В. – курсант 3 курса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF THE USE OF TECHNICAL MEANS DURING THE INTERROGATION OF MINOR VICTIMS, WITNESSES

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения технических средств при допросе несовершеннолетних лиц, а именно видеозаписи или киносъемки, рассматриваются правовые основания, а также проблемы их применения, по результатам чего с учетом мнений ученых-процессуалистов вырабатывается точка зрения авторов о возможных способах решения проблемы.

Abstract. The article examines the specifics of the use of technical means during the interrogation of minors, namely video recordings or filming, examines the legal grounds, as well as the problems of their use, as a result of which, taking into account the opinions of procedural scientists, the authors' point of view on possible ways to solve the problem is developed.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетний, видеозапись, киносъемка, уголовное судопроизводство, технические средства.

Keywords: interrogation, minor, video recording, filming, criminal proceedings, technical means.

Беспрекословное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение их реализации силами государства является неотъемлемым условием существования и функционирования правового государства. Для этого предусмотрены соответствующие полномочия и способы их реализации.

Определенную и весьма значительную роль в этом играет уголовно-правовая защита нарушенных прав личности, общества или государства, которая осуществляется в установленном порядке в случае, если противоправное посягательство приобрело общественно опасный характер, то есть перешло в разряд уголовно-наказуемых преступлений. В данном случае установлена ответственность и особенности привлечения к ней нормами материального права – в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], а также определены процессуальные особенности осуществления производства по уголовным делам, их документирования, расследования и принятия решения по существу – в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2].

Как известно, несовершеннолетние лица являются объектом особенной правовой защиты со стороны государства. Являясь важнейшим фактором в формировании будущего страны, ее успеха на различном уровне и благополучной жизни, с самого рождения принимается разнообразный спектр мер, направленных на поддержку детства, создание условий для адаптации детей к жизни в социуме, получения ими образования и их всестороннего развития. Интересы несовершеннолетних лиц выступают особым объектом уголовно-правовой защиты в контексте преступных посягательств. Наряду с этим значительное внимание уделяется формированию у детей законопослушного поведения и высокого уровня правосознания.

К сожалению, до настоящего времени не удалось искоренить преступные проявления, в которых так или иначе замешаны несовершеннолетние лица. Ежегодно такими лицами совершается примерно 25 тысяч преступлений, большинство из которых посягают на собственность. Еще более частыми являются преступные посягательства, совершенные в отношении несовершеннолетних. Показатели такой преступности превышает 100 тысяч преступлений ежегодно [3].

Особым правовым статусом, предполагающим повышенную защиту, обладают несовершеннолетние лица, участвующие в уголовном судопроизводстве. При этом не имеет существенной роли, за исключением отдельных особенностей, в качестве какого субъекта они принимают участие: со стороны обвинения или со стороны защиты. Это связано в первую очередь с тем, что лицо, которое не достигло совершеннолетия, в полном объеме ввиду своих психологических особенностей не может осознавать сущность участия в уголовном судопроизводстве и уж тем более в достаточной степени быть осведомленным о своих правах и обязанностях, на что обращает внимание в своих научных трудах К. И. Леонова [4]. Участие несовершеннолетних потерпевших, свидетелей в уголовном процессе в целом регламентируется нормами УПК РФ (за исключением глав 50 УПК РФ), которые будут рассмотрены далее.

Основным инструментарием при расследовании преступлений выступают следственные действия, в рамках которых происходит установление имеющих значение для дела обстоятельств. Следственные действия отдельных видов предполагают также тесный контакт с участниками уголовного судопроизводства, связанный, например, с их допросом, предъявлением для опознания и т. д. Порядок, основания и другие аспекты проведения следственных действий детально регламентированы в УПК РФ. Как было отмечено ранее, по отдельным следственным действиям осуществление их в отношении несовершеннолетних может иметь определенные особенности.

С развитием технологий неотъемлемым элементом при проведении следственных действий стала фиксация хода и результатов с использованием технических средств, включая видеозапись, фотографию и т. п. Это призвано повысить качество проведения следственных действия и расследования в целом, а также способствует принятию законного и обоснованного решения. Общее правило, согласно которому могут применяться технические средства при производстве следственных действий, закреплено в ч. 6 ст. 164 УПК РФ.

Применение технических средств дополнительно регламентируется и в контексте проведения некоторых следственных действий с участием несовершеннолетних. Более подробно данный вопрос был регламентирован в 2013 году (изменения вступили в законную силу в 2015 году). Изменения ст. 191 УПК РФ были направлены на дополнительную защиту и охрану прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Одним из нововведений стала ч. 5 ст. 191 УПК РФ, которая предусматривает обязанность органов предварительного расследования применять при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем видеозапись или киносъемку [5].

Осуществление видеозаписи или киносъемки при производстве допроса с участием несовершеннолетнего мотивирует следователя или доз-

навателя, а также и других участников судопроизводства к соблюдению установленных процессуальных и тактических правил, тем самым сводя к минимуму риски нарушения прав и законных интересов несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Кроме того, применение записи хода допроса позволяет зафиксировать поведение несовершеннолетнего и его реакцию, например, на задаваемые вопросы. В дальнейшем видеозапись можно использовать для консультации со специалистами о невербальных проявлениях, что может направить следователя или дознавателя и обратить их внимание на какие-либо детали. Как следствие, видеозапись зачастую исключает необходимость проведения повторных следственных действий, если требуется уточнить какие-то моменты, а также непосредственное участие несовершеннолетнего в судебном заседании, что является дополнительным стрессом для ребенка [6].

Несмотря на очевидные преимущества установленной необходимости применения видеозаписи или киносъемки при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних, многие ученые-процессуалисты, обращают внимание на содержащуюся в ч. 5 ст. 191 УПК РФ оговорку о том, что для применения видеозаписи или киносъемки необходимо, чтобы несовершеннолетний (его законный представитель) не возражали этому. Таким образом, в одной и той же норме УПК РФ содержатся фактически два положения, одно из которых указывает на ее обязательный характер, то есть необходимость безусловного выполнения содержащегося предписания, а другое – определяет условие, являющееся волеизъявлением, влияющим на возможность выполнения обязанности [7].

Как показывает судебная практика, данное положение понимается органами предварительного расследования по-разному, а также получает неоднозначную оценку со стороны судебных органов.

Например, несмотря на то, что в ч. 5 ст. 191 УПК РФ фактически содержится обязанность следователя или дознавателя применить видеозапись или киносъемку при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего, Верховный Суд РФ признал, что возражение несовершеннолетнего исключает возможность применения в отношении него технических средств в данном случае [8].

Имеет место позиция Первого кассационного суда общей юрисдикции, который в 2021 году определил, что предупреждение несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний является достаточным средством обеспечения законности при производстве следственных действий, в этой связи даже в случае его отказа от проведения видеозаписи не имеется оснований сомневаться в объективности зафиксированных в протоколе допроса показаний [9].

Как мы видим, норма, касающаяся применения технических средств видеозаписи и киносъемки при производстве в отношении несовершеннолетних лиц, которые являются жертвами или очевидцами преступления,

следственных действий, носит неоднозначный характер. Это не исключает злоупотребления соответствующей нормой. Приведенный пример обоснования суда возможности неприменения записи, безусловно, в определенной мере способствует объективному установлению обстоятельств, однако не позволяет исключить возможное нарушение прав и законных интересов несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, допущения в отношении него неправомерного давления или даже некорректного поведения, которое может отрицательно повлиять на развитие и психику ребенка.

Поэтому мы считаем, что необходимо исключение такого неоднозначного понимания, например, путем исключения их ч. 5 ст. 191 УПК РФ необходимости получения согласия несовершеннолетнего или его законного представителя. Применение видеозаписи процесса следственного действия не может оказать самостоятельного влияния на ребенка, а лишь является обеспечивающим по сути своей действием, предпринимаемым «на фоне». При этом данное условие значительно способно повысить эффективность расследования и защитить права и законные интересы несовершеннолетнего лица.

Таким образом, несовершеннолетние лица, как объекты особой правовой защиты со стороны государства, обладают соответствующим особенным статусом при участии в уголовном процессе, независимо от того, в какой роли они там выступают. Как нами установлено, одним из эффективных способов обеспечения защиты несовершеннолетних является обязательное применение видеозаписи или киносъемки при производстве допроса, что установлено в ч. 5 ст. 191 УПК РФ. Для более эффективного применения данной нормы считаем необходимым исключить неоднозначное понимание, например, указав, что применение записи обязательно в любом случае, независимо от согласия несовершеннолетнего. Достаточно только его уведомления о факте применения средств видеозаписи или киносъемки.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. В России зафиксировали снижение уровня преступлений, за исключением мошенничеств. URL: https://tass.ru/obschestvo/19669923. (дата обращения: 29.03.2025).

4. Леонова К. И. Применение видеозаписи и киносъемки при производстве следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим и

свидетелем // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 203–212.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Николюк В. В., Судницын А. Б. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть первая) // Общество и право. 2021. № 4. С. 50–58.

7. Кальницкий В. В., Овчинникова М. М. Видеозапись следователем (дознавателем) показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Законодательство и практика. 2016. № 3. С. 77–83.

8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 8-АПУ16-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2021 г. № 77-3695/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Якубина Ю. П. 2025
© Михайлова А. В., 2025